РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

В номере:

Основан в марте 1957 года

Выходит 6 раз в год

МОСКВА

ГАУГН-ПРЕСС

3

май июнь 2019

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Адрес редакции

117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: В.Е. Попков. Вдовы (1966)

Население России в 1939—1945 гг.

Валентина Жиромская, Владимир Исупов, Геннадий Корнилов

The population of Russia in 1939—1945

Valentina Zhiromskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow),
Vladimir Isupov (Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk),
Gennadiy Kornilov (Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)

DOI: 10.31857/S086956870005112-4

Динамика численности населения в годы Великой Отечественной войны представляет большой интерес для исторической демографии. Сопоставление показателей на 1941 и 1945 гг. позволяет определить понесённые потери. Эти же цифры лежат в основе оценок естественного движения населения: без них невозможно рассчитать общие коэффициенты рождаемости, брачности, смертности. Кроме того, в военные годы сведения о людских ресурсах использовались для определения мобилизационных возможностей страны.

Несмотря на очевидную научную и практическую значимость проблемы, а также на растущий интерес к исторической демографии, до настоящего времени так и не выяснено, как менялось количество жителей Советского Союза в изучаемый период. Один из ведущих отечественных демографов Л.Л. Рыбаковский привёл в своём исследовании 11 оценок, которые колеблются в диапазоне от 194,1 млн до 200,1 млн человек на середину 1941 г. На начало 1946 г. существует 6 оценок: от 167 до 170,6 млн человек[1]. Ещё меньше мы знаем о том, сколько проживало в РСФСР. В книге Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковой опубликованы оценки на начало 1939, 1940, 1941 и 1946 гг.[2] Однако погодовые изменения численности между 1941 и 1945 гг. так и не выяснены. Сегодня единственной работой, в которой поставлен этот вопрос, является коллективная многотомная монография сотрудников Российской академии наук «Население России в XX веке»[3].

Цифры на начало и конец войны интересуют исследователей прежде всего постольку, поскольку этот вопрос тесно связан со сложной проблемой определения масштабов людских потерь. Дискуссия на эту тему продолжается до сих пор. Одну из самых высоких оценок потерь озвучил Б.В. Соколов, который утверждал, что между 22 июня 1941 г. и 1 января 1946 г. численность населения

[1] *Рыбаковский Л.Л.* Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне (URL: http://rybakovsky.ru/demografia4.html).

[2] *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Демографическая история России: 1927—1957 (URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk.html).

[3] Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940—1959 / Под ред. Ю.А. Полякова, В.Б. Жиромской. М., 2001 (далее в этой рубрике — Население России в XX веке... Т. 2).

страны сократилась с 209,3 млн до 167, т.е. на фантастические 42,3 млн человек[4]. В феврале 2017 г. В.Н. Земцов оценил общую убыль в 52,8 млн, из них безвозвратные потери составили более 19 млн военнослужащих и около 23 млн гражданских[5]. Первой реакцией на эту публикацию было возражение английского историка М. Харрисона: «Новая цифра не имеет оснований... война унесла 26—27 миллионов человек»[6]. В.Б. Жиромская также придерживается оценки убыли военных лет в 27 млн: 9,1 млн военнослужащих (в соответствии с цифрами Г.Ф. Кривошеева) и 18 млн гражданских. Сюда не включено «демографическое эхо» войны. В конце 2017 г. озвучены предварительные оценки численности населения России и других союзных республик в 1939—1945 гг.[7], которые, впрочем, нуждаются в уточнении. Однако в целом к настоящему времени исследователи с приемлемой степенью достоверности рассчитали погодовые параметры количества жителей отдельных регионов РСФСР[8].

В настоящей статье представилась возможность дать более точные оценки, которые базируются на материалах ЦСУ СССР военных и послевоенных лет. Цель — рассмотреть имеющийся корпус источников историко-демографического характера, учесть в исчислениях особенности их формирования и погрешности учёта, по возможности заполнить лакуны.

Причин недостаточной исследованности проблемы немало. Одна из главных — состояние источниковой базы. Численность и состав населения определяются на основе переписей. В межпереписные периоды они устанавливаются расчётным путём (к данным последней переписи прибавляются родившиеся и прибывшие, также из них вычитаются умершие и выбывшие). Сложность в том, что для исследуемого периода точных данных обо всех слагаемых расчёта недостаточно.

Прежде всего укажем на фальсификацию в сторону завышения данных Всесоюзной переписи населения 1939 г., материалы которой являются отправной точкой расчётов количества жителей СССР на начало Великой Отечественной войны[9]. На основании опубликованных в 1990 г. двух секретных писем начальника Центрального управления народно-хозяйственного учёта (ЦУНХУ) И.В. Саутина от 10 февраля 1939 г. и письма Саутина и председателя

[4] *Соколов Б.В.* Цена войны: людские потери СССР и Германии, 1939—1945 гг. // Тайны Второй мировой. М., 2000. С. 241.

[5] Вечерняя Москва. 2017. 19 февраля.

[6] *Harrison M.* Counting the Soviet Unions War Dead: Still 26—27 Million (URL: https://www.academia.edu/33190310/Counting_the_Soviet_Unions_War_Dead_Still_26-27_Million).

[7] *Исупов В.А.*, *Корнилов Г.Е.* Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939—1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 46—53.

[8] *Ткачёва Г.А.* Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Владивосток, 2010; *Корнилов Г.Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; *Исупов В.А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991; *Безносова Н.П.* Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Сыктывкар, 2003; *Уваров С.Н.* Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект. Ижевск, 2014; *Сивцева С.И.* Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941—1945 гг.). Якутск, 2000; *Чернышёва Н.В.* Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров, 2012; *Бельков А.В.*, *Заболотская К.А.* Очерки по истории населения Кузбасса в новейший период отечественной истории. Кемерово, 2015; *Сакаев В.Т.*, *Телишев В.Ф.* Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демографические аспекты. Казань, 2015; и др.

[9] *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

Госплана СССР Н.А. Вознесенского от 21 марта того же года, адресатом которых был И.В. Сталин, известно, что подлинный результат переписи — 167,3 млн человек (включая данные спецпереписей наркоматов обороны и внутренних дел). Расхождение с официальным итогом составило 3,2 млн. Всё ли это число можно отнести к необоснованной приписке? Нет. Прежде всего имело место оправданное добавление 0,2% (0,3 млн), предложенное сотрудниками НИИ ЦСУ[10] по результатам сопоставления данных переписи 1939 г. с результатами, полученными в 1937 г., и текущей статистикой. Эта поправка была связана с традиционным у некоторых этносов сокрытием малолетних детей и несовершеннолетних жён. С учётом этого численность населения СССР на январь 1939 г. составила 167,6 млн человек, а преднамеренная фальсификация — 1,7%, или 2,9 млн. Общий коэффициент коснулся и населения РСФСР: его сумма составляет 2,5 млн человек, а за вычетом заключённых и военнослужащих, перераспределенных внутри России, — 1,7 млн. Что касается оправданной приписки, то для Российской Федерации она составила 0,1% (около 100 тыс. человек), поскольку в ней указанные явления отмечались значительно реже, чем по СССР в целом. Таким образом, по переписи 1939 г. население РСФСР составляло 109,4 млн, а после снятия неоправданной приписки — 107,8 млн человек[11].

По отдельным регионам России и СССР приписка являлась трёхслойной. Первый её элемент — добавка к общему итогу, распределённая по всем районам и населённым пунктам. Второй — перераспределение переписных листов на заключённых, третий — на военнослужащих. Архивы позволили установить адреса их перераспределения по всем районам. Учитывая это, В.Б. Жиромская рассчитала подлинную численность населения всех районов и автономий РСФСР в 1939 г. По её мнению, средняя величина добавлений составила 2,1%, однако в районах, понёсших большие потери в период голода 1932—1934 гг., процент резко повышался — от 2,4 до 10,4. Приписки активнее делались к численности мужского населения, нежели женского: соответственно 2,8 и 1%.

Большую трудность создаёт то, что в распоряжении историков нет достаточно полных и достоверных сведений о родившихся и умерших. И это несмотря на то что к концу 1930-х — началу 1940-х гг. после ряда строгих мер утвердилась единая система учёта естественного движения населения. Первичный сбор сведений о числе рождений и смертей в городах проводили отделы ЗАГС, в сельской местности и рабочих поселках их функции выполняли сельские и поселковые советы. Каждый гражданин был обязан самостоятельно явиться и зарегистрировать рождение ребенка или смерть родственника. По истечении каждого месяца районные ЗАГСы, с 1935 г. функционировавшие на правах отделов НКВД, составляли ведомость регистрации актов гражданского состояния в двух экземплярах. Один экземпляр направлялся в ЗАГС областного (краевого, республиканского) управления НКВД, второй — районному инспектору ЦСУ, который после проверки сведений адресовал их в областные (краевые, республиканские) статистические управления, откуда они (после суммирования данных по области, краю или автономной республике) поступали в ЦСУ. Таким образом, осуществлялся двойной счёт, но расчёты зависели от работы конкретного отдела.

---

[10] Научно-исследовательский институт по проектированию вычислительных центров и систем экономической информации Центрального статистического управления СССР.

[11] *Жиромская В.Б.* Демографическая история России... С. 49.

К концу 1930-х гг. органы учёта появились практически на всей территории РСФСР. Но полный охват населения не означал, что регистрировались все демографические события. Первичные записи оказывались неполными из-за того, что не всегда граждане являлись для фиксации рождений и смертей. Особенно это касалось регистрации случаев смерти в сельской местности, поскольку там не практиковалась выдача разрешений на похороны, а погребение проводилось в соответствии с местными традициями и сопровождалось отправлением религиозного обряда. В итоге формировалась погрешность. В 1940 г. коэффициент недоучёта в РСФСР составлял по родившимся — 4%, по умершим — 11%[12].

Но особо значительная погрешность допускалась при определении масштабов механического прироста населения. Первичными документами статистики миграционного движения в РСФСР являлись адресные листы и прилагавшиеся к ним отрывные талоны. Они заполнялись при прописке и выписке паспортов домоуправлениями, комендантами общежитий и другими ответственными лицами и передавались в паспортные столы милиции. Последние предоставляли талоны инспекторам ЦСУ, которые после обработки данных по району передавали материалы в областные, краевые и республиканские статуправления. Те, в свою очередь, направляли сведения о количестве прибывших и выбывших в ЦСУ, где выводились обобщённые сведения по стране.

Но на деле фиксация проводилась с пропусками. Колхозники были лишены паспортов, не выдавались они и единоличникам. Таким образом, перемещения значительной части сельского населения не регистрировались. Кроме того, имевшие паспорта не всегда оформляли прописку или выписку. Многим из них отказывали органы милиции, и они были вынуждены проживать в городах нелегально. Ещё в начале 1941 г. начальник отдела демографии ЦСУ СССР И.Ю. Писарев отмечал, что прописка производится не полностью, кроме того, наблюдается значительная «недовыписка», что ведёт к преувеличению прироста городского населения[13]. С началом войны, когда в тыловые города хлынул многомиллионный поток беженцев, неразбериха усилилась. В письме от 26 августа 1941 г., адресованном начальникам территориальных статуправлений, Писарев отмечал: «Наибольшие трудности связаны с исчислением механического движения населения. При этом расчёте ни в коем случае не следует без критики принимать отчётные цифры, так как материалы милиции о прописке и выписке могут оказаться неточными»[14]. Затрудняло выявление размеров механического прироста населения распоряжение Главного управления милиции от 24 ноября 1941 г., отменившее заполнение отрывных талонов на эвакуированных[15].

Сбой в работе органов статистики обусловливался территориальными перемещениями миллионов людей (эвакуация, мобилизации и т.д.), значительным повышением смертности, изменениями границ учёта в связи с оккупацией западных территорий страны. Отдельные учреждения временно прекратили работу в связи с переездом на восток. Только 31 декабря 1941 г. последовало распоряжение начальника ЦСУ СССР В.Н. Старовского о преодолении беспорядка в учёте. Адресованное руководителям региональных статуправлений,

---

[12] *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Демографическая история России...

[13] Указания к составлению предварительного расчёта общей численности населения на 1 января 1941 г. (РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 239, л. 84—85).

[14] Там же, л. 137.

[15] Там же, оп. 329, д. 1025, л. 18.

оно устанавливало сроки предоставления оперативной группе ЦСУ, эвакуированной в Куйбышев, важнейшей информации. Строго предписывалось 1—5 числа каждого месяца телеграфно направлять предварительный расчёт численности населения. Не позднее 20 числа каждого месяца необходимо было почтовым отправлением сообщить уточнённый расчёт[16]. Этим сведениям придавалось особое значение. «Работа по статистике населения должна стать одной из основных в работе областных (краевых, республиканских) статуправлений», — писал Старовский 7 февраля 1942 г.[17] Подчёркивая важность ежемесячных расчётов, Писарев, ставший к тому времени заместителем главы ЦСУ, в письме от 15 июня 1943 г. подчёркивал: «Расчёты должны обязательно детально проверяться начальником статистического управления и должны представляться в вышестоящие статистические управления за подписью начальника»[18].

Власти принимали строгие меры для улучшения учёта. Так, в 1943 г. было восстановлено заполнение отрывных листков на эвакуированных[19]. Аккуратнее относиться к оформлению прописки вынуждало введение карточной системы, так как от этого зависело получение продуктовых карточек. Важную роль играло распределение эвакуированных, направляемых на подселение в жилые помещения. Во избежание перенаселённости граждане должны были строже соблюдать правила. Большое значение имело ужесточение паспортного контроля. Органы милиции организовывали контрольные обходы жилищ и даже облавы в местах скопления людей, проверяя паспорта и выявляя граждан, проживавших без прописки. Нарушение паспортного режима считалось уголовным преступлением и каралось по ч. 1 ст. 192-а УК РСФСР. Перечисленные меры несколько улучшили состояние учёта, но кардинально исправить ситуацию не смогли. До самого конца войны регистрация механического движения населения велась со значительными погрешностями.

Вместе с тем появились дополнительные методы учёта, которые давали статистикам возможность сократить величину ошибок. В сельской местности опорными были данные похозяйственного учёта, проводившегося сельсоветами. В специальных книгах фиксировались колхозники, рабочие, служащие, кооперированные и некооперированные кустари, единоличники и др. Учитывались воспитанники сельских детских домов и пансионеры домов инвалидов. С января 1943 г. фиксировались и временно проживавшие, в их числе отдельно отмечались эвакуированные. Книги заполнялись секретарями сельсоветов в ходе подворных обходов, которые осуществлялись два раза в год — 1 января и 1 июля. В сущности, проводилась своего рода микроперепись, дававшая приемлемые сведения[20]. На основании указания заместителя председателя СНК СССР В.М. Молотова Старовский 21 ноября 1942 г. издал приказ, согласно которому статистикам с 1 января 1943 г. разрешалось использовать материалы сельсоветского учёта для определения количества жителей как по стране в целом, так и по её отдельным регионам. Этим же приказом утверждалась форма «С»: «Единовременный отчёт о возрастном и половом составе

[16] Там же, оп. 20, д. 239, л. 177.

[17] Там же, д. 340, л. 34.

[18] Там же, д. 404, л. 19.

[19] Указания районному (городскому) инспектору ЦСУ Госплана СССР по организации и ведению статистической работы в районе (городе). М., 1943. С. 39.

[20] Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. М.; Куйбышев, 1943. С. 205—206; Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. М., 1945. С. 260—262.

сельского населения»[21]. Таким образом, статистики значительно расширили информационную базу по учёту сельского населения.

В городских поселениях учёт имел свои особенности. Здесь сильной стороной оказалась регулярная сверка с данными карточных бюро. С 1 января 1943 г., с целью упорядочить выдачу продкарточек и пресечь злоупотребления, вводились индивидуальные стандартные справки. Лица, не оформившие их, лишались карточек. Статистики учитывали и группы, которые не получали карточек, но состояли на гособеспечении: детей в детских домах, инвалидов, граждан, находившихся в больницах, и т.д. Сведения о них предоставляли руководители этих учреждений. Таким образом, с начала 1943 г. учёт в городах не только улучшился, но и стал тотальным.

Большие трудности для расчётов численности населения страны представляли изменения её внешних границ. В отличие от Советского Союза в целом, чьи внешние границы после 17 сентября 1939 г. заметно расширились, изменения границ РСФСР в 1939 — июне 1941 г. были незначительны. Но после начала войны из сферы контроля органов советской статистики выпали оккупированные регионы. Если в 1940 г. учёт в РСФСР охватывал 108,8 млн человек[22], то к декабрю 1941 г. на неоккупированной территории осталось приблизительно 73 млн[23]. Через год, к декабрю 1942 г., эта цифра сократилась до 68 млн[24]. В последующем наступление Красной армии, напротив, расширяло учётные территории, где работа статорганов возрождалась в соответствии с постановлением СНК СССР от 4 марта 1943 г. «О восстановлении учёта и отчётности в районах, освобождённых от немецко-фашистских оккупантов»[25]. В декабре 1943 г. в РСФСР контролировалось примерно 76 млн человек[26].

Для расчётов численности населения большое значение имели частые изменения административно-территориального деления. Их требовалось учитывать обязательно, поскольку в военные годы происходило дробление крупных регионов. Так, в 1940 г. в РСФСР имелось 52 единицы управления (36 краёв и областей и 16 автономных республик), а в 1945 г. — уже 73 (61 край и области и 12 автономных республик)[27]. Яркий пример — Новосибирская обл., из состава которой в военные годы были выделены Кемеровская и Томская области. И если в границах довоенных лет её площадь составляла 582 тыс. км^2, то в конце войны — немногим более 178 тыс.[28]

На соотношение численности горожан и селян большое воздействие оказывали административный перевод некоторых сельских населённых пунктов в городские, создание новых городов и рабочих посёлков, потеря некоторыми городскими поселениями своего статуса. В 1942—1945 гг. в СССР (без присоединённых в 1939—1940 гг. территорий) появилось 73 города и 265 посёлков городского типа. Из 73 новых городов 59 ранее являлись посёлками городского типа, 10 стали городами непосредственно из сельских населённых пунктов,

---

[21] РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 314, л. 13.
[22] Там же, оп. 329, д. 402, л. 57.
[23] Там же, д. 553, л. 1
[24] Там же, д. 794, л. 4.
[25] Материалы и указания по организации учёта и статистики в областях и районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов. М., 1944. С. 3.
[26] РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 796, л. 159.
[27] РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1940 г. М., 1940. С. 7; РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1945 г. М., 1945. С. 10.
[28] *Исупов В.А.* Городское население Сибири... С. 9.

4 возникли «на пустом месте». В годы войны 20 посёлков городского типа слились с городами в результате расширения территории последних, 1 город был преобразован в посёлок городского типа, а 6 таких посёлков «разжалованы» в сельские поселения[29].

Для контроля над административно-территориальным устройством статистики вели специальную картотеку. Туда заносились изменения, влиявшие на увеличение или уменьшение числа жителей или на баланс городского и сельского населения в районах, областях, краях, республиках[30]. От тщательности ведения картотеки зависело многое и, учитывая важность работы, в отделе демографии ЦСУ в 1944 г. разработали на этот счёт специальные инструктивные указания[31].

В итоге к 1943 г. сложилась матрица, на основании которой велись ежемесячные расчёты заселённости отдельных регионов. Применяя её, местные статистики получали приемлемые сведения. Затем материалы передавались в центральные статорганы для получения сводных данных по стране. Приведём образец расчёта количества жителей тылового района РСФСР на 1 января 1944 г.[32]

I. Форма «Н»: расчёт на основе текущей регистрации естественного и механического движения населения

	Городское	Сельское	Всего
1. Численность населения на 1 декабря 1943 г.	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
2. Естественный прирост за декабрь	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
3. Прибыло за декабрь	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
4. Выбыло за декабрь	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
5. Изменения за счёт административно-территориальных преобразований	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
6. Численность населения на 1 января 1944 г. В том числе прибывшие по эвакуации	тыс. чел. тыс. чел.	тыс. чел. тыс. чел.	тыс. чел. тыс. чел.

II. Вспомогательный расчёт городского населения на основе индивидуальных стандартных справок для получения хлебных карточек

А. Число всех выданных за январь хлебных карточек.

Б. Число карточек, выданных лицам, которые не должны входить в численность наличного городского населения (минус).

В. Число городских жителей, не получающих хлебных карточек (плюс).

Г. Численность наличного городского населения на 1 января (после сверки с данными формы «Н») — тыс. человек.

---

[29] *Константинов О.А.* Новые городские поселения СССР периода Великой Отечественной войны // Научные записки Ленинградского университета. Вып. 12. Л., 1956. С. 76—78.

[30] РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 189, л. 1.

[31] Там же, д. 471, л. 27.

[32] Там же, д. 479, л. 9.

III. Форма «Р» (итоговая). Численность городского и сельского населения

	Число наличных хозяйств (по данным сельсоветского учёта)	Численность населения (итоговая)
I. Городское	Х	тыс. чел.
II. Сельское	тыс.	тыс. чел.
а) колхозники	тыс.	тыс. чел.
б) единоличники	тыс.	тыс. чел.
в) другие группы	тыс.	тыс. чел.
Итого сельское население	тыс.	тыс. чел.
Всего (I + II)	Х	тыс. чел.

Изучив архивные документы ЦУНХУ (с марта 1941 г. — ЦСУ) СССР, мы пришли к выводу, что, несмотря на проблемы с сопоставимостью данных и наличием погрешностей при учёте, сведения за 1940—1945 гг. имеют достаточную степень достоверности. Таким образом, в распоряжении историков — динамика численности населения РСФСР и отдельных её регионов в годы Второй мировой войны. По освобождённым от неоправданных приписок итогам Всесоюзной переписи население РСФСР насчитывало в январе 1939 г. 107,8 млн человек[33]. Но 31 марта 1940 г. Карельская АССР получила статус союзной республики. В границах, сопоставимых с границами на 31 марта 1940 г., в России в январе 1939 г. проживало бы 107,3 млн человек. На базе этих данных работники ЦСУ СССР провели расчёты количества жителей на начало 1940 и 1941 гг. (см. табл. 1).

По расчётам Андреева, Дарского и Харьковой, население РСФСР на начало 1940 г. составляло 109,7 млн, а на начало 1941 г. — 111 млн человек[34]. Стоит отметить, что современные оценки, даже при наличии более или менее существенных уточнений, вполне согласуются с оценками статистиков начала 1940-х гг. Получить цифры такой степени точности в условиях неполной регистрации демографических событий — большое достижение статистической науки тех лет. Однако в настоящее время необходимо внести коррекцию в интервале 0,9—1,4% в сторону уменьшения представленных данных.

Ещё в годы войны работники центральных статистических органов, имея в виду изменения территориально-административного деления, проделали несколько пересчётов. Согласно оценке, произведённой в конце 1943 г., население РСФСР на начало 1941 г. составляло 111,5 млн человек[35]. При переоценке 1945 г. — 111,7 млн[36]. Основная причина изменений — более детальный учёт миграционных перемещений.

Но если оценки численности населения РСФСР на начало и конец Второй мировой войны сопоставимы, то обнаруженные нами данные за 1942—1944 гг. друг с другом не соотносятся. Во-первых, из-за того что в цифры по переписи 1939 г. и расчётам на 1940 и 1941 гг. включалась численность вооружённых сил, военнослужащих в госпиталях, а также спецконтингент. В 1942—1945 гг.

[33] Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 23.
[34] *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Демографическая история России...
[35] РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1452, л. 111.
[36] Там же, д. 2219, л. 119.

Таблица 1

Динамика численности населения РСФСР в годы Второй мировой войны в оценках ЦСУ СССР на основе данных региональных статистических управлений (*тыс. человек*)

Дата	Оценки ЦСУ СССР			Оценки с учётом коррекции данных		
	городское	сельское	всего	городское	сельское	всего
1 января 1940 г.*	38 298,1	72 193,1	110 491,2	37 915	71 471,1	109 386,1
1 января 1941 г.*	39 272,5	72 266,9	111 539,4	38 879,8	71 544,2	110 424
1 января 1942 г.**	33 620,2	57 159,9	91 159,9	33 284	56 588,3	89 872,3
1 января 1943 г.**	28 833,2	49 791,8	78 625	28 544,9	49 293,9	77 838,8
1 января 1945 г. **	34 324	55 992	90 316	33 977,8	55 432,1	89 409,9
1 мая 1945 г.**	34 905,5	53 068	87 973,5	34 556,4	52 537,3	87 093,7
1 сентября 1945 г.**	35 387	53 326	88 713	35 033,1	52 792,7	87 825,8

Подсчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 564, л. 2 об., 31—31 об., 60 об.; оп. 329, д. 391, л. 40; д. 406, л. 113; оп. 329, д. 1452, л. 17, 18, 111, 112; д. 2219, л. 119, 120, 121.

* В сопоставимых границах РСФСР 1941 г., включая армию, госпитали и спецконтингент.

** Без оккупированных территорий, армии, госпиталей и спецконтингента.

эти группы учитывались отдельно как «нераспределённые по территории», а в документах стоит пометка: «Без армии, госпиталей и спецконтингента». Во-вторых, статистики сталкивались с очевидной несопоставимостью данных в территориальном аспекте, так как учётные территории в связи с оккупацией быстро и значительно менялись.

В 1945 г. статистики (очевидно, с целью установить потери военных лет) ещё раз вернулись к расчётам численности населения на начало и конец войны. На этот раз были приняты во внимание лица, нераспределённые по территории (за исключением депортированных в Германию). Из результатов следует, что население в указанные годы сократилось на 27,9 млн человек (см. табл. 2). Это очень приблизительные оценки.

Как уже говорилось, погодовые данные численности населения РСФСР за 1941—1945 гг. имеют трудности при сопоставлении. Кроме того, следует учитывать, что точно определить количество военнослужащих, солдат и офицеров в госпиталях и спецконтингента, дислоцированных на территории собственно РСФСР в 1941—1945 гг., не представляется возможным. В этих условиях мы предлагаем оценочный расчёт по отдельным регионам республики (см. табл. 3).

Во всех без исключения регионах видна убыль населения. Особенно сильно пострадали Север и Северо-Запад (включая Ленинград), Центр (включая Москву), Центральное Черноземье, а также Юг, которые были зоной военных действий, подверглись полной или частичной оккупации. Их жители бежали на восток или пострадали от геноцида, репрессий оккупационных властей, высокой смертности от тяжёлых условий жизни, голода и болезней.

Мы располагаем расчётами ЦСУ СССР, которые конкретизируют число людских потерь в регионах, подвергшихся оккупации (см. табл. 4).

Население городов, оказавшихся в районах боевых действий, резко сократилось. На начало января 1941 г. в Ленинграде проживало 3 155 тыс. человек.

Таблица 2

Численность населения СССР и РСФСР по оценке ЦСУ СССР (*тыс. человек*)

Территория	1 января 1941 г.			1 января 1945 г.*		
	городское	сельское	всего	городское	сельское	всего
СССР	65 304	133 284	198 588	51 961	102 676	170 637*
РСФСР	39 304	72 441	111 745	34 992	55 992	90 316**

Подсчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2219, л. 119.

* В том числе не распределено по территории 16 млн человек.

** Без нераспределённых по территории.

В годы войны город испытал настоящую демографическую катастрофу: к 1 января 1942 г. его население сократилось до 1 900 тыс. человек, к 1 января 1943 г. — до 690 тыс. Накануне снятия блокады (начало января 1944 г.) в нём оставалось (без армии, госпиталей и спецконтингента) лишь 558 тыс. человек, т.е. убыль оказалась почти шестикратной. Впрочем, к концу войны в Ленинграде проживало уже 1 027 тыс. человек.

Уменьшилась в первые военные годы населённость ранее быстро растущей Москвы. Значительная часть жителей столичного региона была эвакуирована в тыл. К 1 января 1942 г. в самом городе оставалось всего 2 361,5 тыс. человек[37]. После разгрома немецко-фашистских войск его население начало быстро восстанавливаться, и на 1 января 1943 г. насчитывалось уже 2 743,6 тыс. жителей (см. табл. 3).

Диаграммы (рис. 1, 2, 3) демонстрируют соотношение численности населения по областям, краям и автономным республикам РСФСР по состоянию на 1 января 1945 г. относительно 1 января 1941 г. В тех тыловых регионах, которые превратились в крупные центры военного производства, численность горожан выросла. Туда переместились промышленные предприятия, в первую очередь оборонного значения, часть квалифицированных рабочих и ИТР. Персонал заводов в ходе трудовых мобилизаций и стихийных миграций пополнялся сельской молодёжью. Население росло и за счёт эвакуированных и беженцев. В 1941—1943 гг. восточные районы в ходе эвакуации приняли около 6 млн граждан[38]. Вместе с тем темпы роста численности горожан в военные годы по сравнению с мирным периодом заметно сократились даже в индустриальных центрах. Причиной тому стали воинские мобилизации и отрицательный естественный прирост населения.

Но если города испытывали демографический кризис, то деревня, которая вынесла на своих плечах непомерную тяжесть войны, пережила подлинную демографическую катастрофу. Её население, являвшееся главным источником людских ресурсов для военной и трудовой мобилизации, заметно сократилось. Изменился возрастной и половой состав, в котором резко выросла доля женщин, детей и мужчин пожилого и престарелого возраста. Сокращение и изменение демографической структуры села наблюдалось во всех областях и республиках РСФСР, его демографический потенциал оказался существенно подорван. Необходимо отметить, что общая численность населения сократилась во всех без исключений союзных республиках, но особенно значительно — в тех из них, где проходили боевые действия и которые находились в оккупации.

[37] РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1452, л. 111, 168.

[38] *Корнилов Г.Е.* Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 115.

Таблица 3

Динамика численности населения отдельных территорий РСФСР (оценка ЦСУ СССР, *тыс. человек*)*

Экономический район**	1 января 1941 г.			1 января 1943 г.***			1 мая 1945 г.		
	городское	сельское	всего	городское	сельское	всего	городское	сельское	всего
Север и Северо-Запад	5 209,5	4 906,3	10 115,8	860,1	2 205,8	3 065,9	73,2	3 016,9	5 290,1
в том числе Ленинград	3 155	—	3 155	690	—	690	1 027	—	1 027
Центр	12 031,3	19 165,7	31 197	5 108,4	9 828,8	14 937,2	9 687,1	13 984,6	23 671,7
в том числе Москва	4 357,8	—	4 357,8	2 743,6	—	2 743,6	3 361	—	3 361
Центрально-Чернозёмный район	995,2	4 345,4	5 340,6	283	1 273,2	1 557	801,8	3 234,3	4 036,1
Волго-Вятский район	1 987,2	7 033,2	9 020,4	2 223,4	6 398,3	8 621,7	2 206	4 937	7 143
Поволжье	3 752	9 311,7	13 063,7	3 332,2	6 653	9 985,2	3 795	7 004,9	10 799,9
Юг (Северный Кавказ)	3 240,2	7 443,1	10 683,3	563,5	1 437,1	2 000,6	2 392,5	5 253,7	7 646,2
Крымская АССР	614,1	566,1	1 180,2	—	—	—	264,3	305,5	569,8
Урал	5 236,3	8 736,1	13 972,4	6 611,4	8 750,1	15 361,5	6 360,2	6 534,3	12 894,5
Сибирь	4 814	9 709	14 523	5 494,5	9 105,4	14 599,9	5 520,8	7 566,9	13 087,7
Дальний Восток	1 539,5	1 621,7	3 161,2	1 577,5	1 528,2	3 105,7	1 604,6	1 229,6	2 834,2

Подсчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 241, л. 53—54 об.; оп. 329, д. 2219, л. 119—122.
* По административно-территориальному устройству 1945 г.
** Экономическое районирование 1945 г.
*** Без районов, подвергшихся оккупации.

Таблица 4

Численность населения территорий РСФСР, находившихся под оккупацией (*тыс. человек*)*

I. Оккупированные полностью

Территория	1 января 1941 г.	1 января 1944 г.	1944 г. в % к 1941 г.
Ростовская обл.	2 979,2	2 177,6	73,1
Ставропольский край	1 758,8	1 345,7	76,5
Курская обл.	2 958,9	2 376,9	80,3
Орловская обл.	1 663,1	1 135,8	68,3
Смоленская обл.	1 942,8	1 025,4	52,8
Крымская обл.	1 180,2	484**	41,0
Кабардинская АССР***	367,2	314,6	85,7
Брянская обл.	1 790,8	1 187,9	66,3
Великолукская обл.	1 031,4	324,9	31,5
Псковская обл.	784,6	290,6**	37,0

II. Оккупированные частично

Территория	1 января 1941 г.		1 января 1944 г.		1944 г. в % к 1941 г.	
	всего	в оккуп. районах	всего	в оккуп. районах	всего	в оккуп. районах
Воронежская обл.	3 513,3	2 158,4	2 558	900,9	72,8	41,7
Тульская обл.	1 628	1 322,2	1 190,1	794,5	73,1	60,1
Сталинградская обл.	1 879,8	276	1 322	199	70,3	72,1
Астраханская обл.	784,8	58,6	564,5	18,5	71,9	31,6
Краснодарский край	3 239,9	3 055,9	2 399,9	2 286,1	74,1	74,8
Московская обл.	5 387,4	1 796,2	3 807,4	1 202,7	70,7	67
Ленинградская обл.	1 547,3	1 098,2	213,3	55,8	13,8	5,1
Новгородская обл.	1 165,5	473,3	391,8	72,6	33,6	15,3
Калининская обл.	2 156,1	900,7	1 572,7	499,5	72,9	55,5
Северо-Осетинская АССР	496,7	194,2	413,8	170,4	83,3	87,7
Грозненская обл.	644	86	481,7	49,2	74,8	57,2

Подсчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 564, л. 9—10.
* Ориентировочные расчёты ЦСУ СССР в административных границах на начало 1945 г.
** На 1 июля 1944 г.
*** Без территории компактного проживания балкарцев.

К началу 1945 г. убыль отмечалась: в Карело-Финской ССР — на 371 тыс. (67,7%); Латвии — на 787 тыс. (41%); Украине — на 13 300 тыс. (32,5%); Белоруссии — на 2 774 тыс. (29,8%); Молдавии — на 528 тыс. (20,8%); Эстонии — на 210 тыс. (19,8%); Литве — на 597 тыс. (19,7%); РСФСР — на 21 429 тыс. (19,2%).

Представленные в статье данные позволяют восстановить динамику численности населения в военные годы в России в целом и ряде её регионов. Война оказала воздействие на все стороны жизни страны, в первую очередь на демографическую подсистему общества. По расчётам статистиков военного времени, с начала 1939 г. до 1 сентября 1945 г. численность россиян сократилась приблизительно на 21,5 млн человек.

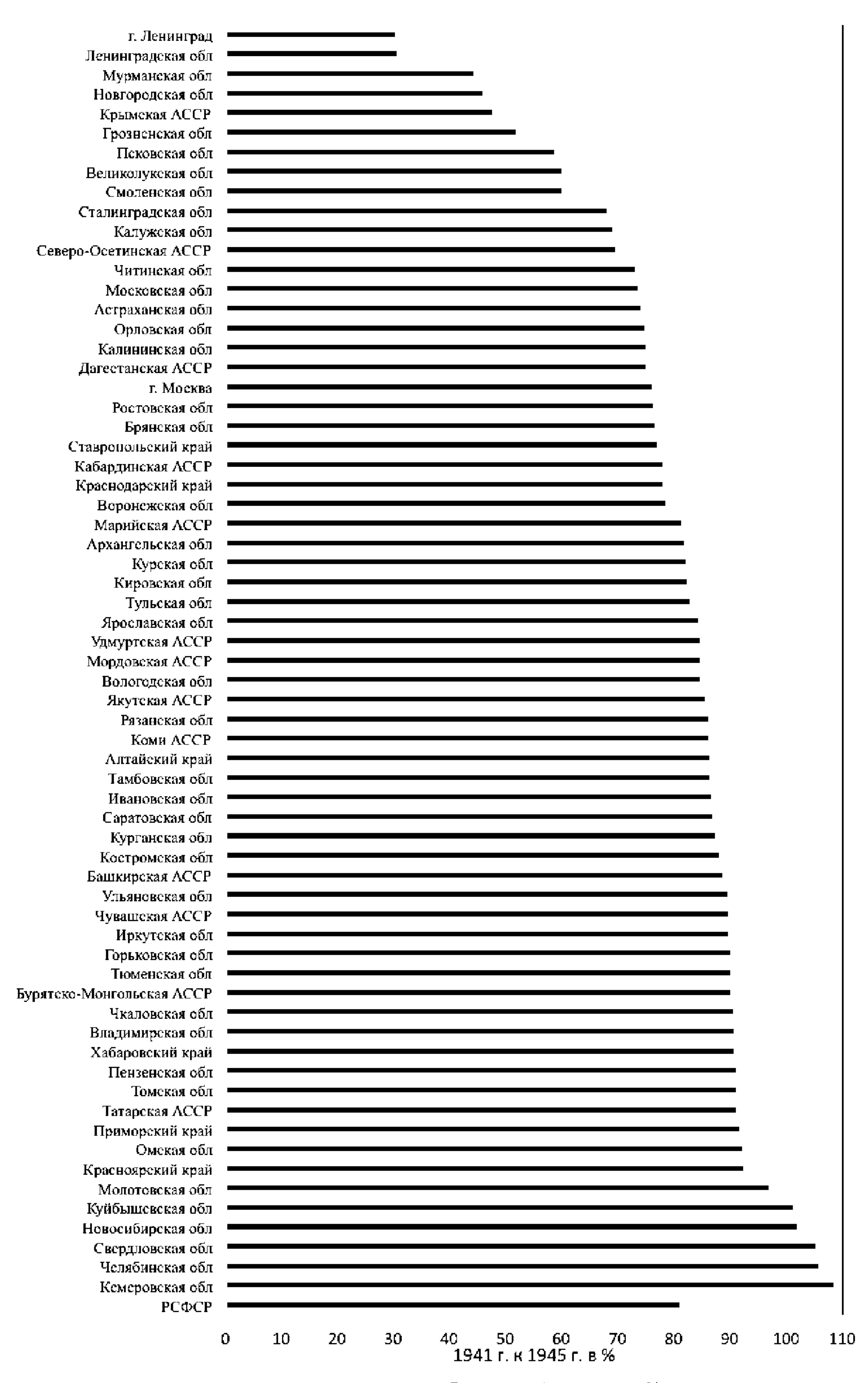

Рис. 1. Всё население РСФСР 1945/1941 гг., в %

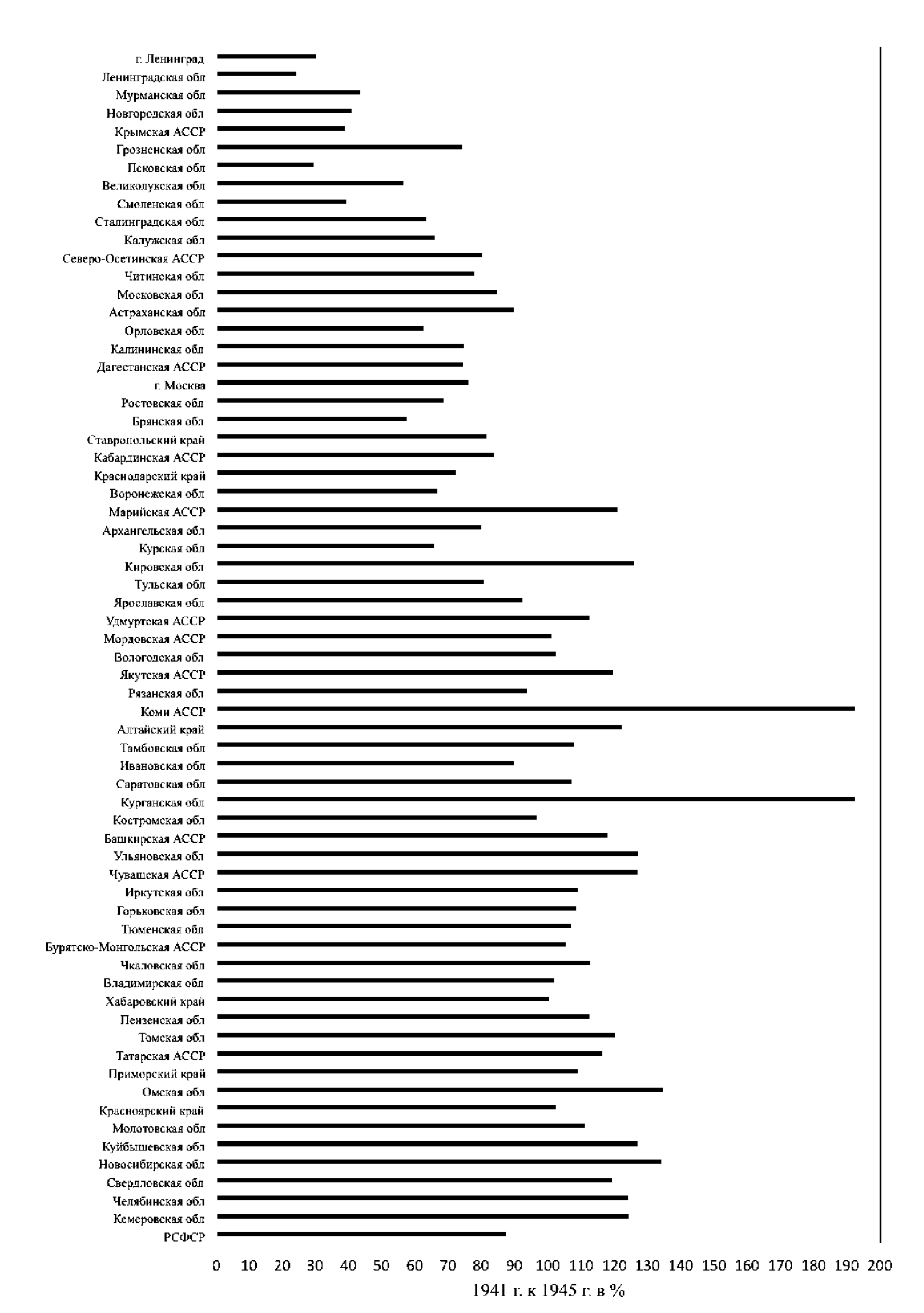

Рис. 2. Городское население 1945/1941 гг., в %

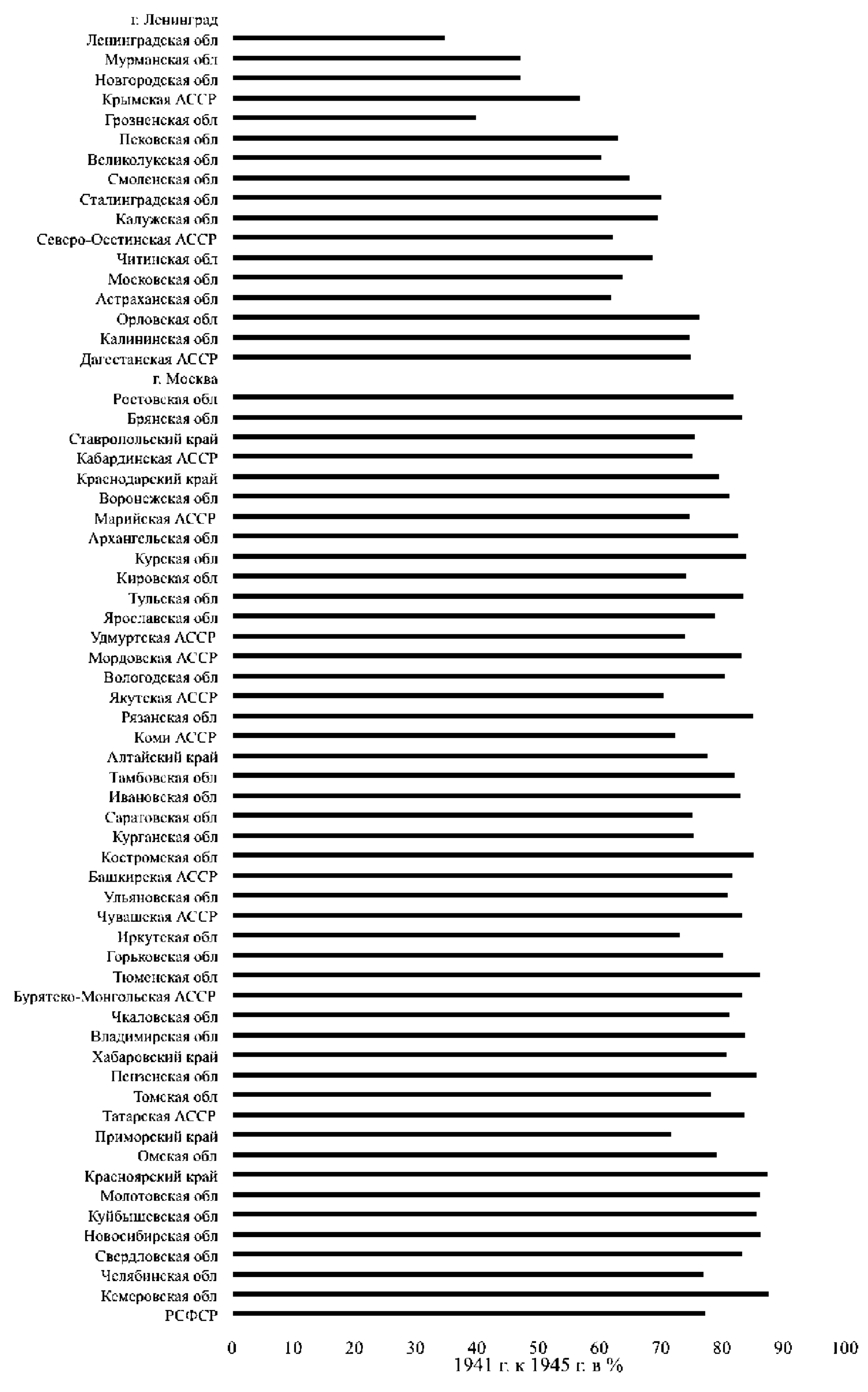

Рис. 3. Сельское население 1945/1941 гг., в %

Евгений Кринко

Проблемы изучения численности населения России в годы Великой Отечественной войны

Evgeny Krinko (Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don)

The problems of studying the population of Russia during the Great Patriotic War

DOI: 10.31857/S086956870005115-7

Обсуждаемая проблема относится к числу наиболее актуальных, широко разрабатываемых и в тоже время дискуссионных. За последние десятилетия отечественная историография пополнилась рядом исследований, авторы которых используют различные подходы в осмыслении темы. Однако выработку полной и достоверной системы представлений нередко осложняет политизация, в частности по вопросу о динамике численности населения СССР и РСФСР в 1941—1945 гг.

Детальный анализ историографии не является предметом данной публикации[1]. Отмечу лишь, что она прошла в своём развитии два основных этапа. На первом затрагиваемая проблематика находилась под контролем партийных органов, а масштаб понесённых в годы Великой Отечественной войны потерь определяли высшие руководители страны. В феврале 1946 г. И.В. Сталин назвал первую обобщающую цифру — около 7 млн человек[2]. Через полтора десятилетия, в ноябре 1961 г., Н.С. Хрущёв заявил, что война «унесла два десятка миллионов жизней советских людей»[3]. В 1965 г. Л.И. Брежнев сообщил о потерях свыше 20 млн[4]. Наконец, в мае 1990 г. М.С. Горбачёв огласил новые данные — почти 27 млн человек[5]. Возможности исследователей демографических процессов ограничивались не только цензурой, но и имевшимися в их распоряжении источниками.

Только с конца 1980-х гг. вышли публикации, в которых приводились новые данные о потерях СССР[6]. Существенную роль сыграли работы демографов, обратившихся к материалам всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг.[7] В частности, В.Б. Жиромская раскрыла завышение данных переписи 1939 г. Она тщательно проанализировала механизм формирования приписок, восстановив подлинное количество жителей всех российских регионов и РСФСР в целом накануне войны[8]. Наиболее полные результаты данных расчётов пред-

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01411) в Федеральном исследовательском центре Южный научный центр РАН.

[1] Подробнее см.: *Кропачев С.Я.*, *Кринко Е.Ф.* Потери населения СССР в 1937—1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М., 2012. С. 220—293.

[2] Большевик. 1946. № 5. С. 3.

[3] Международная жизнь. 1961. № 12. С. 8.

[4] См.: Война и общество, 1941—1945. Кн. 2. М., 2004. С. 387.

[5] *Горбачёв М.С.* Уроки войны и победы // Известия. 1990. 9 мая.

[6] *Козлов В.И.* О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов // История СССР. 1989. № 2; СССР: демографический диагноз. М., 1990; *Рыбаковский Л.Л.* Двадцать миллионов или больше? // Политическое самообразование. 1990. № 10; *Андреев Е.М.*, *Дарский Л.Е.*, *Харькова Т.Л.* История населения СССР. 1920—1959 гг. М., 1990; и др.

[7] Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Россия. М., 1999.

[8] *Жиромская В.Б.*, *Киселёв И.Н.*, *Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996; *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в

ставлены во втором томе фундаментального коллективного труда «Население России в XX веке»[9]. Они выступают основой для дальнейших расчётов численности советского населения и понесённых им потерь. Вклад в исследование демографических процессов в годы войны вносят и публикации других авторов[10].

Совместная статья В.Б. Жиромской, В.А. Исупова и Г.Е. Корнилова стала продолжением их работ в рассматриваемом направлении. Используя балансовый метод и опираясь на впервые вводимые в научный оборот документы Центрального статистического управления (ЦСУ) Госплана СССР военных и послевоенных лет, авторам удалось уточнить оценки общей численности населения РСФСР и других союзных республик. Исследователи также описали особенности паспортной статистики и похозяйственного учёта, проводившегося сельскими советами, выявив причины их неполной достоверности. В данной связи необходимо отметить, что балансовый метод применялся в советской статистике ещё в годы войны. Так, 8 января 1944 г. управляющий ЦСУ Госплана СССР В.Н. Старовский в письме к начальнику Статистического управления УССР Рябичко писал, что определение количества и состава населения, угнанного в Германию, следовало произвести «методом балансовых расчётов, поскольку регистрация населения путём опроса населения не может дать исчерпывающих данных»[11].

Сущность данного метода заключается в сопоставлении численности населения в начале и конце рассматриваемых периодов. Его сторонники считают, что «простое суммирование разных категорий людских потерь» не даст полной картины[12]. Действительно, исследователи не раз обращали внимание на относительность и фрагментарность сведений о потерях. Несмотря на приказы и распоряжения военного командования, учёт личного состава в войсках вёлся плохо, особенно в начальный период войны, сопровождавшийся огромными потерями. В «котлах» 1941—1942 гг. погибло немало воинских соединений вместе со своими штабными документами. Так, согласно описи 1 на документы, отражающие историю отдельного кавалерийского корпуса 51-й армии Северо-Кавказского фронта, находящиеся на хранении в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), в фонде данного соединения значится всего одно дело[13]. Причина проста: при подготовке к контрнаступлению штаб корпуса был 29 июля 1942 г. атакован немецкими танками и погиб практически в полном составе в слободе Большая Мартыновка Ростовской обл. Но в данном случае сохранились хотя бы материалы дивизий, входивших в состав корпуса. От многих соединений не осталось практически никаких документальных свидетельств.

1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001; *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012; и др.

[9] Население России в XX веке... Т. 2.

[10] *Корнилов Г.Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939—1945 гг.). Новосибирск, 2008; *Максудов С.* Не своей смертью. Потери населения СССР в 1918—1953 годах. М., 2017; *Ракачёв В.Н.* Население Кубани и Ставрополья в 1930—1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2017; и др.

[11] РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 476, л. 9.

[12] Население России в XX веке... Т. 2. С. 130.

[13] ЦАМО РФ, ф. 3463, оп. 1, д. 1.

Вышестоящие штабы постоянно требовали от командиров частей и соединений навести порядок в вопросе учёта, но этому мешали объективные обстоятельства. Погибших нередко хоронили в спешке, под огнём противника, не всегда удавалось их опознать, установить точные фамилию, имя и отчество, место призыва, воинское звание и должность. «А там, где были эти данные, они записывались на фанере и химическим карандашом. Дожди и непогоды стирали эти записи... Порою то, что сохранилось в архивах, трудно разобрать: запись велась со слов бойца, на газетной или обёрточной бумаге, на которой со временем невозможно установить текст»[14].

В приказе начальника Главного управления формирования и укомплектования войск РККА Е.А. Щаденко от 12 апреля 1942 г. говорилось: «Учёт личного состава, в особенности учёт потерь, ведётся в действующей армии совершенно неудовлетворительно... Штабы соединений не высылают своевременно в центр именных списков погибших. В результате несвоевременного и неполного представления войсковыми частями списков о потерях получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учёта потерь. На персональном учёте состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учёта пропавших без вести и попавших в плен ещё более далеки от истины»[15]. Впрочем, существенных изменений не произошло и в дальнейшем. Заместитель наркома обороны Н.А. Булганин в приказе от 7 марта 1945 г. констатировал, что «военные советы фронтов, армий и военных округов не уделяют должного внимания» вопросам персонального учёта безвозвратных потерь[16].

При этом числившиеся погибшими военнослужащие могли остаться в живых, а пропавшие без вести воевать в составе партизанских отрядов. Многие бойцы неоднократно подвергались госпитализации по ранению и/или болезни и всегда учитывались заново. Поэтому в итоговых сведениях о санитарных потерях они проходят по несколько раз. При гибели военнослужащего, ранее вернувшегося в строй после ранения, его учитывали дважды: первый раз среди раненых, второй — среди убитых. Под повторный счёт попадали также оказавшиеся в числе пропавших без вести, затем вернувшиеся в строй, а позже погибшие или попавшие в плен.

Ещё сложнее ситуация с определением потерь гражданского населения на оккупированной территории. Гибель жителей в результате бомбёжек, артиллерийских обстрелов, насильственных действий отдельных частей и военнослужащих Вермахта, местной полиции по другим причинам в документах не фиксировалась.

В условиях отсутствия полных статистических сведений о различных видах потерь балансовый метод является наиболее реалистичным способом установления общей динамики демографического развития страны. В то же время его использование имеет свои сложности. Авторы верно отметили, что численность населения наиболее достоверно определяется на основе общих переписей. Однако первая послевоенная перепись прошла только в 1959 г. В межпереписные периоды искомые данные устанавливаются расчётным путём: к дан-

[14] Кубань в Великой Отечественной... 1941—1945. Краснодар, 2000. С. 6—7.

[15] Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2—2). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. — 1942 г. М., 1997. С. 202.

[16] Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2—3). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943—1945 гг. М., 1997. С. 360—361.

ным последней переписи прибавляется количество родившихся и прибывших и вычитается количество умерших и выбывших.

Следует согласиться, что у историков нет необходимых для расчётов полных и достоверных сведений о количестве родившихся и умерших. Невзирая на меры, направленные на улучшение системы учёта, в работе органов статистики существовали объективные трудности[17]. Точных данных недостаточно, особенно по периоду 1941—1944 гг., когда часть территорий находилась в оккупации. Это обуславливает необходимость поиска различных способов проверки и уточнения имевшихся данных. Старовский, в частности, рекомендовал: «Для большей обоснованности расчётов, по мнению ЦСУ, следует организовать в небольшом объёме выборочную проверку правильности расчётов». Она должна была «показать, правильно ли исчислен процент угнанного оккупантами населения по отношению к наличному населению», а также «дать дополнительные материалы для суждения о составе угнанного оккупантами населения»[18].

К тому же метод демографического баланса предполагает сопоставление данных о населении в одних и тех же границах. Территория СССР и РСФСР в 1940—1945 гг. расширилась, а вместе с границами менялась и численность населения. Так, в 1940 г., после Советско-финляндской войны, Карельской АССР была передана часть перешедших от Финляндии территорий, а она сама преобразована в Карело-Финскую ССР. Южную часть Карельского перешейка включили в состав Ленинградской обл. В 1944 г. в состав РСФСР вошли Тувинская АО и Карельский перешеек целиком, в январе 1945 г. — Печорский район. В 1944 г. была образована Псковская обл. После войны территория РСФСР расширилась за счёт Печенгской обл. (Петсамо), Южного Сахалина, Курильских островов, северной части Восточной Пруссии (составившей Калининградскую обл.). Все эти изменения необходимо учитывать, поскольку статистический учёт ведётся в рамках существующих государственных и административных границ.

Отсутствие необходимых источников — главная причина продолжающихся споров о потерях СССР в годы Великой Отечественной войны. Наиболее полный анализ боевого урона представлен в комплексном статистическом исследовании, выполненном коллективом военных историков под руководством генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева. Согласно их подсчётам, в ходе войны из строя безвозвратно выбыли 11 444,1 тыс. военнослужащих (с учётом пропавших без вести и оказавшихся в плену)[19]. Эта цифра получена в результате подсчёта по ежемесячным донесениям войск и госпиталей о количестве убитых, умерших от ран и болезней, расстрелянных по приговорам военных трибуналов, пропавших без вести и попавших в плен. После вычета 1 836 тыс. военнопленных, вернувшихся из немецкого плена, и 939,7 тыс. возвращённых в строй после освобождения ранее захваченной территории, учтённых до этого как пропавшие без вести и оставшихся в окружении, получена цифра 8 668,4 тыс. демографических потерь, включающая только убитых, умерших от ран и не вернувшихся из плена солдат и офицеров.

---

[17] См.: *Krinko E.F.* «The information on the population size must be exhaustive...»: The problems in organizing the accounting of evacuated citizens in 1941—1942 // Русский архив. 2017. № 5(2). С. 192—204.

[18] РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 476, л. 9.

[19] Гриф секретности снят. Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 129—130.

Общие людские потери СССР методом демографического баланса определены в 26,6 млн человек. Сюда включались все погибшие в результате военных и иных действий противника, умершие на оккупированной территории и в тылу, а также эмигрировавшие в годы войны и не вернувшиеся после её окончания. В следующем обобщающем труде того же коллектива авторов отражены новые общие оценки безвозвратных потерь армии и флота — 11 285 057 человек[20].

Попытки уточнить или пересмотреть указанные цифры предпринимались многими исследователями[21]. Так, демографы С. Максудов и М. Эльман пришли к выводу, что данные об общих потерях в 26—27 млн человек относительно надёжны. Однако возможны как недооценка из-за неполного учёта населения территорий, присоединенных перед войной и после неё, так и завышение вследствие недоучёта эмиграции. Кроме того, официальные цифры не учитывают падение уровня рождаемости[22].

Главным критиком официальных данных является Б.В. Соколов. В 1991 г. он заявил, что потери Вооружённых сил СССР в войне составили 14,7 млн человек, включая 8,5 млн убитыми, 2,5 млн умершими от ран и болезней и 3,7 млн погибшими в плену. Убыль мирного населения он определил в 29,6 млн. Действительные и потенциальные потери, таким образом, составили около 46 млн человек, из них 16 млн — неродившиеся дети[23]. В 1998 г. Соколов назвал новые цифры: теперь он утверждал, что в рядах армии погибли в общей сложности 26,4 млн, а безвозвратные потери мирного населения составили 16,9 млн. Суммарную величину потерь он определил в 43,3 млн человек[24]. В 2005 г. он уточнил эту цифру — 43 448 тыс.[25] Однако его подсчёты основаны на недостоверных данных: численность населения СССР на середину 1941 г. указана в 209,3 млн человек, что на 12—17 млн выше реальной, на начало 1946 г. — в 167 млн (на 3,5 млн выше реальной)[26]. К тому же он включает демографические потери (т.е. тех, кто мог бы родиться, но не родился).

Напротив, В.Н. Земсков считал приводимые официальные данные преувеличением, отмечая, что эти цифры были получены в результате учёта не только прямых, но и косвенных потерь. При этом естественную смертность в 1941—1945 гг. он указывал не в 11,9 млн, а в 18,9 млн человек. Земсков выступал против включения в прямые жертвы войны всех умерших гражданских лиц в советском тылу (за исключением погибших от бомбёжек, артобстрелов и т.п.). В результате прямые людские потери СССР в годы Великой Отече-

---

[20] Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 239—240.

[21] *Елисеев В.Т.*, *Михалёв С.Н.* Потери в войне следует уточнить... // Военно-исторический архив. 2001. Вып. 2(17); *Сафир В.М.* Генерал армии Гареев не приемлет факты... // Военно-исторический архив. 2001. Вып. 10(25); *Михалёв С.Н.*, *Толмачёва А.В.* К вопросу об исчислении потерь Советских Вооружённых сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. // Военно-исторический архив. 2004. Вып. 1(49); *Мерцалов А.Н.*, *Мерцалова Л.А.* Людские потери РККА (1941—1945) и историческая наука СССР—РФ // Военно-исторический архив. 2004. Вып. 10(58), 11(59); *Михалёв С.Н.* Людские потери в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Статистическое исследование. Красноярск, 2000; и др.

[22] *Ellman M.*, *Maksudov S.* Soviet deaths in the Great Patriotic War: a note // Europe-Asia Studies. Vol. 46. 1994. № 4. P. 671—680.

[23] *Соколов Б.В.* Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991. С. 11—15.

[24] *Соколов Б.В.* Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей). СПб., 1998. С. 208, 225, 230, 231, 257, 310.

[25] *Соколов Б.В.* Вторая мировая: факты и версии. М., 2005. С. 340.

[26] Демографическая модернизация России 1900—2000. М., 2006. С. 440.

ственной войны он определял в 16 млн человек, из которых 11,5 млн составляли военные и 4,5 млн — гражданские[27].

Для оценки последствий следует сравнить ожидаемую и реальную численность населения с учётом снижения рождаемости в годы войны и повышенной смертности в послевоенное время. Необходимо учитывать умерших в результате действий противника и повышения уровня смертности, а также жителей, покинувших территорию СССР и не вернувшихся до конца 1945 г. (исключая военнослужащих и других граждан, работавших за границей, а также членов их семей). При этом порой требуется выход за хронологические рамки войны. Например, для оценки смертности военнослужащих, находившихся на излечении в госпиталях, следует принимать за окончательную дату не май, а декабрь 1945 г.[28] В то же время в потери, подсчитываемые методом баланса, не включают косвенные потери — детей, не родившихся вследствие снижения уровня рождаемости, а также умерших вследствие повышения уровня смертности в послевоенные годы («демографическое эхо» войны)[29].

Установлению данных о потерях способствует создание Минобороны России Обобщённого компьютерного банка данных, содержащего информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, а также в послевоенный период (ОБД «Мемориал»). Главная цель проекта — дать возможность гражданам выяснить судьбу или найти информацию о своих погибших или пропавших без вести родных и близких, определить место их захоронения. «Мемориал» постоянно пополняется и в настоящее время содержит почти 17 млн цифровых копий документов о безвозвратных потерях и 20 млн именных записей. Обнародованы первичные места захоронений более 5 млн солдат и офицеров[30]. Отсканировано и выложено в свободный доступ более 16,8 млн листов архивных документов и свыше 45 тыс. паспортов воинских захоронений[31].

В то же время всё ещё непросто установить общее количество призванных на фронт жителей отдельных регионов страны. С этой целью в конце 1980-х гг. началась работа по подготовке Книг памяти. Всероссийский масштаб она приобрела после принятия постановления Правительства РФ от 22 декабря 1992 г. «Вопросы подготовки и издания Книг памяти»[32] и закона «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»[33]. В алфавитные списки погибших, включая пропавших без вести, умерших от ран и болезней, фамилии заносились по месту их призыва или рождения. В качестве источников использовались документы по персональному учёту безвозвратных потерь ЦАМО РФ, Центрального военно-морского архива, Военно-медицинского музея; военко-

---

[27] *Земсков В.Н.* О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (В поисках истины) // Военно-исторический архив. 2012. № 9. С. 59—71; *Земсков В.Н.* Остаётся ли дискуссионным вопрос о масштабах людских потерь СССР в 1941—1945 гг.? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. 2015. № 3. С. 115—127; и др.

[28] *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Население Советского Союза: 1922—1991. М., 1993. С. 73—79.

[29] *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Население Советского Союза... С. 73—80; Население России в XX веке... Т. 2. С. 130—131; и др.

[30] URL: https://obd-memorial.ru/html/about.htm

[31] URL: https://obd-memorial.ru/html

[32] Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 26. Ст. 2406.

[33] Закон Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 7. Ст. 245.

матские книги (карточки) учёта призванных на действительную военную службу и алфавитные книги по учёту погибших военнослужащих и назначению пенсий; дворовые книги учёта и карточки проживающих в домах городских домоуправлений; книги захоронений; документы региональных и местных органов власти, архивов и музеев; материалы, собранные советами ветеранов войны, отделениями Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, краеведами и поисковиками.

Существенную помощь рабочим группам оказали публикации предварительных списков погибших в районных и городских газетах, позволившие внести в них исправления и добавления. Обработкой военных документов и подготовкой материалов занимался Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела. К 50-летию Победы было издано более 700 томов поимённых Книг памяти[34]. Благодаря этой работе выяснились судьбы сотен тысяч бойцов.

Однако стремление успеть издать Книги памяти к юбилею порой оказывалось пагубным. Составители обзорного тома с сожалением констатировали, что «местами в поимённых Книгах памяти очень скупо рассказано о погибших, а о некоторых ничего не сказано. На многих ушедших на фронт и погибших в боях, к сожалению, никаких данных пока нет»[35]. Нередко в документах военного времени встречаются ошибки и описки. Редколлегия одной из Книг откровенно призналась, что не может «поручиться за полную достоверность этих списков», так как «слишком формально и часто небрежно были проведены подготовительные и учётные работы и в военкоматах, и в местных (тогда) Советах» многих населённых пунктов[36].

Значительную часть не вернувшихся с фронта жителей до сих пор составляют пропавшие без вести. Например, в Костромской обл. их насчитывалось более 45%[37], в Тульской — более 50%[38]. В среднем пропавшие без вести составляют около 47%[39]. Составители одной из Книг справедливо отмечали необходимость продолжения работы: «Это благородное дело нельзя считать законченным, так как половина не вернувшихся с полей земляков до сих пор считается пропавшими без вести»[40].

---

[34] Книга памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Т. 1—17. М., 1993—1995; Книга памяти Республики Коми: Имена воинов, убитых в боях, умерших от ран в госпиталях, пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.), земляков коми и призванных военкоматами республики. Т. 1—3. Сыктывкар, 1993—1995; Книга памяти. Т. 1—2. Ижевск, 1994; Книга памяти: Российская Федерация. Краснодарский край. Т. 1—9. Краснодар, 1994; Книга памяти нижегородцев, павших в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Т. 1—13. Н. Новгород, 1994—1995; Книга памяти погибших, умерших и пропавших без вести воинов в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов: Российская Федерация. Московская область. Т. 1—2, 4, 19. М., 1994—1995; Книга памяти защитников Отечества, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Российская Федерация. Приморский край. Т. 1—3. Владивосток, 1995; и др.

[35] Всероссийская Книга памяти. 1941—1945. Обзорный том. М., 1995. С. 9.

[36] Они не вернулись из боя... Книга памяти. Российская Федерация. Краснодарский край. Мостовской район. Майкоп, 1995. С. 8.

[37] Книга памяти Костромской области. Т. 7. Ярославль, 1995. С. 554.

[38] Книга памяти 1941—1945. Тульская область. Т. 15. Тула, 2000. С. 57.

[39] *Щербанов В.К.* Книга памяти в новых социальных условиях // Государство и общество в увековечении памяти защитников Отечества: опыт, проблемы, перспективы. Материалы межрегионального научно-практического семинара-совещания, 3—4 ноября 2007 г. Сыктывкар, 2007. С. 95—96.

[40] Книга памяти. Т. 1. Майкоп, 1994. С. 15—16.

Сопоставление данных Книг памяти с данными призыва выявляет существенные расхождения между ними. Например, с территорий юга РСФСР (охватывающих современные республики Адыгею, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Калмыкию, Карачаево-Черкесию, Северную Осетию и Чечню, а также Астраханскую, Волгоградскую и Ростовскую области, Краснодарский и Ставропольский края) было призвано 1 894,2 тыс. человек. По официальным данным, потери составили 873 тыс.[41] В то же время обращение к данным военкоматов, работам региональных исследователей, Книгам памяти даёт значительно более высокие цифры (см. табл. 1).

Эти противоречия объясняются рядом обстоятельств. К началу войны в армии и на флоте уже проходили службу многие выходцы с юга России. Например, только из Калмыцкой АССР в РККА служили 4 432 человек[42], Чечено-Ингушской — до 9 тыс.[43], Дагестанской — 18 тыс.[44] Следует учитывать, что часть военнослужащих, попав в плен, перешла на сторону противника и воевала в составе Вермахта и СС.

Значительная часть документов военкоматов не сохранилась. Нередко составители Книг памяти в разных регионах использовали различную административно-территориальную структуру, а то и применяли, наряду с территориальным, этнический принцип. Так, составители Книг памяти Калмыкии включили в списки земляков, призванных Приволжским и Долбанским военкоматами Калмыцкой АССР (в настоящее время районы входят в состав Астраханской обл.), а также Енотаевским, Черноярским и другими военкоматами Астраханского округа[45]. В то же время в общих данных по Калмыкии не учитываются призванные из Лиманского и Приволжского районов в 1944—1945 гг. В свою очередь, в Астраханской обл. в число призванных и погибших включают жителей двух районов, входивших в Калмыцкую АССР и учитывавшихся по калмыцкому военкомату до декабря 1943 г. В результате одни и те же лица могли оказаться в Книгах памяти и Калмыкии, и Астраханской области.

Похожая ситуация складывается и в других случаях. В Книге памяти Дагестана оговаривается, что список воевавших на фронте не включает 16 тыс. человек, призванных из Кизляра, Кизлярского, Тарумовского и Ногайского районов, поскольку эти территории в 1941—1945 гг. входили в состав других административных образований[46]. В списки погибших из автономий порой включались представители титульных этносов, проживавшие и призванные за пределами данных образований.

---

[41] Население России в XX веке... Т. 2. С. 33, 38.

[42] *Очиров У.Б.* Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в 1941—1943 гг. // Коренной перелом в Великой Отечественной войне... С. 53.

[43] Письмо военного комиссариата Чеченской Республики от 22 мая 2018 г.

[44] Письмо военного комиссариата Республики Дагестан от 20 апреля 2018 г.

[45] *Очиров У.Б.* Книги памяти Астраханской области как источник по истории участия калмыков в Великой Отечественной войне // Magna adsurgit: historia studiorum. 2016. № 1. С. 17.

[46] Назовём поимённо. Книга памяти. Т. 1. Махачкала, 1996. С. 32.

Таблица 1

Мобилизация и потери на фронте жителей Юга России

Края, области и республики	Призваны	Погибли, пропали без вести, умерли от ран
Краснодарский край	700 000	422 784
в том числе Адыгейская АО (Республика Адыгея)	80 000	30 543
Орджоникидзевский (Ставропольский) край	320 000	190 000
в том числе Карачаевская АО (до 1943 г.) в том числе Черкесская АО (Карачаево-Черкесская Республика)	15 600 ?	21 570
Ростовская обл.	665 500	324 549
Сталинградская (Волгоградская) обл.	550 000	216 488
Астраханская обл. (с 1943 г.)	160 050	77 924
Дагестанская АССР (Республика Дагестан)	126 432	90 073
Кабардино-Балкарская АССР, с 1944 г. — Кабардинская АССР (Кабардино-Балкарская Республика)	60 000	40 000
Калмыцкая АССР (до 1944 г.) (Республика Калмыкия)	43 210	18 038
Крымская АССР (Республика Крым)	93 000	24 025
Северо-Осетинская АССР (Республика Северная Осетия-Алания)	89 934	45 500
Чечено-Ингушская АССР (до 1944 г.) (Республика Ингушетия, Чеченская Республика)	50 000	?
Итого	~2 858 000	~1 125 000

Составлено по: Данные руководителя редколлегии Книги памяти Краснодарского края Н.Л. Заздравных; Книга памяти. Т. 2. Майкоп, 1995. С. 11; Письмо военного комиссариата Ставропольского края от 9 апреля 2018 г. (Архив лаборатории истории и этнографии Южного научного центра РАН (ЮНЦ РАН); Книга памяти. Российская Федерация: Карачаево-Черкесская Республика. Т. 2. Майкоп, 1999. С. 89; Ростовской области — 70 лет (1937—2007 гг.). Сборник документов. Ростов н/Д, 2007. С. 36, 38; Книга памяти Волгоградской области (URL: http://memorybook.volgadmin.ru); Письмо военного комиссариата Астраханской области от 10 апреля 2018 г. (Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН); Письмо военного комиссариата Республики Дагестан от 20 апреля 2018 г. (Там же); Книга памяти: Российская Федерация, Кабардино-Балкарская Республика. Нальчик, 2014. С. 16; *Максимов К.Н.* Калмыки-военнопленные в Великой Отечественной войне // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6—7 июня 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 62; Письмо военного комиссариата Республики Крым от 13 июня 2018 г. (Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН); *Худалов Т.Т.* Северная Осетия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Владикавказ, 1992. С. 262; Письмо военного комиссариата Чеченской Республики от 22 мая 2018 г. (Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН).

Поэтому составление и издание Книг памяти продолжилось, причём не только по административно-территориальному принципу — на материалах отдельных субъектов РФ[47], районов и населённых пунктов[48], — но и по различным социальным критериям: национальным[49] или профессиональным[50]. Благодаря инициативе энтузиастов, поисковых отрядов, привлечению родных и близких участников войны удалось опубликовать дополнительные и исправленные списки погибших. Однако в ряде последних изданий Книг памяти из списков исключены жители, оказавшиеся в плену и пошедшие на сотрудничество с противником. В ходе дальнейшей работы составлены списки потерь в советско-финляндской и советско-японской войнах, других вооружённых конфликтах пред- и послевоенного времени[51].

Немало сложностей вызывает и подсчёт демографических потерь вследствие оккупации. Современные военные исследователи оценили общую убыль гражданского населения в 13 684 692 человек. Из них преднамеренно истреблены оккупантами 7 420 379 человек, умерли и погибли от жестоких условий (голода, инфекционных болезней, отсутствия медицинской помощи и т.п.) 4,1 млн, на принудительных работах в Германии — 2 164 313. Ещё 451,1 тыс. по разным причинам не возвратились и стали эмигрантами[52]. Поэтому численность жертв войны не всегда совпадает с общими демографическими потерями страны[53].

В фонде ЦСУ содержится немало материалов, сопоставляющих численность населения российских регионов, подвергшихся оккупации, по переписи 1939 г. и после их освобождения (см. табл. 2).

---

[47] Книга памяти. Т. 6. Орёл, 1997; Книга памяти. Т. 7. Ярославль, 1997; Книга памяти Красноярского края. Т. 6—8. Красноярск, 1996—1998; Книга памяти нижегородцев, павших в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Т. 14—15. Н. Новгород, 1996. Дополнительные списки по районам г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области; Книга памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941—1945: Калужская область. Т. 6 (дополнительный). Калуга, 2000; Книга памяти погибших, умерших и пропавших без вести воинов в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов: Российская Федерация. Московская область. Т. 3, 5—18, 20—28. М., 2000—2003; Книга памяти Республики Коми. Т. 4—9. Сыктывкар, 1996—2002; и др.

[48] Книга памяти Хасавюрта. Махачкала, 1994; Книга памяти. Город Обнинск, 1941—1945. Тула, 1995; Книга памяти, 1941—1945: Карачаевский район. Черкесск, 1995; Книга памяти Сосновского района Челябинской области. Челябинск, 2000; Книга памяти Прибайкальского района. Улан-Удэ, 2002; и др.

[49] Книга памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом, 1941—1945: Посвящается 50-летию Победы. Т. 1—6. М., 1995—1999; Книга памяти: 3 461 имя трудармейцев немецкой национальности, погибших в Богословлаге в годы Великой Отечественной войны. М., 2000; и др.

[50] Книга памяти шахтёров, погибших в период Великой Отечественной войны, 1941—1945 годы. М., 1995; Книга памяти работников образования Нижегородской области. Н. Новгород, 1995; Книга памяти кировчан — сотрудников органов госбезопасности и контрразведки, воинов пограничных и внутренних войск НКВД СССР, партизан, погибших, умерших от ран и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны. Киров, 1998; Книга памяти сотрудников органов внутренних дел Омской области, погибших при исполнении служебного долга. Омск, 1999; Книга памяти работников центральных плановых органов, участвовавших в боевых действиях и работавших в тылу в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 2000; и др.

[51] Книга памяти пограничников, погибших и без вести пропавших в войне с Финляндией и при выполнении воинского долга по защите Отечества. Т. 4. М., 1997; Книга памяти. 1939—1940 гг. Т. 2—9. М., 1999; и др.

[52] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 47.

[53] *Земсков В.Н.* К вопросу о репатриации советских граждан в 1944—1951 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 37—38.

Таблица 2

Численность населения в областях и автономиях РСФСР, подвергавшихся оккупации (*тыс. человек*)

Регион	По переписи 1939 г.			На 1 ноября 1944 г.		
	город	село	всего	город	село	всего
Краснодарский край	771,5	2 400,3	3 171,8	500,6	1 942,5	2 443,1
Ставропольский край	416,6	1 534,6	1 951,2	309,5	1 231,9	1 541,4
Воронежская область	681,3	2 863,2	3 544,5	363	2 294	2 657
Курская область	318,2	2 831,7	3 149,9	171,8	2 265,7	2 437,5
Московская область	2 325,1	2 809,9	5 135	2 127,5	2 137,8	4 265,3
Орловская область	698,8	2 833,9	3 532,7	337,5	2 108,4	2 445,9
Ростовская область	1 280	1 613,2	2 893,2	728,1	1 402,6	2 130,7
Смоленская область	453,7	2 232,3	2 686	81,1	1 191,8	1 272,9
Сталинградская область	905,1	1 511,6	2 416,7	644	1 293	1 937
Тульская область	577,1	1 241,1	1 818,2	493	1 072	1 565
Кабардино-Балкарская АССР	90,4	268,8	359,2	83	231	314
Калмыцкая АССР	35	185,7	220,7	30,8	147,4	178,2
Северо-Осетинская АССР	159	170,2	329,2	140	147	287
Чечено-Ингушская АССР	202,9	494,1	697	152,8	443,5	596,3
Карело-Финская ССР (на 1.01.1940 г.)	155,8	322	477,8	40	60	100

Составлено по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 475, л. 2.

Подсчётами количества уничтоженных захватчиками мирных граждан и военнопленных на оккупированной территории занимались Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК), а также созданные на местах региональные комиссии содействия ЧГК. Однако их данные значительно меньше приводимых в таблице цифр. Ведь сокращение населения указанных регионов обусловлено не только уничтожением и массовым угоном советских граждан на принудительные работы, но и их эвакуацией и призывом на фронт[54].

В целом представляется, что демографические последствия мобилизации, эвакуации и реэвакуации, а также демобилизации и репатриации изучены недостаточно. Между тем они оказали не меньшее воздействие на изменение численности и состава населения РСФСР, чем такие естественные факторы, на которых традиционно акцентируют внимание демографы, как рождаемость и смертность (также претерпевшие в годы войны значительные изменения).

В современной историографии сделано немало по выявлению масштабов потерь и общей динамики численности населения России в годы Великой Отечественной войны. В то же время установление данных о количестве жителей отдельных регионов страны, определение масштаба миграционных потоков и их демографических последствий нуждается в дополнительной проработке. Решение указанных задач требует использования различных способов анализа и сопоставления данных из разных источников.

[54] *Кринко Е.Ф.* Демографические процессы на юге РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 4(41). С. 95—103.

Вадим Ракачёв

В поисках истины: региональные особенности анализа демографических изменений населения России в 1939—1945 гг.

Vadim Rakachev (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

In search of truth: regional characteristics of the analysis of demographic changes in the population of Russia in 1939—1945

DOI: 10.31857/S086956870005141-6

Тема демографических изменений в 1939—1945 гг. сохраняет важность и актуальность. Написано по этому вопросу много, но зачастую цифры, которыми оперируют исследователи, противоречивы, слабо подкреплены источниковой базой, и как справедливо отмечают В.Б. Жиромская, В.А. Исупов и Г.Е. Корнилов, «пока численность населения будет определяться исходя из субъективных позиций авторов или конъюнктурных ситуаций, точность расчётов будет оставаться сомнительной». Анализ демографических процессов в период войны всегда сопряжён со значительными трудностями. Для СССР это обусловливалось, помимо объективных сложностей учёта потерь, ещё и стремлением скрыть эти потери. Трудности подсчётов также определяются методологическими особенностями установления общей численности населения на тот или иной момент времени. Её расчёт для конкретной территории — задача одновременно простая (поскольку данная информация, в отличие от многих других демографических показателей, наиболее доступна) и очень сложная (так как этот показатель складывается из множества компонентов).

По мнению авторов, главная проблема изучения численности населения страны в исторической ретроспективе в целом и в период Великой Отечественной войны в особенности — состояние источниковой базы: её неполнота, разрозненность, несогласованность. Если в центре, в городах, статистический учёт был отлажен и предоставлял относительно полные данные, то периферия, в особенности национальная, существенно отставала. Поэтому поправки к демографическим показателям, особенно касающиеся текущего учёта (рождаемости, смертности, миграции), должны учитывать региональную дифференциацию.

Особо стоит остановиться на данных Всеобщей переписи населения СССР 1939 г., их объективности и достоверности. Исследователями (В.Б. Жиромской[1], Е.М. Андреевым, Л.Е. Дарским и Т.Л. Харьковой[2], и др.) достаточно подробно изучен механизм приписок, который, что важно подчеркнуть, также имел региональные различия. В этой ситуации фокус исследований может быть направлен на уточнение численности населения отдельных регионов РСФСР. Эти данные, в свою очередь, могут использоваться для корректировки данных по России в целом.

Разработанный Жиромской метод расчёта, учитывающий величину необоснованных приписок, позволяет минимизировать расхождения и определить подлинную численность населения отдельных районов. В тех регионах, где влияние экстренных условий было меньшим, приписки в материалах переписи оказывались сравнительно небольшими — примерно 2,1%. Там же, где последствия голода, раскулачивания, репрессий и т.п. были значительными, искаже-

[1] *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.
[2] *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Демографическая история России 1927—1957. М., 1998.

ния существенно увеличивались: от 2,4 до 10%[3]. Этот подход был применен при подсчёте населения Юга России в 1939 г., поскольку регион подвергся всевозможным «экспериментам» с населением.

Как свидетельствуют документы, Кубань и Ставрополье[4] были отнесены организаторами переписи к числу местностей с высокой убылью населения и соответственно с большим коэффициентом приписки. Начальник Центрального управления народно-хозяйственного учёта (ЦУНХУ) Госплана СССР И.А. Краваль в направленной в 1937 г. на имя В.М. Молотова и И.В. Сталина записке зачислил их в группу, которую составили области и республики, давшие уменьшение главным образом в силу неблагоприятного естественного движения. Сюда также относились области Украины (кроме Донбасса), Казахстан, а среди областей РСФСР — Азово-Черноморский край, русские районы Северного Кавказа, АССР немцев Поволжья, Саратовская, Куйбышевская и Курская области, т.е. именно те, «где сопротивление кулачества коллективизации было наиболее ожесточённым. Данные переписи показывают, что влияние сопротивления кулачества на численность населения было значительно больше, чем это учитывалось регистрацией рождаемости и смертности ЗАГСами»[5]. Собственно с целью скрыть высокую убыль в ходе переписи 1939 г. здесь и применялся высокий коэффициент.

Основываясь на методике расчёта приписок и используя данные переписи, Жиромская провела корректировку статистических материалов и определила возможные размеры приписок для регионов РСФСР, в том числе для Кубани и Ставрополья, а также входивших в их состав Адыгейской, Карачаевской и Черкесской АО. Мною аналогично рассчитаны соответствующие показатели для территорий Краснодарского и Орджоникидзевского (Ставропольского) краёв без автономий, а также с учётом последующих административно-территориальных преобразований.

Так, если в официальных материалах переписи численность населения Краснодарского края оценивалась в 3 172,7 тыс. человек[6], то после пересчёта она составила 3 102,3 тыс. человек (размер приписки — 2,25%). Без Адыгейской АО в крае проживало 2 930,9 тыс., а за вычетом приписок — 2 865 тыс. человек (приписка — 2,27%). Аналогичным образом скорректированы показатели для Ставрополья. Согласно данным переписи здесь было учтено 1 707,4 тыс.[7], а за вычетом приписок — 1 670,6 тыс. человек (2,2%). В состав края также входили национальные автономии, и зачастую в статистике фигурируют данные о численности его населения без проживавших на территориях Карачаевской и Черкесской АО. Соответственно имеет смысл пересчитать и эти показатели. Собственно «русские» территории по официальным данным насчитывали 1 464,1 тыс., а без приписок — 1 432,6 тыс. человек (2,2%). Необходимо также отметить, что поскольку «русские» территории от голода начала 1930-х гг. и репрессий потеряли существенно больше населения, чем национальные автономии, то и масштабы искажений здесь оказались больше. В автономиях приписка не превышала 2% (в Адыгейской она составила 1,7%, в Карачаевской — 1,9 и в Черкесской — 1,8%).

---

[3] *Жиромская В.Б.* Демографическая история России... С. 53, 57.

[4] Кубань и Ставрополье — исторически утвердившиеся названия регионов, которые формально представлены Краснодарским и Ставропольским (до 1943 г. — Орджоникидзевским) краями в составе РСФСР.

[5] РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 143, л. 19—20.

[6] Расчёт произведён с учётом Адыгейской АО.

[7] В скорректированных границах 1959 г.

Кроме того, коэффициент добавок различался для мужского и женского населения. В отношении первых она колебалась от 2,8% в стабильных районах до 4% в проблемных, для вторых в среднем составляла 1%. На Кубани, где убыль мужчин вследствие голода и репрессивных мер была выше, процент приписки оказался более высоким (3,8%), чем на Ставрополье (3,7%). Количественно мужчин в Краснодарском крае по данным переписи проживало 1 484,8 тыс. человек, по данным пересчёта — 1 429,8 тыс. (преувеличение составило 54,6 тыс.). По краю без Адыгейской АО численность составила 1 371,4 тыс. человек, а в пересчитанных цифрах — 1 319,9 тыс. Таким образом, приписка составила 51,5 тыс. и 3,1 тыс. по Адыгее. Для сравнения численность женщин составляла 1 688,3 тыс. по переписи и 1 670 тыс. после пересчёта, т.е. искажение оказалось незначительным (тем более, что в крае наблюдался значительный дисбаланс в пользу женского населения).

На Ставрополье ситуация была схожей, но размеры приписок даже к мужскому населению были значительно меньшими. В границах 1959 г. численность мужчин по переписи 1939 г. составляла 810,7 тыс. человек, а без приписки — 781,2 тыс. (увеличение на 29,8 тыс.). Численность женщин составила 897 тыс. человек, а без приписки — 888,7 тыс. (разница — 9 тыс.). Если пересчитать показатели без учёта автономий, то в пределах «русских» территорий официальная численность мужского населения зафиксирована на отметке 810,7 тыс. человек, а пересчитанная — 781,2 тыс. Следовательно, на них пришлась практически вся приписка. По женскому населению ситуация аналогична Кубани. На «русских» территориях его официальная численность составила 897 тыс., а за вычетом приписок — 888,7 тыс. (размер приписки — 9 тыс.). В Адыгейской и Черкесской АО приписка к мужскому населению составила 2,8%, в Карачаевской — 2,9%, приписка же к женскому не превышала 1%.

Таким образом, уточнённые материалы переписи 1939 г. оказываются отправной точкой анализа численности населения РСФСР и отдельных административно-территориальных образований в её составе в период Великой Отечественной войны.

Стоит принять во внимание, что сокращение численности населения в отдельных регионах России наблюдалось и накануне войны. На Кубани и Ставрополье прирост за 1940 г. фактически отсутствовал. Данные ЦСУ показывают убыль жителей Ставрополья по сравнению с предыдущим годом. На Кубани оно увеличилось лишь на 0,2%[8]. Это позволяет говорить о том, что сокращение численности населения в 1941—1945 гг. было следствием не только военных условий. В определенной степени этому послужили предшествующие демографические катастрофы и изменение модели репродуктивного поведения, которые отразились прежде всего на структуре смертности и половозрастной структуре.

Рассматривая изменение численности населения в период войны, авторы справедливо отмечают, что различные территории находились в неодинаковом положении относительно театра боевых действий, что, соответственно, по-разному сказывалось на изменении количества их жителей. Кубань и Ставрополье неоднократно меняли своё положение относительно линии фронта. С начала войны и до августа 1942 г. оба региона располагались в тылу. С августа 1942 г.

[8] *Ракачёв В.Н.* Население Кубани и Ставрополья в 1930—1950-е гг.: историко-демографический аспект. Краснодар, 2017. С. 57.

до осени 1943 г. они находились под оккупацией[9], затем перешли в категорию освобождённых. Всё это сказалось на численности и структуре населения в разные военные годы, что также необходимо учитывать при демографическом анализе. От положения территорий зависит и статистическая база, которая в большинстве своём отсутствует или неполна за те годы, кода они находились в зоне боевых действий и оккупации. Так, фактически отсутствуют цифры о численности населения Кубани и Ставрополья за 1942 и 1943 гг.

Анализ данных периода войны осложняется закрытым характером многих статистических источников, их отсутствием в результате гибели документации, сложностями учёта, его хаотичностью, прерывностью и т.д. Поэтому имеющиеся в настоящий момент архивные материалы позволяют лишь условно оценить масштабы убыли в рассматриваемых регионах. При этом надо учитывать, что оба края имели в своём составе автономные образования, и разночтения в данных зачастую связаны с тем, что они указываются с учётом или без учёта их населения[10].

Демографические потери краёв оказались велики. С 1941 по 1944 г. население Ставрополья сократилось на 23,5%, население Кубани — на 24,6%[11]. В то же время, если мы рассчитаем эти показатели относительно последнего года войны, они будут выглядеть иначе: соответственно 23,8 и 21,2%[12]. Причина этого — высокий миграционный прирост вследствие массового возвращения беженцев, эвакуированных, демобилизованных и других категорий мигрантов. Например, число жителей Краснодарского края к 1 января 1945 г. увеличилось более чем на 100 тыс., тогда как в довоенном 1940 г. абсолютный прирост составил 70 тыс. человек. К концу 1945 г. на Кубань прибыло 116 764 демобилизованных из рядов Красной армии[13], в Ставрополье — 50 945[14].

В наибольшей степени в рассматриваемых регионах сократилось городское население: в Краснодарском крае на 35,1%, в Ставропольском — на 25,7%. Это произошло вследствие эвакуации, в том числе рабочих вместе с предприятиями в тыл, кроме того, часть горожан перебиралась за город. Также население городов пострадало сильнее вследствие гибели во время оккупации. Убыль селян была примерно одинаковой (19,1 и 19,7% соответственно). При этом важно учесть её структурные компоненты, которые также отличались по регионам. Если для Кубани характерны более высокие прямые потери (большее число жертв в период оккупации и вследствие вывоза части населения на работы в Германию), то на Ставрополье важной составляющей динамики численности населения стали депортации (прежде всего карачаевцев).

Значимыми компонентами, формирующими общее количество жителей, выступают процессы воспроизводства: рождаемость и смертность. В период войны они существенно изменялись. Причём снижение рождаемости превратилось в устойчивую тенденцию уже в 1930-х гг. (за исключением нескольких

[9] За исключением четырёх районов Краснодарского края и отдельных труднодоступных населённых пунктов.

[10] Адыгейская, Карачаевская и Черкесская АО.

[11] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 3151, л. 35.

[12] Оперативные сведения Центрального статистического управления Госплана СССР о численности населения СССР на 01.01.1945 г. Дело № Ф — 2708/С // Цензы 1945—1951 гг. Материалы к серии «Народы Советского Союза». Ч. 1. М., 1991. С. 105, 107, 112.

[13] Центр документации новейшей истории Краснодарского края, ф. 1774-А, оп. 2, д. 1558, л. 7.

[14] Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее — ГАНИ СК), ф. 1, оп. 2, д. 1792, л. 8.

лет, повысивших эти показатели вследствие запрета абортов). Отчёты ЦУНХУ в числе причин этого указывают сокращение родительского поколения, появившегося на свет в годы Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, и количества браков вследствие призыва в армию в 1939—1940 гг.[15]

Война усилила половозрастную диспропорцию, понизила уровень жизни, что в итоге сказалось на дальнейшем снижении показателей рождаемости[16]. Причём спад начался практически сразу. На Кубани к маю 1942 г. в сравнении с данными соответствующего месяца 1941 г. рождаемость сократилась на 68,3% (63,6% в городах и 69,5% в сельской местности). В мае родилось на 85,8% детей меньше, чем в апреле. При этом сильнее упала рождаемость в сельской местности (87,2% против 79,7% в городах[17]). В целом в 1941 г. на Кубани рождаемость составила 84,8% к 1940 г., на Ставрополье — 82,8%[18].

Спад продолжался в период оккупации. Согласно данным сводки по освобождённым районам Краснодарского края о естественном движении населения, рождаемость по отношению к 1941 г. снизилась на 71,1%[19]. В Ставропольском крае аналогичный показатель составил 65,3%[20]. Однако максимум падения пришёлся на 1944 г.: число родившихся по сравнению с довоенным уровнем составило на Кубани 22,5%, на Ставрополье — 18,9%[21]. С 1945 г. показатели постепенно начали расти. В Ставропольском крае в 1944 г. общий коэффициент рождаемости составлял 9,4‰, в 1945 г. — уже 11,6‰[22]. В целом в 1945 г. рост составил в Краснодарском крае 20%, в Ставропольском — 27%. В абсолютных цифрах показатели рождаемости в Краснодарском крае таковы: 1940 г. — 116 828 человек, 1941 г. — 95 153, 1943 г. — 27 494, 1944 г. — 26 240, 1945 г. — 31 682. На Ставрополье соответственно: 1940 г. — 69 345, 1941 г. — 57 412, 1943 г. — 19 923, 1944 г. — 13 124, 1945 г. — 16 669 человек[23]. Спад рождаемости на фоне роста смертности привёл к сокращению показателей естественного прироста.

Смертность — другой компонент воспроизводства — под влиянием военных условий значительно выросла, тогда как перед этим наметилась тенденция к её понижению. Однако в военное время они у разных половозрастных групп менялись неодинаково. Кроме того, изменение коэффициентов смертности на разных этапах было неодинаковым[24] и также связывалось со сменой положения территорий относительно линии фронта.

С первых же дней войны, согласно данным архивной статистики, показатели смертности стали увеличиваться. В Краснодарском крае к маю 1942 г. она выросла на 38,1% в сравнении с данными соответствующего месяца 1941 г. (в городах — на 46,3%, в селе — на 35%). В городских населённых пунктах Кубани по

---

[15] РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 540, л. 162.

[16] Население России в ХХ веке...Т. 2. С. 102, 401.

[17] Государственный архив Краснодарского края (далее — ГА КК), ф. Р-1246, оп. 1, д. 17, л. 10—11.

[18] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 394, л. 7—9, 13—15; д. 396, д. 1—2; д. 545, л. 1.

[19] Рассчитано по: ГА КК, ф. Р-1246, оп. 1, д. 216, л. 3—4 (в сводке приводятся данные только по освобождённым районам Краснодарского края, где был восстановлен учёт. В январе 1943 г. предоставили сводки 54 ЗАГСа, к декабрю их число составило 581).

[20] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 396, л. 2; д. 545, л. 1—2; д. 1015, л. 1, 6.

[21] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 396, л. 1—2; д. 1457, л. 1, 12; ГА КК, ф. Р-1246, д. 405, л. 3—17.

[22] ГАНИ СК, ф. 1, оп. 2, д. 1792, л. 2, 8—9.

[23] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 394, л. 7—9, 13—15; д. 1457, л. 1, 12; д. 1883, л. 1—2.

[24] Население России в ХХ веке... Т. 2. С. 87.

данным за май 1942 г. показатели смертности превысили показатели рождаемости. Естественный прирост населения на селе в мае 1942 г. сократился более чем в 3,5 раза по отношению к маю 1941 г.[25]

Рост смертности в тыловых районах обусловливался резким снижением уровня жизни. Рост числа заболеваний различной этимологии провоцировали дефицит продуктов, недостаток нужных организму элементов, а также миграции. Несмотря на жёсткие санитарные меры, железные дороги в 1941—1942 гг. являлись основным местом распространения инфекционных болезней. Статистические разработки указывают на резкий рост смертей от сыпного тифа, туберкулёза, воспаления лёгких, желудочно-кишечных болезней и различного рода механических травм[26]. В Краснодарском крае в 1942 г. около 25% всех смертей были вызваны заболеваниями органов дыхания. Но если смертность от туберкулёза постепенно снижалась (с 13,5% среди всех причин смертности в мае 1941 г. до 11% в апреле и 7% в мае 1942 г.), то от воспаления лёгких — росла (в мае 1941 г. — 12,1%, в апреле 1942 г. — 17,3%[27]).

На протяжении всего военного времени наблюдалось превышение показателей смертности среди мужчин по отношению к женщинам. Согласно статистическим данным, у мужчин чаще причинами смерти становились травмы, инфекционные и желудочно-кишечные заболевания[28]. Коэффициенты смертности имели высокие значения у мужского населения в возрасте 15—59 лет, самый высокий показатель (66%) приходился на возрастную группу от 35 до 54 лет[29].

Влияние сложных военных условий на смертность детей до 1 года проявилось с осени 1941 г. Если в мирные годы к осени младенческая смертность, имевшая характер сезонности, обычно понижалась, то в первый военный год с наступлением осени она осталась высокой. В Краснодарском крае за 11 месяцев (с мая 1941 по апрель 1942 г.) она увеличилась на 29,2%, а за 1942 г. — на 24,1%. В городских населённых пунктах с мая 1941 г. по май 1942 г. детская смертность выросла на 18,6%, в сёлах ещё значительнее — 25,4%[30]. Впрочем, эти изменения были характерны для всей территории РСФСР. Только за первое полугодие 1942 г. показатель увеличился в 3 раза. Летом к тяжёлым военным условиям вновь добавился фактор сезонности. Как следствие, в августе коэффициент младенческой смертности поднялся до критической отметки в 611‰[31].

Рост смертности в период военных действий и оккупации на территории Кубани и Ставрополья (лето 1942 — осень 1943 г.) сопряжён с массовой гибелью гражданских лиц. В отдельных районах население сократилось в 6—7 раз. В абсолютных цифрах в Краснодарском крае умерли: в 1940 г. 55 006 человек, 1941 г. — 44 834, 1943 г. — 18 889, 1944 г. — 32 338, 1945 г. — 23 089. В Ставропольском этот динамический ряд выглядел следующим образом: 1940 г. — 29 900, 1941 г. — 29 492, 1943 г. — 15 316, 1944 г.— 15 291,

[25] Рассчитано по: ГА КК, ф. Р-1246, оп. 1, д. 17, л. 11.
[26] Население России в XX веке... Т. 2. С. 89—92.
[27] Рассчитано по: ГА КК, ф. Р-1246, оп. 1, д. 17, л. 10.
[28] Население России в XX веке... Т. 2. С. 90.
[29] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 394, л. 7—9, 13—15; д. 545, л. 1—2; д. 1015, л. 1, 6; д. 1457, л. 1, 12; д. 1883, л. 1—2.
[30] ГА КК, ф. Р-1246, оп. 1, д. 17, л. 13.
[31] Население России в XX веке... Т. 2. С. 88.

1945 г. — 11 510 человек[32]. Значительное сокращение абсолютных цифр на обеих территориях в 1943 г. было связано, прежде всего, с сокращением общей численности населения. А рост числа умерших в 1944 г., напротив, стал следствием увеличения количества жителей.

Для тыловых районов страны перелом в динамике смертности наступил в конце 1942 — начале 1943 г. Благодаря государственной политике в области здравоохранения и ужесточению мер санитарного контроля[33] были достигнуты положительные результаты. Прежде всего, произошло снижение показателей смертности в детской и пожилой возрастных группах (причём более быстрыми темпами падала смертность среди детей). Интенсивнее снижались показатели убыли мужчин. В 1945 г. в СССР смертность составила 53,3% по отношению к 1940 г., в РСФСР — 46,5%[34].

На Юге России соответствующие показатели стали снижаться после изгнания захватчиков. На Ставрополье только за год — с 1944 по 1945 г. — смертность снизилась на 72%. Если в 1944 г. её общий коэффициент составлял 11,1‰, то в 1945 г. — уже 8‰[35]. На Кубани те же показатели составили 13,3‰ и 9,3‰[36]. Сократилась детская смертность[37]. Однако стоит учесть, что 1945 г. был наполовину мирным, а значит цифры не стоит переоценивать. Кроме того, выигрышное сравнение показателей с данными 1940 г. также нуждается в уточнении, поскольку предвоенная смертность была отнюдь не самой низкой[38].

Оккупация Ставрополья продлилась почти полгода, Кубани — немногим более года, однако её последствия оказались катастрофическими. Указом Президиума Верховного совета СССР от 2 ноября 1942 г. для расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причинённого ущерба гражданам, предприятиям и организациям СССР была создана Чрезвычайная государственная комиссия[39]. После освобождения Ставропольского и Краснодарского краёв она осуществляла расследования на их территории. Итоги работы на Кубани были опубликованы в августе 1943 г. в брошюре «Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации»[40]. Согласно ей, погибли 48 560 мирных граждан и 6 570 военнопленных, угнаны в Германию 48 464 человека[41]. В Ставропольском крае убито и замучено 31 645 мирных граждан и 277 военнопленных, 1 985 человек угнаны в Германию[42]. Кроме того, уничтожалось еврейское население: в Краснодарском крае погибли около 20 500 человек, в Ставропольском — 25 тыс.[43]

---

[32] РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 394, л. 7—9, 13—15; д. 545, л. 1—2; д. 1015, л. 1, 6; д. 1457, л. 1, 12; д. 1883, л. 1—2.

[33] Население России в XX веке... Т. 2. С. 98.

[34] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 33, д. 1052, л. 47; д. 2990, л. 28—32.

[35] Рассчитано по: ГАНИ СК, ф. 1, оп. 2, д. 1792, л. 2, 8—9.

[36] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1883, л. 1; д. 545, л. 1.

[37] ГА КК, ф. Р-1393, оп. 1, д. 166, л. 2—3.

[38] *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946—1947 гг. Происхождение и последствия. М., 1996. С. 149.

[39] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. М., 1956. С. 96—98; Ведомости Верховного совета СССР. 1942. № 40.

[40] ГА КК, ф. Р-897, оп. 1, д. 31, л. 2—33 об.

[41] РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 515, л. 14.

[42] Там же; Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / Науч. ред. Т.А. Булыгина; Сост. В.В. Белоконь, Т.Н. Колпикова, Я.Г. Кольцова, В.Л. Мазница. Ставрополь, 2005. С. 129—138.

[43] *Войтенко Е.А.* Холокост на Юге России в период Великой Отечественной войны (1941—1943 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. С. 142, 165.

К моменту освобождения от оккупации население Краснодарского края сократилось на 18% (490,7 тыс. человек) по сравнению с 1939 г., Ставропольского — на 22,4% (404,1 тыс.) и насчитывало 2 203,4 и 1 399,9 тыс. человек соответственно[44]. По далеко не полным данным в абсолютных цифрах убыль жителей Кубани к ноябрю 1944 г. по сравнению с предвоенным временем составила 728,7 тыс. человек, в том числе 457,8 тыс. сельских жителей и 270,9 тыс. горожан. На Ставрополье население сократилось на 409,8 тыс. человек, из них 302,7 тыс. жителей сёл и 107,1 тыс. горожан[45]. В большинстве своём это были прямые потери, составившие в Краснодарском крае свыше 450 тыс.[46], на Ставрополье — более 180 тыс. человек[47]. В целом в обоих регионах население сократилось более чем на 20%. Особенно пострадало городское население, которое на Кубани сократилось на треть, на Ставрополье — почти на четверть[48]. Последствия войны ещё долго сказывались на демографическом развитии региона, который тяжело возвращался к мирной жизни.

Подводя итог, отмечу, что при выяснении численности населения РСФСР и восстановлении объективной картины демографических изменений в 1941—1945 гг. могут использоваться уточнённые данные о количестве жителей отдельных регионов. Кроме того, анализ динамики общей численности населения может быть значительно расширен и дополнен анализом составляющих его компонентов: рождаемости, смертности, миграционных перемещений. Недостаток статистики можно компенсировать расчётами соответствующих показателей и вероятностно-статистическим моделированием.

Наталья Араловец

Здравоохранение тыла в годы Великой Отечественной войны

Natalya Aralovets (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Health care in the rear during the Great Patriotic War

DOI: 10.31857/S086956870005105-6

В историографии Великой Отечественной войны проблема численности населения СССР и РСФСР до сих пор остаётся не только сложной, но и дискуссионной. Расчётные данные, представленные В.Б. Жиромской, В.А. Исуповым и Г.Е. Корниловым на основе анализа новых архивных данных, позволяют восстановить динамику численности населения РСФСР и ряда её регионов в 1939—1945 гг. Благодаря этому становится возможным выявление показателей брачности, рождаемости, заболеваемости и смертности населения в условиях военного времени. Тем более что потери гражданского населения в годы войны, как отмечают исследователи, оказались наиболее значительными. Сделанные авторами расчёты помогают уточнить потери, их слагаемые и численные соотношения. Вместе с тем расширяется круг проблем, связанных с представленным исследованием. Одна из них — функционирование системы

---

[44] *Колесник А.Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны. М., 1982. С. 112.

[45] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 475, л. 54—56, 62—65.

[46] РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2217, л. 23—24; *Жинкин А., Паламарчук О.* Кубань: история, экономика, культура. Краснодар, 2001. С. 162.

[47] Край наш Ставрополье. Очерки истории / Науч. ред. Д.В. Кочура, В.П. Невская. Ставрополь, 1999. С. 358.

[48] Рассчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 475, л. 54—56, 62—65.

здравоохранения в тыловых районах СССР. Важно изучить особенности организации всех звеньев медицинской помощи населению, кадрового состава медиков, оснащения лечебно-профилактических учреждений необходимыми медикаментами и оборудованием, а также лечения и профилактики (прежде всего наиболее опасных инфекционных болезней).

Медицинское обслуживание гражданского населения в тылу имело свои особенности. Значительные трудности вызывала мобилизация медработников на фронт. В условиях увеличения уровня заболеваемости и смертности населения острая нехватка кадров заметно увеличивала нагрузку на оставшихся врачей, фельдшеров и медицинских сестёр. Однако определение степени этой нагрузки без адекватных данных о численности населения тыла представляется затруднительным. По данным историков, больше всего были загружены врачи и средний медицинский персонал в терапевтических, туберкулёзных и инфекционных отделениях больниц, где пациентов на одного врача приходилось: в 1940 г. — 25, в 1941 г. — 60; на одну палатную медсестру — 20 и 60. В хирургических, глазных, гинекологических, урологических, стоматологических отделениях эти показатели составляли соответственно 25 и 50; 25 и 50; в неврологических — 20 и 30; 20 и 30; в детских неинфекционных — 20 и 30; 15 и 20; в детских инфекционных — 20 и 30; 10 и 20; в детских скарлатинозных отделениях — 30 и 40; 20 и 40. Сложность работы медиков усиливалась дефицитом необходимых для лечения препаратов, оборудования и материалов[1].

В тыловых районах СССР[2] больничные учреждения сохраняли типовое разнообразие. В городах имелись общие и специальные, а также клинические, радиотерапевтические, туберкулёзные, детские больницы, родильные дома, клиники вузов, стационары научно-исследовательских институтов, лепрозории и люпозории. Работали станции скорой помощи, пункты неотложной скорой помощи, а также станции санитарной авиации. В сельских местностях действовали только общие, туберкулёзные и детские больницы, родильные дома и самостоятельные стационары. Общих и специальных больниц в городах было численно меньше, чем общих больниц в сельских местностях, однако сельские общие больницы отличались малой мощностью. Наряду с больницами в тыловых районах функционировали амбулаторные учреждения (с лечебными, диагностическими и родильными койками), но их численность была низкой[3].

Структура больничной сети изменялась в зависимости от потребностей военного времени. Опасность распространения инфекционных заболеваний, туберкулёза (особенно органов дыхания), желудочно-кишечных болезней обусловила численное повышение в структуре больничной сети коек для лечения таких больных. Кроме того, 3 ноября 1943 г. Наркомат здравоохранения (НКЗ) СССР издал специальный приказ об улучшении рентгенологической, радиологической и онкологической помощи населению. Особое внимание медики

---

[1] РГАЭ, ф. 1562, оп. 18, д. 245, л. 2; д. 260, л. 3, 13; *Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С.* Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Л., 1985. С. 198, 200, 201.

[2] В отчёт Наркомздрава СССР за 1941 г. были включены 9 республик: РСФСР, Азербайджанская, Армянская, Грузинская, Казахская, Киргизская, Таджикская, Туркменская и Узбекская ССР. В 1942 г. и 1944 г. в отчёт по территории РСФСР не включались: Краснодарский и Ставропольский края, Воронежская, Ленинградская, Ростовская, Смоленская и Сталинградская области, а также Кабардино-Балкарская, Калмыцкая, Крымская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская АССР (РГАЭ, ф. 1562, оп. 18, д. 245, л. 1; д. 260, л. 12; д. 293, л. 37 об.—38).

[3] РГАЭ, ф. 1562, оп. 18, д. 245, л. 2, 4; д. 260, л. 3, 5, 13,15; д. 284, л. 5; д. 291, л. 1—2; д. 293, л. 17, 37 об.—38.

уделяли оказавшимся в тяжелейших условиях хроническим больным. Для них также увеличивалось количество коек[4].

Из-за бомбёжек мирного населения в городах перестраивалась созданная ещё в августе 1938 г. медико-санитарная служба местной противовоздушной обороны (МПВО). В июне 1942 г. по решению НКЗ СССР медучастки МПВО были реорганизованы в медико-санитарную службу МПВО. Эти службы создавались на базе наиболее крупной поликлиники. Из персонала лечебных учреждений создавались отряды первой медпомощи населению, пострадавшему от бомбёжек[5]. В сентябре 1941 г. такие отряды появились в Московском метрополитене — главном убежище жителей города. Одновременно формировались районные травматологические отряды.

В тыловых районах СССР работали женские и детские консультации, родильные дома. В 1944 г. доля административных районов, не имевших этих учреждений, составляла 20,5%, в РСФСР — 18,5%[6]. Медики осуществляли обслуживание рабочих и служащих предприятий оборонной промышленности, поскольку в тылу широко распространялись такие тяжёлые болезни, как воспаление лёгких, туберкулёз, болезни сердца и органов кровообращения, пищеварения, онкологические заболевания и т.д. Кроме того, ввод в действие эвакуированных промышленных предприятий и создание новых проводились в тяжелейших природно-климатических условиях, подрывавших силы организма. Важно также отметить доминирование на производстве женщин и подростков, работавших зачастую без профессионального опыта, что заметно повышало опасность производственного травматизма.

Всё это остро поставило вопрос об организации медико-санитарного обслуживания рабочих и служащих оборонной промышленности, и 12 ноября 1941 г. вышел приказ НКЗ СССР о создании медико-санитарных частей на предприятиях[7]. Эти части объединяли все лечебно-профилактические учреждения (здравпункт, амбулаторию, на крупных заводах — поликлинику и больницу, детские ясли и др.). При них также создавались небольшие больницы, организовывались ночные профилактории, проводились санитарно-профилактические мероприятия.

На предприятиях оборонпрома организовывались здравпункты. Согласно приказу НКЗ от 22 ноября 1941 г., для стационарного лечения рабочих за каждым заводом закреплялось необходимое число больничных коек или выделялись специальные отделения. Ко всем основным заводам при отсутствии закрытых поликлиник прикреплялись ближайшие поликлиники города, а также ближайшие аптеки. Кроме того, закрытые аптеки для отпуска медикаментов создавались в помещениях заводских поликлиник[8].

Количество здравпунктов увеличивалось: врачебных — с 1 711 в 1941 г. до 2 130 в 1942 г. (на 124,4%); фельдшерских и сестринских — с 1 323 до 2 433 (на 183,9%). Из данных наркома здравоохранения РСФСР А.Ф. Третьякова видно, что в конце 1943 г. на предприятиях оборонки действовало 150 медсан-

[4] Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Сборник документов и материалов. М., 1977. С. 345—346.

[5] Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны... С. 157.

[6] Подсчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 18, д. 282, л. 1в. См. также: *Яровинский М.Я.* Здравоохранение Москвы (1581—2000 гг.). М., 1988. С. 139—140, 150—151, 155.

[7] РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 801, л. 5—5 об.; Население России в XX веке... Т. 2. С. 95; *Виноградов Н.А.* Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). М., 1955. С. 23.

[8] Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны... С. 61—62.

частей, свыше 150 закрытых поликлиник и 3 600 здравпунктов. На здравпунктах трудились 1 880 врачей и 10 тыс. среднего медперсонала. В 1942 г. (первый и второй кварталы) в Москве действовало восемь новых медсанчастей: пять — при заводах авиационной и три — на предприятиях химической промышленности[9]. Это способствовало снижению уровня заболеваемости и временной нетрудоспособности. В 1942 г. заболеваемость рабочих и служащих, особенно гриппом, острыми желудочно-кишечными болезнями, фурункулами и т.д. с временной потерей трудоспособности, имела высокие показатели. На 100 работавших временная нетрудоспособность по всем болезням (за исключением абортов, санаторно-курортного лечения и ухода за больными) составляла в Москве на трикотажной фабрике «Красный Октябрь» 1 138 дней; на кожзаводе им. В.И. Ленина в Казани — 2 315 дней; на паровозоремонтном заводе в Вологде — 1 319 дней. В первом полугодии 1943 г. по сравнению с аналогичным периодом 1942 г. показатели заболеваемости по промышленности боеприпасов снизилась на 31%, основной химии — на 29%, чёрной металлургии — на 22%[10].

Как уже отмечалось, на селе число врачей и медсестёр значительно сократилось из-за мобилизации. Особенно не хватало хирургов, акушеров-гинекологов, педиатров и др.[11] 28 июня 1944 г. НКЗ СССР издал приказ о мероприятиях по укреплению сельских врачебных участков. Не допускалось откомандирование врачей с участка или перевод их на другой участок без одновременной замены другим врачом; давались распоряжения о проведении текущего ремонта больнично-амбулаторных помещений, о выделении каждому участку конного транспорта, о создании врачам нормальных жилищно-бытовых условий, обеспечении их бесплатной квартирой, отоплением и освещением. Принятые меры способствовали увеличению количества сельских врачебных участков с больницами в союзных республиках: в Узбекской ССР до войны их насчитывалось около 39%, к 1945 г. — 81%, в Киргизской соответственно — 32 и 58%, в Туркменской — 11 и 43% и т.д. Численное увеличение участков было также характерно для Грузинской и Казахской ССР. В сельских тыловых районах стало больше амбулаторно-больничных врачебных участков. Самый высокий их процент отмечался в Таджикской (76), низкий — в Азербайджанской (9) и Грузинской ССР (11,5). РСФСР по количеству таких участков уступала Таджикской ССР (60,4%).

Больше стало сельских больниц: в СССР — на 5,8%, число коек в них — на 5,8%; в РСФСР соответственно — на 4,1 и 2,9%. В закавказских республиках число коек увеличилось на 5,7%. Соответственно росло число госпитализированных больных: в СССР на 1 тыс. сельского населения в 1940 г. было госпитализировано 38, в 1944 г. — 48,8 человек. Однако, как отмечалось, доминировали маломощные больницы (до 25 коек), что значительно ограничивало возможность организации в них специализированных коек, особенно

[9] Подсчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 18, д. 245, л. 4; д. 260, л. 5. См. также: *Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С.* Советское здравоохранение... С. 200; *Яровинский М.Я.* Здравоохранение Москвы... С. 146, 154—155.

[10] РГАЭ, ф. 1562, оп. 18, д. 265, л. 10; *Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С.* Советское здравоохранение... С. 200; *Шевченко Ю.Л.* Вклад военного и гражданского здравоохранения страны в победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. // Медицина и здравоохранение в дни войны и мира. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 55-летию победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, 25—26 апреля 2000 г. М., 2000. С. 54.

[11] РГАЭ, ф. 1562, оп. 18, д. 245, л. 7, 8; д. 260, л. 17, 17 об.

хирургических, кожно-венерологических и других. За годы войны в сёлах выросло число фельдшерско-акушерских пунктов: по РСФСР — на 19,2%, по республикам Закавказья — на 12,5%, по Средней Азии — на 9,7%. Однако в целом по СССР число роддомов уменьшилось на 31,2%, число родильных коек в них — на 36,8%. На селе общее число родильных коек сократилось на 36,1%[12].

Война заметно осложнила санитарно-эпидемическую ситуацию. Боевые действия, передвижения войск, бомбёжки и обстрелы гражданского населения, эвакуация, быстрое снижение качества жизни большинства жителей страны способствовали распространению инфекционных болезней. В 1942 г. в тыловых районах СССР (сопоставимая территория) по отношению к 1940 г. случаи заболеваний брюшным тифом составили 109%, к 1941 г. — 175% (в РСФСР — 132 и 197,2%); сыпным тифом — 836,6% и 622,7% (816,1 и 634,2%); паратифом — 94,9% и 160% (106,9 и 175,8%)[13]. К сожалению, отсутствие надёжных данных о численности жителей тыла не позволяло оценить уровень заболеваемости этими болезнями. Заметным продвижением в этом направлении стали расчётные данные численности населения РСФСР и ряда её регионов в рассматриваемые годы, сделанные авторами обсуждаемой статьи.

Опасность распространения инфекций обусловила необходимость проведения противоэпидемических мероприятий. 2 февраля 1942 г. Государственный комитет обороны (ГКО) принял специальное постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и в Красной армии». В союзных республиках, областях, районах и городах создавались чрезвычайные противоэпидемические комиссии. Уполномоченным ГКО по проведению противоэпидемических мероприятий был назначен нарком здравоохранения Г.А. Митерёв.

Особое значение имели вакцинация и ревакцинация населения против инфекционных болезней, в том числе оспы, брюшного тифа, дизентерии, дифтерии и др. В армии организовывались санитарно-контрольные пункты, санитарно-эпидемиологические отряды, омывочно-дезинфекционные роты, инфекционные полевые подвижные госпитали, прачечно-дезинфекционные отряды эвакуационного пункта, гарнизонные банно-прачечные дезинфекционные отряды для обслуживания запасных частей, санитарно-эпидемические лаборатории и дезинфекционно-инструктивные отряды. Противоэпидемические мероприятия проводились на железнодорожном транспорте. Для систематического санитарного осмотра проходящих эшелонов создавались санитарно-контрольные пункты. К 1944 г. они работали уже на 313 станциях. Пассажиры могли купить билеты только после предоставления справки о прохождении ими санитарной обработки[14]. Принимались меры для предупреждения заболеваний на речном флоте. На всех пристанях, судах, судоремонтных базах и затонах

---

[12] Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны... С. 419—420, 523, 524, 525—527, 529; *Виноградов Н.А.* Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны... С. 25—26.

[13] Подсчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 18, д. 251, л. 2; д. 264, л. 1; оп. 329, д. 2248, л. 23, 26; *Прохоров Б.Б.* Здоровье населения России в XX веке. М., 2001. С. 91—92.

[14] РГАЭ, ф. 1562, оп. 18, д. 251, л. 8; д. 252, л. 3—116; д. 284, л. 1—2; д. 300, л. 114, 119; *Смирнов Е.И.* Война и военная медицина. Мысли и воспоминания 1939—1945. М., 1976. С. 205—206, 208—210; *Виноградов Н.А.* Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны... С. 18—19; *Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С.* Советское здравоохранение... С. 207—208; *Шевченко Ю.Л.* Вклад военного и гражданского здравоохранения страны в победу... С. 52.

устанавливался жёсткий санитарный режим, проводилась комплексная санитарно-противоэпидемическая и лечебная работа[15].

В приказе НКЗ СССР «О противоэпидемической работе городских поликлиник и амбулаторий и укреплении участковой территориальной системы медицинского обслуживания городского населения» от 22 мая 1942 г. перечислялись меры контроля за обстановкой. Среди них — своевременное выявление температурящих больных, а также «подозрительных на инфекционные заболевания»; посещение больных в день вызова и обеспечение ранней диагностики заболеваний; срочная госпитализация инфекционных больных и больных с подозрением на такие заболевания; наблюдение за проведением своевременной дезобработки очагов и санитарной обработки лиц, имевших контакт с больными; наблюдение за переболевшими желудочно-кишечными инфекциями; проведение профилактических прививок и т.д.[16] Противоэпидемической работой должны были заниматься все медицинские работники, независимо от их специальности, а также профсоюзные и другие общественные организации. Возросла численность участковых врачей. В крупных поликлиниках и медико-санитарных частях вводилась должность заместителя главного врача по противоэпидемической работе. Увеличилось количество санитарно-эпидемиологических станций: в 1941 г. в СССР их было 1 760, в 1943 г. — 2 400 (в РСФСР — 1 313). Также действовали санитарно-гигиенические лаборатории, молочно-контрольные станции, санитарно-пищевые лаборатории и др.

Врачи систематически делали обходы своих участков. Для предотвращения внутрибольничных заражений пациентов в лечебных учреждениях были созданы приёмно-сортировочные отделения, специальные палаты для больных с температурой и изоляторы, а также налажена связь между поликлиниками и больницами, что давало возможность вовремя получать информацию о случаях заражений. Масштабы противоэпидемических мероприятий обусловили необходимость привлечения дополнительных кадров. В феврале 1942 г. НКЗ утвердил положение об общественном санитарном инспекторе. В сельской местности добровольными помощниками стали колхозные медицинские сёстры. Их силами проводились необходимые санитарно-профилактические и санитарно-просветительские мероприятия. В некоторых сёлах создавались заезжие дома, где можно было не только отдохнуть и переночевать, но и пройти санитарно-профилактический осмотр.

Одновременно в стране осуществлялся санитарный надзор над общежитиями, гостиницами, бомбоубежищами и детскими учреждениями, усиливались требования по очистке населённых мест от мусора. Кроме того, перестраивались по типу санпропускников бани, что определило развитие банно-дезинфекционной службы. Из данных по 18 областям РСФСР видно увеличение их количества на 46%, а пропускной способности — на 25%, дезинфекционных камер — на 95%. В Казахской ССР общественных бань стало больше на 17%, дезинфекционных камер — на 193%; в Киргизской — соответственно на 229 и

[15] См.: Приказ Наркомздрава СССР и Наркомречфлота СССР о мерах предупреждения эпидемических заболеваний на речном флоте, от 8 апреля 1942 г. // Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны... С. 126—127.

[16] Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны... С. 149.

на 277%[17]. Активные мероприятия проводились в Москве и блокадном Ленинграде[18].

Органы здравоохранения перестраивали систему противотуберкулёзной работы. Об этом свидетельствует приказ НКЗ СССР о мероприятиях по борьбе с туберкулёзом от 31 августа 1942 г., где отмечалось, что тубдиспансеры, тубпункты, туботделы поликлиник в очаге заболевания должны проводить следующие мероприятия: изоляцию бациллярного больного, госпитализацию, дезинфекцию, выявление и наблюдение за контактами больного. Работники диспансеров обязывались извещать обо всех выявленных больных, а санитарно-эпидемические станции — о каждом вновь выявленном больном с открытой формой туберкулёза. В роддомах в обязательном порядке следовало проводить вакцинацию всех новорождённых. В приказе предусматривалась обязательная госпитализация больных с открытой формой туберкулёза, проживавших в общежитиях и интернатах.

В 1942 г. Главное военно-санитарное управление Красной армии приняло меры по выявлению и эвакуации из действующей армии больных активным туберкулёзом лёгких. С 1 января 1943 г. была введена в действие инструкция о порядке обязательного извещения обо всех случаях заболевания. Они регистрировались в специальных учреждениях и санитарно-эпидемиологических станциях.

В больницах увеличивалось количество коек. Этому способствовали приказ НКЗ от 12 января 1943 г. и решения СНК СССР от 5 января 1943 г. Подчёркивалась необходимость до 1 мая 1943 г. развернуть сеть противотуберкулёзных стационарных лечебных учреждений на 12 тыс. коек. Предусматривалось открытие дополнительных дневных и ночных санаториев для больных костным и лёгочным туберкулёзом взрослых и детей на 3 тыс. коек при тубдиспансерах, а также для обслуживания больных, работавших в оборонной промышленности, служащих, учащихся школ ФЗО и ремесленных училищ в помещениях предприятий на 7 тыс. коек. В приказе НКЗ уделялось внимание созданию специальных садов на 15 тыс. мест для детей-туберкулёзников, а также лесных школ на 6 тыс. мест. Планировалось организовать в домах инвалидов медицинское обслуживание на 3 тыс. коек для больных-хроников. В медсанчастях или здравпунктах промышленных предприятий необходимо было проводить персональный учёт работавших больных, а также выполнять инструкции ВЦПС НКЗ СССР «О трудовом устройстве рабочих и служащих, имеющих заболевание туберкулёзом». Туберкулёзные больные предприятий оборонпрома (свыше 100 тыс. рабочих) получали дополнительное питание, переводились на более лёгкую работу[19].

В результате проведённых мероприятий расширилась больничная помощь и увеличилась сеть вспомогательных учреждений. Из данных Туберкулёзного отдела НКЗ РСФСР следует, что диспансеров, пунктов и отделений на 1 января 1942 г. было 454, на 1 января 1943 г. — 481. В 1943 г. количество диспан-

---

[17] РГАЭ, ф. 1562, оп. 18, д. 245, л. 6; д. 251, л. 2; д. 260, л. 7, 17; д. 264, л. 1; *Виноградов Н.А.* Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны... С. 19—21; *Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С.* Советское здравоохранение... С. 206—207; Двадцать пять лет советского здравоохранения. М., 1944. С. 25.

[18] *Яровинский М.Я.* Здравоохранение Москвы... С. 144; *Гладких П.Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда 1941—1944 гг. Л., 1985. С. 97—98, 106, 107—109, 111—112, 114.

[19] Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945... С. 181—183, 201, 232—233, 244—245; *Виноградов Н.А.* Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны... С. 21—22.

серных учреждений увеличилось до 626, коечный фонд вырос на 7 383 койки в больницах и на 1 378 коек в санаториях. К 1 сентября 1944 г. в СССР число больничных коек для больных туберкулёзом возросло на 13 тыс., общее их число (без Украины и Белоруссии) составило 26 053. При диспансерах создавались ночные и дневные санатории для взрослых и детей.

Борьбу с туберкулёзом осложняла нехватка врачей и медсестёр. В начале 1943 г. в амбулаторных тубучреждениях РСФСР обеспеченность врачами составляла 85%, сёстрами — 75%. Многие из них находились в пожилом возрасте, были перегружены работой, имели хронические заболевания. К концу года из-за возвращения эвакуированных врачей и медсестёр на освобождённые территории их число в тылу сократилось. В таких условиях к обслуживанию больных привлекали персонал поликлиник, амбулаторий, детских консультаций и т.д.[20]

Одновременно велась борьба с сыпным тифом, малярией, желудочно-кишечными инфекциями. В борьбе против тифа существенную роль сыграла специально разработанная М.К. Яцимирской-Кронтовской сыпнотифозная вакцина. В 1942 г. в Москве началось её производство, что дало возможность провести широкую вакцинацию населения[21]. Принятые меры способствовали снижению заболеваемости. В 1943 г. сократились случаи заболеваний сыпным тифом, скарлатиной, корью, дифтеритом. В Москве заболеваемость дизентерией снизилась в два раза по сравнению с 1942 г. Однако в 1944 г. отмечалось распространение сыпного и возвратного тифов, кори при одновременном понижении дифтерии и коклюша.

В 1943 г. в тыловых районах СССР зафиксировано случаев (тыс.): сыпного тифа — 184, возвратного тифа — 1, скарлатины — 47, кори — 129, коклюша — 160, дифтерии — 109; в 1944 г. соответственно — 311, 29, 43, 388, 156, 66. В 1945 г. увеличилась заболеваемость возвратным тифом, скарлатиной и корью[22]. Сложная инфекционная ситуация сохранялась и в последующие годы, однако эпидемий зафиксировано не было.

Система здравоохранения, перестроенная применительно к требованиям военного времени, смогла решить первостепенные задачи: осуществлять лечебно-профилактическую деятельность, бороться с инфекционными заболеваниями, не допускать эпидемий в тылу и в армии. Её слаженная работа, несмотря на огромные потери гражданского населения, способствовала сохранению демографического потенциала страны. Без результативного функционирования всей системы здравоохранения, самоотверженных усилий врачей и медсестёр масштабы потерь населения военного времени были бы намного значительнее.

[20] Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны... С. 361—362; *Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С.* Советское здравоохранение... С. 201—204.

[21] Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны... С. 143—145, 158—159, 259—264; *Яровинский М.Я.* Здравоохранение Москвы... С. 143—144, 150.

[22] РГАЭ, ф. 1562, оп. 18, д. 298, л. 2—40; д. 300, л. 4—109; оп. 329, д. 2248, л. 23, 26; Население России в XX веке... Т. 2. С. 94; *Прохоров Б.Б.* Здоровье населения России... С. 91.

Сергей Максудов

К проблеме изучения размеров и характера эвакуации в годы Великой Отечественной войны

Sergey Maksudov (Davis Center of Russian and Eurasian studies at Harvard University, USA)

On the scale and conditions of evacuation during the Great Patriotic War

DOI: 10.31857/S086956870005128-1

Под эвакуацией я буду понимать перемещение людей из западных районов СССР, которые стали или могли стать зоной боевых действий и оказаться занятыми врагом, в восточные, относительно безопасные в этом отношении. За рамками останутся движение воинских контингентов и вывоз раненых, перемещение военнопленных и депортации народов. Оценка размеров миграции необходима не только для того, чтобы получить более полное представление о положении в годы войны, но и для более точного расчёта размеров потерь — как для отдельных регионов, так и для всей страны. Убыль на фронте и в тылу имеет надёжные и хорошо разработанные методы изучения, в то время как часто перемещавшиеся эвакуированные легко могли быть пропущены при учёте.

Наиболее ценным источником для изучения эвакуации являются картотеки эвакуированных в архивах государств, возникших на территории бывшего СССР. Учёные предлагают создать компьютерную базу данных имён беженцев Второй мировой войны, содержащую сведения об их возрасте, поле, профессиях, местах работы, прежних и новых местах жительства. Для этого можно использовать списки и картотеки, хранящиеся в центральных и областных архивах России, Белоруссии, Казахстана и ряда других республик бывшего СССР и в Центре розыска и информации Российского Красного Креста. Предлагаемая база данных даст возможность изучить численность, социально-демографический и национальный состав беженцев. Конечно, поиск, просмотр и компьютеризация всех этих материалов — огромная работа, однако она очень важна для будущих исследований.

При этом следует иметь в виду, что в ряде областей беженцы долгое время оставались в картотеке, хотя давно уже убыли дальше на восток. Кроме того, сведения картотек не учитывают всех беженцев — особенно поселившихся в сельской местности или небольших населённых пунктах, в частности, перегонявших на восток скот и колхозную технику, а также переселяемых целыми колхозами. При этом в ходе эвакуации и на местах временного проживания отмечалась высокая смертность беженцев и, естественно, умершие не входят в итоговые картотеки. Наконец, не стоит забывать, что часть переселенцев осела в районах, оказавшихся через некоторое время под оккупацией.

Для оценки общей численности необходимо использовать и материалы картотек, и массивы документов о выбытии из населённых пунктов, и данные транспортной статистики, и сведения о численности населения в некоторых оккупированных городах. Не следует пренебрегать и официальными данными, направлявшимися правительству местными властями и органами статучёта. В западной историографии распространено представление, что, поскольку советские инстанции полностью зависели от правительства, в ответе на вопрос о количестве эвакуированных подчинённые ориентировались на установки начальства. Иногда это действительно было так, но в то же время государственная система нуждалась в достоверной информации, и таковую старались получить.

Постановление об эвакуации было принято ЦК ВКП(б) и СНК СССР 27 июня 1941 г. В первую очередь вывозились «важнейшие промышленные ценности» и «квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуированными предприятиями, население (в первую очередь молодёжь), годное для военной службы, ответственные советские, партийные работники»[1]. Главной целью эвакуации являлось не столько спасение населения от угрозы уничтожения врагом, сколько сохранение необходимых для продолжения войны материальных и людских ресурсов, в частности вывоз оборонных предприятий и их работников. Об этом свидетельствовали даже названия и содержание соответствующих статей в советских энциклопедиях[2]. Первоочередное право на эвакуацию получали мужчины призывных возрастов, сотрудники вывозимых предприятий и учреждений и члены их семей. Картотеки эвакопунктов фиксировали лишь взрослое население (старше 16 лет). Сами пункты действовали только в больших городах и на узловых железнодорожных станциях, из-за чего учёт численности переселенцев был неполным.

В прифронтовой полосе организация эвакуации поручалась местным властям, командованию фронтами и военными округами, Наркомату транспорта. В развитие постановления ЦК и СНК командование Юго-Западного фронта приказало разработать план вывоза семей начсостава, предприятий Наркомата обороны (мастерские, склады, учреждения) с их инженерно-техническим составом и квалифицированной рабочей силой. Одновременно предлагалось составить план отвода населения. Направлять потоки жителей следовало «по просёлочным дорогам, не занятым передвижением войск, категорически запрещать отводить население по шоссейным дорогам»[3].

Но практически с самого начала войны — намного раньше, чем были составлены планы организованной эвакуации, — с запада на восток хлынул стихийный поток беженцев. Бежали пешком, на телегах, попутных машинах. Жители выбирались из городов и посёлков и направлялись к родным, знакомым или куда глаза глядят, лишь бы подальше от угрозы плена. Нередко утверждают, что на каком-то этапе пути беженцы присоединялись к поездам с эвакуированными и в дальнейшем рассматривались советскими властями в качестве таковых. Иногда это имело место: Э. Ивенская, окончившая школу 21 июня 1941 г., рассказывала: «Уходим пешком. С небольшими рюкзаками за плечами, сшитыми мамой из отрезов тканей, заготовленных нам в приданое. Идём ночами, так как дороги простреливаются фашистскими самолётами. Направление — Великие Луки. Шли недели две, км 350. Нас погрузили на ст. Великие Луки на платформы и мы доехали до Ржева. Там уже эвакопункт, погрузили в вагоны-телятники и поехали. Куда везут — никто не знает, но подальше от войны. На станции Бологое страшная бомбёжка, разгромлен наш поезд, много погибших, кругом смрад, горят цистерны с горючим. Нам повезло, в наш вагон бомба не попала, и через несколько дней едем дальше. Выгружаемся в Бугуруслане (Чкаловская обл.), и нас направляют в колхоз»[4].

---

[1] Директива командования Юго-Западного фронта об организации эвакуации населения и материальных ценностей. 29 июня 1941 г. // Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Киев, 1985. С. 252.

[2] Эвакуация материальных ценностей и людских ресурсов // Словарь-справочник. Великая Отечественная война. 1941—1945. М., 1985. С. 477.

[3] Директива командования Юго-Западного фронта... С. 252—253.

[4] Материалы из архива В. Снитковского (Бостонский Мемориал) — интервью с эмигрантами из СССР.

Не столкнулся с организованной эвакуацией и Ю. Малкин, которого война застала 11-летним подростком: «Когда Брянск быстро стал прифронтовым городом, отец ушёл в отряд, в лес, а крыша нашего дома была изрешечена пулями немецких юнкерсов. Вечером пришёл наш жилец, пожилой офицер. Сказал, что фронта нет, и если за ночь мы не уедем, то погибнем. Он знал, что говорил. Днём по центральной улице города 3-го Интернационала шли наши войска. Солдаты опирались друг на друга, винтовки тащились, на лица смотреть было тяжело — смертельная усталость и безразличие. Вестей от отца не было, взяли мы несколько буханок хлеба, бидон с топлёным маслом и мёдом, заготовленный мамой, денег было мало, а вещи наши не представляли ценности, добрались до железнодорожной станции. Там стоял товарный состав с обгоревшими вагонами. Влезли на открытую платформу и терпеливо ждали: выбора не было, а ночью горелый состав начал движение... Выбрались из фронтовой зоны, а затем в далёкой Башкирии пухли от голода, хотя иногда жмых и луковица помогали обмануть голод»[5].

В справке Одесского обкома Центральному комитету КП(б)У от 15 октября 1941 г. (за несколько часов до оставления города) говорится: «Эвакуировано из города железнодорожным и водным транспортом 216 500 человек. В том числе: из районов Одесской обл. — 1 500, граждан Бессарабии — 60 000, членов семей военнослужащих — 18 000, граждан г. Одессы — 137 000. В указанное количество эвакуированных не вошли люди, эвакуация которых проходила помимо эвакопункта различными способами и средствами передвижения (автотранспорт, гужтранспорт, железнодорожный транспорт до прекращения продажи билетов и проч.). По предварительным данным всего выбыло из города около 400 тыс. человек»[6]. Заметим, что население Одессы составляло приблизительно 600 тыс. человек. Город покинуло, таким образом, две трети жителей: 155 тыс. (25%) организованным порядком и примерно 250 тыс. (42%) бежали самостоятельно, кому как удалось. При этом неорганизованный выход населения усложнился уже в начале августа, когда город оказался блокирован с суши.

О трудностях, с которыми сталкивались пытавшиеся выбраться из Одессы морем, рассказал со слов своего дяди Мирона В. Снитковский: «В октябре стало ясно, что наши город не удержат, но пробиться на пароход было невозможно. Нужно было получить эвакоталон, но желающих было больше, чем возможностей у флота. Фронт стоял уже у самого города. Утром в порт приходили корабли, а вечером на них увозили пленных, раненых и эвакуируемых... Отец по роду своей работы бывал в штабе укрепрайона. Однажды какой-то офицер спросил его, что делает он — пожилой еврей — в городе. Отец объяснил, что не может достать эвакоталоны для семьи. Офицер сразу же пошёл к кому-то доложить, и мы на следующий день в сопровождении офицера были доставлены в порт. Там стояла очередь машин с особыми пропусками длиной в полкилометра. С левой стороны шли пешие с пожитками. Наш офицер стал на подножку, чтобы его видели и, обогнав очередь, подъехал к КПП. Благодаря офицеру нас и вещи никто не проверил, но мы дрожали изрядно. Дело в том, что вещи в мешках были накрыты брезентом, а под ним спряталась девушка — дочь наших знакомых. У неё не было эвакоталона. Имя её я не запом-

[5] Там же.

[6] Справка, предоставленная Одесским обкомом партии Центральному комитету КП(б)У, о ходе эвакуации предприятий и учреждений и населения Одессы // Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 265—266.

нил». Корабль подорвался на мине в Керченском проливе, но всё же доплыл до Новороссийска. «Отцу удалось поговорить с предгорисполкома, которому он показал справку о том, что его сын Семён в армии, и письмо о том, что сын лежит в госпитале недалеко от Ростова. Нам разрешили остаться в порту и пообещали решить вопрос после того, как разгрузят порт»[7]. Следует заметить, что семье, трое сыновей которой служили в армии, удалось выбраться из города лишь случайно, с помощью знакомых.

В советской справочной литературе число эвакуированных оценивается, как правило, в 10—12 млн человек. Отвечавший за их учёт заместитель председателя СНК РСФСР К.Д. Памфилов 25 декабря 1941 г. сообщал заместителю председателя Совета по эвакуации при СНК СССР А.Н. Косыгину, что «по приближённым подсчётам было эвакуировано 10 000 000 человек»[8]. Не приходится сомневаться, что Панфилов знал, что в его картотеке учтены меньше 7 млн. Но он также знал, как производится учёт беженцев, какие категории под него не попадают и поэтому вносил в сведения соответствующие поправки. Маловероятно, что они диктовались какими-то ведомственными или политическими соображениями — вряд ли кто-то мог позволить себе сознательно искажать предназначавшуюся для руководства страны информацию.

Академик Г.А. Куманёв по результатам изучения переписи эвакуированного населения, проведённой в марте—апреле 1942 г., и ряда других неназванных источников пришёл к выводу, что в 1941—1942 гг. удалось эвакуировать 17 млн человек[9]. Цифра эта сильно расходится со сведениями картотек эвакуированных и, возможно, несколько завышена. Представляется, что уточнить её позволит полный учёт всех имеющихся материалов.

Официальные данные опираются преимущественно на транспортную статистику. «По железной дороге за вторую половину 1941 г. было переправлено... в тыл более 10 млн человек и водным транспортом — 2 млн»[10]. Существует и более подробная роспись: «В сложнейших условиях первых дней войны удалось эвакуировать 120 тыс. человек из прибалтийских республик, 300 тыс. — из Молдавии, более одного миллиона — из Белоруссии, 350 тыс. — из Киева, а всего из Украины — 3,5 млн, из Ленинграда — 1,7 млн, Москвы — 2 млн. До 1 февраля 1942 г. по железной дороге было эвакуировано 10,4 млн человек». В ходе эвакуации особое внимание обращали на вывоз детей и подростков: «В течение месяца из Ленинграда было вывезено 300 тыс. детей, из Москвы и пригородов — около 500 тыс. Эвакуация детей продолжалась и в последующем. Из Ленинграда в навигацию 1942 г. через Ладожское озеро было перевезено 130 тыс. детей. Только в тыловые районы РСФСР выехало около 2 тыс. детских домов (более 200 тыс. детей). На Восток были эвакуированы учащиеся 715 школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ с контингентом 125 тыс. человек»[11].

Несомненно, сведения транспортной статистики могут быть заметно преувеличены, поскольку эвакуированные нередко совершали на своём нелёгком пути остановки, а потом — при приближении немцев или по другим причинам — вновь отправлялись в путь. В ряде случаев места первоначальной эвакуации (Харьков, Сталинград, Ростов-на-Дону) оказывались под угрозой захвата

---

[7] Материалы из архива В. Снитковского (Бостонский Мемориал).

[8] *Куманёв Г.А.* Эвакуация населения из угрожаемых районов СССР в 1941—1942 гг. // Население России в XX веке... Т. 2. С. 60—81.

[9] Там же.

[10] Словарь-справочник. Великая Отечественная война. 1941—1945. С. 477.

[11] Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 801—803.

и скопившееся там население вынуждено было вновь трогаться в путь. Так что возможен двойной и даже тройной счёт. Наблюдается расхождение сведений о числе эвакуированных, прибывших в некоторые области, с данными, представленными местными властями в центр: по Свердловской обл. — 719 и 379 тыс. человек, по Чкаловской — 406 и 217 тыс. Но из этого не следует, что результаты транспортного учёта абсолютно не верны, некоторые из них совпадают с другими источниками.

Неплохо, на мой взгляд, подтверждается приведённая выше цифра о 350 тыс. эвакуированных из Киева. Перед войной в городе проживали 850—900 тыс. человек. Мобилизация в Красную армию и ополчение составила примерно 70 тыс., численность уничтоженных гитлеровцами евреев приблизительно равна 60—70 тыс. Несколько десятков тысяч человек в начале 1942 г. были отправлены на работу в Германию. Итого в городе должно было оставаться 350—400 тыс. человек. Перепись населения, проведённая немцами 1 апреля 1942 г., учла 352 тыс. жителей[12]. Эти данные неплохо согласуются с советской оценкой численности эвакуированных[13]. Выше отмечалось, что к моменту оккупации Одессы там оставалось около трети довоенного населения. Похожая картина наблюдалась в Киеве и других крупных городах Украины. Так, в Харькове, насчитывавшем перед войной около 900 тыс. жителей, по немецкой переписи в декабре 1941 г. проживали 456 639 человек. Население Днепропетровска сократилось с 528 тыс. перед войной до 166 тыс. по данным немецкого учёта[14].

Переселение сельских жителей на восток предусматривалось решением СНК СССР от 3 сентября 1941 г. и постановлением СНК УССР и ЦК КП(б)У от 4 сентября того же года. В областях и районах составлялись списки переселяемых колхозов, подавались заявки на транспорт и начинался перевоз населения, угон скота и вывоз зерна. Например, предусматривался переезд из Запорожской обл. в Саратовскую. Кроме того, повсеместно перебазировались МТС и сельскохозяйственная техника в сопровождении колхозников и рабочих совхозов. Скот отправлялся на восток главным образом своим ходом[15].

О высокой смертности эвакуируемых от боевых действий, голода и болезней есть множество мемуарных свидетельств, но нет обобщённых статистических сведений. Сбор их, по сути, только начинается. Так, в г. Котельнич Кировской обл. (численность населения 27 тыс. человек) открыт памятник эвакуированным, на котором выбиты 2 796 имён похороненных там беженцев.

Поскольку картотеки неполны, большую роль в изучении процесса эвакуации может сыграть устная история (опрос бывших беженцев и их соседей по месту проживания). Эти материалы помогут оценить полноту хранящихся в архиве данных и соотношение организованной и стихийной эвакуаций.

---

[12] *Малюженко Л.* Київ, 1942. Управа міста Киева. Статистичний відділ. Київ, 1943. С. 21—22.

[13] Из отчёта Киевского горкома партии обкому КП(б)У // Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 289.

[14] *Скоробогатов А.В.* Харків у часи німецкої окупації. 1941—1943. Харків, 2006.

[15] Из постановления Запорожского обкома КП(б)У и облисполкома о мероприятиях по переселению колхозов из Запорожской области // Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 264.

Демографические перемены в СССР в 1940-х — начале 1950-х гг.

Василий Попов

Demographic changes in the USSR in the 1940s — early 1950s

Vasiliy Popov
(Moscow Pedagogical State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870005139-3

Демографическое развитие Советского Союза в 1940-х — начале 1950-х гг. относится к числу наиболее сложных проблем современной науки, прежде всего в связи с влиянием войн — Советско-финляндской (1939—1940) и Великой Отечественной (1941—1945). Относительно последней самыми важными вопросами для большинства исследователей по-прежнему остаются оценка людских потерь и реальная картина естественного движения населения СССР. Ещё в научной литературе 1920-х гг. для описания последствий Первой мировой войны был введён термин «демографическая катастрофа»[1]. Помимо войн в это понятие учёные включили различные социальные катаклизмы, в первую очередь политические репрессии и голод, череду катастрофических событий, следовавших одно за другим на протяжении длительного периода[2]. Такой методологический подход представляется мне вполне обоснованным, поскольку позволяет сформулировать главный вопрос: в какой степени война, а в какой политика повлияли на демографическое развитие нашей страны в рассматриваемый период?

В демографической науке для более точного описания соответствующих процессов принято применять как общие, так и повозрастные коэффициенты естественного движения населения. Между тем в архивах хранится масса документов, содержащих показатели, характеризующие общее число соответствующих демографических событий за определённый отрезок времени — рождений, смертей, браков и др. Именно абсолютные цифры — основа большинства справок и иного материала, которым пользовались руководители партии и правительства СССР. Значительная часть этих документов не была опубликована. Цель данной статьи — восполнить такой пробел и получить общие представления о динамике происходивших процессов.

Моя позиция в отношении общей характеристики первых послевоенных лет такова: жестокий или «консервативный» курс Сталина не был продиктован исключительно трудностями периода восстановления страны, необходимостью очередного мобилизационного рывка, чтобы преодолеть разруху и догнать экономически развитые государства. Никакой предопределённости в сохранении

[1] См.: *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

[2] Демографическая модернизация России, 1900—2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 2006. С. 399—400.

довоенного курса во внутренней политике не существовало, слишком велики были потенциал победителей и их желание жить по-новому. Эти доминантные настроения населения Советского Союза находились в резком противоречии с желанием стареющего вождя сохранить свою безграничную власть, что и объясняет его внутриполитическую линию[3], повлиявшую на демографическое развитие страны.

Среди исследователей по-прежнему возникают острые споры относительно состояния источниковой базы темы. Долгие годы даже представители местных органов власти практически находились в информационном вакууме[4], а те немногие цифры, что попадали в открытую печать, подвергались тщательной цензуре. Массовое рассекречивание архивных документов, в том числе связанных с демографической историей советского общества, началось сравнительно недавно — на рубеже 1980—1990-х гг.

В 1940-х — начале 1950-х гг. политическое руководство СССР и главы его важнейших ведомств обладали только теми сведениями о населении, которые регулярно поступали от соответствующих государственных служб. В фондах Совета министров, Госплана, ЦСУ, Минздрава, органов ЗАГС, входивших в рассматриваемый период в систему НКВД—МВД СССР хранится огромное количество секретных документов, касающихся естественного движения населения, его миграций, заболеваемости, причин смертности людей и проч.

Также большой объём справочного материала хранится в личных фондах И.В. Сталина и В.М. Молотова, чья осведомлённость о проблеме носила почти абсолютный характер. Среди некоторых демографов существует мнение, что соответствующие научные выкладки исследователей того времени носили «поверхностный характер», в результате «об истинном положении вещей» руководители государства ничего не знали[5]. Впрочем, не научная ценность получаемых аналитических справок интересовала их в первую очередь, а цифры, отражавшие увеличение показателя естественного прироста населения. Подобное «убаюкивание» (без учёта реального положения дел)[6] создавало иллюзию о почти абсолютных возможностях действовавшей мобилизационной модели экономики для использования трудовых ресурсов страны.

Положительную динамику демографических процессов в послевоенные годы представители статистических органов объясняли не с научной точки зрения, а «улучшением материального уровня жизни населения в СССР» и «успехами советского здравоохранения» (как сообщил Сталину начальник

---

[3] *Попов В.П.* Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1946—1953). М., 2002.

[4] Например, в августе 1940 г. состоялось закрытое совещание по вопросу «о естественном движении населения» с участием работников Совнаркома СССР, НКВД, Наркомзема, Центрального управления народно-хозяйственного учёта (далее — ЦУНХУ), на котором представительница от Челябинской обл. Казанцева сообщила: «Была сессия, после сессии председатель облисполкома оставил председателей риков (районных исполнительных комитетов. — *В.П.)*, собрали пленум, и я им заявила, что такие-то районы на "чёрном" месте. Они за головы хватались, говорят: "мы знаем, что овец гибнет 9%, телят 15%, а то, что 35% ребятишек умирают — не знаем". Я приехала к ним с каким-то откровением» (ГА РФ, ф. 8009, оп. 32, д. 26, л. 36—52).

[5] Демографическая модернизация России.... С. 268.

[6] Согласно записке В.И. Старовского от 13 сентября 1952 г. на имя Л.П. Берии о естественном движении населения СССР и союзных республик за 1940-е гг., все республики, за исключением Украинской и Грузинской ССР, в 1951 г. по сравнению с 1940 г. имели положительный (чистый) прирост населения и снизили смертность (включая детскую). Анализ отрицательных сторон демографического состояния населения страны отсутствовал (РГАЭ, ф. 1562, оп. 33, д. 1052, л. 27—30).

ЦСУ СССР В.И. Старовский 15 января 1951 г.)[7]. Видимо, это устраивало и руководителей (могли использовать данные в пропагандистских целях), и статистиков (из-за страха быть репрессированными в случае предоставления иных сведений)[8].

Однако имелись и серьёзные научные разработки советских демографов, например профессора А.Я. Боярского. Будучи директором Бюро санитарной статистики, в марте 1945 г. он представил наркому здравоохранения СССР Г.А. Митереву анализ демографического развития Советского Союза за 1940—1944 гг. по не оккупированным Германией территориям, а в апреле 1946 г. — сводные данные по СССР и РСФСР за 1941—1945 гг. в сравнении с 1940 г. В первой записке Боярский сравнил динамику рождаемости за годы Первой и Второй мировых войн (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика рождаемости в годы Первой и Второй мировых войн
(*данные за 1914 г., 1941 г. = 100%*)

Годы	Рождаемость по отношению к году начала войны*	Годы	Рождаемость по отношению к году начала войны**
1914	100	1941	100
1915	82	1942	65
1916	62	1943	35
1917	60	1944	36

Составлено по: ГА РФ, ф. 8009, оп. 32, д. 245, л. 22—44.

* Подсчитано Боярским по данным переписи 1926 г.; по Европейской части СССР в границах 1926 г., без Урала и Северного Кавказа.

** Подсчитано по девяти республикам СССР.

Боярский скромно назвал свои расчёты «гипотезой, подлежащей исправлению», но для нас важны сам факт сравнительного анализа и вывод автора: «Падение рождаемости в Великой Отечественной войне глубже, но совершенно аналогично Первой мировой войне, оно идёт одинаковыми темпами два года, а в третьем году останавливается. Причиной остановки падения является, очевидно, возвращение части мобилизованных после ранений, а также некоторое восстановление уровня рождаемости в семьях, не затронутых мобилизацией»[9]. Как отмечал Боярский, в отношении бывших в оккупации территорий «картина должна быть резко отличной», но «для суждения о ней у нас нет необходимых сведений ни о населении, ни о его движении в период оккупации, даже данных за весь 1944 г. ещё нет»[10].

Исходя из данных таблицы 2 (по сопоставимой территории), падение рождаемости прекратилось в 1944 г. не только в целом по СССР, но и в РСФСР.

[7] Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ), ф. 3, оп. 56, д. 17, л. 168—170.

[8] Учёные давно отмечали трудности научного анализа демографических показателей естественного движения населения, поскольку их величины зависят не только от характера демографических явлений, но и «специфики возрастной структуры населения, доли в нём различных возрастных групп» (*Валентей Д.И., Кваша А.Я.* Основы демографии. М., 1989. С. 89).

[9] К сожалению, военные историки дали показатели уволенных из армии по ранению и болезни в 1941—1945 гг. «без разбивки» по годам, одной цифрой — 3 798,2 тыс. человек (из них 2 576 тыс. инвалидов) (Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 217).

[10] ГА РФ, ф. 8009, оп. 32, д. 245, л. 22—44.

Хотя в 1945 г. начался рост рождаемости в сравнении с военными годами, этот показатель составил по СССР лишь около 42% довоенного уровня, по РСФСР — 37%. Боярский отмечал, что изменения рождаемости в городах и сёлах происходили «одинаково», правда, в первом случае, начавшись «несколько раньше», они носили более выраженный характер (см. табл. 3, 4).

Итак, 1944 г. стал ключевым, так как произошёл перелом в динамике рождаемости; данные же по СССР — 53% довоенного уровня, РСФСР — 52,6%.

Как видим, в сравнении с городом показатели по селу за 1944 и 1943 гг. различаются не столь значительно. В сельской местности падение рождаемости происходило медленнее (при этом внутригодичная динамика, по данным Боярского, указывала на наличие перелома и в сёлах), а в 1945 г. начался её рост. Следовательно, город и село в 1945 г. перешли к мирной модели демографического развития. Однако в сельских поселениях падение рождаемости по отношению к довоенному уровню было существенным: по СССР — 36, РСФСР — 28,6%. Объясняется это тем, что на селе, в отличие от города, практически отсутствовала система бронирования от военной службы (сохранялась лишь для небольшой части руководителей, интеллигенции и механизаторов). При этом на долю РСФСР пришлось наибольшее число мобилизованных[11]. Кроме того, отсутствовало гарантированное продовольственное снабжение подавляющего числа сельского населения, а также сохранялся низкий уровень его медицинского обслуживания.

Подъём рождаемости в 1945—1946 гг. был обусловлен в первую очередь начавшейся демобилизацией военнослужащих из действующей армии. За неполный 1946 г. количество таковых возросло с 2,8 до почти 7 млн человек (см. табл. 5), большинство которых составляли мужчины трудоспособного возраста, в основном проживавшие в сельской местности. Например, такая картина была характерна для Курской, Орловской областей, Краснодарского края (временно оккупированных), Чкаловской обл. и Алтайского края (оставшихся в глубоком тылу). В Московской обл. демобилизованные распределялись между селом и городом с явным перевесом в пользу последнего[12].

При оценке факторов, повлиявших на рождаемость в 1945 и 1946 гг., следует также назвать репатриацию советских граждан, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны за пределами своей страны. По данным В.Н. Земскова, к 1 августа 1946 г. «к постоянному, избранному или установленному месту жительства» были направлены 3,3 млн репатриантов и внутренних перемещённых лиц, в том числе 1,1 млн мужчин, 1,5 млн женщин и 706 тыс. детей. По РСФСР подавляющее большинство таких лиц (91,5%) власть перемещала в ранее подвергавшиеся оккупации районы; всего по республике — 1,6 млн, в том числе 439,5 тыс. мужчин, 688,7 тыс. женщин и 450,4 тыс. детей[13].

---

[11] За годы войны с территории России было призвано 19,2% трудоспособных граждан (с учётом призванных перед войной — 22,2), из каждой республики Закавказья, Средней Азии и Казахстана — более 18, из Белоруссии — 11,7, из Украины — 12,2% (Россия и СССР в войнах XX века... С. 218).

[12] ГА РФ, ф. 5446, оп. 49, д. 3741, л. 15—19, 25—27, 56—60.

[13] *Земсков В.Н.* Возвращение советских перемещённых лиц в СССР. 1944—1952 гг. М., 2016. С. 176—179, 181.

Таблица 2

Сведения о рождаемости в СССР и РСФСР за 1940—1945 гг.
(*всего; тыс. человек*)*

Территория	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	3 528	3 230	2 032	1 096	1 094	1 402
РСФСР (по сопоставимой территории)	2 654	2 481	1 461	796	818	1 029
СССР (по всей территории)	5 596	—	—	—	—	2357
РСФСР (по всей территории)	3 644	—	—	—	—	1 344

Таблицы 2—4, 6—8, 10—12 составлены по: ГА РФ, ф. 8009, оп. 32, д. 246, л. 308—326 (видимо, Боярский пользовался секретными материалами ЦСУ и отдела актов гражданского состояния МВД СССР, включая показатели 1945 г.).

Таблица 3

Сведения о рождаемости в СССР и РСФСР за 1940—1945 гг.
(*в городах; тыс. человек*)

Территория	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	1 156	1 083	712	444	502	656
РСФСР (по сопоставимой территории)	901	846	524	333	393	525
СССР (по всей территории)	1 873	—	—	—	—	1 000
РСФСР (по всей территории)	1 234	—	—	—	—	650

Таблица 4

Сведения о рождаемости в СССР и РСФСР за 1940—1945 гг.
(*в сельской местности; тыс. человек*)

Территория	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	2 372	2 147	1 320	652	592	745
РСФСР (по сопоставимой территории)	1 754	1 635	937	463	424	504
СССР (по всей территории)	3 723	—	—	—	—	1 356
РСФСР (по всей территории)	2 410	—	—	—	—	690

Таблица 5

Сведения о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии

Дата	Территория	Количество прибывших демобилизованных			Из них устроено на работу	
		всего	в том числе*		на предприятия и в учреждения	в колхозы и совхозы
			в города	в сельские поселения		
на 15.11.1945 г.	РСФСР	1 349 889	513 597	836 292	354 780	555 016
	СССР	2 195 784	—	—	494 121	939 195
на 1.01.1946 г.	РСФСР	2 759 515	1 053 985	1 705 530	761 427	1 122 112
	СССР	4 376 075	—	—	1 048 011	1 877 563
на 1.09.1946 г.	РСФСР	4 325 014	1 699 882	2 625 132	1 891 857	2 201 014
	СССР	6 993 335	—	—	—	—

Составлено по: ГА РФ, ф. 5446, оп. 49, д. 3741, л. 15—62; *Попов В.П.* Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 6—8.

* Отсутствуют данные о количестве прибывших демобилизованных воинов раздельно в города и сельскую местность. Указана только общая численность устроенных на работу по СССР: на 15 ноября 1945 г. она составляла 70,1% всех прибывших, на 1 января 1946 г. — 71,3; на 1 сентября 1946 г. — 93,8%. В целом по стране бóльшая часть демобилизованных возвращалась в сёла.

Самый высокий показатель смертности отмечался в 1942 г. (см. табл. 6), в три последующих года он начал снижаться. Если сопоставить данный факт с резким падением рождаемости в 1943—1944 гг. (см. табл. 2), то становится понятно, что одной из главных причин этого явилось сокращение среди населения числа детей различных возрастов. В 1945 г. снижение данного показателя продолжилось, несмотря на рост рождаемости и, следовательно, увеличения доли детей. Аналогичная картина была характерна и для городов (см. табл. 7).

Несколько иная ситуация сложилась в сельской местности (см. табл. 8): наибольший рост смертности (по сопоставимой территории) наблюдался в 1940 г., хотя и показатели 1942 г. были очень высоки.

При оценке такого сложного явления, как смертность, следует учитывать неполноту регистрации смертных случаев в органах ЗАГС не только в сёлах, но и в городах[14]. В записке начальника ЦУНХУ (с 1941 г. — ЦСУ) И.В. Саутина председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому от 9 октября 1940 г. сообщалось: «По РСФСР численность детей в возрасте от 0 до 2 лет по текущему учёту

[14] Подробное освещение проблемы недоучёта данных о населении см.: *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.П.* Население Советского Союза. 1922—1991. М., 1993; *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.П.* Демографическая история России: 1927—1959 гг. М., 1998. Высоко оценивая названные исследования, тем не менее отмечу: данные за 1941—1945 гг. рассчитаны методом демографического баланса в целом по СССР («возвращаясь от переписи 1959 г.»); сведений по РСФСР в военный период очень мало; в ряде случаев приводятся общие показатели, т.е. нет информации раздельно по городским и сельским поселениям; во второй книге нет ссылок на архивные легенды (авторы ограничиваются фразой «по данным статистики»); авторы завысили коэффициент недоучёта для показателей рождаемости и смертности (включая детскую) применительно к 1940-м гг.

Таблица 6

Сведения о числе умерших в СССР и РСФСР за 1940—1945 гг.
(*всего; тыс. человек*)

Территория	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	2 070	1 955	2 399	1 712	1 377	976
РСФСР (по сопоставимой территории)	1 683	1 549	1 946	1 396	1 106	756
СССР (по всей территории)	3 170	—	—	—	—	1 765
РСФСР (по всей территории)	2 237	—	—	—	—	1 003

Таблица 7

Сведения о числе умерших в СССР и РСФСР за 1940—1945 гг.
(*в городах; тыс. человек*)

Территория	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	745	750	1 108	858	606	421
РСФСР (по сопоставимой территории)	595	595	897	694	490	386
СССР (по всей территории)	1 163	—	—	—	—	658
РСФСР (по всей территории)	804	—	—	—	—	421

Таблица 8

Сведения о числе умерших в СССР и РСФСР за 1940—1945 гг.
(*в сельской местности; тыс. человек*)

Территория	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	1 325	1 204	1 290	854	771	555
РСФСР (по сопоставимой территории)	1 087	954	1 049	701	617	420
СССР (по всей территории)	2 007	—	—	—	—	1 107
РСФСР (по всей территории)	1 433	—	—	—	—	583

превышает численность детей по переписи на 100 тыс. человек; можно предполагать, что этот разрыв явился в значительной мере результатом недорегистрации смертей детей в органах ЗАГС и лишь частично вызван неточными показаниями о возрасте детей при переписи». Там же отмечалось, что в 1939 г. в СССР половина всех умерших (1 482 604 из 2 965 208 человек) «имела возраст в момент смерти менее 3-х лет (точнее, 2,6 года)»[15].

[15] РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 406, л. 108—113. Значительным был и недоучёт миграции населения, поскольку «в городах прописка вновь прибывших граждан налажена значительно лучше, чем

Таблица 9

Детская смертность в РСФСР за июль—сентябрь 1940 г., 1944 г.
(*от 0 до 1 года; на 100 родившихся*)

Территория	Годы					
	1940	1944	1940	1944	1940	1944
	июль		август		сентябрь	
РСФСР (без освобождённых областей)	28,0	11,6	38,9	14,0	28,4	12,9
13 освобождённых областей	27,0	9,2	26,2	10,7	18,0	9,3
В том числе: городское население	35,1	13,8	27,7	14,9	16,6	12,2
сельское население	24,3	7,7	25,6	9,3	18,4	8,5

Составлено по: ГА РФ, ф. 8009, оп. 32, д. 245, л. 1—16.

До начала войны детская смертность в Советском Союзе находилась на высоком уровне (резко поднималась в летние месяцы). В 1940 г. основными причинами этого стали желудочно-кишечные расстройства (36,3% всех умерших детей в возрасте до 1 года), пневмония (25%), врождённая слабость (14,6%), корь (4,4%). С начала войны по 1942 г. наблюдался рост детской смертности, в 1943—1945 гг. её уровень значительно понизился в результате «значительного уменьшения заболеваемости детей желудочно-кишечными и острыми детскими инфекционными болезнями». Падение рождаемости привело «к уменьшению числа малых детей, уменьшению контакта между ними», был осуществлён комплекс оздоровительных мероприятий (проведение профилактических прививок, широкое применение сульфопрепаратов, работа детских консультаций и молочных кухонь, изоляция и госпитализация больных детей)[16].

Данные для министра здравоохранения Митерева были подготовлены в январе 1945 г. известным демографом Р.И. Сифман, работавшей в научно-методическом бюро санитарной статистики. В июле—сентябре 1944 г. показатели детской смертности в освобождённых от оккупантов областях — преимущественно сельской местности южных и юго-западных районов РСФСР — были ниже, чем по основной российской территории (см. табл. 9). Эти области, по мнению Сифман, и до войны «отличались наиболее низкой детской смертностью в республике». Одной из основных причин уменьшения данного показателя стало снижение рождаемости (сокращение численности и удельного веса детей в общей структуре населения). Чтобы изменить ситуацию, государство должно было осуществить специальные мероприятия по охране материнства и детства[17].

выписка» и потому «разность между числом прописавшихся и выписавшихся в городах составила в 1939 г. 2 631,1 тыс. человек» (Там же, л. 112).

[16] Данные взяты из справки, подготовленной для заместителя министра здравоохранения СССР М.Д. Ковригиной 18 ноября 1948 г. (ГА РФ, ф. 8009, оп. 32, д. 520, л. 1—4).

[17] В 1940-х гг. в народное хозяйство страны в качестве рабочей силы по-прежнему интенсивно вовлекались женщины. Голод и нищета этих лет вынуждали людей к хищениям и воровству. Среди осуждённых за эти деяния было немало женщин. Это стало одним из важнейших факторов, повлиявших на показатели рождаемости. В 1940—1951 гг. удельный вес женщин, осуждённых по приговорам гражданских судов по СССР, вырос с 17,2 до 31,9%; в абсолютных показателях наибольшее количество — 425,2 тыс. человек — пришлось на 1947 г., знаковый для нашей истории.

Таблица 10

Сведения о естественном приросте в СССР и РСФСР за 1940—1945 гг. (*всего; тыс. человек*)

Территория	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	+1 458	+1 274	−367	−615	−282	+426
РСФСР (по сопоставимой территории)	+972	+932	−485	−600	−289	+272
СССР (по всей территории)	+2 426	—	—	—	—	+592
РСФСР (по всей территории)	+1 406	—	—	—	—	+337

Несмотря на стабилизацию рождаемости и снижение смертности в 1944 г., естественный прирост оставался ещё отрицательным в целом по стране и РСФСР (по сопоставимым территориям), а также в городах и сельских поселениях (см. табл. 10—12).

По расчётам Боярского, в период Первой мировой войны картина в этом отношении была противоположной: положительный естественный прирост сохранялся до 1916 г., а с 1917 г. сменился отрицательным. Таким образом, по своим последствиям масштаб демографической катастрофы в годы Второй мировой войны оказался для нашей страны более значителен, чем в период Первой мировой.

В 1940—1945 гг. для городов и сельской местности были характерны одинаковые тенденции. Хотя в 1942 г. наблюдался положительный естественный прирост населения по СССР (по сопоставимой территории), но он был незначительным — 30 тыс. человек, т.е. почти не влиял на общую динамику.

За последний год войны естественный прирост по всей территории СССР составил в абсолютных цифрах: в городах — 342 тыс. человек, в сельской местности — 250 тыс. (в 1940 г. — соответственно 709 тыс. и 1,7 млн).

На основе приведённых в таблицах данных корректные оценки можно сделать только по сопоставимой территории, в остальных случаях, согласно данным отдела актов гражданского состояния Главного управления милиции МВД СССР, ситуация была иной (см. табл. 13). Обращает на себя внимание тот факт, что в Великолукской, Новгородской, Псковской областях, Молдавской, Латвийской и Эстонской союзных республиках смертность превысила рождаемость (почти такая же картина наблюдалась в Карело-Финской ССР). Вместе с тем значительное количество браков, заключённых в тот период, позволяло надеяться на скорый выход из критической ситуации.

В 1944 г. прекратилась депопуляция населения СССР на территориях, избежавших оккупации, а в 1945 г. начали действовать факторы, характерные для периода мирной жизни (см. табл. 2—12). Рост рождаемости был вызван не только демобилизацией воинов и репатриацией населения, находившегося за пределами страны, но и некоторыми переменами в репродуктивном поведении женщин (см. табл. 14).

Всего в 1945—1950 гг. более 2 млн женщин оказались в лагерях (*Попов В.П.* Сталин и проблемы экономической политики... С. 144—145).

Таблица 11

Сведения о естественном приросте в СССР и РСФСР за 1940—1945 гг.
(*в городах; тыс. человек*)

Территория	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	+ 411	+332	–397	–414	–103	+235
РСФСР (по сопоставимой территории)	+306	+251	–373	–361	–96	+188
СССР (по всей территории)	+709	—	—	—	—	+342
РСФСР (по всей территории)	+430	—	—	—	—	+230

Таблица 12

Сведения о естественном приросте в СССР и РСФСР за 1940—1945 гг.
(*в сельской местности; тыс. человек*)

Территория	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	+1 047	+942	+30	–203	–179	+191
РСФСР (по сопоставимой территории)	+666	+681	–112	–239	–193	+84
СССР (по всей территории)	+1 717	—	—	—	—	+250
РСФСР (по всей территории)	+976	—	—	—	—	+107

Таким образом, в городах и сёлах наблюдался большой удельный вес детей, родившихся вне официального брака. Это объяснялось отсутствием достаточного числа брачных партнёров у женщин. Но не ясно, почему так резко возросли абсолютные цифры в 1949 г., а достигнутый уровень так медленно снижался в три последующих года? Известно, что городская жизнь предоставляла индивиду большую свободу действий и выбора, горожане меньше зависели от институтов социального контроля по сравнению с сельскими жителями. Однако война сильно повлияла на традиционные нормы и правила поведения[18]. Если в 1946 г. вне брака родили 25% горожанок, то на селе — лишь 14,5%. В последующие годы абсолютные цифры и удельный вес таких детей в сельской местности значительно увеличились. Можно предположить, что для женщин, чьи мужья пропали без вести на фронте, дальнейшие ожидания спустя несколько лет после окончания войны утратили смысл, как и надежды на замужество в условиях постоянного оттока мужчин в города. Оставался один выход — рожать детей вне официального брака. В 1945—1950 гг. показатели брачности в СССР и РСФСР, за исключением 1947 г., постоянно росли, правда, на селе это было менее заметно (см. табл. 15).

[18] В статье не рассматривается сюжет, связанный с такой формой регулирования деторождения, как аборт, запрещённый в СССР законодательно в 1936—1955 гг. Состояние здоровья, тяжёлые работы, отсутствие супруга, нехватка материальных средств и другие причины влияли на выбор будущей матери, но в условиях нестабильности, какими были 1940-е гг., действие этих факторов значительно усиливалось.

Таблица 13

Сведения о количестве зарегистрированных актов рождаемости, смертности (в том числе детей до 1 года), браках и разводах за 1945 г. в республиках, краях и областях, освобождённых от немецких оккупантов и не вошедших в сопоставимые территории

Территория	Рождений всего	Умерших		Браков	Разводов
		всего	в том числе детей до 1 года		
Великолукская область	6 614	8 719	532	3 586	5
Ленинградская область	60 282	30 534	7 108	39 177	467
Новгородская область	9 478	12 125	1 320	3 783	11
Псковская область	7 499	12 080	1 085	2 687	11
Ростовская область	26 566	17 605	988	16 798	170
Крымская область	16 055	9 263	1 077	7 197	103
Белорусская ССР	130 955	79 909	7 736	34 993	60
Карело-Финская ССР	5 804	5 273	641	3 198	32
Латвийская ССР	27 631	32 777	2 769	10 523	219
Литовская ССР	56 866	33 097	4 020	14 510	31
Молдавская ССР	46 972	80 847	13 667	17 783	24
Украинская ССР	422 129	348 269	36 146	177 118	731
Эстонская ССР	15 567	21 188	1 795	6 604	367
Всего	832 418	691 686	78 884	337 957	2 231

Составлено по: ГА РФ, ф. 9415, оп. 3, д. 1418, л. 15.

Обратимся к анализу показателей естественного движения населения в послевоенные годы (см. табл. 15). В 1946 г. количество рождённых в сравнении с 1945 г. существенно возросло — в 1,5 раза. По СССР этот показатель составил 157,6% (в том числе город — 159, село — 156,7), по РСФСР — 165,8 (соответственно 159,2 и 171,6%, т.е. наивысший показатель роста). Однако довоенный уровень так и не был достигнут. Также надо учесть, что в данные за 1940 г. по СССР не вошли родившиеся на вновь присоединённых территориях, поэтому в целом по стране действительная картина послевоенного восстановления рождаемости была менее оптимистичной. В 1947 г. её темпы в СССР и РСФСР замедлились в сравнении с предшествующим годом, прирост составил 7—10%. В 1948 г. абсолютные цифры рождаемости снизились, но в городах они оказались больше, чем на селе. В 1949 г. последовал незначительный рост этого показателя, в 1950 г. — его очередное снижение.

Чем можно объяснить подобные «качели»? Я считаю, что главным фактором резкого замедления роста рождаемости в стране в послевоенные годы стал голод. Его спровоцировала государственная политика, поставившая во главу угла не заботу о людях, а курс на первоочередное развитие промышленности[19].

[19] См.: *Попов В.П.* Голод и государственная политика (1946—1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6; *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953). М., 1993; *Попов В.П.* Причины сокращения численности населения РСФСР...

Таблица 14

Количество детей, родившихся у матерей, не состоявших в зарегистрированном браке

Категории населения	Количество детей	Годы						
		1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952
Всё население	тыс. человек	752	747	665	985	944	930	849
	в % к общему числу родившихся	18,7	16,8	15,9	19,5	19,7	18,8	17,2
Городское	тыс. человек	404	385	292	421	398	387	345
	в % к общему числу родившихся	24,7	21,3	18,8	22,2	21,5	19,7	17,2
Сельское	тыс. человек	348	362	373	564	546	543	504
	в % к общему числу родившихся	14,5	13,7	14,1	17,9	18,5	18,2	17,1

Составлено по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 33, д. 1053, л. 2.

Многие же исследователи главной причиной голода считают засуху 1946 г. Но она наблюдалась лишь на некоторых территориях, а не повсеместно[20]. Тем не менее в неохваченных засухой районах рождаемость тоже снизилась.

Пользуясь общими коэффициентами рождаемости по большинству областей, краёв и автономных республик РСФСР за 1940, 1946—1948 гг., я выделил группы с высоким, средним и низким уровнем рождаемости. После анализа перемещения каждой административно-территориальной единицы из одной группы в другую[21] выяснилось, что в 1946—1948 гг. везде наблюдались резкие перемещения районов с высокой рождаемостью в группы с более низкими показателями, и эти скачки были характерны для города и села, для территорий, бывших в оккупации, и её избежавших.

В результате голода повысился показатель смертности: в 1947 г. в целом по СССР и РСФСР — в 1,4 раза по сравнению с 1946 г. (см. табл. 15). Как и в довоенные годы, это происходило в значительной степени из-за роста детской смертности в 1946 г. в связи с увеличением рождаемости и по причине низкого уровня медицинского обслуживания. Уже в 1947 г. число умерших детей на первом году жизни по СССР и РСФСР увеличилось в 1,8 раза.

По данным противоэпидемического управления Министерства здравоохранения РСФСР, в 1946 г. в республике погибли от воспаления лёгких 31,7% общего числа умерших до 1 года, от острых желудочно-кишечных заболеваний (включая дизентерию) — 26,2, от туберкулёза всех форм — 3,6%. Характерная зарисовка из справки: «Состояние села Тетерина очень низкое. Большая

[20] См., например: *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 18—20, 65—95.

[21] См.: *Попов В.П.* Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы // Социологические исследования. 1995. № 12; 1996. № 3,4.

скученность, население частью живёт в землянках по две-три семьи, по 10—12 человек в землянке. Территория очень загрязнена фекалиями, большое обилие мух. Колодцы не благоустроены. По селу протекает ручей, в котором стирают бельё и берут воду для питья».

В 1946 г. высокая детская смертность сохранялась в Мурманской, Вологодской, Кировской, Ивановской, Тюменской, Архангельской, Костромской, Владимирской, Ярославской, Молотовской (Пермской. — *В.П.*), Калининской, Смоленской, Тамбовской, Пензенской, Омской, Томской областях, в Удмуртской, Татарской и Марийской АССР, а также в городах республиканского значения — Горьком, Свердловске, Ленинграде и Москве[22]. В 1947 г. данный показатель ещё более возрос, в 1948 г. — несколько понизился, в 1949 г. — вновь увеличился. В следующем году произошло его незначительное понижение по сельской местности и некоторый рост по городам (см. табл. 15). Такая нестабильность обусловливалась тяжёлыми условиями жизни людей и низким уровнем развития советской медицины. Для решения проблем подобного масштаба требовалось поменять приоритеты внутренней политики, но и после 1945 г. сохранялась военная модель экономического развития страны[23]. В тот же период наблюдались и колебания показателей естественного прироста населения по СССР и РСФСР (см. табл. 15).

Как прямое наследие войны в стране долго сохранялась диспропорция между полами[24]. Согласно записке начальника ЦСУ СССР В.И. Старовского и первого заместителя председателя Госплана СССР А.Д. Панова на имя В.М. Молотова, если в начале 1948 г. в сельской местности страны на 100 женщин (трудоспособного возраста, 16—54 года) приходилось 67 мужчин (трудоспособного возраста, 16—59 лет), то в Карело-Финской ССР — 59, РСФСР — 62 (например, в Смоленской обл. — 53, Мордовской АССР — 54, Калужской и Вологодской областях — по 55, в Иркутской обл. — 78), УССР — 59 (восточные области) и 81 (западные области), БССР — соответственно 62 и 85, Казахской ССР — 74, Эстонской ССР — 78, Латвийской ССР — 78, Молдавской ССР — 81, Киргизской ССР — 84, Армянской ССР — 89, Туркменской ССР — 89, Грузинской ССР — 90, Узбекской ССР — 91, Литовской ССР — 94,

---

[22] ГА РФ, ф. 8009, оп. 32, д. 323, л. 1—366.

[23] 29 ноября 1952 г. Бюро Президиума ЦК утвердило проект государственного бюджета СССР на 1953 г., в его доходной части (544,1 млрд руб.) главными статьями дохода были: налог с оборота — 265,9 млрд руб.; отчисления от прибылей — 81,2; налоги с населения — 50,2; госзаймы — 39,2 млрд руб. В расходной части бюджета (500,9 млрд руб.) на финансирование народного хозяйства выделялись 187,6 млрд руб. на социально-культурные мероприятия — 131,1; на сметы Военного и Военно-морского министерств — 124,1; МГБ и МВД — 19,7; на содержание органов государственного управления — 14,7; на госзаймы — 11,8 млрд руб. (АП РФ, ф. 3, оп. 39, д. 55, л. 2—44). Расходы на образование, здравоохранение, социальное обеспечение, развитие семьи и детства, физкультуры и спорта были запланированы вдвое меньше, чем вся сумма налога с оборота. Последний являлся не прямым, а косвенным налогом на потребление для всех жителей страны, ставки его произвольно менялись правительством в зависимости от потребностей казны, а потому он не был способен обеспечить стабильность финансовой базы. Это также объясняет, почему после войны год от года росли и прямые налоги на население, сокращались льготы, принудительно распространялись займы.

[24] В 1922 г. после завершения Гражданской войны соотношение между мужчинами и женщинами составляло 47,7 против 52,3% (в процентах ко всему населению СССР), в 1940 г. — соответственно 47,9 против 52,1%, в 1959 г. — 45 против 55% (Народное хозяйство СССР. 1922—1982. Юбилейный статистический сборник. ЦСУ СССР. М., 1982. С. 10).

Таблица 15

Сведения о рождаемости, смертности (в том числе детей до 1 года), естественном приросте, брачности в СССР и РСФСР за 1940, 1945—1950 гг.

Территория		Годы						
		1940*	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Число зарегистрированных актов о рождении								
СССР	Город	1 870 035	1 024 903	1 630 310	1 775 940	1 533 187	1 930 831	1 877 963
	Село	3 839 198	1 544 788	2 421 129	2 665 325	2 619 038	3 184 419	2 966 294
	Всего	5 709 233	2 569 691	4 051 439	4 441 265	4 152 225	5 115 250	4 844 257
РСФСР	Город	1 234 524	667 122	1 061 792	1 138 468	975 836	1 251 372	1 194 543
	Село	2 494 125	769 721	1 320 623	1 444 459	1 413 704	1 761 890	1 590 203
	Всего	3 728 649	1 436 843	2 382 415	2 582 926	2 389 540	3 013 262	2 784 746
Число зарегистрированных актов о смерти								
СССР	Город	1 161 575	675 672	702 341	1 041 974	770 470	690 329	700 814
	Село	2 067 966	1 255 268	1 159 306	1 598 232	1 175 462	1 092 493	1 047 504
	Всего	3 229 541	1 930 940	1 861 647	2 640 206	1 945 932	1 782 822	1 748 318
РСФСР	Город	803 708	434 353	461 111	651 980	495 413	443 125	453 877
	Село	1 479 463	636 807	623 509	809 781	665 582	605 908	581 693
	Всего	2 283 171	1 071 160	1 084 620	1 462 761	1 160 995	1 049 033	1 035 570
Количество зарегистрированных актов о смерти детей в возрасте до 1 года								
СССР	Город	387 636	84 306	134 053	247 396	148 768	168 510	177 335
	Село	692 169	109 503	145 178	260 955	204 098	231 874	211 329
	Всего	1 079 805	193 809	279 231	508 351	352 866	400 384	388 664
РСФСР	Город	272 450	58 522	95 482	170 179	101 882	113 675	120 736
	Село	514 384	53 601	85 062	161 712	125 838	137 408	124 615
	Всего	786 834	112 123	180 544	331 891	227 720	251 083	245 351
Разность между числом родившихся и умерших								
СССР	Город	708 460	349 231	927 969	733 966	762 717	1 240 502	1 177 149
	Село	1 771 232	289 520	1 261 823	1 067 093	1 443 576	2 091 926	1 918 790
	Всего	2 479 692	638 751	2 189 792	1 801 059	2 206 293	3 332 426	3 095 939
РСФСР	Город	430 816	232 769	600 681	486 488	480 423	808 247	740 666
	Село	1 014 662	132 914	697 114	633 677	748 122	1 155 982	1 008 510
	Всего	1 445 478	365 683	1 297 795	1 120 165	1 228 545	1 964 229	1 749 176
Количество зарегистрированных актов о браке**								
СССР	Город	512 729	641 499	1 104 863	862 326	909 922	1 001 047	1 055 955
	Село	511 580	475 533	1 011 364	985 249	1 003 581	1 018 381	1 023 214
	Всего	1 024 309	1 117 032	2 116 227	1 847 579	1 913 503	2 019 428	2 079 169
РСФСР	Город	328 812	427 113	715 433	536 854	575 004	621 357	648 507
	Село	287 559	304 094	611 662	562 657	563 147	584 352	580 504
	Всего	616 371	731 207	1 327 095	1 099 511	1 138 151	1 205 709	1 229 011

Составлено по: ГА РФ, ф. 9415, оп. 3, д. 1420, л. 9—12, 22—33; д. 1425, л. 33—44; д. 1427, л. 159—177; д. 1438, л. 102—120; *Попов В.П.* Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 76—94.

* Без Латвийской, Литовской, Молдавской и Эстонской ССР, западных областей Белорусской и Украинской ССР.

** Не приводятся сведения о количестве зарегистрированных актов о прекращении браков, поскольку в послевоенные годы в связи с изменением законодательства количество разводов резко сократилось. В СССР в 1940 г. были зарегистрированы 198 380 разводов (в том числе в сельской местности — 94 784), 1945 г. — 6 578, 1946 г. — 17 578, 1947 г. — 28 800, 1948 г. — 41 032, 1949 г. — 55 936, 1950 г. — 67 332 (в том числе в сельской местности — 8 688).

Таджикской ССР — 96[25]. Таким образом, по данному показателю Россия вошла в число неблагополучных союзных республик.

В общей структуре сельского населения Советского Союза мужчины в возрасте 14—54 лет составляли: на начало 1945 г. — 14,1%, 1948 г. — 21,7; женщины того же возраста — соответственно 34,2 и 33,7%. Несколько по-иному складывалась ситуация в городах. Косвенно об этом свидетельствует соотношение между занятыми в промышленности мужчинами и женщинами, представленное в справке начальника ЦСУ СССР В.И. Старовского министру Вооружённых сил СССР А.М. Василевскому от 20 сентября 1949 г. (см. табл. 16).

В 1940 г. удельный вес женщин среди рабочих и служащих составлял 38%, в 1945 г. — 57[26], а в 1947—1949 гг. — чуть более 47% общего числа занятых. Значительная вовлечённость женщин в общественное производство, как и протяжённость рабочего дня, преобладание ручного труда в большинстве отраслей народного хозяйства, существенно влияли на все демографические показатели. Если в 1950 г. наибольший коэффициент сменности[27] был в угольной промышленности — 2,33 (в 1940 г. — 2,37), то в текстильной, где трудились в основном женщины, — 1,95 (в 1940 г. — 1,96). В 1947 г. ручным трудом в текстильной промышленности было занято 40% рабочих, на предприятиях Министерства путей сообщения — 70, на стройках — до 80%[28].

Особо отмечу проблему влияния миграции на численность сельского и городского населения. С 1 января 1952 г. по 1 января 1953 г., по данным статуправления РСФСР, её сельское население сократилось с 54 967,3 до 54 782,4 тыс. человек. Какие процессы скрывались за этими цифрами? В 1952 г. в российской деревне естественный прирост составил 997,2 тыс., а механический — минус 1 078,6 человек. За счёт административно-территориальных преобразований (перевод сельских поселений в городские) село сократилось на 103,5 тыс. граждан[29]. В благополучных районах (Московская обл., Краснодарский край) естественный прирост населения в сёлах дополнился притоком мигрантов, а в неблагополучных (например, Алтайский край, Вологодская, Саратовская, Чкаловская области и др.) механический отток жителей превысил число родившихся.

Применительно к городскому населению РСФСР за 1952 г. прирост составил 5 241,3 тыс., выбыло — 4 152,7 тыс. человек (механический прирост — плюс 1 088,6 тыс.)[30]. Резкие колебания миграционных потоков в городах были связаны с тем, что после завершения строительства таких крупных объектов, как Волго-Донской судоходный канал, мост через Волгу в Астраханской обл., газопровод в Чкаловской обл. и др., рабочая сила перемещалась на другие стройки (ОбьГРЭС

[25] РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 538, л. 59—64. Согласно этой записке (№ 1123 с от 20 марта 1948 г.) опрос охватывал 99% общего числа сельсоветов и «позволял всё же получить приблизительную характеристику половой и возрастной структуры сельского населения», т.е. в статорганах не заблуждались в отношении точности тех данных, которые к ним поступали от подведомственных учреждений.

[26] Там же, д. 533, л. 101—106.

[27] Коэффициент сменности — отношение общего числа рабочих к числу тех, кто был занят в первой (наиболее многочисленной) смене (Там же, л. 147—149).

[28] Там же, л. 117—124, 147—149.

[29] РГАЭ, ф. 1562, оп. 33, д. 1689, л. 48—61. Приведённые данные также приблизительны. По оценкам областных статуправлений общая численность сельского населения РСФСР составляла на 1 января 1953 г. лишь 53 307,3 тыс. человек. Недоучёт всего населения России на указанную дату составил, по мнению статуправления РСФСР, 1 586,5 тыс. человек. По данным же ЦСУ СССР, население республики на 1 января 1953 г. насчитывало 52,21 млн человек (РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 538, л. 59—64). Процент недоучёта у каждого из статистических органов страны, пользовавшихся одним и тем же источником, был различным.

[30] РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 1050б, л. 1—7.

Таблица 16

Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР (по состоянию на 1 марта 1947 г., 1 мая 1948 г., 5 мая 1949 г.; *тыс. человек*)

Дата учёта	Учтено рабочих и служащих списочного состава	
	мужчины	женщины
1 марта 1947 г.	15 873,5	14 623,0
1 мая 1948 г.	17 081,3	15 592,3
5 мая 1949 г.	17 924,9	16 262,9

Составлено по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 3398, л. 30.

в Новосибирской обл. и проч.). Кроме того, необходимо учесть отъезд людей на учёбу в вузы и средние учебные заведения, школы и различные курсы (около 60% мигрантов составляли 15—29-летние). В статорганах назывался основной недостаток в учёте передвигавшегося населения: «Прибывающие и выбывающие дети до 16 лет в подавляющем большинстве не вписываются и не выписываются в домовых книгах»[31].

В таких хаотических перемещениях людей, понуждаемых темпами послевоенного восстановления, уже проглядывали черты будущего разделения страны на трудоизбыточные и трудонедостаточные районы. В поисках лучшей жизни уезжали те, кто имел такую возможность, кому возраст и профессиональные навыки позволяли найти работу или учёбу, прокормить семью. Оставшиеся приспосабливались, что усиливало их тягу к личному хозяйству и побочным заработкам, позволявшим выжить. Отсутствие перспектив у таких людей определяло их особую жизненную позицию. Сталинская мобилизационная модель при всей её мощи, широте охвата и жёстком принуждении всё же не была способна соединить в одно целое квалификацию работника, его заработную плату и производительность труда. Проводя внутреннюю политику, Сталин не стремился сохранить социальный баланс в обществе (но это усиливало хаос на рынке труда) и делал ставку на город в ущерб селу, потому что и после войны рассматривал «выгребание средств из деревни» (формулировка коммунистического идеолога Е.А. Преображенского) в качестве главного источника «социалистического накопления». Представляется, что привычная оценка демографами урбанизации, с сопутствовавшим ей сокращением численности сельских жителей и, как следствие, снижением рождаемости среди них и населения страны в целом[32], может быть принята с существенной поправкой. Ускоренное развитие промышленных объектов после войны, сопровождавшееся притоком массы людей, ещё не означало урбанизации, поскольку не создавалась её инфраструктура. Видимо, «жертвы урбанизации» нужно рассматривать применительно ко всему периоду советской истории. Что касается демографической истории 1940-х — начала 1950-х гг., следует выделить две даты: 1944 г., когда снижение рождаемости остановилось, а затем начался её подъем, и прервавший позитивные перемены 1947 г. Именно в послевоенные годы в СССР была упущена возможность вернуться к демографической модернизации, которую проходили многие страны. Кроме того, совершённые советским народом подвиги (воинский и трудовой) значительно деформировали развитие народонаселения Советского Союза и нивелировали влияние демографических факторов, характерных для любого общества, развивавшегося без внутренних потрясений.

[31] Там же, л. 7.

[32] Демографическая модернизация России... С. 168—169.

Городское население Западной Сибири в 1960—1980-х гг.: динамика причин смертности и ожидаемой продолжительности жизни

Одон Дашинамжилов, Виктория Лыгденова

Urban population of Western Siberia in 1960—1980s: dynamics of mortality reasons and of life expectancy

Odon Dashinamzhilov (Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk),
Victoria Lygdenova (Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk)

DOI: 10.31857/S086956870005111-3

Изучение воспроизводства населения на разных этапах развития общества является одной из главных задач исторической демографии. В этой связи особое значение представляет анализ смертности. Этой проблеме в СССР (России) отечественные исследователи уделяли не так много внимания. При изучении же городских поселений Западной Сибири до сих пор не выявлены показатели средней продолжительности жизни, особенности эпидемиологического перехода, динамика мужской и женской смертности[1].

Методологической основой данного исследования стала теория демографического перехода, суть которой сводится к следующему. Население в своём развитии проходит ряд последовательных этапов. В традиционном обществе рождаемость находится на высоком уровне, но и смертность тоже высока. Затем наступает первая фаза демографического перехода, где в результате успехов медицины быстро снижается смертность от инфекционных заболеваний при сохранении прежней рождаемости. Для второй фазы характерно падение рождаемости за счёт сознательного её ограничения под влиянием сложного комплекса факторов. Смертность также уменьшается, но меньшими темпами. На третьей фазе ограничение и регулирование рождаемости распространяются практически повсеместно, после ликвидации большинства инфекционных заболеваний смертность сокращается медленнее[2].

Составная часть демографического перехода — эпидемиологический переход, при котором по достижении обществом достаточно высокого уровня развития начинается быстрая (по историческим меркам) смена одной структу-

[1] См., например: *Урланис Б.Ц.* Эволюция продолжительности жизни. М., 1978; *Бедный М.С.* Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979; *Андреев Е.М., Белова В.А., Бондарская Г.А., Вишневский А.Г., Волков А.Г., Дарский Л.Е., Добровольская В.М., Ильина И.П., Тольц М.С., Шабуров К.Ю.* Воспроизводство населения СССР / Отв. ред. А.Г. Вишневский, А.Г. Волков. М., 1983; *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т. Е.* Население Советского Союза, 1922—1991. М., 1993; Население России в XX в. Исторические очерки / Под ред. Ю.А. Полякова, В.Б. Жиромской, В.А. Исупова. В 3 т. М., 2000—2012; Демографическая модернизация России, 1900—2000 гг. / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 2006; *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012.

[2] *Кваша А.Я.* Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974. С. 9—11, 23.

ры болезней и причин смерти другой. В структуре «старой» патологии важное место занимают инфекционные и паразитарные болезни, в «новой» — заболевания и причины смерти, связанные с естественным старением человеческого организма, возрастным снижением его жизнеспособности[3]. Таким образом, эпидемиологический переход, начавшись в первой фазе демографического перехода, завершается на его третьей фазе.

Согласно принятой в современной историографии точке зрения, к середине 1960-х гг. в РСФСР в основном подошёл к концу первый эпидемиологический переход. Мы рассматриваем демографический переход не как естественный процесс смены трёх фаз, а как явление, возникшее в результате взаимодействия множества разнообразных внешних факторов (поэтому он специфичен в конкретном историческом случае).

После Великой Отечественной войны средняя продолжительность жизни в СССР увеличилась (особенно у женщин) с 47 (1945/1946) до 69 (1958/1959) лет. На разных этапах развития советского общества факторы смертности менялись. В изучаемый период многие из них утратили былое значение. Так, на динамику продолжительности жизни в 1960—1980-х гг. уже не оказывали сильного воздействия военные конфликты, голод, массовые эпидемии, политические репрессии, вынужденные миграции внутри и за пределы страны. Советский демограф Б.Ц. Урланис в книге «Эволюция продолжительности жизни» разграничил причину смерти человека (приведшее к ней конкретное зафиксированное в документе событие) и её фактор (некое способствовавшее возникновению этой причины явление).

Мы использовали предложенную им классификацию, адаптировав её для российских условий и составив таблицу взаимодействия продолжительности жизни и факторов смертности в 1960—1980-х гг. Необходимо уточнить, что многие факторы пересекались друг с другом, сила их действия в разное время и на различных территориях была разнообразной. В новых условиях основными факторами смертности стали алкоголизм, отношение к здоровью, экология и некоторые другие. Будем исходить из теоретической предпосылки, согласно которой при устранении последних в период второго эпидемиологического перехода ожидаемая продолжительность жизни для всего населения достигла бы 85 лет. Максимальный её уровень в РСФСР к концу первого эпидемиологического перехода составил примерно 70 лет, таким образом, действие новых факторов занижало максимально возможную продолжительность жизни на втором эпидемиологическом переходе на 15 лет[4]. В таблице 1, где отражены наши взгляды, но с учётом представленных в разных трудах точек зрения, для сравнения показано аналогичное распределение для первого эпидемиологического перехода, в течение которого средняя продолжительность жизни возросла примерно с 40 до 70 лет.

Перейдём непосредственно к анализу смертности. Её общий коэффициент в городах Западной Сибири в 1950-х гг. значительно снизился, но после достижения минимальных значений в 1963—1964 гг. (6,3‰) вновь начал расти, достигнув 7,5‰ к 1970 г. Это повышение произошло главным образом за счёт постепенного старения населения. Как известно, чем выше в нём доля пожилых

---

[3] Демографическая модернизация России... С. 257.

[4] Второй эпидемиологический переход мог оттолкнуться только от созданной ранее основы. Возобновление действия старых факторов, например, социальной нестабильности, вновь изменило бы структуру причин смерти.

Таблица 1

Гипотетическая таблица вклада различных факторов в снижение средней продолжительности жизни

Факторы	Первый эпидемиологический переход (продолжительность жизни возросла примерно с 40 до 70 лет)		Второй эпидемиологический переход (продолжительность жизни возросла предположительно с 70 до 85 лет)	
	вклад в снижение показателя (%)	вклад в снижение показателя (годы)	вклад в снижение показателя (%)	вклад в снижение показателя (годы)
Алкоголизм	7	2,1	25	3,75
Курение	5	1,5	8	1,2
Экология	3	0,9	10	1,5
Недостаточное развитие здравоохранения	21	6,3	10	1,5
Безразличное отношение к здоровью	3	0,9	35	5,25
Низкий уровень образования	8	2,4	3	0,45
Характер труда	5	1,5	5	0,75
Низкая жилищная обеспеченность	10	3	2	0,3
Недостаток обуви, одежды	9	2,7	2	0,3
Голод	12	3,6	0	0
Социальная нестабильность*	17	5,1	0	0
Итого	100	30,0	100	15,0

Составлено по: *Дашинамжилов О.Б.* Городское население Западной Сибири в 1960—1980-е годы. Историко-демографическое исследование. Новосибирск, 2018. С. 203.

* Имеются в виду революции, смена социально-экономического строя, войны, следствиями которых становятся преждевременная гибель множества людей; распространение эпидемий и преступности, правовая анархия, ослабление центральных государственных органов, снижение эффективности работы социальных служб, потеря источника существования, падение уровня жизни, общественная дефрагментация и взаимное отчуждение, сильный эмоциональный стресс.

возрастов, тем больше ежегодное число умерших. Вплоть до середины 1960-х гг. происходило повышение средней продолжительности жизни, затем она стала медленно сокращаться.

В 1959—1970 гг. общий коэффициент смертности в регионе тоже увеличился с 6,9 до 7,5‰. Для определения роли структурных факторов воспользуемся индексным методом[5]. Согласно таблице 2, общий коэффициент увеличился почти исключительно за счёт ухудшения возрастных характеристик населения,

[5] Методику расчёта уровня смертности индексным методом, кратких таблиц смертности и ожидаемой продолжительности жизни см.: *Борисов В.А.* Демография. Учебник для вузов. М., 2003. С. 246—249, 288—331.

Таблица 2

Структура изменений общего коэффициента смертности (ОКР) в 1959—1989 гг. в Западной Сибири

Периоды	Увеличение/снижение ОКР (%)		
	всего	в том числе за счёт непосредственно смертности	возрастной структуры населения
1958/1959 — 1969/1970 гг.	+12,7	–1,1	+13,8
1969/1970— 1978/1979 гг.	+22,9	+8,1	+14,8
1978/1979— 1988/1989 гг.	–5,3	–15,6	+10,3

Подсчитано по: Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. (АССР, края и области районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока). М., 1960. С. 4—6, 34—36, 46—48, 58—60, 70—72, 100—102; ГА РФ, ф. А-374, оп. 39, д. 1351, л. 4—6 об.; д. 1353, л. 4—6 об.; д. 1354, л. 4—6 об.; д. 1355, л. 4—6 об.; д. 1356, л. 4—6 об.; д. 1357, л. 4—6 об; д. 6012, л. 4—6 об; д. 6016, л. 4—6 об; д. 6014, л. 4—6 об; д. 6018, л. 142—144 об.; д. 6017, л. 4—6 об.; д. 6019, л. 78 об. — 80 об.; РГАЭ, ф. 1562, оп. 69, д. 105, л. 5—8; д. 108, л. 181—184; д. 110, л. 5—8, 53—56; д. 111, л. 73—76, 113—116; Государственный архив Алтайского края (далее — ГА АК), ф. Р-718, оп. 43, д. 46, л. 20—20 об.; д. 50, л. 5—5 об.; д. 97, л. 28; д. 102, л. 30—30 об.; д. 147, л. 59—59 об.; д. 153, л. 33—33 об.; Государственный архив Кемеровской области (далее — ГА КО), ф. Р-304, оп. 1, д. 63, л. 68—68 об.; д. 64, л. 81—81 об.; д. 74, л. 49—49 об.; д. 75, л. 38—38 об.; д. 83, л. 41—41 об.; д. 84, л. 53—53 об.; Исторический архив Омской области (далее — ИА ОО), ф. 2122, оп. 1, д. 3257, л. 49—50 об.; д. 3262, л. 48—48 об.; д. 5670, л. 46—46 об.; д. 5917, л. 40—41; д. 8257, л. 49—49 об.; д. 8543, л. 52—52 об.; оп. 3, д. 2443, л. 19—22; д. 3052, л. 15—18; Государственный архив Томской области (далее — ГА ТО), ф. 1085, оп. 3, д. 100, л. 126—126 об., 165—165 об.; д. 79, л. 172—172 об., 314—314 об.; д. 418, л. 72—72 об.; д. 576, л. 87—87 об.; Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТюмО), ф. 1112, оп. 1, д. 1892, л. 39—39 об.; д. 2174, л. 40—40 об.; д. 8468, л. 47—47 об.; д. 8944, л. 58—58 об.; оп. 2, д. 2539, л. 26—28; д. 2968, л. 15—17; оп. 4, д. 117, л. 44—44 об.; д. 143, л. 45—45 об.

а непосредственно смертность немного снизилась. Сокращение средней продолжительности жизни во второй половине 1960-х гг. не смогло полностью отыграть того повышения, которое произошло за пять лет до этого. Косвенно это подтверждают опубликованные в закрытых сборниках сведения по данному показателю в РСФСР: 67,92 года (1958/1959), 68,97 (1969/1970) и 69,46 лет (1964/1965)[6].

Информация о средней продолжительности жизни в Западной Сибири (для определения динамики показателя был произведён подсчёт кратких таблиц смертности) тоже подтверждает данные, полученные с помощью индексного метода. К 1958/1959 гг. средняя продолжительность жизни в городах региона составляла 67,79 лет, а спустя 11 лет (1969/1970) увеличилась до 68,20 лет. Возрастные коэффициенты смертности уменьшились только среди молодёжи до 24 лет. Наибольшее сокращение фиксировалось у детей 0—4 лет, по мере повышения возраста размеры снижения падали. В следующих пятилетних когортах возрастные коэффициенты только увеличивались, особенно сильно у 35—39-летних.

[6] Естественное движение населения в РСФСР. Статистический сборник. Для служебного пользования (далее — ДСП). М., 1988. С. 259.

Анализ коэффициентов смертности по причинам смерти на 100 тыс. человек показывает наличие определённой специфики Западной Сибири. Несмотря на сравнительно молодой возрастной состав городского населения, в экономическом районе люди чаще умирали от причин экзогенной природы — инфекций, болезней органов дыхания, несчастных случаев, отравлений и травм. Меньшей была смертность от новообразований и заболеваний системы кровообращения[7]. Всё это подтверждает, что эпидемиологический переход в крае был менее завершённым в сравнении с РСФСР в целом (см. табл. 3).

В 1959—1970 гг. продолжали расти количественные показатели здравоохранения: численность больниц и врачебного персонала, обеспеченность медицинским оборудованием. Также повысился уровень образования населения. Например, в городах и посёлках городского типа Западной Сибири людей с высшим образованием в расчёте на 10 тыс. человек стало больше на 69,2%, с незаконченным высшим и средним (в том числе неполным) — на 29,4%, одновременно численность лиц с начальным образованием снизилась на 13,9%.

Жилищная проблема в Сибири оставалась острой до начала 1960-х гг., однако положение быстро менялось к лучшему. Если в 1960 г. на каждого западносибирского рабочего или служащего приходилось 5,7 кв. м жилой площади, в 1965 г. — 6,9, то в 1970 г. — 10,4 кв. м[8]. Коренным образом изменились качественные характеристики помещений.

Несмотря на трудности первой половины 1960-х гг., увеличились продажи населению ценных продуктов питания. По официальной статистике, доля непродовольственных товаров в структуре семейных расходов последовательно повышалась[9]. Итак, по мере роста материальной и жилищной обеспеченности, улучшения системы здравоохранения и повышения уровня образования смертность должна была сократиться не только среди молодёжи, но и среди средних и старших пятилетних когорт. Это произошло, но только среди женского населения.

Повышение занятости, последовательный рост числа предприятий, механизация промышленных процессов, внедрение технических новшеств увеличили риски получения телесных повреждений. В 1960—1970 гг. число пострадавших из-за производственных травм увеличилось по республике в 2,5 раза[10]. Этим в некоторой степени можно объяснить рост смертности от внешних причин. Тем не менее важнейшими, на наш взгляд, факторами увеличения данного показателя в трудоспособных возрастах стали алкоголизм и курение. Именно их негативным воздействием можно объяснить рост смертности в мужских пятилетних когортах (после 24 лет) при снижении её у женщин (как известно, мужчины были значительно больше подвержены вредным для здоровья привычкам).

В 1958 г. выпуск вина и водки в стране удвоился, а в 1965 г. утроился по сравнению с 1950 г. В 1960 г. в РСФСР на душу населения (с учётом взрослых мужчин и женщин, детей и пенсионеров) было реализовано 4,6 л алкогольной

[7] Если рассматривать возрастные коэффициенты смертности по всем причинам смерти, то, скорее всего, в Западной Сибири они повсеместно были выше.

[8] *Ефимкин М.М.* Рабочие Сибири, конец 50-х — середина 80-х годов. Новосибирск, 1990. С. 123.

[9] Народное хозяйство РСФСР в 1969 году. Статистический ежегодник / Отв. за вып. В. Лий. М., 1970. С. 338.

[10] Здравоохранение и социальное обеспечение в СССР. Статистический сборник (ДСП). М., 1973. С. 271.

Таблица 3

Смертность по причинам смерти городского населения РСФСР, Западной Сибири и Новосибирской области в 1960—1970 гг. (*на 100 тыс. человек*)

Причина смерти	Новосибирская область	Западная Сибирь	РСФСР
1960 г.			
Всего умерших, в том числе	635,8	—	672,6
от инфекционных и паразитарных болезней	47,2	—	41,7
от новообразований	125,0	—	145,2
от болезней кровообращения	238,1	—	254,2
от болезней органов дыхания	56,5	—	52,3
от болезней органов пищеварения	19,2	—	22,5
от несчастных случаев, отравлений и травм	94,8	—	—
1965 г.			
Всего умерших, в том числе	664,1	—	685,4
от инфекционных и паразитарных болезней	34,7	—	24,7
от новообразований	133,6	—	150,0
от болезней кровообращения	271,4	—	303,5
от болезней органов дыхания	44,9	—	43,5
от болезней органов пищеварения	19,9	—	19,7
от несчастных случаев, отравлений и травм	112,6	—	90,9
1970 г.			
Всего умерших, в том числе	751,3	748,4	790,5
от инфекционных и паразитарных болезней	25,6	25,7	20,3
от новообразований	143,2	131,1	155,6
от болезней кровообращения	341,4	302,7	363,9
от болезней органов дыхания	60,9	72,6	63,9
от болезней органов пищеварения	19,3	20,5	22,0
от несчастных случаев, отравлений и травм	122,1	143,3	118,1

Подсчитано по: Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды № 2, л. 14—24; Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990. С. 190; Естественное и механическое движение населения РСФСР. Статистический сборник (ДСП). М., 1967. С. 43—44; Естественное и механическое движение... М., 1972. С. 70.

продукции. В 1970 г. эта цифра увеличилась в 1,8 раза — до 8,2 л[11]. Значительный рост торговли винно-водочными изделиями, правда, без предоставления конкретных статистических данных, подтверждают сибирские исследователи[12]. При этом, считают эксперты Всемирной организации здравоохранения,

[11] Народное хозяйство РСФСР в 1988 году. Статистический ежегодник / Отв. за вып. Н.В. Никулина. М., 1989. С. 94.

[12] *Ефимкин М.М.* Рабочие Сибири... С. 141—142; *Куксанова Н.В.* Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960—1970-е гг. Учебное пособие. Новосибирск, 1994. С. 41.

масштабы потребления спиртных напитков представляют национальную опасность, если превышают 8 л на человека в год. В официальных данных не учитывался довольно высокий уровень производства и потребления нерегистрируемого алкоголя (самогона), а также его суррогатов.

Кроме того, по статистическим данным, в РСФСР повысились продажи табачной продукции. В 1960 г. в республике в среднем было реализовано 466,2 шт. сигарет и папирос в расчёте на одного человека (мужчин и женщин всех возрастных категорий), в 1970 г. — 1 599 шт. Подобная динамика не могла не отразиться на здоровье населения, особенно это касалось заболеваний органов дыхания. Если в 1959 г. в РСФСР смертность от рака лёгких составила 17 случаев на 100 тыс. человек, то в 1965 г. — 23,2, а в 1970 г. — 27,3 случая.

Наряду с факторами, повсеместно распространёнными, в Западной Сибири существовали свои — «вторичные», определявшие специфику причин смертности городского населения. Так, суровые климатические условия подразумевали бóльшую склонность людей к простудным заболеваниям. Сравнительно высокая смертность от инфекционных и паразитарных болезней являлась, в том числе, следствием некоторого отставания региона в развитии учреждений здравоохранения. Это в значительной мере было преодолено к 1970 г. Вместе с тем, по расчётам экономистов, при малой плотности населения и слабо развитой транспортной сети для удовлетворительного медицинского обслуживания людей необходимо, чтобы показатели обеспеченности учреждениями здравоохранения восточных районов были примерно на треть выше, чем у европейских районов РСФСР[13].

Имело свою специфику и потребление алкоголя в Сибири. В структуре продаж винно-водочных изделий доля пива и вина была меньше, чем в центральноевропейских или южных районах Советского Союза, а сильнее воздействовавших на здоровье человека крепких напитков — больше. Значительное количество смертей от несчастных случаев, отравлений и травм стало следствием не только особенностей потребления алкогольной продукции, но и развития отраслей народного хозяйства, отличавшихся высоким травматизмом среди работников (например, добывающей промышленности, строительства). Некоторое влияние имел уровень образования, который в Западной Сибири был традиционно ниже, чем в России в целом.

В 1960-х гг. в регионе ухудшилась экологическая обстановка. Например, двукратный рост смертности в Кузбассе от болезней органов дыхания совпадает с началом эксплуатации Западно-Сибирского металлургического комбината. По этой причине существенное увеличение данного показателя зафиксировано в Алтайском крае, где активно развивалась химическая промышленность.

Одной из причин повышения возрастных коэффициентов смертности в трудоспособных когортах стал промышленный рост в северных нефтегазодобывающих районах Западной Сибири, где строительство жилья и других объектов социальной инфраструктуры происходило с сильным запозданием. Это, в частности, негативно отразилось на уровне смертности населения Тюменской обл. В результате взаимодействия основных и второстепенных факторов средняя продолжительность жизни в городских поселениях региона оказалась ниже, чем в республике.

---

[13] Например, см.: *Топилин А.В.* Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. М., 1975. С. 107.

Рассмотрим показатель средней продолжительности жизни мужского и женского городского населения. В 1958/1959 гг. в РСФСР разница составила 8,45 лет: у мужчин — 63,03 года, тогда как у женщин — 71,48 года. В Западной Сибири дифференциация была похожей, однако оказалась выше — 9,05 лет (соответственно 62,68 и 71,73). К 1969—1970 гг. межполовые различия углубились. За межпереписной период средняя продолжительность жизни у мужчин в городах края даже снизилась по сравнению с 1958/1959 гг. до 62,59 лет, у женщин повысилась до 72,83 лет, дифференциация между полами достигла 10,24 лет. Аналогичные тенденции отмечались в РСФСР (9,75 лет), однако там, в отличие от Западной Сибири, продолжительность жизни мужчин в городских поселениях всё-таки возросла — с 63,03 до 63,57 лет.

Среди факторов значительного превышения смертности у мужчин следует выделить в целом очень тяжёлые условия их работы преимущественно в опасных для жизни отраслях (строительство, добывающие отрасли, машиностроение, энергетика, служба в армии, правоохранительных органах и т.д.). Вместе с тем глубокие межполовые различия в значительной мере являлись следствием приверженности мужчин к алкоголизму, курению и образу жизни, отрицательно влиявшему на организм (например, неправильное питание).

Итак, продолжительность жизни в городских поселениях РСФСР была выше на 0,13 года, чем в Западной Сибири. Здесь прирост за 11 лет оказался меньшим, в результате чего разрыв с республикой увеличился до 0,77 лет (см. табл. 4). В структуре причин смертности городского населения в 1970-х гг. несчастные случаи, отравления и травмы временно вышли на второе место (после болезней органов кровообращения), тогда как в республике они оставались на третьем.

Общий коэффициент смертности городского населения Западной Сибири за межпереписной период (1970—1979) увеличился с 7,5 до 9,4‰. Расчёты показывают, что тогда произошло повышение непосредственно смертности (см. табл. 2). Средняя продолжительность жизни городского населения России действительно уменьшилась — с 68,97 (1969/1970) до 68,17 (1978/1979) лет, т.е. на −1,2%. В регионе сокращение оказалось чуть бóльшим: в 1969/1970 гг. — 68,20, 1978/1979 гг. — 67,14 лет (−1,6%).

По данным таблицы 5, смертность в Западной Сибири на одном уровне сохранилась только от инфекционных и паразитарных заболеваний. Сокращение средней продолжительности жизни в 1970—1979 гг. было вызвано главным образом повышением смертности от болезней органов пищеварения, системы кровообращения, новообразований, несчастных случаев, отравлений и травм.

Анализ факторов смертности показал, что в регионе продолжали расти обеспеченность врачами, число больничных коек, увеличился охват населения медицинской помощью. К 1980 г. средняя обеспеченность жильём рабочих и служащих поднялась до 12,4 кв. м на человека, вскоре показатели коммунального обслуживания приблизились к республиканским[14]. Также улучшился продовольственный рацион, возрос образовательный уровень населения, а в социально-классовой структуре общества увеличился удельный вес служащих с низким уровнем смертности.

---

[14] Основные показатели социального развития краёв и областей Западно-Сибирского экономического района. Статистический сборник / Отв. за вып. Г.И. Рускова. Барнаул, 1990. С. 93—98.

Таблица 4

Средняя продолжительность жизни в городских поселениях РСФСР и Западной Сибири в 1958/1959—1969/1970 гг.

Годы	РСФСР			Западная Сибирь		
	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин
1958/1959	67,92	63,03	71,48	67,79	62,68 (62,69*)	71,73 (71,42*)
1964/1965	69,46	64,70	73,02	—	—	—
1969/1970	68,97	63,57	73,32	68,20	62,59	72,83

Подсчитано по: ГА АК, ф. Р-718, оп. 43, д. 46, л. 20—20 об.; д. 50, л. 5—5 об.; д. 97, л. 28; д. 102, л. 30—30 об.; ГА КО, ф. Р-304, оп. 1, д. 63, л. 68—68 об.; д. 64, л. 81—81 об.; д. 74, л. 49—49 об.; д. 75, л. 38—38 об.; ИА ОО, ф. 2122, оп. 1, д. 3257, л. 49—50 об.; д. 3262, л. 48—48 об.; д. 5670, л. 46—46 об.; д. 5917, л. 40—41; ГА ТО, ф. 1085, оп. 3, д. 100, л. 126—126 об., 165—165 об.; д. 79, л. 172—172 об., 314—314 об.; ГА ТюмО, ф. 1112, оп. 1, д. 1892, л. 39—39 об.; д. 2174, л. 40—40 об.; оп. 4, д. 117, л. 44—44 об.; д. 143, л. 45—45 об.; Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту... С. 4—6, 34—36, 46—48, 58—60, 70—72, 100—102; ГА РФ, ф. А-374, оп. 39, д. 1351, л. 4—6 об.; д. 1353, л. 4—6 об.; д. 1354, л. 4—6 об.; д. 1355, л. 4—6 об.; д. 1356, л. 4—6 об.; д. 1357, л. 4—6 об.

* Расчёты Е.М. Левицкого по Западной Сибири

Главными причинами снижения длительности жизни оставались всё больше распространявшиеся в обществе алкоголизм и курение. Потребление спиртных напитков в республике за десять лет в расчёте на душу населения повысилось с 8,2 до 10,5 л. По размерам продаж алкоголя через торговую сеть Западная Сибирь находилась на уровне РСФСР (10,3 л в 1980 г.). Структура потребления алкогольной продукции в экономическом районе была выраженного «северного типа». На душу населения водки и ликеро-водочных изделий продавалось на 12,1% больше, чем в республике, виноградного вина — на 15,1%, а пива — на 20,3% меньше. В целом по России заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами в 1970-х гг. увеличилась в 2,5 раза[15].

Следует учитывать, что гибель людей, произошедшая из-за случайных отравлений алкоголем, регистрировалась в рубрике несчастных случаев, отравлений и травм[16]. Сведения по некоторым регионам демонстрируют выраженную негативную динамику. Например, по этой причине в городах и посёлках городского типа Алтайского края количество смертей возросло с 284 (1970) до 313 (1980) случаев, в Омской обл. — с 77 до 381, в Тюменской — только за 1970—1975 гг. — с 214 до 263 случаев.

Население страны стало больше курить. Потребление сигарет и папирос возросло с 1 599 до 1 797 шт. в расчёте на одного человека. Смертность от злокачественных новообразований трахеи, бронхов и лёгких к 1979 г. увеличилась до 30,6 случаев на 100 тыс. человек (1970 г. — 27,3). При этом следует помнить, что негативный эффект от распространения курения проявлялся не сразу, а много позднее. Освоение северных территорий перестало быть существенным фактором повышения смертности благодаря становлению организаций

[15] *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития... С. 197.

[16] Смертность от алкоголизма и наркомании в структуре причин смерти относилась к классу психических расстройств, алкогольный цирроз печени — к классу болезней органов пищеварения.

Таблица 5

Смертность по причинам смерти городского населения РСФСР, Западной Сибири и Новосибирской области в 1975—1980 гг. (*на 100 тыс. человек*)

Причины смерти	Новосибирская область	Западная Сибирь	РСФСР
1975 г.			
Всего умерших, в том числе	885,3	841,9	866,9
от инфекционных и паразитарных болезней	26,0	25,7	18,3
от новообразований	154,0	143,1	160,8
от болезней кровообращения	429,8	366,7	422,9
от болезней органов дыхания	78,3	76,2	68,5
от болезней органов пищеварения	23,8	22,6	23,8
от несчастных случаев, отравлений и травм	128,8	156,7	126,6
1980 г.			
Всего умерших, в том числе	1 014,5	957,1	995,4
от инфекционных и паразитарных болезней	26,0	25,7	18,6
от новообразований	164,9	148,2	170,4
от болезней кровообращения	532,9	449,5	511,9
от болезней органов дыхания	76,9	76,2	68,5
от болезней органов пищеварения	29,6	25,7	29,0
от несчастных случаев, отравлений и травм	143,5	187,6	148,3

Подсчитано по: Текущий архив... л. 14—24; Численность, состав и движение населения в РСФСР. С. 191; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1975 году. Статистический сборник (ДСП). М., 1976. С. 186—188.

и учреждений системы здравоохранения, улучшению их кадровой и материальной оснащённости, активному жилищному строительству, развитию торговли предметами первой необходимости[17].

Рост смертности произошёл и в результате ухудшения экологической обстановки в СССР, о чём косвенно свидетельствуют увеличение числа принятых властью соответствующих нормативных актов и повышение расходов на природоохранные мероприятия. Некоторые исследователи среди причин повышения смертности в Западной Сибири назвали испытания атомного оружия в Казахской ССР[18]. Действительно, этот показатель в наибольшей степени увеличился в близлежащих к Семипалатинскому полигону западносибирских районах.

В 1970-х гг. смертность повысилась и среди женщин. Это произошло не только из-за ухудшения экологической ситуации, но и по причине распространения вредных для здоровья женщин привычек. Известно, что их влиянию слабый пол был подвержен в гораздо меньшей степени. Между тем есть веские основания считать, что повышение женской смертности обусловили алкого-

[17] *Гаврилова Н.Ю.* Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Тюмень, 2002. С. 110—111, 154, 266.

[18] *Савицкий И.М.* Экологические последствия испытаний ядерного оружия и ракетной техники в Западной Сибири (1950-е — первая половина 90-х годов) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 95—100.

лизм и курение. Например, в результате антиалкогольной кампании 1985 г. этот показатель сократился как среди мужчин, так и (хотя в меньшей степени) среди женщин. В 1970-х гг. соотношение между злоупотреблявшими спиртными напитками мужчинами и женщинами составило примерно 10—12 к 1. Отечественные и зарубежные учёные считали эти цифры заниженными, так как в их основе была лишь информация об обращении к врачам страдавших таким заболеванием людей или об их госпитализации[19]. Между тем по социальным и психологическим мотивам многие женщины скрывали соответствующие недуги и не прибегали к медицинской помощи. Распространение женского алкоголизма подтверждают и социологи: в 1960-х гг. спиртные напитки употребляли 68% опрошенных подростков-мальчиков и 49% девочек, в 1980-х гг. — соответственно 90 и 75%[20].

Таким образом, в 1970-х гг. повышение женской смертности происходило по ряду взаимосвязанных причин. Это, например, увеличение потребления среди женщин винно-водочных и табачных изделий, рост алкоголизма мужчин, отражавшийся на психологическом и физическом самочувствии членов их семей и косвенно — окружающих людей.

Межполовая дифференциация в продолжительности жизни в городских поселениях РСФСР к 1978/1979 гг. возросла до 10,71 лет, в Западной Сибири — до 10,83 лет. Средняя величина этого показателя в городах и посёлках городского типа Западной Сибири была ниже, чем в республике, однако разница между ними увеличивалась. Если в 1969/1970 гг. она составляла 0,77 лет, то в 1978/1979 гг. — уже 1,03 года. Длительность жизни мужчин (в годах) в экономическом районе уменьшилась почти так же, как в России, но для женщин было характерно более значительное снижение (см. табл. 6).

В 1980-х гг. происходили сильные колебания смертности населения в целом и городского в частности. Прекратилось сокращение средней продолжительности жизни. Общий коэффициент смертности в РСФСР вырос незначительно: с 9,8 (1979) до 10,0‰ (1989), в Западной Сибири даже снизился — соответственно с 9,4 до 8,8‰.

Индексный метод позволил выявить, что уменьшение общего коэффициента в городских поселениях Западной Сибири произошло исключительно за счёт сокращения непосредственно смертности (-15,6%), тогда как из-за возрастного состава он увеличился (на 10,3%). Средняя продолжительность жизни там повысилась на 2,49 года: с 67,14 (1978/1979) до 69,63 (1988/1989) лет; в республике же она возросла на 1,72 года: с 68,17 (1978/1979) до 69,89 (1989) лет. Следует учитывать, что презентация этого показателя в статистических сборниках применительно к концу 1980-х гг. осуществлялась иначе. Если до 1988 г. средняя продолжительность жизни была представлена за дробные годы (например, 1978/1979 или 1969/1970), то начиная с 1988 г. — только за целые. Таким образом, её величина в 1988/1989 гг. оказалась несколько выше, чем в 1989 г. Однако разница была, скорее всего, небольшой и не превысила 0,1—0,2 года[21].

---

[19] Алкоголизм (руководство для врачей) / Под ред. Г.В. Морозова, В.Е. Рожнова, Э.А. Бабаяна. М., 1983. С. 162.

[20] *Просвирнин В.Ф.* Проблемы народонаселения в СССР. Политико-экономический анализ. Л., 1989. С. 66.

[21] Мы не можем осуществить аналогичные расчёты за 1989 г., так как неизвестен возрастной состав городского населения Западной Сибири на начало 1990 г.

Таблица 6

Средняя продолжительность жизни в городских поселениях РСФСР и Западной Сибири в 1969/1970—1978/1979 гг.

Годы	РСФСР			Западная Сибирь		
	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин
1969/1970	68,97	63,57	73,32	68,20	62,59	72,83
1978/1979	68,17	62,46	73,17	67,14	61,47	72,30

Подсчитано по: ГА АК, ф. Р-718, оп. 43, д. 97, л. 28; д. 102, л. 30—30 об.; д. 147, л. 59—59 об.; д. 153, л. 33—33 об.; ГА КО, ф. Р-304, оп. 1. д. 74. л. 49—49 об.; д. 75, л. 38—38 об.; д. 83, л. 41—41 об.; д. 84, л. 53—53 об.; ИА ОО, ф. 2122, оп. 1, д. 5670, л. 46—46 об.; д. 5917, л. 40—41; д. 8257, л. 49—49 об.; д. 8543, л. 52—52 об.; ГА ТО, ф. 1085, оп. 3, д. 79, л. 172—172 об., 314—314 об.; д. 418, л. 72—72 об.; д. 576, л. 87—87 об.; ГА ТюмО, ф. 1112, оп. 4, д. 117, л. 44—44 об.; д. 143, л. 45—45 об.; оп. 1, д. 8468, л. 47—47 об.; д. 8944, л. 58—58 об.; ГА РФ, ф. А-374, оп. 39, д. 6012, л. 4—6 об.; д. 6016, л. 4—6 об.; д. 6014, л. 4—6 об.; д. 6018, л. 142—144 об.; д. 6017, л. 4—6 об.; д. 6019, л. 78 об—80 об.

По данным таблицы 7 продолжительность жизни возросла за счёт позитивных изменений, произошедших в большинстве причин смерти, а категория несчастных случаев, отравлений и травм вновь переместилась на третье место.

Официальные статистические показатели демонстрируют увеличение в Западной Сибири контингента врачей, обеспеченность же больничными койками осталась почти на прежнем уровне, видимо, из-за быстрого в тот период роста населения. В 1980-х гг. социальная политика активизировалась, возросли денежные доходы граждан страны. Однако эти успехи обесценила проблема сбалансированности денежных доходов и расходов семей. Жилищная обеспеченность в регионе возросла с 13,7 до 15,3 кв. м на человека[22]. Продолжало улучшаться благоустройство домов, повысился уровень образованности населения.

Влияние положительных факторов (благодаря им смертность сокращалась) нивелировалось воздействием отрицательных. Потребление спиртных напитков стало вызывать серьёзную озабоченность у советского руководства. Согласно постановлению ЦК КПСС от 7 мая 1985 г. были утверждены меры, направленные на ограничение потребления спиртных напитков. Запрещалась продажа алкоголя лицам, не достигшим 21 года. Совет министров СССР получил указание: с 1986 г. приступить к сокращению производства винно-водочных изделий, повышению выпуска безалкогольных напитков, соков и кваса[23].

В отличие от предыдущих лет данную антиалкогольную кампанию органы власти вели основательно. В РСФСР производство алкогольных напитков уменьшилось в 2 с лишним раза, их потребление в расчёте на душу населения снизилось с 10,5 (1980) до 3,9 л (1987), правда, затем (1989) возросло до 5,16 л[24]. В Западной Сибири аналогичные показатели составили 10,3 (1980) и 4,99 л (1989). Антиалкогольная кампания привела к снижению смертности и в стране, и в регионе. Негативное влияние этого фактора на продолжительность жизни уменьшилось, но полностью не прекратилось. При этом люди

[22] Регионы России. Статистический сборник / Под общ. ред. В.И. Галицкого. В 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 153.

[23] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 15. М., 1989. С. 21—27.

[24] Народное хозяйство РСФСР в 1989 году. Статистический ежегодник / Отв. за вып. Н.В. Никулина. М., 1990. С. 188.

Таблица 7

Смертность по причинам смерти городского населения РСФСР, Западной Сибири и Новосибирской области в 1985—1989 гг. (*на 100 тыс. человек*)

Причина смерти	Новосибирская область	Западная Сибирь	РСФСР
1985 г.			
Всего умерших, в том числе	1 050,9	941,3	1 033,2
от инфекционных и паразитарных болезней	22,0	21,0	15,1
от новообразований	184,8	155,5	178,9
от болезней кровообращения	575,7	467,6	562,9
от болезней органов дыхания	58,8	61,2	58,3
от болезней органов пищеварения	32,4	27,5	29,6
от несчастных случаев, отравлений и травм	118,5	148,0	120,2
1989 г.			
Всего умерших, в том числе	998,4	879,8	1 000,1
от инфекционных и паразитарных болезней	13,8	13,5	11,2
от новообразований	199,1	167,0	193,3
от болезней кровообращения	528,9	440,7	551,3
от болезней органов дыхания	43,1	42,5	44,5
от болезней органов пищеварения	28,1	25,3	27,2
от несчастных случаев, отравлений и травм	117,3	133,9	115,6

Подсчитано по: Текущий архив... л. 14—24; Численность, состав и движение населения в РСФСР. С. 191.

продолжали много курить. Если в 1980 г. на душу населения было реализовано 1,8 тыс. шт. табачных изделий, 1985 г. — 1,7 тыс., 1989 г. — 2 тыс. шт.

Государственные органы стали уделять больше внимания состоянию окружающей среды. В июне 1980 г. был принят закон «Об охране атмосферного воздуха». Его загрязнение в РСФСР в 1980—1988 гг. сократилось на 9% (с 41,6 до 37,8 млн т). В Новокузнецке, например, доля улавливаемых вредных веществ, исходивших от стационарных источников, увеличилась с 71 (1985) до 74% (1989), в Кемерове — соответственно с 79 до 86%. Из-за невысокой значимости данного фактора природоохранные меры и некоторое улучшение экологического положения незначительно повлияли на снижение смертности в стране.

Итак, в 1980-х гг. в СССР удалось временно уменьшить влияние алкоголизма — одного из факторов, способствовавших повышению уровня смертности. Целью здравоохранения по-прежнему оставались достижение формальных количественных показателей и борьба преимущественно с экзогенными заболеваниями. Но главное, не изменилась жизненная позиция основной части населения в отношении своего здоровья. Люди в основном не до конца осознавали необходимость приложения собственных больших усилий для достижения долголетия. Поэтому рост продолжительности жизни, вызванный сокращением потребления алкоголя, оказался не таким высоким.

Как показали проведённые в 1980-х гг. в некоторых городах Европейской части СССР социологические исследования (их результаты вполне применимы к Западной Сибири), на первом месте среди факторов, в наибольшей степени влиявших на здоровье, мужчины определили «условия жизни» (41%). Значительно меньше представителей сильного пола указали на необходимость и важность своих собственных сберегающих действий (29%). У женщин разброс мнений по этому вопросу составил соответственно 28 и 39%. Исследования также выявили существенную долю людей, по мнению которых вообще не стоит стремиться жить как можно дольше (25%).

Длительность жизни в городских поселениях Западной Сибири оставалась ниже, чем в РСФСР, но дифференциация между ними сократилась: в 1978/1979 гг. — 1,03 года, в 1988/1989 гг. — приблизительно 0,4 года. Значительнее, чем в республике, снизилась смертность как мужчин, так и женщин. Наши выкладки подтверждают сведения, представленные Госкомитетом Российской Федерации по статистике. В 1989—1990 гг. разница между городскими поселениями РСФСР и Западной Сибири уменьшилась до 0,37 лет. Антиалкогольная кампания в регионе из-за структуры потребления спиртных напитков и других причин возымела больший эффект.

В заключение подчеркнём, что динамика смертности сильно зависела от комплекса факторов. В исследуемый период улучшились продовольственное и жилищное обеспечение населения, уровень его образования, количественные показатели здравоохранения. Во втором эпидемиологическом переходе это в совокупности могло дать лишь незначительную прибавку к продолжительности жизни (см. табл. 2). Для достижения её нового порога (85 лет) были необходимы действия, направленные на преодоление вредных привычек и прежнего, безразличного отношения к здоровью. Однако потребление винно-водочных изделий и табачной продукции значительно возросло, ухудшились экологическая ситуация в стране, состояние водных источников и воздуха.

Средняя продолжительность жизни стала постепенно снижаться. В западносибирских городах действовали специфические местные условия, усугублявшие положение. В социально-классовой структуре преобладали рабочие травмоопасных профессий, уровень образования людей был несколько ниже, чем в целом в республике. Темпы развития здравоохранения в восточных районах — из-за их пространственных и климатических особенностей — были недостаточными. Кроме того, в социальной структуре региона исторически было немало осуждённых лиц, которые невысоко ценили своё и чужое здоровье.

Формирование промышленности в неосвоенных северных районах, где отсутствовали элементарные жизненные удобства, отрицательно сказалось на здоровье прибывающего населения. Значительно повышало смертность потребление алкогольной продукции, которое в Западной Сибири относилось к выраженному «северному» типу. Антиалкогольная кампания 1980-х гг. носила преимущественно принудительный характер и не смогла изменить ситуацию

в корне, хотя длительность жизни и повысилась. Из-за роста промышленных и транспортных отходов и других причин ухудшилось экологическое положение, особенно в пограничных с Казахской ССР районах.

В результате в течение 30 лет городское население Западной Сибири, как и России в целом, находилось в финальной фазе первого эпидемиологического перехода. Ожидаемая продолжительность жизни возросла слабо. Структура смертности по её причинам в городских поселениях региона сохранила незавершённый вид, а величина средней продолжительности жизни на протяжении всего рассматриваемого периода оставалась ниже, чем в республике.

Флот Российской империи

В.М. Головнин и отбор участников кругосветного плавания на военном шлюпе «Камчатка»

Дмитрий Копелев

V.M. Golovnin and the selection of participants in the circumnavigation on the sloop «Kamchatka»

Dmitriy Kopelev
(The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)

DOI: 10.31857/S086956870005113-5

Институциональную среду любого общества на всех уровнях социальных иерархий пронизывает разветвлённая система патронатных связей, масштабы которых, равно как и механизмы функционирования, формы проявления, идеологические оболочки и типологии широко видоизменяются и варьируются в зависимости от социокультурных и политических традиций[1]. В Российской империи патронатные отношения чаще всего сказывались на карьерном продвижении, а изучение их сводилось преимущественно к анализу фамильно-родственного непотизма, зачастую скрытого от глаз и потому скорее предполагаемого с большей или меньшей вероятностью[2]. Но как складывалась

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00103/18.

[1] *Campbell J.* Honour, Family and Patronage. Oxford, 1964; *Wolf E.R.* Kinship, Friendship, and Patron-Client Relation in Complex Societies // The Social Anthropology of Complex Societies / Ed. by M. Banton. L., 1966; Network Analysis: Studies in Human Interaction / Ed. by J. Boissevain, J.C. Mitchell. The Hague, 1973; *Boissevain J.* Friends of Friends: Networks, Manipulators and Coalitions. Oxford, 1974; Friends, Followers and Factions: a Reader in Political Clientelism / Ed. by S.W. Schmidt, L. Guasti, C.H. Lande, J.C. Scott. Berkeley, 1977; *Le Roy Ladurie E.* Système de la cour (Versailles, vers 1709) // Le territoire de l'historien. II. Paris, 1978; *Eisenstadt S.N.*, *Roniger L.* Patrons, Clients and Friends: Interpersonal Relations and the Structure of Trust in Society. Cambridge, 1984; *Kettering S.* Patrons, Brokers and the Clients in Seventeenth Century France. Oxford, 1986; *Lux D.* Patronage and Royal Science in Seventeenth Century France. The Académie de Physique in Caen. N.Y., 1989; Patronage and Institutions: Science, Technology and Medicine at the European Court, 1500—1750 / Ed. by B.T. Moran. Woodbridge, 1991; *Levy-Peck L.* Court Patronage and Corruption in Early Stuart England. L., 1993; *Zemon-Davis N.* The Gift in the Sixteenth Century France. Oxford, 2000; *Newbury C.* Patrons, Clients and Empire. Chieftaincy and Over-rule in Asia, Africa and the Pacific. Oxford, 2003; Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия. М., 2016.

[2] *Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia 1600—1800. New Haven, 1983; *Orlovsky D.* Political Clientelism in Russia: The Historical Perspective // Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia / Ed. by T.H. Rigby, B. Harasymiw. L., 1983; *LeDonne J.P.* Ruling Families in the Russian Political Order 1689—1825 // Cahiers du Monde Russe et Sovetique. Vol. 28. 1987. № 33/4; *LeDonne J.P.* Frontier Governors General 1772—1825 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 47. 1999. H. 1; *Ransel D.* Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // Klientelsysteme im Europa der Frühen Neuzeit / Ed. by A. Maczak. München, 1988; *Velychenko S.* Identities, Loyalties and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? // Russian Review. Vol. 54. 1995. № 2; *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. М., 2000; *Hosking G.* Patronage and the Russian State // Slavonic and East European Review. Vol. 78. 2000. № 2; *Энгельштейн Л.* «Комбинированная» неразвитость: дисциплина и право в царской и советской России // Новое литературное обозрение.

подобная «система», включавшая не только родственные, но и многочисленные дружески-приятельские, соседские и профессиональные связи? На флоте[3] толчком для формирования одного из звеньев разветвлённой патронатной сети нередко становилась служба на одном корабле, порою предопределявшая будущую жизнь[4]. Так, кругосветное плавание под началом В.М. Головнина на военном шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 гг. способствовало формированию когорты будущих прославленных учёных-исследователей — адмиралов Ф.П. Литке, Ф.П. Врангеля и Ф.Ф. Матюшкина[5].

В то время начинались великие российские географические открытия в Тихом океане. Основные маршруты русских кораблей пролегли от Архангельска в Арктику и с Камчатки на Аляску и в Русскую Америку. Одним из наиболее знаменитых военно-морских офицеров тех лет стал Василий Михайлович Головнин, чьё имя не сходило с уст флотской молодёжи. Храбрец и автор нашумевших записок о пребывании в Японии, он имел богатый послужной список[6]: участвовал в русско-шведской войне 1788—1780 гг., сражаясь на корабле «Не тронь меня» под командой капитана 1-го ранга британца Д. Тревенена, который сопровождал Д. Кука в последнем кругосветном плавании; в 1798—1799 гг. состоял флаг-офицером и переводчиком с английского языка при вице-адмирале М.К. Макарове, посланном для ведения военных действий против Французской республики у побережья Голландии; в 1802 г. отправился волонтёром в Великобританию и плавал под флагом У. Корнуоллиса, Г. Нельсона и К. Коллингвуда, затем, вернувшись в Россию, возглавил кругосветное плавание на шлюпе «Диана», побывал в плену у британцев и японцев.

2001. № 49; *Баберовски Й.* Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи // Ab Imperio. 2008. № 3.

[3] О патронате на флоте см.: *Lewis M.A.* Social History of the Navy, 1793—1815. L., 1960; *Lewis M.A.* The Navy Transition 1814—64: a Social History. L., 1965; *Rodger N.A.M.* The Wooden World: an Anatomy of the Georgian Navy. N.Y., 1986; *Vergé-Franceshi M.* Les officiers généraux de la Marine Royale (1715—1774). Origines, conditions, services. T. 1—7. Paris, 1990; *Capp B.S.* Cromwell's Navy: The Fleet and the English Revolution, 1648—1660. Oxford, 1992; *Gill E.* Children of the Service: Paternalism, Patronage and Friendship in the Georgian Navy // Journal for Maritime Research. Vol. 15. 2013. Issue 2. P. 149—165.

[4] *Копелев Д.Н.* Первое русское кругосветное плавание и остзейские интересы И.Ф. фон Крузенштерна // Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга. Очерки истории. СПб., 2002. С. 51—70; *Bertelsen L.* Patronage and the Pariah of Captain Cook's Third Voyage: Captain John Williamson, Sir William Jones and the Duchess of Devonshire // Journal for Eighteenth-Century Studies. Vol. 38. 2015. Issue 1. P. 29—45; *Bertelsen L.* Political Discussions Onboard HMS Crocodile: David Samwell, James King and the Historical Implications for Captain Cook's Third Voyage // Mariners Mirror. Vol. 101. 2015. Issue 3. P. 272—282.

[5] О плавании на «Камчатке» см.: *Головнин В.М.* Путешествие вокруг света, совершённое на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головниным. М., 1965; *Матюшкин Ф.Ф.* Журнал кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» под командою капитана Головнина // *Шур Л.А.* К берегам Нового Света. Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века. М., 1971. С. 27—76; *Литке Ф.П.* Дневник, веденный во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» // *Шур Л.А.* К берегам Нового Света... С. 89—168.

[6] Краткая биография флота вице-адмирала Головнина (составленная им самим и коей собственноручный подлинник хранится как святыня в его семействе) (РГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 2, л. 26—33 об.); *Греч Н.И.* Жизнеописание Василия Михайловича Головнина // Морской сборник. 1851. № 7. С. 1—36; *Петри Э.Ю.* Василий Михайлович Головнин // *Головнин В.М.* Записки флота капитана Головнина / Под ред. Э.Ю. Петри. СПб., 1894. С. III—XIV; *Давыдов Ю.В.* Головнин. М., 1968; *Головнин В.М.* Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Хабаровск, 1972; *Дивин В.А.* Повесть о славном мореплавателе (к 200-летию со дня рождения В.М. Головнина). М., 1976; *Козлов С.А.* Русские открывают Японию. Из рукописного наследия мореплавателей В.М. Головнина и А.И. Хлебникова, 1810—1820-е гг. СПб., 2016.

В 1816 г. перед его экспедицией на военном шлюпе «Камчатка» ставились важные задачи: доставка грузов и продовольствия в Петропавловский и Охотский порты, «обозрение» колоний Русской Америки и выяснение географического положения «островов и мест российских владений, кои не были доселе определены астрономическими способами»[7]. Особый, «секретный», характер миссии придавало предписание подвергнуть ревизии деятельность Российско-Американской компании и расследовать допускаемые ею злоупотребления. «Ты имеешь редкий случай сказать своему государю правду, — заявил Александр I Головнину на последней аудиенции. — Я часто употребляю несколько месяцев, чтобы узнать истину о том, что делается около меня, но за 13 тысяч вёрст я никакого не имею на то способа. Я надеюсь, что ты известишь меня откровенно о всём, что происходит в селениях нашей Американской компании, о которой я слышал много худого»[8].

Выбор императора объяснялся блестящей карьерой капитана, готового «жизнь свою подвергать опасности, лишь бы только... доставить пользу отечеству и всему учёному свету новыми открытиями и достоверными описаниями»[9]. Его профессиональные и нравственные качества были безупречны. Врангель, например, особо выделял кристальную честность и благородство Василия Михайловича, «присутствие духа в опасностях, решительность и быстроту в принятии мер для достижения предположенной цели, неутомимость в терпении трудов, постоянство в дружбе», особо выделяя «признательность к усердным сослуживцам и подчинённым»[10]. По словам Литке, капитан «Камчатки» «показывал пример строгого исполнения своих обязанностей. Ни малейшего послабления, ни себе, ни другим. В море он никогда не раздевался. Мне случалось даже на якоре, приходя рано утром за приказаниями, находить его спящим в креслах, в полном одеянии. Это не составляло для него никакого лишения»[11].

Гордец и правдолюб, Головнин являлся требовательным и суровым начальником, который, никому и никогда не делая поблажек, «держал себя совершенным деспотом, неизмеримо высоко над всеми подчинёнными... Все его очень боялись, но вместе и уважали за его чувство долга, честность и благородство»[12]. Вместе с тем он был свято убеждён в «особости» морской службы и избранности всех, кто посвятил себя ей.

Свои взгляды Головнин изложил в рукописи «О состоянии Российского флота в 1824 г.», подписанной псевдонимом «Мичман Мореходов». Размышляя о причинах упадка военно-морских сил империи, недавний помощник директора Морского корпуса, ставший уже генерал-интендантом флота, наметил обширную программу преобразований, не докладывая о ней начальству, поскольку «в официальных бумагах не всегда можно всякую вещь назвать своим именем; откровенность такая, как известно, многим, сказать попросту, сломила

---

[7] *Головнин В.М.* Путешествие вокруг света... С. 25.

[8] РГАВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 1 об. О последствиях ревизии Головнина в Русской Америке см.: Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX в. Т. 4. Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815—1841 / Под ред. Н.Н. Болховитинова. М., 2005. С. 65—68; *Гринёв А.В.* Аляска под крылом двуглавого орла (российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории). М., 2016. С. 316—324.

[9] РГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2537, л. 22 об.

[10] Там же, ф. 7, оп. 1, д. 2, л. 23.

[11] *Безобразов В.П.* Граф Фёдор Петрович Литке. Т. 1. СПб., 1888. С. 88.

[12] Там же. С. 94, 95.

шею»[13]. Констатировав, что «умные и достойные люди убегают и гнушаются морскою нашею службою», автор записки признавал: «Из всех занятий, коим посвящает себя человек для общественного блага, морская служба есть занятие самое тягостное, самое несносное и самое опасное. Вступающие в неё должны с самых юных лет, на всё время цветущей молодости, лишить себя почти всех приятностей жизни»[14]. Что же способно побудить «свободных людей» отречься «от многих лучших удовольствий жизни и вместо оных заставить их повергнуть себя великим безпокойствам, трудам и опасностям»? Деньгами, по мнению Головнина, «можно только прельстить корыстолюбивую сволочь, от которой никаких великих подвигов ожидать нельзя», и «одно лишь честолюбие может подвинуть людей, способных к славным делам, на пожертвование всем и вступление на столь опасное поприще»[15].

Соответственно, особое внимание следовало уделить подбору, воспитанию и образованию молодых офицеров, проверяя их качества в экстремальных условиях, требующих предельной мобилизации сил. Кругосветное плавание подходило для этого как нельзя лучше. Не случайно в 1816 г. Головнин потребовал «в уважение долговременного, отдалённого и многотрудного плавания, мне предстоящего, позволить, чтоб я сам назначил офицеров и выбрал нижних чинов»[16]. Действуя осмотрительно, советуясь со знающими людьми и используя дружеские, родственные, соседские и профессиональные связи, он прежде всего приглашал на «Камчатку» лично ему известных ветеранов с шлюпа «Диана», к которым «питал всегда особенную и весьма естественную привязанность»[17]. Одним из них был лейтенант Никандр Иванович Филатов, добрый сосед Головнина по рязанским имениям[18], захвативший в сентябре 1812 г. японского торговца Такадая Кахэя и сыгравший немалую роль в спасении своего командира из японского плена[19]. Филатов остался тогда служить на Дальнем Востоке, командовал транспортом «Борис и Глеб», но в 1816 г. его специально отозвали в распоряжение Головнина, который назначил его вторым помощником[20]. С «Дианы» на «Камчатку» также перешли писарь Степан Савельев и «горький пьяница» Владимир Скородумов — фельдшер 14 класса Каменоостровского инвалидного корпуса[21].

[13] *Мичман Мореходов*. О состоянии Российского флота в 1824 году. С рукописи, найденной в неполном виде в бумагах вице-адмирала В.М. Головнина. СПб., 1861. С. 47. Далее цитируется по рукописи: РГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 25.

[14] РГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 25, л. 82 об., 75.

[15] Там же, л. 75 об., 76.

[16] Там же, ф. 166, оп. 1, д. 2537, л. 20.

[17] *Безобразов В.П.* Указ. соч. С. 89.

[18] Имение Филатовых в с. Быково (Пронский уезд Рязанской губ.) находилось в нескольких верстах от с. Гулынки, родового владения Головниных. По соседству с другим имением Филатовых, в селе Бествино (совр. Бештвино), располагались владения Тютчевых, из рода которых происходила Анна Богдановна Вердеревская — бабушка Головнина, воспитывавшая его до поступления в Морской корпус (*Попов Н.С.* Никандр Иванович Филатов — спутник капитана В.М. Головнина в кругосветных путешествиях // Во все концы достигнет россов слава. Материалы XXXIV Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2017. С. 211).

[19] Подробнее см.: *Козлов С.А.* Русские открывают Японию... С. 122—145.

[20] Литке дал ему весьма нелестную характеристику: «офицер очень посредственный, а человек пренегодный», «негодяй», интригам и наушничеству которого «обязаны мы были всеми смутами, всеми неприятностями, возникшими скоро в кают-компании» (*Безобразов В.П.* Указ. соч. С. 89). Головнин, «порядочно раскусивший этого человека», продолжал, однако, ему покровительствовать: в 1821 г., по его рекомендации, Филатов возглавил кругосветное плавание на бриге «Аякс». С собой он взял своего родного брата — Фёдора Филатова и шурина Головнина — Ардалиона Степановича Лутковского.

[21] РГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2537, л. 133.

Готовясь к плаванию, Головнин подумывал взять с собой и невесту — Авдотью Степановну Лутковскую (1793—1884)[22]. В «черновых записках» он признавался, что, согласившись возглавить «Камчатку», поставил себя в «самое неприятное состояние» и вынужден был пойти на «чрезвычайное пожертвование», на два года отложив намеченную свадьбу. По его мнению, жениться и сразу же покинуть супругу означало совершить шаг «малодушный, достойный посмеяния». Оставалось «или честию жертвовать любви, или любовию чести, потому что великодушная и добрая моя невеста на всё соглашалась, что я сам изберу»[23]. Позднее в «Краткой биографии» он написал, что «мог бы и отказаться от сего путешествия, но такой поступок казался ему слишком низким и непростительным»[24].

Как вспоминал Головнин, Авдотья Степановна «готова была охотно предпринять путешествие со мною, но пусть всякий, кто имеет чувствительное сердце, вообразит себя на моём месте и посудит, чего мне стоил выбор, как поступить... Взять жену с собою противно нашим постановлениям. Положим, однако ж, чтоб я получил на сие позволение государя, то мог ли я ручаться за сохранение здоровья и даже самой жизни жене моей? Морская болезнь, сырой воздух, теснота, сидячая жизнь, частые недостатки в свежей пище, беспрестанная перемена климата, гнилая вода, страх во время бурь и грома — вот причины, достаточные и самого крепкого мущину, не привыкшего с малолетства к морским путешествиям, погубить, а не только слабую женщину, выросшую в покое и во всех удобностях жизни. К сему присовокупить ещё надобно припадки, которые могли случиться с молодою замужнею женщиною от беременности. По всему этому я был твёрдо уверен, что взять жену с собою в такое путешествие значило погубить её и себя, ибо, лишившись её, я никогда не искоренил бы у себя из мыслей, что не я смертоубийца её, а мысль сия могла довести меня до такой крайности, на какую в самые ужасные годы моей жизни — в японском плену — я не покушался»[25]. В итоге они обвенчались уже по возвращении Василия Михайловича — 15 октября 1819 г. в церкви Спаса Нерукотворного образа на Конюшенной площади Санкт-Петербурга.

В экспедицию с Головниным отправились два будущих шурина: гардемарины Ардалион (1797—1821) и Феопемпт (1803—1852) Лутковские. Между тем незадолго до неё, в 1816 г., «безшабашного» Ардалиона вместе со Степаном Артюховым, разжаловали из гардемарин в матросы за пьянство и «сослали» в Свеаборг. По словам Г.А. Лумпановой, «восстановлению Ардалиона Лутковского в прежнем чине содействовал Головнин, он же и взял его с Артюховым в свою команду, хотя первоначально планировалось взять в плавание из Морского

---

[22] Дочь тверского помещика, отставного поручика лейб-гвардии Преображенского полка Степана Васильевича Лутковского (1754—1840) и Пелагеи Михайловны Козиной (1761 — после 1819).

[23] РГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 16, л. 52. Отрывки из черновых «Записок» см.: *Головнин В.М.* Записки флота капитана Головнина... С. 490—492.

[24] РГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 2, л. 29. Решение расстаться со «страстно любимой» невестой давалось мучительно; молодые мичманы, ожидавшие со дня на день выхода в море, с немалым, видимо, изумлением наблюдали за любовными терзаниями заслуженного моряка: «Капитан приехал в 7-м часу поутру, — с иронией записал 24 августа 1817 г. в своём дневнике Литке. — Ветерочек был благополучный, и мы намерены были сняться, но к полудню он переменился и сделался нам противный. Я полагал, что капитан был в Петербурге в последний раз, но сегодня вечером он опять туда поехал. О, любовь! Любовь...» (Там же, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 3).

[25] Там же, ф. 7, оп. 1, д. 16, л. 52, 52 об.

корпуса только двух гардемаринов»[26]. Феопемпту к моменту его включения в экспедицию исполнилось всего 14 лет. К тому же в феврале 1817 г., когда морской министр И.И. де Траверсе отдал распоряжение директору Морского корпуса П.К. Карцову направить на «Камчатку» двух гардемаринов, младший брат Евдокии Степановны был ещё кадетом. Василий Михайлович решил не торопить события и только 14 июля, через неделю после производства Лутковского в гардемарины, назвал его фамилию[27].

Пожалуй, труднее всего оказалось найти лекаря, назначение которого изначально было поручено Медицинской экспедиции. В июле 1817 г., когда экипаж «Камчатки» уже почти полностью укомплектовали, генерал-штаб-доктор Яков Лейтон, ссылаясь на крайнюю нехватку медиков, предложил взять на борт отставного доктора медицины Фридриха Геденберга, выпускника Дерптского университета. Морской министр запросил мнение Головнина, который, с трудом сдерживая раздражение, отклонил данную кандидатуру, поскольку ни от кого не смог узнать, готов ли тот к «такому дальнему путешествию». В своём рапорте капитан напоминал, что ему нужен «хорошего поведения искусный лекарь», способный обеспечить «успех предполагаемой экспедиции». Выставленные Геденбергом требования (жалованье в 1 200 руб. и отдельная каюта) казались чрезмерными. Головнин даже жаловался де Траверсе на врачей, которые «желают предпринять предназначенное ему путешествие на своих условиях, требуя или чинов, или большего, ни с чем не соразмерного жалования», хотя «должны... служить своему государю, как и прочие офицеры не по выбору и разбору, а куда назначены будут»[28]. 17 августа Медицинская экспедиция предоставила Головнину возможность «приискать самому врача и кто им избран будет экспедицию уведомить». Свой выбор Василий Михайлович остановил на штаб-лекаре Антоне Новицком, добровольно изъявившем желание отправиться в плавание[29].

Художником экспедиции стал М.Т. Тиханов. Происходя из дворовых шталмейстера Двора кн. Н.А. Голицына, он в 1806 г., по прошению князя, был определён пенсионером в Академию художеств, где обучался по классу исторической живописи у В.К. Шебуева, и обратил на себя внимание благодаря

---

[26] *Лумпанова Г.А.* Контр-адмирал Феопемпт Степанович Лутковский. Тверь, 2010. С. 14, 15. Ардалион погиб в кругосветном плавании на бриге «Аякс», потерпевшем крушение в Северном море.

[27] Там же. С. 11, 12. На «Камчатке» Ф.С. Лутковский помогал В.М. Головнину в «переписке набело английских бумаг» (*Головнин В.М.* Путешествие вокруг света... С. 30.) и отвечал за «собрание редкостей». В 1821—1824 гг. на шлюпе «Аполлон» он совершил своё второе кругосветное плавание. Человек образованный, «со свободным образом мыслей», Феопемпт проживал на квартире Головнина и занимался переводами с английского языка. В 1826 г. из-за дружеских связей с Д.И. Завалишиным его привлекли к следствию по делу декабристов (ОР РНБ, ф. 1000, оп. 3, д. 628) и перевели по Высочайшему повелению на Черноморский флот, определив под особый надзор адмирала А.С. Грейга. Отличившись в сражениях во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг., он был в 1830 г. освобождён от надзора и получил разрешение приезжать в Петербург. В 1839 г. воспитатель вел. кн. Константина Николаевича Литке добился назначения Лутковского своим помощником, и до 1848 г. «Феопушенька» или «добрый Феопух» состоял при молодом генерал-адмирале флота, а затем стал вице-директором Инспекторского департамента Морского министерства, до конца жизни с благодарностью вспоминая своего «благодетеля» Головнина (*Шульц В.К.* Несколько слов о жизни и службе Свиты его императорского величества контр-адмирала Ф.С. Лутковского. СПб., 1852; *Сидорова А.Н.* Детство и юность великого князя Константина Николаевича в мемуарах Ф.П. Литке и Ф.С. Лутковского // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 8. М., 2012. С. 278—291).

[28] РГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2537, л. 145.

[29] Там же, л. 150, 156.

полотну «Расстрел русских патриотов французами в 1812 г.»[30]. В 1815 г. Тиханов получил вольную и остался на казённом содержании при Академии. Головнину его настойчиво рекомендовал известный учёный, литератор, археолог и художник А.Н. Оленин, занимавший тогда пост государственного секретаря, директора Императорской публичной библиотеки и президента Академии художеств. При этом Оленин отмечал, что Тиханов вышел из Академии «почти как все воспитанники выходят, с одним талантом, следственно без всякого запаса в платье, белье и обуви и без денег, а потому и нужно будет его последними снабдить на счёт казённый»[31]. По решению Александра I живописцу отпустили из казны 1 500 руб. и предоставили денщика; по возвращении из плавания ему был обещан очередной чин[32].

При назначении офицеров, Головнин также внимательно прислушивался к рекомендациям. По-видимому, именно ими объяснялось казавшееся «чудесным» назначение на «Камчатку» мичмана Фердинанда Врангеля. Оставшись в детстве сиротой, он воспитывался в доме дяди, а в 1810 г. поступил в Морской корпус, который закончил в 1815 г.[33] Согласно преданию, узнав по секрету о подготавливаемой экспедиции, Врангель просил главного командира Ревельского порта походатайствовать за него, но получил отказ: Головнин сообщил, что берёт с собой только лично ему знакомых офицеров. Тогда молодой эстляндец решился на отчаянный поступок: сказавшись больным, он подал рапорт и покинул фрегат «Автроил», отправлявшийся на зимовку в Свеаборг, на каботажном судне с 15 руб. в кармане прибыл в Петербург, и бросившись к Головнину, умолял его о зачислении в состав экспедиции хотя бы простым матросом. На командира он произвёл благоприятное впечатление и был принят[34].

Между тем ещё в Эстляндии Врангель познакомился и навещал руководителя первой русской кругосветной экспедиции И.Ф. Крузенштерна, проживавшего на мызе Асс. «Наш Кук», как позже иронично прозвали Ивана Фёдоровича молодые Литке и Врангель, принял самое деятельное участие

---

[30] *Моисеева С.В.* Об авторстве картин «Расстрел французами русских патриотов в Москве в 1812 году» (ГРМ) и «Расстрел французами русских граждан в 1812 году» (ГТГ) // Русский музей. Страницы истории отечественного искусства XVI—XX вв. К 100-летию со дня рождения Георгия Викторовича Смирнова. Вып. XIII. СПб., 2007. С. 25—31.

[31] РГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2537, л. 222, 222 об.; 118—119, 127—129.

[32] За время экспедиции Тиханов сделал более 50 рисунков и акварелей, представляющих большую научную и художественную ценность. Часть из них (43 работы) Головнин передал Оленину, после смерти которого в 1843 г. рисунки поступили в библиотеку Академии художеств. Там их переплели в альбом, забыв указать имя автора (РГАВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 1197). В 1943 г. работы Тиханова перешли в Музей Академии художеств, в 1949 г. некоторые из них появились в печати. Сам художник, которым Головнин был очень доволен, заболел на Филиппинских островах, вернулся на родину в глубокой «ипохондрии» и вскоре лишился рассудка. Выйдя в 1822 г. из городской психиатрической лечебницы, он получил пенсию и до конца жизни проживал под опекой художника И. Лучанинова, а затем его вдовы (*Шур Л.А.* Художник-путешественник Михаил Тиханов // Латинская Америка. 1974. № 5; *Целищева Л.Н.* Забытые авторы известных картин // Художник. 1989. № 5. С. 38—42; *Farris G.J.* The Bodega Miwok as Seen by Mikhail Tikhonovich Tikhanov in 1818 // Journal of California and Great Basin Anthropology. Vol. 20. 1998. № 1. P. 2—12; *Рутенко Ю.С.* М.Т. Тиханов (1789?—1862) — первый русский живописец, побывавший на Филиппинах // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-174-9/978-5-88431-174-9_30.pdf); *Файбисович В.* Портрет брамина Нам-Джоги-Алана 1817 // Родина. 2016. № 3.

[33] Подробнее см.: *Шварц К.Н.* Барон Фердинанд Петрович Врангель, 1796—1870 гг. Биографический очерк // Русская старина. 1872. Т. 5. № 3. С. 389—418; *Давыдов Ю.В.* Фердинанд Врангель. М., 1959; *Пасецкий В.М.* Фердинанд Петрович Врангель. М., 1975.

[34] ОР РНБ, ф. 874, оп. 1, д. 29, л. 742.

в судьбе способного остзейца. В то время готовился отбыть на Дальний Восток друг Головнина и участник плавания на «Диане» Пётр Иванович Рикорд, назначенный начальником Камчатской области. Ходили слухи и о возможной экспедиции в Тихий океан, побудившие Врангеля просить Крузенштерна о рекомендации[35]. 13 октября 1816 г., когда в морском ведомстве ещё не приняли окончательное решение об отправлении «Камчатки», Головнин уже писал Крузенштерну: «Имел удовольствие видеть г. Врангеля, которому повторил уверения, сделанные мною Вам, что он непременно будет назначен на отправляемый в Камчатку фрегат, если командиром на оном пойдёт г-н Рикорд или я. Вам же, милостивый государь, я весьма много обязан, что Вы доставили мне случай узнать хорошего офицера»[36]. А через два месяца встревоженный капитан просил Крузенштерна «хоть г-на Врангеля прислать уведомить меня, как его зовут и в котором он экипаже, чтоб при назначении не случилось ошибки, ибо, быть может, что есть и другой мичман Врангель. Я признаюсь, виноват перед ним, он мне оставил о сем записку, но я как-то потерял её»[37]. В Петербурге действительно служил тогда троюродный брат Фердинанда Петровича — мичман Бернгард Васильевич фон Врангель[38].

Вернувшись из плавания, Головнин 14 ноября 1819 г. отправил Крузенштерну письмо, благодаря адмирала за доброе расположение и советы, «в числе коих рекомендация Ваша г-ну Врангелю, по которой я взял его с собой»[39]. В ответном послании, датированном 19 ноября 1819 г., «Василлей Михаелович» мог с удовлетворением прочесть: «Крайне приятно мне узнать от Вас самих, что Вы довольны г. Врангелем, и премного вам благодарен, что Вы изволили его назначить в новую экспедицию»[40].

Извилистыми путями попал на «Камчатку» и Фёдор Литке, которого, по словам Врангеля, «с юных лет судьба знакомила... с людьми и с науками»[41]. Мать будущего адмирала, дочь медика И.Г.Г. Энгеля Анна (Анна Доротея) Ивановна (1760—1797), скончалась при родах. В 8 лет лишившись отца, он провёл

---

[35] РГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 207; *Пасецкий В.М.* Фердинанд Петрович Врангель. С. 16.

[36] РГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 210, л. 29. Назначение Головнина состоялось в феврале 1817 г. (Там же, ф. 7, оп. 1, д. 16, л. 7 об.), о чём он сообщил Крузенштерну 20 марта того же года (Там же, ф. 14, оп. 1, д. 210, л. 32 об.).

[37] Там же, ф. 14, оп. 1, д. 210, л. 31 об.

[38] *Копелев Д.Н.* На службе империи. Немцы и Российский флот в первой половине XIX века. СПб., 2010. С. 189.

[39] РГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 210, л. 33—34.

[40] Там же, д. 252, л. 54—54 об. В ноябре 1819 г. Головнин познакомил Врангеля с разработанным им планом экспедиции, отправлявшейся для поиска и описания земель, расположенных в северо-восточной Сибири к северу от рек Яны и Колымы, предложив Фердинанду Петровичу возглавить один из отрядов. Врангель, посоветовавшись с Крузенштерном, согласился: для «молодого офицера, начинающего только службу свою», подобное назначение было весьма лестным (Eesti Ajalooarhiiv (далее — ЕАА), f. 2057 (Врангели), № 1, s. 268, l. 3; *Пасецкий В.М.* Фердинанд Петрович Врангель. С. 27—29). В 1825 г. по предложению Головнина, тогда уже занимавшего пост генерал-интенданта флота, Врангеля назначили командиром транспорта «Кроткий», направленного в крейсерство к берегам Русской Америки. В 1829 г., став главным правителем Русской Америки, Фердинанд Петрович передал Василию Михайловичу рукопись своего «Путешествия по северным берегам Сибири», принесшую ему впоследствии всемирную славу. Однако Головнин в 1831 г. скончался, и о бумагах Врангеля забыли. Отчёт о Колымской экспедиции впервые был издан на немецком языке в Берлине в 1839 г. с предисловием К. Риттера, затем дважды публиковался его английский перевод. По-русски его напечатали в 1841 г.

[41] ЕАА, f. 2057, № 1, s. 444, l. 62. См.: *Безобразов В.П.* Указ. соч.; *Орлов Б.П.* Фёдор Петрович Литке. Его жизнь и деятельность // *Литке Ф.П.* Четырёхкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля». М.; Л., 1948. С. 6—25; *Алексеев А.И.* Фёдор Петрович Литке. М., 1970; *Копелев Д.Н.* На службе империи... С. 257—265.

детство у дяди — Ф.И. Энгеля, статс-секретаря Павла I, сенатора и члена Государственного совета[42]. «Дядя взял меня к себе, но как берут с улицы мальчика, чтобы не дать ему умереть с голоду, — с горечью вспоминал Литке. — Он не обращал на меня никакого внимания, как разве для того только, чтобы меня побранить или выдрать за уши»[43]. О себе Фёдор Петрович отзывался столь же сурово: «Я был вспыльчив, обидчив, недотрога, и, как все слабые, любил дуться. Somme toute (в общем. — *фр.*), я был совсем дрянной мальчик. Недостаток первоначального воспитания и совершенное отсутствие воспитания после того отозвалось на всю последующую мою жизнь»[44]. При содействии дяди он надеялся попасть в Царскосельский лицей или в Морской корпус, «но при эгоизме и бесхарактерности, его и на это не стало»[45]. Между тем два родных дяди Литке — Карл и Александр — учились в Морском корпусе вместе с адмиралами А.В. фон Моллером (впоследствии морской министр), М.Т. Быченским и Л.В. Спафарьевым. Карл погиб в чине капитана 2-го ранга при осаде Измаила (в память о нём отец Литке и решил сделать сына моряком), Александр же перешёл на статскую службу и к концу жизни состоял инспектором Радзивилловского таможенного округа. Его супруга, Анна Константиновна, была дочерью хранителя придворного серебра К.К. Куличкина и сестрой лейтенанта Василия Куличкина — «волонтёра» Британского флота, погибшего 18 июля 1800 г. при взрыве 100-пушечного корабля «Королева Шарлотта»[46]. В доме А.И. Литке в Радзивиллове воспитывалась родная сестра Фёдора Петровича Наталья (1789—1848), которая в 1810 г. вышла замуж за капитан-лейтенанта И.С. Сульменёва (1771—1851) — будущего адмирала (1847) и председателя Морского генерального аудиториата.

С 1810 г. Сульменёв, друг и дальний родственник Головнина, служил в Петербурге. Благодаря ему Литке вошёл в круг морских офицеров и «много тёрся между людьми». Тогда же Дмитрий Головнин (родной брат Василия Михайловича и троюродный брат Сульменёва), по словам Фёдора Петровича, «полюбя меня и видя, что я ничему не учусь, дал мне несколько уроков арифметики и географии»[47]. В 1812 г. Литке находился в отряде Сульменёва на галете «Аглая», которым командовал Фёдор Филатов — родной брат спутника Головнина на «Диане» Никандра Филатова[48]. Зная о желании Литке попасть в кругосветное путешествие, Иван Саввич упросил Головнина, часто заходившего к Сульменёвым, проверить молодого мичмана в деле. «Я тебя запродал, — писал он шурину, — снаряжается на будущий год экспедиция на Камчатку, под начальством В.М. Головнина, который, по просьбе моей, обещал взять тебя с собой»[49]. Однако, попав на «Камчатку», Литке столкнулся с немалыми

[42] Холостяк Энгель пользовался также покровительством кн. Н.В. Репнина, у которого около десяти лет служил секретарём и правителем канцелярии. Об окружении кн. Репнина см.: *Лубяновский Ф.П.* Воспоминания. 1777—1834. М., 1872; *Пнин И.П.* Сочинения. Вышний Волочёк, 1934.

[43] *Безобразов В.П.* Указ. соч. С. 40.

[44] Там же. С. 27.

[45] Там же. С. 58.

[46] Среди этих избранных «для употребления на английском флоте» молодых офицеров были И.Ф. Крузенштерн, Ю.Ф. Лисянский, Я. Беринг, И.О. Салтанов, А.П. Авинов, К.С. и С.С. Грейги (РГАВМФ, ф. 198, оп. 1, д. 72, л. 218—219).

[47] *Безобразов В.П.* Указ. соч. С. 60.

[48] *Попов Н.С.* Никандр Иванович Филатов... С. 211. В воспоминаниях Литке дал «лейтенанту Ф.» не самую лесную характеристику: «недурной моряк, но не такой же человек — пьяненький, развратненький» (*Безобразов В.П.* Указ. соч. С. 71).

[49] *Безобразов В.П.* Указ. соч. С. 82, 83.

трудностями во взаимоотношениях с командиром и офицерами. «Излишняя живость характера, необдуманность, в первое время незнание порядка службы (где мне было ей научиться?), избалованность прежними начальниками — всё это должно было в глазах капитана давать мне вид какого-то шалопая», — писал адмирал позднее[50].

Будущий главный командир Русской Америки, а тогда лейтенант Матвей Иванович Муравьёв, «человек умный, начитанный по тогдашнему, предобрый, но несколько флегматичный и ленивый», узнав о назначении своего младшего друга Литке на «Камчатку», «натурально, порадовался, и раз как-то в разговоре сказал, как бы и ему хотелось идти с Головниным, но не знает, как это сделать. Я написал зятю; тот сказал Головнину, и Муравьёв был назначен. Это нас ещё более сблизило»[51]. Второй лейтенант, Фёдор Кутыгин, по словам Фёдора Петровича, — офицер «глупый», да ещё и кутила. В экспедицию он попал, как предполагал Литке, по ходатайству отчима — капитана над Петербургским гребным портом подполковника С.И. Миницкого (1766—1840), который слыл «фаворитом Аракчеева»[52]. Однако, вероятно, тут сыграло роль и то, что младший брат его отчима Михаил Иванович Миницкий, командовавший Якутской областью, был старинным приятелем Головнина ещё со времён волонтёрства на Британском флоте[53].

В отличие от Врангеля и Литке, Фёдор Матюшкин, выпущенный из Царскосельского лицея с чином коллежского секретаря и годовым жалованием в 700 руб., казалось, никаких шансов попасть на «Камчатку» не имел. Отец его, Фридрих (Фёдор) Иванович Матюшкин, советник посольства в Германии, давно скончался. Мать, Анна Богдановна (урождённая Медер), с 1810 г. состояла классной дамой в Екатерининском институте благородных девиц; по слухам, ей благоволила вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Влюблённый в море лицеист-романтик мечтал о далёких странах, но прочитанных им книг о путешествиях было явно недостаточно, чтобы заинтересовать Головнина. Спустя годы А.С. Пушкин в стихотворении «19 октября» скажет о товарище: «Счастливый путь! С лицейского порога / Ты на корабль перешагнул шутя, / И с той поры в морях твоя дорога, / О, волн и бурь любимое дитя!»[54]. В 1817 г., после окончания Лицея, Матюшкин проживал в семье его директора Егора Антоновича Энгельгардта, по-отечески опекавшего талантливого юношу. «Мысль жить в Петербурге с незначительным содержанием казалась ему очень

---

[50] Там же. С. 97. Впрочем, за время плавания мнение Головнина о Литке изменилось: в 1820 г. он уже рекомендовал назначить молодого лейтенанта руководителем научной экспедицией для изучения Новой Земли.

[51] Там же. С. 87.

[52] Там же. С. 89. Своим «возвышением» будущий вице-адмирал Миницкий был во многом обязан тому, что в 1815 г. успешно провёл из Петербурга в Грузино паровую яхту «Голубка», подаренную Александром I Аракчееву (Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807—1829 гг.) / Под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1883. С. 218, 220); *Морозова В.В., Ивашкина Л.Ю.* Миницкие — моряки и библиофилы // VI Сытинские чтения. Материалы международной научно-практической конференции «Человек и история: Вариации на тему». Ульяновск, 2012. С. 431—437; Аракчеев: свидетельства современников / Сост. Е.Е. Давыдова, Е.Э. Лямина, А.М. Песков. М., 2000. С. 101—102, 142, 143.

[53] РГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 224, л. 31 об., 32.

[54] О Матюшкине см.: *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887; *Попов-Штарк В.* Фёдор Матюшкин. Л.; М., 1940; *Шешин А.Б.* Друг Пушкина Ф.Ф. Матюшкин — декабрист // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 23. Л., 1989. С. 161—166; *Ильин П.В.* К вопросу о принадлежности Ф.Ф. Матюшкина к тайному обществу декабристов // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 29. СПб., 2004. С. 270—284.

тяжёлой, — писал Энгельгардт матери Матюшкина в Москву, — и я, наверное, не ошибаюсь, если скажу, что эта мысль в значительной степени подействовала на его решение идти в плавание»[55].

Зная о желании бывшего ученика отправиться в морскую экспедицию, Энгельгардт решил помочь ему устроиться на «Камчатку» и обратился за поддержкой к министру духовных дел и народного просвещения кн. А.Н. Голицыну[56]. 7 июня кн. Голицын направил маркизу де Траверсе письмо: «С самых юных лет он (Матюшкин. — *Д.К.*) имел страстное желание путешествовать морем. Желание сие его не может быть удовлетворено поступлением в морскую службу, ибо он не обучался нужным для того наукам; но ныне представляется к сему удобный случай определением его в каком-либо звании при капитане Головнине... по письмоводству»[57]. Особо отмечалась способность юноши «изъясняться свободно на трёх языках, французском, немецком и своём природном», хорошее знание математики и естественной истории, отличное поведение, прилежание и твёрдость характера. Одновременно с посланием де Траверсе кн. Голицын доложил о просьбе Энгельгардта императору, и Александр I повелел маркизу узнать, «найдёт ли возможным Головнин взять сего гражданского чиновника с собою». «Суровый» капитан поначалу заупрямился. «Назначенные на вверенный мне шлюп офицеры знают иностранные языки и умеют хорошо рисовать, — заявлял он, — следовательно, в г. Матюшкине я ни малейшей нужды не имею и могу очень хорошо и без него обойтись». Но, в конце концов, Василий Михайлович уступил и признал, что подобный энтузиаст «со временем может быть полезен» и, «не желая лишить его охоты к морской службе», согласился дать ему гардемаринскую должность, определив на ют под команду Литке[58].

28 июня Матюшкин явился к Головнину с письмом от Энгельгардта. «Хотя не имею я удовольствия быть Вам лично знаком, — писал директор Лицея, — а потому по обыкновенному в большом свете порядку и не мог бы относиться к Вам прямо с просьбою, но как дело идёт не о церемониях, а об оказывании благодеяния достойному молодому человеку, то и ласкаюсь я, что Вы, милостивый государь мой, великодушно извините меня в нарушении сего порядка. Податель сего, бывший мой воспитанник г-н Матюшкин, по благосклонности Вашей достиг теперь цели всех своих желаний, он отправляется в море. Я уверен, что Вы, узнав его добродушие, откровенность и необыкновенные дарования, полюбите его и удостоите его отеческого назидания и руководства.

---

[55] РГАВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 1197, л. 62.

[56] «Я вознаграждён тем, что директор наш... обещал доставить мне случай сделать морское путешествие. Капитан Головнин отправляется на фрегате “Камчатка” в путешествие кругом света, и я надеюсь, почти уверен, идти с ним», — писал Матюшкин своему товарищу по Московскому университетскому пансиону Сазоновичу 10 июня 1817 г. (*Грот Я.К.* Старина Царскосельского лицея // Русский архив. 1875. Кн. 1. № 4. С. 484).

[57] РГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2537, л. 235.

[58] Там же, л. 232—233 об. Перед отплытием Матюшкину был предоставлен 28-дневный отпуск для поездки в Москву к матери, которую, как писал Энгельгардт Головнину, «он более шести лет не видал и, может быть, более не увидит никогда» (РО ИРЛИ (Пушкинский Дом), д. 22806, л. 1 об.). Вернувшись в Петербург, начинающий мореплаватель с головой погрузился в штудирование специальной литературы, попросив, в частности, Егора Антоновича срочно переслать ему забытые в Лицее «Правила, принадлежащие к морской геодезии» Г.А. Сарычева. Книга должна была находиться у Б.К. Данзаса из второго лицейского выпуска. «Нельзя ли Вам будет её переслать в Петропавловскую гавань, — спрашивал Матюшкин, — в Камчатке она мне будет очень нужна и как можно скорее» (РГАВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 1197, л. 9).

Он в том имеет великую нужду, ибо, будучи совершенный иностранец, на свете не знает ни людей, ни обычаев»[59].

Познакомившись с Головниным, Матюшкин с восторгом сообщал своему покровителю: «Вы знаете, Егор Антонович, как я был обрадован, когда Вы мне объявили, что я отправляюсь с капитаном Головниным. Я радовался всем предстоящим опасностям и трудностям, они имели для меня какую-то привлекательность. Все отважные мореходцы потеряли в глазах моих всю цену, мне казалось, что всяк может на столь дальнее и продолжительное плавание решиться, но теперь я вижу свою ошибку, вижу, сколько мужества и твёрдости потребно, теперь в разлуке со всеми, к коим я привязан узами родства, дружбы и благодарности, теперь я чувствую всё пожертвование, которое я сделал. Но уже нечего делать, славнейший шаг сделан — ветр наполняет паруса, Кронштад скрывается»[60].

Вскоре для Матюшкина начались тяжёлые испытания. Головнин едва не высадил его в Англии из-за морской болезни, и только после настойчивых просьб согласился оставить гардемарина на корабле. Затем наступили морские будни. «Вы весьма ошибаетесь, — писал Матюшкин Энгельгардту с "Камчатки", — если думаете, что я имею много праздного времени. Нигде может быть время дорого, как на море. Нет ни одной минуты, которая бы могла быть праздною. Вот я Вам опишу, как я провожу день. С самого утра до полдня я занимаюсь математикою, навигациею и астрономиею — всё же [время] после обеда я посвящаю чтению путешествий». И это помимо вахт и авральной работы. «Я даже не очень часто съезжал на берег, — признавался будущий адмирал и сенатор, — сидел всё почти за навигациею и астрономиею, потому что думал, что мне будет экзамен — но его не было, чему я несколько рад, потому что сии две науки знать, не поле перейти»[61]. Такой подход вполне отвечал требованиям Головнина. «В начале похода, — вспоминал Литке, — я не имел никакого понятия о службе; воротился же настоящим моряком, но моряком школы Головнина, который в этом, как и во всём, был своеобразен»[62].

Таким образом, при выборе В.М. Головниным членов экипажа решающее значение имели личное знакомство, добровольное желание отправиться в плавание и рекомендации авторитетных лиц и друзей. «Суровый» капитан, в сущности, действовал достаточно гибко, а когда дело касалось талантливых молодых людей, потерявших родителей и нуждавшихся в опеке, становился самым настоящим «благодетелем», помнившим о том, как сам пережил тяжёлое время сиротства.

---

[59] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом), д. 22806, л. 1, 1 об.

[60] Там же, ф. 93, оп. 2, д. 162, л. 17, 17 об.

[61] РО ИРЛИ (Пушкинский дом), д. 22774, л. 13, 13 об. Весной 1820 г. Матюшкин был назначен в экспедицию к берегам Северного Ледовитого океана под начальством Ф.П. Врангеля, а в 1825—1827 гг. сопровождал его в кругосветном плавании на шлюпе «Кроткий». Закончил он свою службу адмиралом и председателем Морского учёного комитета.

[62] *Безобразов В.П.* Указ. соч. С. 94.

А.С. Пушкин и его потомки: правовые практики генеалогической идентификации дворянства

Олег Наумов

A.S. Pushkin and his descendants: legal practices of genealogical identification of nobility

Oleg Naumov
(Moscow Region State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870005135-9

Александр Сергеевич Пушкин принадлежал к древнему дворянскому роду, и на него распространялись все нормы законодательства, установленные Жалованной грамотой дворянству 1785 г. В числе прочего она требовала подтверждать благородное происхождение неопровержимыми доказательствами (справками из архивов, патентами на чины, раздельными актами, жалованными грамотами и т.д.). Оформление сословных прав происходило путём внесения семьи или конкретного лица в особые родословные книги, которые велись в тех губерниях Российской империи, где проживало достаточное число дворян. Проверяли документы и осуществляли сословный учёт дворянские собрания. Они же выдавали грамоты, копии с протоколов, свидетельства о дворянстве[1]. Кроме того, для причисления к местной сословной корпорации требовался имущественный ценз, т.е. владение на территории губернии недвижимостью установленного размера.

Хотя с XVIII в. российское дворянство считалось единым, а все дворяне — юридически равными, в повседневной жизни существовала неофициальная, но вполне ощутимая внутрисословная иерархия. Принадлежать к древнему или титулованному роду было несравненно более почётным, чем происходить из семьи, которая аноблировалась после достижения её главой определённого чина. Родословные книги, разделённые на шесть частей в соответствии с происхождением дворянских фамилий, фактически закрепили генеалогическую структуру элиты.

Сама практика признания сословных прав оставляла желать много лучшего. В собраниях процветал бюрократизм, дела тянулись годами и даже десятилетиями, доказательства проверялись формально, при распределении родов по частям дворянской книги часто совершались ошибки. Особенно это было характерно для рубежа XVIII—XIX вв., когда методы работы собраний ещё не сложились, а дворяне не спешили выполнять установленные законом новые

[1] Подробнее см.: *Быкова Л.А.* Дворянская родословная книга Тверской губернии 1787—1797 гг.: источники и история составления // Генеалогические исследования. М., 1993. С. 189—201; *Савицкий И.В.* Ведение дворянской родословной книги в Олонецкой губернии. 1791—1841 гг. Петрозаводск, 2000; *Корчмина Е.С.* Дворянские родословные книги как источник изучения деятельности дворянского депутатского собрания в первой половине XIX в. (на примере Рязанской губернии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2009. № 6. С. 164—173; *Наумов О.Н.* Очерки по русской генеалогии. М., 2012. С. 113—133.

нормы. Обычно подтверждением сословного статуса они занимались лишь по крайней необходимости, чаще всего — при поступлении детей в привилегированные учебные заведения или при определении их на службу, когда требовалось представить документ о дворянстве.

Именно так произошло и с А.С. Пушкиным. В Императорский Царскосельский лицей принимали только юношей из древних благородных семей, и родители будущего поэта, как и другие, были обязаны удостоверить его происхождение. Дело осложнялось тем, что свидетельство следовало предоставить быстро, и при тогдашних бюрократических порядках это составляло задачу отнюдь не простую. К тому же его отец, Сергей Львович, проживал в Петербурге, а получить документ мог либо в Нижегородской губернии, где находились его имения, либо в Московской, в родословную книгу которой был записан род Пушкиных.

С другой стороны, ситуация облегчалась тем, что как раз в год рождения поэта, в октябре 1799 г., его дядя — гвардии отставной поручик и литератор Василий Львович Пушкин — подал в Московское дворянское собрание прошение о причислении себя к местной сословной корпорации и о внесении герба Пушкиных в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи»[2]. Официально признанный герб, согласно Жалованной грамоте дворянству, считался бесспорным доказательством благородства. Утверждение герба, как и внесение в родословную книгу, представляло собой юридическую процедуру и требовало документов о происхождении. Зная это, ещё 21 июля 1799 г. В.Л. Пушкин получил из Московского архива Государственной коллегии иностранных дел справку о службах предков[3], подготовил копии с собственных патентов на чины и полную родословную, где показал себя, своего брата Сергея и только что родившегося племянника Александра[4]. Определением Московского дворянского собрания 19 января 1800 г. Пушкины были внесены в IV часть родословной книги. 30 января копии с документов отправили в Герольдию для дальнейшего производства по делу[5].

Запись в IV часть означала признание Пушкиных иностранными дворянами. Основанием для такого решения стал упомянутый в архивной справке выезд их родоначальника Радши «из немец». Это была распространённая погрешность дворянских собраний, которые некритически воспринимали семейные легенды о предках-иноземцах и причисляли к категории иностранных роды несомненно русского происхождения. Тех же Пушкиных следовало идентифицировать как древних русских дворян и внести в VI часть родословной книги. В результате решения собрания они фактически приобрели двойственный генеалогический статус: на основании одних и тех же документов их признавали то иностранным, то древним русским родом. Только в начале XX в. внучатый племянник поэта Лев Анатольевич Пушкин добился внесения себя с женой и сыном Николаем в VI часть родословной книги Московской губернии, что было утверждено указом Правительствующего Сената 16 апреля 1915 г.[6]

Собранных В.Л. Пушкиным бумаг вполне хватило для того, чтобы родовой герб попал в V часть «Общего гербовника», которую Александр I подписал

[2] *Лукомский В.К.* Архивные материалы о родоначальнике Пушкиных — Радше // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М.; Л., 1941. С. 398—408.

[3] ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 12, д. 154, л. 15.

[4] Там же, л. 15 об. См. также: А.С. Пушкин: московские страницы биографии. М., 2000. С. 11.

[5] ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 12, д. 154, л. 16.

[6] РГИА, ф. 1343, оп. 36, д. 20459, л. 31—32, 38—39 об.

22 октября 1800 г.[7] Утверждение герба стало важным событием в истории рода, способствовало правовому закреплению его статуса и сыграло существенную роль в судьбе будущего поэта.

С.Л. Пушкин удостоверил дворянство сына, опираясь именно на документы, связанные с признанием герба. В марте 1811 г. он обратился не в какое-либо губернское дворянское собрание, а прямо в Герольдию и, ссылаясь на «Общий гербовник», просил подтвердить принадлежность сына Александра к благородному сословию[8]. Тот был показан в родословной, поэтому проблем с выдачей необходимой бумаги возникнуть не могло, но к прошению — видимо, для усиления просьбы — прилагалось свидетельство[9], подписанное двумя влиятельными особами — министром юстиции, известным поэтом И.И. Дмитриевым и действительным статским советником, сенатором гр. С.Н. Салтыковым[10]. Оба удостоверили, что «недоросль Александр Пушкин есть действительно законный сын служащего в Комиссариатском штате 7-го класса Сергея Львовича Пушкина»[11]. Законодательством начала XIX в. такие свидетельства разрешались, но всё-таки в данном случае оно являлось скорее своеобразной формой протекции, поскольку особой необходимости в нём не было.

Герольдия рассмотрела прошение С.Л. Пушкина 23 марта 1811 г.[12] В тот же день было подготовлено свидетельство № 887 о том, что А.С. Пушкин «происходит из древнего дворянского рода Пушкиных»[13]. Принадлежность будущего поэта к дворянству признавалась юридически[14], и больше к подтверждению своих сословных прав он не возвращался. Согласно российскому законодательству А.С. Пушкин считался дворянином Московской губернии, происходящим из иностранного рода.

Его сыновья также юридически удостоверили своё дворянское достоинство. В ноябре 1864 г. старший из них, Александр Александрович Пушкин, просил Московское дворянское собрание сопричислить к роду отца себя, жену Софью Александровну и годовалого сына Александра. Одновременно он считал необходимым исправить ошибку в генеалогической идентификации и перенести Пушкиных из IV в VI часть родословной книги (т.е. изменить сословную кате-

---

[7] Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 5. СПб., 1800. № 18. В 1802 г. В.Л. Пушкину была выдана копия родового герба из «Общего гербовника» (ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 14, д. 1595, л. 17 об.).

[8] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 244, оп. 16, д. 1. См. также: *Барсуков Н.[П.]* Заметки об А.С. Пушкине // Русский архив. 1887. № 12. С. 576; *Рудаков В.Е.* К истории определения Пушкина в Лицей // Пушкин и его современники. Вып. 3. СПб., 1905. С. 89—90.

[9] Оно фактически заменило свидетельство о рождении и крещении А.С. Пушкина, на получение которого С.Л. Пушкину опять же не хватало времени. Этот документ датируется только 15 июля 1811 г., т.е. был выдан через 4 месяца после прошения о зачислении А.С. Пушкина в Царскосельский лицей (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 16, д. 5; *Селезнев И.* Материалы для истории Лицея // Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1856—1857 г. СПб., 1856. С. X).

[10] В советской и современной литературе имя второго сановника упоминается редко. Даже в справочниках сообщалось, что свидетельство подписал один И.И. Дмитриев (*Данилов В.В.* Документальные материалы об А.С. Пушкине // Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома. Вып. 6. М.; Л., 1956. С. 29; Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 1. М., 1999. С. 21). По-видимому, это связано с тем, что гр. С.Н. Салтыков выглядел личностью идеологически «сомнительной», поскольку впоследствии состоял членом Верховного уголовного суда по делу декабристов.

[11] РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 16, д. 4; *Барсуков Н.[П.]* Указ. соч. С. 576; *Рудаков В.Е.* Указ. соч. С. 90.

[12] *Барсуков Н.[П.]* Указ. соч. С. 576.

[13] РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 16, д. 2; Пушкин и его современники. Вып. 3. СПб., 1905. С. 91; *Селезнев И.* Материалы для истории Лицея. С. 3; *Селезнев И.* Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея. СПб., 1861. С. 6 прил.

[14] РГИА, ф. 1343, оп. 36, д. 20459, л. 36.

горию с иностранного дворянства на древнее русское)[15]. Собрание рассмотрело дело менее чем за два месяца, выполнив просьбу сына поэта уже 28 декабря[16]. Однако изменять часть родословной книги не стали. Пушкины продолжали считаться иностранцами.

Младший сын поэта, Григорий Александрович Пушкин, занимался оформлением сословных прав позже, чем брат. Осенью 1879 г. он выразил желание состоять среди псковского дворянства, на что имел полное право, владея на территории губернии знаменитым селом Михайловское[17]. Псковское дворянское собрание запросило из Москвы копию с определения о внесении А.С. Пушкина с сыном Григорием в родословную книгу или с сенатского указа о его утверждении[18], но прислать их не представлялось возможным, поскольку таких документов никогда не существовало. Однако псковским дворянам очень хотелось, чтобы среди них был сын великого поэта. Не дождавшись реакции на первое обращение, через 11 дней после него[19] они послали новый запрос, так что даже трудно сказать, на какое из двух писем 17 декабря 1879 г. отвечало Московское собрание. Сведений о том, что Г.А. Пушкин юридически стал псковским дворянином, обнаружить не удалось. По-видимому, дело осталось нерешённым из-за отсутствия необходимых документов.

Во второй половине XIX — начале XX в. дворянство стало уделять больше внимания правовому оформлению сословных прав, стремясь компенсировать уменьшение своего влияния на общественно-политическую и экономическую жизнь страны. Внуки А.С. Пушкина также закрепили свой социальный статус. Александр Александрович Пушкин (внук), служивший с 1898 по 1914 г. бронницким уездным предводителем дворянства, ещё в детстве был записан вместе с отцом и матерью в родословную книгу Московской губернии. Его брат Григорий подал соответствующее прошение в Московское дворянское собрание 17 января 1893 г. и уже на следующий день его внесли в IV часть родословной книги[20].

Определения Московского дворянского собрания о потомках А.С. Пушкина ни разу не представлялись для утверждения в Герольдию (с 1848 г. — Департамент герольдии), как того требовал закон. Так, 10 февраля 1893 г., уже после записи в родословную книгу, Г.А. Пушкину (внуку) сообщали из Московского дворянского собрания о невозможности отправить дело в Департамент герольдии из-за отсутствия свидетельства градоначальника о том, что Григорий Александрович не состоит под судом и следствием и не лишён прав состояния[21]. Кроме того, собрание не удовлетворил представленный им старый послужной список отца, датированный 11 марта 1883 г. Таким образом, признав сословные права Г.А. Пушкина, чиновники частично нарушили законодательство, не собрав полного комплекта документов. Они, конечно, понимали, что такое решение ни в коем случае не утвердит придирчивый к мелочам Департамент герольдии.

[15] ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 12, д. 154, л. 1—2; А.С. Пушкин: московские страницы биографии. С. 258—259.

[16] ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 12, д. 154, л. 17.

[17] Вопреки распространённому мнению село Михайловское не было родовым владением Пушкиных и перешло к ним только в начале XIX в. от Ганнибалов.

[18] ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 12, д. 154, л. 19—19 об.; А.С. Пушкин: московские страницы биографии. С. 276.

[19] ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 12, д. 154, л. 20.

[20] Там же, л. 30, 35.

[21] Там же, л. 31.

Очень внимательно относились к оформлению социального статуса в семье Льва Сергеевича Пушкина, брата поэта. Сначала он был признан в дворянстве тем же путём, что и старший брат, т.е. определением Герольдии (оно датировано 17 января 1823 г.) на основании родового герба[22]. Затем, по просьбе В.Л. Пушкина, 23 сентября 1826 г. Московское дворянское собрание постановило сопричислить его в IV часть родословной книги[23]. Все потомки Льва Сергеевича (дети, внуки, правнуки) подтвердили или стремились подтвердить сословные права в той же Московской или в Нижегородской губернии, где в Лукояновском уезде находилось их село Болдино[24].

В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона утверждается, что Пушкины принадлежали к дворянским корпорациям Костромской, Московской и Новгородской губерний[25], но список этот и неполон, и неточен. В нём пропущены Калужская и Тульская губернии, а Нижегородская ошибочно заменена Новгородской. Не упомянута также Псковская губерния, в родословную книгу которой Пушкины попали особым образом.

На рубеже XIX—XX вв. великое значение А.С. Пушкина в полной мере осознавалось русским обществом. Поэт окончательно стал символом национальной культуры, занял в ней первенствующее место. Торжества по случаю открытия памятника ему в Москве в 1880 г. и в связи со столетием со дня его рождения стали событиями общероссийского масштаба и широко освещались в прессе. В такой ситуации любая связь с именем поэта обретала ценность. Неудивительно, что в этой атмосфере псковские дворяне спохватились: в губернии находилось известное всей России Михайловское, где жил и творил гений, недалеко от него и похороненный, но никто из Пушкиных юридически не имел отношения к местной элите. Такое положение решили исправить. 22 января 1905 г. на чрезвычайном губернском дворянском собрании было принято беспрецедентное решение: «Дабы удержать в среде псковского дворянства живую память великого псковича», ходатайствовать перед императором о разрешении внести в дворянскую книгу род Пушкиных — «потомков великого поэта» по мужской линии[26]. Речь шла прежде всего о его сыновьях Александре и Григории Александровичах. Однако они уже не имели недвижимости в губернии, поэтому в постановлении содержалась ещё одна просьба — дозволить старшему в их роде по мужской линии участвовать в деятельности губернского собрания независимо от наличия необходимого по закону земельного ценза.

Идею увековечить род Пушкиных в Псковской губернии высказал известный общественный и политический деятель А.Н. Брянчанинов[27]. Он был женат

---

[22] Там же, оп. 14, д. 1595, л. 17—18; А.С. Пушкин: московские страницы биографии. С. 79.

[23] ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 14, д. 1595, л. 1, 6; РГИА, ф. 1343, оп. 36, д. 20459, л. 6—6 об.; А.С. Пушкин: московские страницы биографии. С. 80. Подтверждение сословного статуса в обоих случаях было связано со служебными делами Л.С. Пушкина: в первый раз — с поступлением в Департамент духовных дел иностранных исповеданий, второй — с зачислением в Нижегородский драгунский полк.

[24] РГИА, ф. 1343, оп. 26, д. 7674, л. 1—18 об.; оп. 36, д. 20459, л. 1—42; ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 8, д. 1151, л. 1—25 об.

[25] Энциклопедический словарь. Т. 25а / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1898. С. 852.

[26] ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 14, д. 1596, л. 17; РГИА, ф. 1283, оп. 1, д. 42, л. 2.

[27] Брянчанинов Александр Николаевич (1874—1960) — офицер гвардейской конной артиллерии, с 1906 г. — чиновник особых поручений Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, надворный советник, в звании камергера, затем — атташе посольства в Париже, участник земского, либерального и пацифистского движения, издатель журнала «Новое звено», редактор-издатель «Церковно-общественного вестника».

на светлейшей княжне М.К. Горчаковой, внучке лицейского друга А.С. Пушкина. Вероятно, это и побудило его выступить со столь оригинальной инициативой, в полной мере отражавшей настроения псковского дворянства.

24 февраля 1905 г. сын поэта Г.А. Пушкин писал псковскому губернскому предводителю дворянства В.В. Философову: «С особенным удовольствием спешу благодарить Вас и прошу выразить мою глубокую признательность псковскому дворянству за оказанную честь нашему роду»[28]. 28 февраля его брат А.А. Пушкин сообщал Философову, что «сердечно тронут... той благоговейной памятью, которую псковское дворянство питает к моему великому отцу», желая «даже принять в свою среду потомков его с такими необычными правами»[29].

Решение Псковского дворянского собрания требовало юридической экспертизы. Канцелярия министра внутренних дел по делам дворянства, куда оно поступило на рассмотрение, подготовила обстоятельную справку. В ней сообщалось, что причисление А.С. Пушкина и его потомков к псковской корпорации находится в компетенции местного дворянства и в целом не противоречит законам, а вот участие старшего потомка в деятельности сословного самоуправления признавалось «совершенно исключительной привилегией, которая может быть дарована лишь с Высочайшего соизволения»[30]. Изложив эту позицию во всеподданнейшем докладе, министр внутренних дел П.Н. Дурново одновременно отметил, что, по его мнению, желание Псковского дворянского собрания «заслуживает уважения» и может быть удовлетворено «в изъятие из общих правил»[31]. 8 февраля 1906 г. Николай II одобрил просьбу чрезвычайного дворянского собрания Псковской губернии.

На следующий день Правительствующий Сенат выслушал рапорт по данному делу, оглашённый товарищем министра внутренних дел Э.А. Ватаци[32], а 23 февраля последовал указ по Департаменту герольдии № 526, которым разрешалось записать в дворянскую родословную книгу Псковской губернии А.С. Пушкина с сыновьями Александром и Григорием[33]. Юридически они стали псковскими дворянами. 28 февраля о соизволении императора дали знать в Псков[34], а в конце марта о нём сообщили «Сенатские ведомости»[35].

Указ о причислении А.С. Пушкина с детьми к псковскому дворянству вызывал много вопросов. Дело было не в сути решения — с ним все были согласны, а в его правовых последствиях. Сенат не разъяснил, в какую из частей родословной книги следует записать Пушкиных и кто именно подразумевается под потомством поэта. На эту неопределённость обратили внимание ещё при подготовке доклада для императора. В марте 1905 г. Канцелярия министра внутренних дел по делам дворянства пыталась узнать, как ей поступить в данном случае, у псковского губернатора; Философову направили запрос о губерниях, в родословную книгу которых внесён А.С. Пушкин, о его живых потомках и их принадлежности к дворянским корпорациям[36]. Справки о правовом статусе рода собирали почти год. В июне Московское дворянское собрание выдало

---

[28] РГИА, ф. 1283, оп. 1, д. 42, л. 3.
[29] Там же, л. 4.
[30] Там же, л. 10 об.
[31] Там же, л. 12, 12 об.
[32] Там же, ф. 1343, оп. 36, д. 20459, л. 34.
[33] ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 14, д. 1596, л. 16; А.С. Пушкин: московские страницы биографии. С. 267.
[34] РГИА, ф. 1343, оп. 36, д. 20459, л. 36 об.
[35] Сенатские ведомости. 1906. 31 марта. № 26.
[36] РГИА, ф. 1283, оп. 1, д. 42, л. 5.

удостоверение о внесении Пушкиных в IV часть родословной книги[37]. Этот документ вместе с письмом А.А. Пушкина (сына) Философову о живущих потомках поэта по прямой мужской линии[38] псковский губернатор в январе 1906 г., наконец, препроводил в МВД[39]. Младший сын поэта, Григорий Александрович, не дожил до окончания дела, скончавшись бездетным в августе 1905 г.

Молчание сенатского указа о генеалогической идентификации А.С. Пушкина и его потомства допускало их отнесение к I части родословной книги. Такой позиции, в частности, придерживалось и Псковское дворянское собрание[40]. В эту часть попадали роды, доказавшие свою принадлежность к благородному сословию после 1685 г. (за 100 лет до Жалованной грамоты дворянству) или пожалованные в дворянство за заслуги. Она считалась непрестижной, и причисление к ней принижало Пушкиных, было ошибочным и несправедливым по отношению к одному из древнейших родов России. С другой стороны, запись в I часть делала нарушение законов не столь явным, приравнивая соизволение Николая II к аноблированию, хотя А.С. Пушкин и его потомки в нём не нуждались[41].

В январе 1905 г., когда в Пскове говорили об увековечении памяти А.С. Пушкина, Московское дворянское собрание разыскивало документы о его старшем сыне, необходимые для внесения внуков поэта в родословную книгу. Послужной список удалось найти в канцелярии учреждений ведомства императрицы Марии (по месту его службы), а вот метрическое свидетельство так и не обнаружили. Собрание даже просило Пажеский корпус, где он учился, сообщить хотя бы название церкви, в которой происходило крещение, но и её установить не удалось[42]. Тогда запрос об А.С. Пушкине, его сыне Александре и внуках Александре и Григории отправили в Нижегородское дворянское собрание. В Москве надеялись получить оттуда хотя бы какие-то сведения, поскольку в родословную книгу той губернии были записаны Л.С. Пушкин с потомством. Однако и эта попытка не увенчалась успехом; в местной родословной книге их не оказалось[43]. Эти поиски трудно объяснить, если учесть, что А.А. Пушкин был записан в родословную книгу Московской губернии ещё в 1864 г., и в его деле имеются все столь настойчиво разыскивавшиеся бумаги.

В начале XX в. сословными правами потомков А.С. Пушкина занимались и в Туле. К 1909 г. его сын А.А. Пушкин приобрёл 29 десятин земли при сельце Никольском Богородицкого уезда[44] и получил право на причисление к тульскому дворянству. Его сын Николай Александрович Пушкин подал прошение о внесении себя с женой, сыном Александром и дочерью Натальей в родословную

---

[37] ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 14 д. 1596, л. 8; РГИА, ф. 1283, оп. 1, д. 42, л. 9.

[38] РГИА, ф. 1283, оп. 1, д. 42, л. 8. Кроме упомянутых в письме Александра, Григория и Николая у А.А. Пушкина были ещё сыновья Пётр, который умер младенцем, и Сергей (1878—1898).

[39] Там же, л. 7.

[40] ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 14, д. 1596, л. 13.

[41] В марте 1914 г. Псковское дворянское собрание решило выяснить в Департаменте герольдии, в какую часть родословной книги и по какой губернии внесены старшая дочь поэта Мария Александровна и его брат Лев Сергеевич. В ответ сообщили, что Л.С. Пушкин признан в древнем дворянстве (что было не совсем точно, на самом деле — в иностранном), а М.А. Пушкину по ошибке приняли за его дочь Марию Львовну. Дальнейшего хода дело не получило. Началась Первая мировая война, и стало уже не до генеалогических поисков (РГИА, ф. 1343, оп. 36, д. 20459, л. 43, 44—44 об.).

[42] ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 14, д. 1596, л. 2—4, 14, 15.

[43] ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 14, д. 1596, л. 6, 7.

[44] *Чернопятов В.И.* Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 4(13). М., 1910. С. 24.

книгу. В феврале 1912 г. Тульское дворянское собрание обратилось в Москву за документами об А.С. Пушкине, его сыне Александре с женой Марией Александровной и внуке Николае[45]. В ответ пришёл всё тот же указ 23 февраля 1906 г., ставший своего рода камнем преткновения при оформлении сословных прав Пушкиных в начале XX в., а также извещение о том, что просьба другого внука поэта — А.А. Пушкина — о внесении в родословную книгу Московской губернии осталась без последствий, поскольку проситель не представил копию метрического свидетельства отца[46]. Тульское дворянское собрание обратилось за сведениями в Департамент герольдии, но он дал уклончивый ответ. В нём упоминалось об определении Герольдии, на основании которого А.С. Пушкин оказался в Лицее, и об отсутствии в архиве дела А.А. Пушкина и его сыновей, а в заключение вновь излагался указ Сената 23 февраля 1906 г.[47] Тем не менее в 1914 г. Н.А. Пушкина с детьми внесли в VI часть родословной книги Тульской губернии[48].

Таким образом, к 1917 г. все три внука А.С. Пушкина — Александр, Григорий и Николай — юридически оформили свои сословные права. Любопытно, кстати, что ни одна из восьми внучек поэта не была приписана к роду Пушкиных, хотя Марию Александровну Пушкину, состоявшую в браке со штабс-ротмистром Н.В. Быковым, племянником Н.В. Гоголя, внесли вместе с мужем в III часть дворянской родословной книги Полтавской губернии[49].

В начале XX в. причисление потомков и родственников А.С. Пушкина к губернским дворянским корпорациям обрело особый смысл, выйдя за рамки банальной юридической процедуры. Упоминание знаменитой фамилии повышало престиж местного сообщества. Его родственники охотно избирались на должности в сословном самоуправлении. Даже в официальных документах имя А.С. Пушкина сопровождалось эпитетом «великий поэт». А юридическое признание его спустя много лет после смерти псковским дворянином представляет собой уникальный, не имеющий аналогов, случай в истории дворянства. Оно свидетельствовало об исключительном месте Александра Сергеевича в русской культуре и национальном самосознании, что ставило его выше любой социальной иерархии.

---

[45] ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 14, д. 1596, л. 29.

[46] Там же, л. 30.

[47] РГИА, ф. 1343, оп. 36, д. 20459, л. 35—36 об.

[48] *Чернопятов В.И.* Указ. соч. Т. 12(21). М., 1915. С. 33.

[49] Список дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу Полтавской губернии за 1802—1907 годы. М., 2013. С. 76.

Репрессии против верующих накануне и во время Великой Отечественной войны 1939—1945 гг.

Олег Будницкий

Repressions against Believers on the Eve and during the Great Patriotic War, 1939—1945

Oleg Budnitskii
(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870005107-8

По словам Стивена Ловелла, война обычно рассматривается историками в качестве «катастрофической интерлюдии между двумя фазами сталинизма: турбулентной и кровавой эрой 1930-х годов и глубокими заморозками поздних 1940-х... Невоенные историки (*nonmilitary historians*) не знают толком, что делать с периодом войны»[1]. В полной мере это относится к репрессивной политике военного времени. В 1941—1945 гг., включая предвоенные и послевоенные месяцы, судами общей юрисдикции, военными трибуналам и разного рода специальными судами были осуждены свыше 16 млн человек (не считая осуждённых Особым совещанием НКВД)[2]. Это превосходит любой сопоставимый по времени период в истории советского государства. Однако эти репрессии исследованы довольно фрагментарно[3].

В частности, недостаточно изучено преследование «служителей культа» и «простых» верующих накануне и в годы войны (особенно на начальном её этапе). В литературе, посвящённой отношению советских властей к религиозным институциям (прежде всего к Русской Православной Церкви) в 1940-е гг., преобладают исследования об изменениях в политике власти,

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100».

[1] *Lovell S.* The Shadow of War: Russia and the USSR, 1941 to the present. Chichester, 2010. P. 4.

[2] История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7-ми томах. Т. 1 / Отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. Отв. сост. И.А. Зюзина. М., 2004. С. 620.

[3] *Parrish M.* The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939—1953. Westport, 1996. P. 69—146; *Папков С.А.* «Контрреволюционная преступность» и особенности её подавления в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Урал и Сибирь в сталинской политике / Отв. ред. С. Папков, К. Тэраяма. Новосибирск, 2002. С. 205—223; *Папков С.А.* Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 280—330; *Тепляков А.* Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой войне (1941—1945 гг.) / Отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск, 2004. С. 260—290; *Степанов М.Г.* Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930-х — начале 1950-х гг. Абакан, 2006; *Степанов М.Г.* Уголовное преследование граждан СССР по политическим мотивам в предвоенный и военный периоды (1939—1945 гг.): обзор постсоветской сибирской историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 2(10). С. 46—53; и др. В известной монографии П. Соломона «Советская юстиция при Сталине» (*Solomon P.H., Jr.* Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge, 1996) период войны специально не рассматривается.

нежели о её преемственности. Это вполне объяснимо, но нередко приводит к искажению реальной картины.

Формально верующих преследовали не за исполнение обрядов или религиозные проповеди, а за «контрреволюцию». Так, проверявший работу Чкаловского областного суда по делам о контрреволюционных преступлениях представитель НКЮ СССР обратил внимание на дело грузчика ИТК-3 в Орске Емельяна Дегтярёва, 14 сентября 1941 г. приговорённого к расстрелу за «антисоветскую агитацию». Ему вменялось в вину то, что он «15 июня 1941 года восхвалял религию и духовенство», «проводил антисоветскую агитацию религиозного характера, восхвалял царский строй и религию, призывая заключённых встать на защиту религии». «Нет нужды доказывать, — заключал проверяющий, — что такая недопустимо небрежная формулировка, из которой можно сделать вывод, что Советское государство, якобы, преследует религию, является политически вредной»[4]. Между тем советское государство занималось именно этим.

Дела против верующих квалифицировались, как правило, по ст. 58-10 Уголовного кодекса (УК) РСФСР (пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений) и соответствующих статей УК союзных республик, иногда по ст. 58-14 (контрреволюционный саботаж, т.е. «сознательное неисполнение кем-либо определённых обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата»). Статья 58-10 была наиболее «популярной» из «контрреволюционных» статей. Её первая часть в мирное время предполагала наказание в виде заключения на срок не менее 6 месяцев. Согласно части второй, те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, а также в военной обстановке или в местностях, объявленных на военном положении, влекли за собой применение «высшей меры социальной защиты» — расстрела. Статья 58-14 предусматривала лишение свободы на срок не менее одного года, а при особо отягчающих обстоятельствах — расстрел.

Основным «поставщиком» дел священнослужителей и верующих являлся НКВД. «Церковники и сектанты» состояли на учёте в НКВД наряду с «участниками антисоветской деятельности бывших политпартий, организаций и групп, троцкистско-бухаринской агентурой иноразведок; эсерами всех оттенков; меньшевиками; анархистами; участниками антисоветской деятельности буржуазно-националистических партий, организаций и групп; бывшими офицерами, жандармами, полицейскими, политбандитами и др.; бывшими кулаками, помещиками, торговцами, фабрикантами и т.п.». В статистических материалах наркомата соответствующая графа именовалась «по окраскам учёта»[5]. Лексика после начала войны нисколько не изменилась. Не изменились и первоочередные объекты репрессий.

Русская Православная Церковь (РПЦ), крупнейшее религиозное объединение на территории СССР, в 1930 г. насчитывала 163 архиерея и около 30 тыс. приходов. К 1941 г. число действующих храмов сократилось до 3 732, причём 3 350 из них находились на территориях, вошедших в состав СССР

---

[4] ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1а, д. 138, л. 279—280.

[5] *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. М., 2011. С. 485.

в 1939—1940 г. К 1941 г., по разным оценкам, репрессиям подверглись от 50 до 140 тыс. священнослужителей, всего же «репрессированных за веру» было около 350 тыс. человек[6]. В РСФСР в 25 областях не имелось ни одного прихода, в 20 — их сохранялось не более пяти. На Украине в шести областях закрылись все православные церкви, ещё в трёх действовало по одному храму. В Киевской епархии в 1940 г. оставалось два прихода с тремя священниками. Для сравнения: в 1917 г. в 1 710 церквях епархии служили 1 435 священников[7]. В 1939 г. из архиереев на своих кафедрах находились патриарший местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергий (Страгородский) и митрополит Ленинградский Алексий (Симанский), архиепископы — Петергофский Николай (Ярушевич) и Дмитровский Сергий (Воскресенский), управляющий делами Московской патриархии. Двух последних НКВД считал своими агентами[8]. По словам О.Ю. Васильевой и иерея И. Соловьёва, «положение самого митрополита Сергия (Страгородского)... напоминало марионеточное управление»[9]. Церковь не являлась «юридическим лицом», не имела собственного счёта в банке, издательства, не располагала прямыми каналами для взаимодействия с властью. Положение других конфессий и разного рода религиозных групп было не лучше[10].

В конце 1939 — 1940 г. православные иерархи неожиданно оказались востребованы властью в связи с присоединением Западной Белоруссии и Западной Украины, а затем прибалтийских республик, Бессарабии и Северной Буковины. В этих регионах немедленная ликвидация 3 350 православных храмов признавалась политически нецелесообразной. Власть предпочла распространить на их священнослужителей «марионеточную по существу юрисдикцию в условиях нового для них общественного строя»[11]. Выполнять решение Сталина, принятое по инициированному НКВД представлению Московской патриархии, поручили архиепископам Николаю (Ярушевичу) и Сергию (Воскресенскому). Архиепископ Николай, возведённый в сан митрополита Волынского и Луцкого (затем — Киевского), возглавил учреждённый 28 октября 1940 г. по указу патриаршего местоблюстителя Западный экзархат, включавший западноукраинские и западнобелорусские епархии. Архиепископ Сергий (Воскресенский) прибыл в конце 1940 г. в Ригу, в начале 1941 г. стал митрополитом Виленским и Литовским и возглавил созданный 14 марта Прибалтийский экзархат. В декабре 1940 г. временное управление Кишинёвской епархией было возложено на епископа Тульского Алексия (Сергеева)[12].

---

[6] *Цыпин В.А., прот.* История Русской Церкви (1917—1997). М., 1997. С. 247—262; *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь в XX в. М., 2010. С. 126—127.

[7] *Одинцов М.И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917—1953 гг. М., 2014. С. 224—225; *Цыпин В.А., прот.* История Русской Церкви...

[8] *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в 1927—1943 гг. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 41; *Цыпин В.А., прот.* История Русской Церкви...; *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922—1953 гг.). М., 2011. С. 540—543.

[9] *Васильева О.Ю., Соловьёв И., свящ.* Предисловие // Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник документов / Сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М., 2009. С. 8.

[10] *Одинцов М., Кочетова А.* Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 2014. С. 19—26.

[11] *Васильева О.Ю., Соловьёв И., свящ.* Предисловие. С. 8.

[12] *Галкин А.К.* Указы и определения Московской Патриархии об архиереях с начала Великой Отечественной войны до Собора 1943 г. // Вестник церковной истории. 2008. № 2. С. 58.

Это дало Церкви отсрочку, однако не изменило конечных целей советского государства, стремившегося к ликвидации религиозных институций. Закрытие храмов и аресты священников продолжались, хотя и не с прежней интенсивностью. К примеру, в 1939—1940 гг. в Пермской (с 1940 г. — Молотовской) обл. были закрыты 139 православных молитвенных зданий, а в первой половине 1941 г. — ещё 32 церкви и 5 часовен, включая единственный ещё действовавший в Молотове храм. Последнее предвоенное решение о закрытии церквей Молотовский облисполком принял 20 июня 1941 г. В области осталось, по разным оценкам, от 6 до 11 храмов[13]. Всего на «старых» советских территориях накануне войны исследователи насчитывают от 100 до 350—400 действующих православных храмов[14]. В любом случае число их было ничтожным.

Власти по сути загнали последователей всех конфессий в подполье: любое молитвенное собрание могло квалифицироваться как «контрреволюционное сборище», а группа верующих представлена антисоветской организацией. В этом случае к ст. 58-10 добавлялась ст. 58-11: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению... контрреволюционных преступлений, приравнивается к совершению таковых и преследуется уголовным кодексом по соответствующим статьям». Это становилось отягчающим обстоятельством и, учитывая «использование религиозных пережитков», могло подвести под расстрел. При этом любая критика существующих в СССР порядков интерпретировалась как враждебная агитация, которая и объявлялась главной целью «организации», к чему иногда добавлялись — в зависимости от усердия следователей и их способности выбить нужные показания — террористические намерения или подготовка вооружённого восстания.

Согласно статистике НКВД, в 1939 г. были арестованы 987 «церковников и сектантов», в том числе 414 «служителей культа»[15]. По мнению М.В. Шкаровского, на уменьшение числа арестов в десятки раз по сравнению с 1937—1938 гг. повлияло «улучшение государственно-церковных отношений»[16]. Но от Церкви тут зависело очень мало, если вообще что-либо зависело; повлиять на решения властей она просто не имела возможности. Резкое сокращение репрессий против священнослужителей и мирян (речь идёт об абсолютных цифрах: их доля среди всех арестованных по сравнению с 1938 г. осталась практически неизменной — чуть более 2%) объяснялось прежде всего «феноменом 1939 года». Большой террор был остановлен, как и начат, практически одномоментно. 17 ноября 1938 г. появилось постановление ЦК и СНК «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», после чего началась интенсивная чистка НКВД от «ежовцев», на которых возложили ответственность за «перегибы»[17]. В рамках «бериевской оттепели» в 1939 г. вышли на свободу около 110 тыс., а лишились её 44 731 человек (в 15 раз меньше, чем в предыдущем году), причём

[13] *Федотова И.Ю.* Государственная политика по закрытию и открытию церквей в годы Великой Отечественной войны (на материалах Молотовской области) (URL: https://www.permgaspi.ru/publikatsii/stati/gosudarstvennaya-politika-po-zakrytiyu-i-otkrytiyu-tserkvej-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny.html).

[14] *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь... С. 143—144.

[15] *Мозохин О.Б.* Право на репрессии... С. 470—471.

[16] *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь... С. 426.

[17] *Viola L.* Stalinist Perpetrators on Trial: Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine. Oxford, 2017; Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей / Сост. М. Юнге, Л. Виола, Дж. Россман. М., 2017.

65,6% всех арестов были произведены в западных областях Украины и Белоруссии, но и там пострадал «всего лишь» 51 «служитель культа»[18].

Преследование священников в присоединённых в 1940 г. прибалтийских республиках также носило «точечный» характер: НКВД интересовали участники Белого движения и причастные, хотя бы и в прошлом, к какой-либо политической деятельности. Так, в Эстонии и Латвии в 1940—1941 гг. арестовали по 16 православных клириков или причастных к церковной деятельности (почти все они были расстреляны, погибли при невыясненных обстоятельствах или умерли в заключении)[19]. Показательно дело епископа Иоанна (Булина), задержанного 18 октября 1940 г. в Петсери (Эстония), где он жил у родных как частное лицо. В 1932 г. епископ, отстаивавший интересы русских прихожан и вступивший в конфликт с руководством Эстонской Апостольской Православной Церкви, был удалён с Печерской кафедры и запрещён в служении. После ареста его поместили в таллинскую тюрьму, затем перевезли в Ленинград, обвинив в том, что он «в проповедях с амвона выступал против советского правительства и коммунистической партии», а также состоял «председателем комиссии для собирания материалов по биографиям погибших при советской власти в России русских архипастырей, пастырей и церковных деятелей с целью издания их потом в печати». 18 апреля 1941 г. он был приговорён Ленинградским областным судом к смертной казни и 30 июля расстрелян. Патриарший местоблюститель признал Иоанна епископом Печерским и 13 декабря 1940 г. предложил главе Эстонской Апостольской Православной Церкви митрополиту Александру (Паулусу) определить ему место дальнейшего архиерейского служения, не ведая, что Иоанн уже почти два месяца находится в тюрьме[20].

Таким образом, львиная доля «церковников и сектантов» в 1939—1940 гг. была арестована в пределах «старых» границ СССР. Они по-прежнему оставались одной из главных мишеней НКВД. В инструкции заместителя наркома внутренних дел УССР А.З. Кобулова начальнику УНКВД новообразованной Сумской обл. 3 июля 1939 г. предписывалось: «Срочно приступить к выявлению на территории области сектантских групп: иеговистов, адвентистов, евангельских христиан, баптистов, церковников ИПЦ, старообрядцев, тихоновцев и еврейских клерикальных организаций. Взять в активную разработку руководящий состав религиозных обществ — попов, дьяконов, архимандритов, раввинов, проповедников сект, мобилизовав внимание агентуры на выявление их связей и практической антисоветской деятельности»[21]. Разумеется, это делалось не по личной инициативе Кобулова.

---

[18] *Горланов О.А., Рогинский А.Б.* Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939—1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 98, 101.

[19] *Петров И.В.* Репрессии против балтийского православного духовенства в 1940 — начале 1941 года // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. № 4(29). С. 57—61; *Петров И.В.* Идеологические и национальные аспекты деятельности православного духовенства Балтии и Северо-Запада России (1940—1945 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 119—135; *Гаврилин А.В.* Отношение советский власти к Латвийской Православной Церкви в 1940—1941 гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 5(54). С. 46.

[20] *Клементьев А.К., Шор Т.* Иоанн // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 382—385; *Клементьев А.К.* Материалы к жизнеописанию епископа Печерского Иоанна (Булина) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 1(25). С. 155—294, об аресте, следствии и казни с. 255—268.

[21] *Щелкунов А.А.* Трансформация карательной политики советского государства против Православной Церкви в 1939—1941 гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 76. С. 84—85.

В 1940 г. число арестов «церковников и сектантов» возросло по сравнению с 1939 г. более чем в два раза (2 231 человек, включая 910 «служителей культа»)[22]. Статистика, очевидно, неполна, но позволяет проследить динамику репрессий. По словам прот. В.А. Цыпина, «в последние предвоенные месяцы давление на Русскую Православную Церковь ослабло, волна репрессий утихла», поскольку после разгрома Польши «потенциальный противник вышел на границы нашего государства» и «над страной нависла грозная военная опасность, которая побуждала к единению, к преодолению вражды и ненависти». Статистика арестов свидетельствует об обратном: действия НКВД—НКГБ, отвечавших за «взаимодействие» с религиозными институциями в условиях нарастания военной угрозы были прямо противоположными и вполне предсказуемыми — расширение и ужесточение преследований. В первом полугодии 1941 г. были арестованы 1 618 «церковников и сектантов»[23]. Власть по-прежнему видела в «служителях культа» и верующих любых конфессий и религиозных групп ненадёжные и враждебные элементы. Надо сказать, она приложила немало усилий, особенно в 1930-е гг., чтобы превратить их в таковые[24]. Репрессивные органы относили священнослужителей и верующих любых конфессий к противникам советской власти и никогда не прекращали борьбу с ними: менялись только её масштабы и степень жестокости[25]. Оценки численности пострадавших «за веру» существенно разнятся[26].

Исследователи репрессий обращаются преимущественно к следственным делам и довольно редко — к судебным материалам. Между тем основным «инструментом» репрессий в предвоенный период были суды общей подсудности. В значительной степени они сохраняли эту роль и в первые полтора года войны. Всего по делам о «контрреволюционных преступлениях» судами всех видов в 1941—1945 гг. были осуждены 640 629 человек. Из них 108 024 были осуждены верховными судами союзных и автономных республик, краевыми и областными судами. К ним следует прибавить 28 326 человек, осуждённых лагерными судами, лагерными отделениями и постоянными сессиями верховных судов союзных и автономных республик, краевых и областных судов. Львиная доля подобных дел, рассмотренных судами общей подсудности, приходится на 1941—1942 гг., когда ими были осуждены 72 694, а с учётом постоянных сессий «гражданских» судов в лагерях — почти 90 тыс. человек. Наибольшая часть дел «контрреволюционеров» в 1941—1945 гг. была рассмотрена военными трибуналами, осудившими 471 988 человек. Однако во второй половине 1941 г.,

[22] *Мозохин О.Б.* Право на репрессии... С. 477—478. По религиозным мотивам было арестовано даже несколько больше. Так, участники еврейских организаций характеризовались как «сионисты, клерикалы».

[23] *Мозохин О.Б.* Право на репрессии... С. 485; *Цыпин В.А., прот.* История Русской Церкви...

[24] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 13.

[25] Подробнее см.: *Осипова И.И.* «В язвах своих сокрой меня». Гонения на Католическую Церковь в СССР. По материалам следственных дел. М., 1996; *Осипова И.И.* «Сквозь огнь мучений и воду слёз». Гонения на Истинно-Православную Церковь в СССР. По материалам следственных и лагерных дел. М., 1998; *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь... С. 118—128, *Тепляков А.* Управление НКВД по Новосибирской области... С. 282—283.

[26] *Сомин Н.В.* К вопросу о числе репрессированных за православную веру в России в XX в. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 3(64). С. 101—110. По данным, приведённым А.Н. Яковлевым, возглавлявшим правительственную Комиссию по реабилитации жертв политических репрессий, в 1939 г. были арестованы 1 500 церковников, из них расстреляны 900, в 1940 г. — 5 100 и 1 100, в 1941 г. — 4 000 и 1 900 (*Яковлев А.Н.* По мощам и елей. М., 1995. С. 94—95).

когда в условиях военного времени резко возросла численность и расширилась компетенция военных трибуналов, судами общей подсудности было всё ещё рассмотрено наибольшее число дел о контрреволюционных преступлениях[27].

Материалы военных трибуналов в основном остаются недоступными для исследователей, тогда как архивы Наркоматов юстиции СССР и РСФСР, Верховного суда (ВС) СССР неплохо сохранились и в значительной своей части открыты. Статистика репрессий против верующих в судебной системе не велась. Во всяком случае, обнаружить её не удалось. Однако надзорные дела ВС СССР, отражающие ситуацию по всей стране и касавшиеся представителей различных конфессий, содержат сведения об окончательном решении судеб осуждённых, включая историю прохождения жалоб или прошений о помиловании[28]. «Техническая» сложность работы с ними заключается в необходимости просматривать дела с обвинениями по ст. 58-10 и 58-14 *de visu*. Разумеется, материалы надзорного производства — выборка, но она достаточно репрезентативна для понимания особенностей карательной политики в отношении верующих в военный период.

Смертные приговоры религиозным активистам выносились в первой половине 1941 г. едва ли не чаще, чем любым другим «контрреволюционерам». Порою решения, принятые весной 1941 г., утверждались уже после начала войны. Приведу несколько характерных дел, приговоры по которым были вынесены весной 1941 г., однако утверждены уже после начала войны. Трофим Кармальский 23 марта 1941 г. был приговорён к расстрелу ВС Татарской АССР за то, что, «являясь членом религиозной секты старообрядцев и будучи враждебно настроенным к существующему советскому строю, систематически среди населения, используя религиозные предрассудки верующих, вёл контрреволюционную агитацию по адресу сов[етской] власти и ВКП(б), занимался вербовкой новых лиц в антисоветскую сектантскую организацию». Среди прочего ему вменялось в вину распространение «провокационных слухов о войне». Расстрелян он был 24 июля, через месяц после того, как война на самом деле началась[29].

Павел Куркин-Курка 9 мая 1941 г. был приговорён Орловским облсудом к расстрелу за то, что «на протяжении ряда лет вёл к.р. агитацию, используя при этом религиозные предрассудки масс». Казнён 30 июля 1941 г.[30] Тот же суд 20 апреля 1941 г. приговорил к высшей мере наказания Григория Подымова, признав его виновным в том, что, «состоя ряд лет в группе сектантов (евангелистов)», он под видом религиозных обрядов «систематически и организованно проводил контрреволюционные сборища». 2 августа 1941 г. его расстреляли[31].

Верховным судом Туркменской ССР 16 мая 1941 г. были приговорены к расстрелу Мулла Курамбаев, Юсуп Метчан, Мулла Оразметов, Матгафур Абдурахманов, Абдурахман Бабаниязов. Они якобы «под видом отправления религиозных обрядов неоднократно созывали нелегальные сборища, где обсуж-

---

[27] История сталинского Гулага... Т. 1. С. 621.

[28] В самую полную на сегодняшний день базу данных по жертвам политических репрессий, включающую более 3 млн человек, нередко попадают данные только по первому делу репрессированного (в частности, если они взяты из региональных книг памяти). О случаях повторного осуждения лагерным судом при этом зачастую не упоминается.

[29] ГА РФ, ф. Р-9474, оп. 23, д. 2094, л. 2.

[30] Там же, д. 1880, л. 1, 6.

[31] Там же, д. 1907, л. 1, 2.

дались вопросы вооружённого выступления против советской власти». 9 июля приговор был утверждён председателем ВС СССР[32].

10 мая 1941 г. Вологодским облсудом был осуждён по ст. 58-10 (ч. 2) и 58-11 «служитель религиозного культа (священник)» Николай Милонов. Согласно обвинительному заключению, Милонов, «возвратившись в 1934 г. из лагеря за отбытием срока наказания, установил связь с к/р организацией, руководимой архиепископом Ряшенцевым[33], и по его поручению проводил к/р работу среди религиозно настроенных лиц, используя религиозные предрассудки масс. В течение 1939—40 гг. Милонов под видом молений на частных квартирах устраивал к/р сборища, на которых систематически велась к/р агитация». 1 августа 1941 г. священник был расстрелян. По тому же делу к различным срокам заключения были приговорены 15 участников «контрреволюционных сборищ», в том числе 11 женщин[34].

В первом полугодии 1941 г. и в особенности после начала войны массовым явлением стало осуждение верующих в лагерях. Они нередко держались группой, к тому же некоторые отказывались выходить на работу в воскресенье и в дни религиозных праздников. Последнее подпадало под ст. 58-14 (контрреволюционный саботаж). Репрессии носили исключительно жестокий характер, невзирая на пол и возраст.

14 мая 1941 г. за отказ от работы по религиозным убеждениям Архангельский облсуд приговорил к расстрелу Анну Базилюк, отбывавшую наказание в Ягринлаге НКВД. Ей ставилось в вину и то, что она «в бараке среди заключённых высказывала контрреволюционные измышления, направленные против советской власти, против руководителей советского правительства, восхваляя при этом царский строй». Казнь состоялась 2 августа 1941 г.[35]

27—28 мая 1941 г. лагерный суд осудил по статьям 58-10 (ч. 1) и 58-14 Прохора Бурова, который, «отбывая наказание в Нижне-Амурском лагере НКВД, систематически вёл среди заключённых к.р. агитацию, исходя, якобы, из своих религиозных убеждений. Не работая сам, Буров призывал и других заключённых не работать в воскресные дни». Слова «в воскресные дни» в деле зачёркнуты, что создавало впечатление полного отказа от работы и усиливало обвинение. 30 июня ВС СССР оставил приговор в силе, 28 июля его привели в исполнение[36].

17 июня 1941 г. лагерной сессией Куйбышевского облсуда были приговорены к высшей мере наказания Макар Фиошкин, Пётр Попадьин, Никифор Голиков, Михаил Комаров, поскольку они «внедряли в массу заключённых свои религиозные убеждения, призывали заключённых не работать в воскресные дни и религиозные праздники». 24 июля ВС СССР утвердил приговор, 6 августа осуждённых расстреляли[37].

---

[32] Там же, д. 2234, л. 2—2 об. См. аналогичные дела: Там же, д. 1991, 1994, 2059, 2190, 3376.

[33] Архиепископ Варлаам (Ряшенцев, 1878—1942), в 1920—1930-х гг. неоднократно арестовывался, провёл несколько лет в тюрьмах и лагерях. С 1933 г. находился в ссылке в Вологде, где совершал на дому тайные богослужения; создал небольшие общины из монахинь закрытых обителей. 11 ноября 1940 г. арестован, 26 августа 1941 г. приговорён Вологодским облсудом к расстрелу, заменённому Президиумом ВС СССР на 10 лет заключения в лагере. Скончался в тюрьме в Вологде 20 февраля 1942 г.

[34] ГА РФ, ф. Р-9474, оп. 23, д. 2190, л. 2—3, 6, 9.

[35] Там же, д. 1915, л. 2.

[36] Там же, д. 2059, л. 3.

[37] Там же, д. 2226, л. 1, 9.

Согласно указаниям НКЮ, в информации о делах не допускалось цитирование антисоветских высказываний, послуживших основанием для обвинения, их следовало излагать в самом общем виде. Лишь в немногих делах надзорного производства сохранились документы, позволяющие понять, чем именно мотивировались смертные приговоры верующим.

26 марта 1941 г. Архангельский областной суд приговорил по ст. 58-10 (ч. 2) и 58-11 заключённых Пинежского лагеря П.П. Басова, А.К. Скудину, А.П. Паранову к расстрелу, а Н.Н. Андрееву и М.Н. Клевачева к 10 годам тюремного заключения за то, что они «организовались в контрреволюционную сектантскую группу, как баптисты и сектанты в прошлом. Под предлогом религиозных убеждений систематически проводили сборища в бараках и на работе, на которые привлекали и других заключённых. На сборищах читали выписки из Евангелия и целую массу рукописей, написанных Парановой и Скудиной в стихах и прозой, явно контрреволюционного содержания с призывом бороться с советской властью»[38].

Басову ВС РСФСР заменил расстрел на 10 лет тюрьмы. Паранова и Скудина подали прошения о помиловании. «Обвинялась я в следующем, — говорилось в прошении Парановой, датированном 25 мая[39], — 1. Писание контрреволюционных рассказов и отправка их на волю моей матери: а) "Город вольный" (который я писала просто, как религиозный рассказ), б) рассказ о "От Архангельска до Карелихи [нрзб.]" — описание Севера и этапа — этап был очень тихий — шли старушки, погода благоприятствовала, но было в этапе несчастье — одна женщина бежала и в побеге была ранена. Этим случаем я делилась с моей матерью (рассказы мать не получила). 2. Разговор с з/к Зильберт о голоде 1933 года в городе Саратове. Это я рассказывала о переживаниях нашей семьи и близких — об этом я призналась на следствии и суде. 3. Ряд разговоров религиозного характера с заключёнными. Признала полностью — правда, разговоры эти были свидетелями переданы не точно — очевидно по причине их незнания вопросов, о которых был разговор. 4. Систематическая контрреволюционная связь с другими баптистами. Связь признала полностью, но как связь не с целью контрреволюции, а чисто религиозную... Прошу партию и правительство в лице Президиума Верховного совета Союза Социалистических республик — оказать мне помилование — желаю жить, трудиться, радоваться — быть полезным человеком нашей страны... Отбывая срок наказания по ст. 58 пункт 10-11 в Кулойлаге Н.К.В.Д. Пинежского отделения на лаг. пункте Карелиха с 11/I 1938 года по 10/XII 1939 года, 2 года работала в плановой части — статистиком и нормировщиком... Жила я в женском общежитии среди исключительно уголовных женщин — их жизнь, наполненная пороками и преступлением, страшно тяжело мною переживалась; она оскорбляла меня, и я часто украдкой плакала, и этим горем мне не с кем было поделиться — тогда я написала религиозный рассказ "Город Вольный" — где описывались видимые мною пороки. Этот рассказ я попыталась прочесть сотрудникам з/к Жукову и Хохову (они уважали меня), но они не пожелали читать его до конца. Тогда я послала этот рассказ матери, но она не получила его... В хоз. части работали молодые люди, которые с любопытством расспрашивали меня о моих убеждениях — я... отвечала. Удовлетворив

[38] Там же, д. 1888, л. 2—8, 13—16.

[39] Анастасия Паранова (1910 г.р.) до своего ареста 29 декабря 1936 г. работала экономистом областного земельного управления в Саратове. 5 июня 1937 г. Саратовский облсуд приговорил её к 8 годам заключения в лагере за антисоветскую агитацию (по этому обвинению реабилитирована 24 декабря 1957 г.). См.: URL: http://base.memo.ru/person/show/1988503.

своё любопытство, они смеялись надо мной, и были случаи, стыдно сказать — я плакала... В общежитии я жила совместно с з/к, з/к Скудиной и Андреевой, и мы совместно восстанавливали на бумаге наше любимое: евангелие и гимны — приложено в деле, но эти записки читать никому не давали. Убедительно прошу Президиум Верховного совета Социалистических республик отменить мне данный приговор, заменив таковой соответствующим сроком. Хочу жить, радоваться, быть полезной нашей советской родине... Ещё и ещё и ещё прошу снисхождения — дарование мне жизни (мне не верится в расстрел). Я много виновна перед законом и моей совестью и всё же прошу прощения и обещаю быть разумным и полезным человеком»[40].

Скудина в своём прошении писала, что, вопреки приговору, не являлась «руководителем и организатором баптистской группы ни в прошлом, ни в настоящем». «Религиозную агитацию среди своих единоверцев баптистов» она не считала «большим преступлением перед советским правительством, зная, что на воле есть собрания баптистов, на которых проповедуется евангелие и поются эти гимны, и до моего сознания не доходило ещё то, что обмен с единоверцами религиозной писаниной можно считать за агитацию, так как они уже сагитированы, т.е. уже верующие, я смотрела на это просто, как на поддержание духа в трудную минуту... В отношении клеветы на советское правительство как на власть от Антихриста... никак не могу взять на себя эту вину, так как это убеждение противоречит моему евангельскому убеждению, что всякая власть от Бога и ужиться одно с другим эти убеждения не могут». Радоваться жизни ни Анастасии Парановой, ни Александре Скудиной не довелось: 22 июля Президиум Верховного совета СССР отказал им в помиловании, 1 августа обе женщины были расстреляны[41].

В первые дни войны аресты подозрительных, в том числе активных верующих, начались по всей стране, включая местности, находившиеся за тысячи километров от линии фронта. В Москве 22 июня (не позднее 7 часов утра!) по предписанию начальников управлений НКГБ и НКВД по Москве и Московской обл. были приготовлены списки на немедленный арест 1 077 человек, в том числе троцкистов (78), бывших членов антисоветских политических партий (82), «сектантов-антивоенников» (91). К 17 часам «на основании имеющихся агентурно-следственных материалов» в Москве уже проводилось «изъятие активнодействующего контрреволюционного элемента»[42]. В Ленинграде 25 августа было намечено арестовать 27 «церковников, сектантов, католиков и клерикалов» и ещё 38 выслать[43].

В целом динамика поступления дел по контрреволюционным преступлениям в верховные, краевые, областные и окружные суды союзных республик в 1941 г. (без Украины, Белоруссии, прибалтийских республик и Молдавии, оккупированных противником) выглядела следующим образом: «РСФСР: I квартал — 5 248 (100%), II — 4 846 (92,3%), III — 13 310 (253,6%), IV — 8 895 (169,5%). По 8 союзным республикам (Азербайджан, Грузия, Армения, Туркмения, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Киргизия): I квартал — 1 092 (100%), II — 1 182 (108,2%), III — 4 172 (384,4%), IV — 4 198 (384,4%). Всего: I квартал — 6 340 (100%), II — 6 028 (95,1%), III — 17 482 (275,7%), IV — 13 093

[40] Там же.
[41] Там же.
[42] Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы / Сост. К.И. Буков, М.М. Горинов, А.Н. Пономарёв. М., 1995. С. 37—38, 43—44.
[43] *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. СПб.; М., 2002. С. 495.

(206,5%)»[44]. Снижение поступления дел по контрреволюционным преступлениям в IV квартале 1941 и в 1942 г. объяснялось передачей с конца ноября значительной их части в Особое совещание НКВД и преобразованием ряда судов общей юрисдикции в военные трибуналы.

Резкий рост числа арестов сразу после начала войны объяснялся вовсе не активизацией «контрреволюционеров» — арестовывали тех, кто находился на учёте. Об этом ясно говорилось в отчёте Молотовского областного суда о работе во второй половине 1941 г.: «В мирное время были терпимы на свободе люди, в отношении которых имелись не совсем ясные материалы об их преступной деятельности. В военной же обстановке эти элементы на свободе терпимы быть не могут. Они были арестованы и преданы суду». Если в первом полугодии Молотовский облсуд выносил приговоры в среднем по 83 делам в месяц, то во втором — по 240[45]. Кировский областной суд рапортовал о расстрелах участников степановского мятежа 1918 г. в Нолинске, воров-рецидивистов, деятелей «православно-монархического подполья»[46].

Волна репрессий, прокатившаяся по стране во втором полугодии 1941 — начале 1942 г., по ряду параметров напоминает «второе издание» Большого террора. Как и в 1937—1938 гг., они носили превентивный характер, отличались крайней жестокостью приговоров и осуществлялись на всей территории страны, обрушившись на «подозрительных», прежде всего из определённых категорий населения. Если число осуждённых судами РСФСР по ст. 58 во втором полугодии 1941 г. по сравнению с первым возросло в 1,4 раза, то приговорённых к смертной казни оказалось больше почти в 11,5 раз[47].

Во втором полугодии 1941 г. арестам подверглись 1 480 «церковников и сектантов». В действительности их, скорее всего, было гораздо больше. Сведения за эти месяцы явно неполны из-за оккупации нацистами Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, ряда областей РСФСР. В статистических сводках НКВД за 1941 г. даже отсутствовала традиционная таблица с данными о числе арестованных по территориальным и структурным органам[48].

В литературе встречаются утверждения, что с первых дней Великой Отечественной войны «кое-что начало меняться» в отношении к Церкви, прекратилась атеистическая пропаганда, руководству ВКП(б) пришлось начать «поиски новых отношений с религиозными организациями»[49] и «перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов в борьбе с общим врагом России»[50]. Будто бы даже «уже в первый период войны... практически прекратились аресты священнослужителей»[51].

Число арестов священников было сравнительно невелико, потому что «арестовывать стало практически некого» — подавляющее их большинство к началу войны уже были репрессированы. Только в 1937 г. были арестованы по меньшей мере 33 382 «служителя религиозного культа», а всего по категории «духо-

---

[44] ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1а, д. 182, л. 4—6.

[45] Там же, ф. Р-9474, оп. 1а, д. 184, л. 69—70, 74.

[46] *Пятунин Е.* Закон во время чумы // ExLibris «Независимой газеты». 2001. 24 мая.

[47] ГА РФ, ф. А-353, оп. 16, д. 42; д. 38, л. 122.

[48] *Мозохин О.Б.* Право на репрессии... С. 485.

[49] *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 184; *Одинцов М.И.* Русская православная церковь... С. 261.

[50] *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь... С. 208.

[51] *Терёшина О.В.* Православная церковь в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2014. № 6. С. 149. Ср.: *Шкаровский М.В.* Община Князь Владимирского собора в годы Великой Отечественной войны // Вестник церковной истории. 2018. № 1—2. С. 276.

венство, сектанты» — 37 331 человек. В 1938 г. по категории «сектантско-церковная контрреволюция» были репрессированы 13 438 человек. По-видимому, бóльшая их часть погибла. На территории современной Новгородской обл. в 1937—1938 гг. «было расстреляно не менее 83% священников, служивших на приходах Московской патриархии на начало 1937 г.: 298 человек из 362» (судьба ещё нескольких десятков неизвестна); из 315 храмов, действовавших в 1936 г., осталось три. Аналогичные процессы происходили и в других областях. В Орловской обл. с 1 октября по 31 декабря 1937 г. были осуждены «1 667 церковников и сектантов, в том числе расстреляно 1 130 человек, а к концу 1941 года всего осуждено по религиозным мотивам 1 921 человек, из них 1 209 к расстрелу... С октября по декабрь 1937 года в Орловской области практически всё духовенство было ликвидировано». К началу войны в современных границах области остались две действующие церкви[52].

Массовое закрытие храмов привело к «расширению сферы церковного подполья» и вынуждало переходить на нелегальное положение не только отрицавших «сергианство», но и вполне лояльных патриархии священнослужителей и верующих[53]. Священнику из Осинского района Пермской (с 1940 г. — Молотовской) обл. В.Д. Мокрушину ввиду отсутствия в епархии правящего архиерея пришлось для рукоположения в сан съездить в 1939 г. в Москву[54]. Однако служить ему довелось недолго: война застала его в должности санитара психиатрической больницы в Молотове. С 1940 г. он окормлял небольшую группу верующих, собиравшихся в «домашней церкви» на квартире А.А. Бурдиной. 21 июля Мокрушина арестовали, а 28 ноября Молотовский облсуд приговорил священника и четверых прихожан (среди них — трёх женщин) по ст. 58-10 (ч. 2) и 58-11 к расстрелу. Среди прочего подсудимых обвиняли в том, что они «клеветали на условия жизни трудящихся», т.е. обсуждали темы, волновавшие едва ли не всё население СССР. Мокрушина расстреляли 21 мая 1942 г., остальным смертную казнь заменили на 10 лет лагерей[55]. Впрочем, даже легальное положение и патриотические проповеди ничего не гарантировали. Так, 20 марта 1942 г. был арестован и обвинён в антисоветской агитации священник Алексеевской часовни в посёлке Пожва Молотовской обл. К.П. Кунахович. Более года спустя ОСО НКВД осудило его на пять лет лишения свободы как «социально опасный элемент»[56].

Наряду с арестами «подучётного элемента» после начала войны пересматривались и ужесточались ранее вынесенные или изменённые приговоры. Так, 27 марта 1941 г. судебная коллегия по уголовным делам Вологодского облсуда приговорила к смертной казни Ивана Штылика, который «систематически на протяжении 1939—1940 г. среди окружающего его населения, используя религиозные убеждения, проводил контрреволюционную клеветническую агитацию

---

[52] *Мозохин О.Б.* Право на репрессии... С. 461, 465; *Галкин А.К.* Из глубины воззвах...: Письмо эвакуированной псаломщицы новоизбранному Патриарху // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4(39/40). С. 291—292; *Перелыгин А.И.* Орловское духовенство в годы политических репрессий // Учёные записки Орловского государственного университета. 2016. № 2(71). С. 43, 45.

[53] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб»... С. 35, 65.

[54] *Федотова И.Ю.* Государственная религиозная политика и возрождение Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны. На примере Молотовской области (URL: https: // www.permgaspi.ru/ deyatelnost/stati/gosudarstvennaya-religioznaya-politika-i-vozrozhdenie-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-na-primere-molotovskoj-oblasti.html).

[55] ГА РФ, ф. Р-9474, оп. 27, д. 992.

[56] Пермский государственный архив социально-политической истории, ф. 641/1, оп. 1, д. 8941 (URL: https://www.permgaspi.ru/repress/index.php?id =23193).

пораженческого характера». 22 апреля ВС РСФСР заменил ему расстрел лишением свободы на 10 лет, однако 7 июля это решение было обжаловано и 13 августа тот же ВС РСФСР оставил в силе первоначальный — расстрельный — приговор[57].

Служивший в церкви посёлка Елатьма недалеко от Касимова Рязанской области потомственный священник Николай Анатольевич Правдолюбов был арестован 26 февраля 1941 г. Его отец протоиерей Анатолий Авдеевич Правдолюбов и старший брат Владимир, преподаватель техникума, были расстреляны в 1937 г. Сам он только в 1940 г. освободился после пятилетнего заключения в лагере. Шанс выжить, тем более — остаться на свободе на прежнем месте жительства, у него был невелик. Однако он согласился, по просьбе прихожан, занять место скончавшегося священника в Елатьме. 28 июня Рязанский облсуд приговорил о. Николая к расстрелу, обвинив его в том, что, проповедуя в церкви с декабря 1940 по февраль 1941 г., он «призывал верующих к борьбе с советской властью». Находясь в рязанской тюрьме, иерей стал терять рассудок (очевидно, сказались методы ведения следствия и последствия отравления газами во время Первой мировой войны). Он кричал на всю тюрьму, обращаясь к жене: "Поля, спаси меня от Сталина!"». Священника выволокли на тюремный двор и расстреляли 13 августа[58].

Уже 24 июня в Новосибирске начались аресты «истинно-православных христиан», «активных церковников», баптистов. Приговоры за «антисоветскую агитацию» были крайне жестокими: к расстрелу приговорили 13 из 24 проходивших по делу «истинно-православных христиан», 4 из 9 представших перед областным судом баптистов и троих пожилых прихожан единственной оставшейся в городе кладбищенской церкви[59]. Методы ведения следствия ничем не отличались от применявшихся в 1937 г. Приговорённый к 10 годам лишения свободы по делу баптистов А.М. Зеронин жаловался в ВС РСФСР: «Фактически моя вина в том, что я являюсь верующим в Бога. Никогда в никаких к-р. организациях не состоял и никакой агитации не вёл. Протокол допроса меня вымышлен лицом, проводившим расследование. Меня же заставили подписать протокол путём физического насилия. Меня так избили, что я оглох»[60]. Похоже, его апелляция не пошла дальше местного управления НКВД.

27 июня был арестован возведённый в марте того же года в сан архиепископа Николай (Могилевский). В 1925—1927 и 1932—1937 гг. он находился в заключении. Освободившись из лагеря, жил на покое в Егорьевске Московской обл., затем — в Киржаче Ивановской обл., изредка наезжая в Москву. Архиепископ был близок к патриаршему местоблюстителю, исповедовал его и помогал ему в ведении дел патриархии, время от времени служил в московских храмах. Его вывезли в Саратов; во время следствия содержали в тюрьме, обвиняя в том, что, отбыв наказание, он «возобновил антисоветскую деятельность» и «снабжал приезжавших епископов западных областей Украины, Белоруссии и прибалтийских республик антисоветской клеветнической информацией о положении религии в СССР с целью вызова недовольства среди верующих». Так, в марте на встрече с западноукраинскими архиереями Николай (Могилевский) заявил: «Большинство епископов в СССР находятся в ссылках... Советская

[57] ГА РФ, ф. Р-9474, оп. 23, д. 2197, л. 1—2; д. 3388, л. 1—2.

[58] Там же, д. 2486, л. 2, 4, 5—6, 8.

[59] *Тепляков А.* Управление НКВД по Новосибирской области... С. 282—283.

[60] Советское государство и евангельские церкви в Сибири в 1920—1941 гг. / Сост. А.И. Савин. Новосибирск, 2004. С. 370.

власть усиливает своё давление на Церковь и верующих». «Вас на Западной Украине ждет то же, что пережили мы здесь, — предупреждал он епископа Острожского Симона (Ивановского). — Будьте готовы к разгрому церкви и к террору над духовенством, к колхозным насилиям и к другим подобным прелестям»[61].

28 августа Особое совещание приговорило архиерея по ст. 58-10 (ч. 2) и 58-11 к пяти годам ссылки в Казахстан. Только на первый взгляд приговор кажется мягким: шансы 64-летнего архиепископа пережить суровые условия ссылки были невысоки. Его продержали в тюрьме полгода, затем в арестантском вагоне отправили к месту назначения и вытолкали зимой в одном белье и рваном ватнике на станции Челкар Актюбинской обл. Выжил он чудом и милостью добрых людей[62].

Председатель ВС УССР К.Т. Топчий, докладывая о проделанной с 15 июля по 1 августа 1941 г. работе, сообщал: «Из рассмотренных Верховным судом контрреволюционных дел обращают на себя внимание дела о деятельности разных антисоветских церковных групп, которые в последнее время расширили свою деятельность». Наиболее масштабным из указанных им процессов являлось рассмотренное Запорожским областным судом дело бывшего епископа Клинского, викария Московской епархии Гавриила (Красновского) «и других в количестве 6-ти человек (все бывшие монашки и попы)». В конце 1920-х гг. владыка Гавриил «отделился» от митрополита Сергия (Страгородского), с 1936 г. жил в Геническе, где тайно служил. Подсудимых расстреляли 18 августа за то, что они, будучи «участниками контрреволюционной организации "Тихоновцев", организовали подпольную церковь на квартире одного из членов этой организации, проводили подпольно религиозные обряды, собирались на нелегальные собрания, на которых проводили контрреволюционные разговоры, заявляли... что советская власть послана человечеству за грехи»[63].

Архиепископ Вологодский Стефан (Знамировский) «отделился» от митрополита Сергия (Страгородского) в 1927 г., однако уже в 1929 г. воссоединился с ним, неоднократно арестовывался, находился в тюрьмах и в ссылке. В июне 1941 г., за неделю до начала войны, освободился после трёхлетнего заключения из Верхне-Човской колонии в Коми АССР, но уже 9 августа был вновь арестован и отправлен обратно в колонию. 17 ноября ВС Коми АССР приговорил его к расстрелу за «проведение во время заключения в ИТК к/р агитации, направленной на поражение существующего строя и восстановление капиталистического строя и религии, проведение в лагере треб и молебнов». Архиерея казнили в Сыктывкаре 18 марта 1942 г.[64] 13 июля последовал арест архиепископа Куйбышевского Андрея (Комарова), однако 7 сентября его освободили, прекратив дело. Возможно, начало сказываться изменение политики в отношении Церкви.

Большинство репрессированных в годы войны за веру — «простые» люди. По-видимому, среди них преобладали «истинно-православные христиане»,

---

[61] URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/spc_1_foto/ans/nm%20/?HYZ9EJxGHoxITcGZeu-yPqJk9XAk**

[62] Там же.

[63] Центрального державного архіву вищих органів влади та управління України, ф. Р-2, оп. 7, д. 340, л. 99—100; *Васильева Н.Ю., Шкаровский М.В.* Гавриил (Красновский) // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 221—222.

[64] Документы Московской Патриархии: 1934 год. / Публ. и коммент. А.К. Галкина // Вестник церковной истории. 2010. № 3/4. С. 198—199, 236.

не принимавшие «сергианство», очень высока была доля женщин[65]. Многие повторно осуждались в лагерях.

Карагандинский облсуд как будто поставил истребление верующих женщин-заключённых на поток. 7 августа 1941 г. его постоянная сессия при Карлаге приговорила Наталию Твердохлебову, Магдалину Сницер[66] и Веру Дворникову по ст. 58-10 (ч. 2) и 58-14 к расстрелу, поскольку они «в целях контрреволюционного саботажа под видом религиозных убеждений отказывались от выхода на работу, проводили к/р агитацию, направленную на поражение Советского Союза в войне, дискредитирующую коммунистическую партию и советскую власть»[67]. 12 августа та же сессия осудила на казнь по ст. 58-14 за «дезорганизацию лагерного производства», выразившуюся в отказе выходить на работу по религиозным убеждениям, сразу восемь женщин: Надежду Фролову, Александру Бурцеву, Пелагею Уколову, Анну Меняйлик, Евгению Першину, Совету Грищук, Анну Глушанкову и Дарью Чернову. Одна из смертниц отбывала двухлетний срок заключения, ещё трое — трёхлетний[68]. На следующий день тем же судом по той же статье была приговорена к расстрелу Феодосия Жихарева[69], 14 августа — Е.В. Михаленкова и Софья Ковтун, отбывавшие наказание в Бурминском отделении Карлага[70]. 25 августа «контрреволюционный саботаж под видом религиозных убеждений» стоил жизни Дарье Дьяченко, Матрёне Дмитриевой, Прасковье Рыжковой-Печенкиной, Парасковье Татариковой (в том же деле она именуется также Татарыковой), Анне Каспрук[71]. Почти все осуждённые — малограмотные или неграмотные крестьянки. Прошений о помиловании они не подавали.

В заседаниях 14 и 17 октября ВС Казахской ССР утвердил смертные приговоры всем, кроме юной Дворниковой (1923 г.р.), которой высшую меру заменили 10 годами лагерей. Её расстреляли годом позже по приговору того же суда по той же статье[72]. В составе коллегии по уголовным делам ВС Казахской ССР, утвердившей эти решения, двумя из трёх судей были женщины — Н.П. Морозова и М.В. Фалеева, которая председательствовала на заседании 14 октября.

15 ноября 1941 г. Берия направил Сталину записку с просьбой разрешить НКВД привести в исполнение смертные приговоры, вынесенные военными трибуналами округов и судами общей юрисдикции, не дожидаясь их утверждения высшими судебными инстанциями. Процедура утверждения занимала несколько месяцев, причём окончательное решение на самом деле принимала комиссия Политбюро ЦК ВКП(б), куда ВС СССР направлял свои вердикты.

---

[65] См. весьма информативный сайт «Из истории гонений Истинно-православной (катакомбной) Церкви», подготовленный сотрудниками «Мемориала» И. Осиповой и Л. Сикорской: http://www.histor-ipt-kt.org/index.html. На нём размещены некоторые следственные дела военного времени. Среди осуждённых за антисоветскую агитацию спецпоселенцев Урала и Сибири «истинно-православные христиане» (36,2%) шли вслед за кулаками (43,6%) (*Вольхин А.И.* О характере арестов, осуществлённых органами НКГБ Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. М.; Великий Новгород, 1999. С. 90—91).

[66] Магдалина Сницер (1894 г.р.), неграмотная крестьянка из Каменец-Подольской обл., отбывала в Карлаге годичное заключение за невыполнение мясопоставки государству (ГА РФ, ф. Р-9474, оп. 23, д. 2580, л. 2—2 об.).

[67] Там же, д. 5677, л. 1—2.

[68] Там же, д. 5685, л. 1—2.

[69] Там же, д. 5674, л. 1—2.

[70] Там же, д. 5884, л. 1—2.

[71] Там же, д. 5673, л. 1—2.

[72] Там же, д. 3566. Вместе с Дворниковой по тому же делу была расстреляна Марфа Каткова.

В результате в тюрьмах НКВД в тыловых районах «скопилось» 10 645 человек, ожидавших своей участи[73]. Сталин одобрил предложение, и уже 17 ноября оно было узаконено постановлением ГКО, практически дословно воспроизводившим текст записки[74].

Руководствуясь им, 25 ноября сотрудники Управления НКВД по Рязанской области и Ряжского райотдела НКВД расстреляли в подвале 36 заключённых Ряжской пересыльной тюрьмы. Треть из них (12 человек, среди них 11 женщин) являлись «активными верующими»: все они принадлежали к общинам истинно-православных христиан, все расстрелянные женщины, за исключением 59-летней учительницы Анны Георгиевской, были крестьянками и жили до ареста в различных сёлах Рязанской обл., в основном — в с. Куймань («контрреволюционная группа церковников селения Куймань») и с. Парой. К смерти их приговорили в сентябре и октябре 1941 г. на различных заседаниях судебной коллегии по уголовным делам Рязанского облсуда и военного трибунала войск НКВД Московской обл.[75]

Замена смертной казни заключением встречается в делах верующих за 1941 — начало 1942 г. крайне редко. Для этого нужен был какой-нибудь вопиющий повод. Так, Кировский облсуд 18 июля 1941 г. приговорил по ст. 58-10 (ч. 2) к расстрелу Анастасию Перешеину. ВС РСФСР 12 августа оставил приговор в силе, отметив, что осуждённая «единоличница, церковница, судима в 1941 г. за невыполнение государственных обязательств... Проживая в дер. Перешеинцы Оричевского р-на, систематически среди населения проводила контрреволюционную агитацию, используя при этом религиозные предрассудки граждан, клеветала на политику партии и советского правительства»[76]. Это решение опротестовал председатель ВС СССР И.Т. Голяков, обративший внимание на то, что «к.-р. высказывания Перешеиной имели место в 1939 г., а следовательно, не были связаны с военной обстановкой». Основанием для смертного приговора в 1941 г. послужил отказ Перешеиной принимать участие в выборах в Верховный совет СССР в 1939 г., мотивированный тем, что она «не гражданка, а христианка и советскую власть не признаёт». В результате ей заменили расстрел 10 годами лишения свободы[77].

Происхождение из духовного звания оказывалось «чёрной меткой». В агентурных сводках НКВД обязательно отмечалось происхождение автора антисоветского («пораженческого») высказывания, к примеру, «иподьякон» или «дочь священника»[78]. Напротив, ВС Грузинской ССР 18—19 февраля 1941 г. оправдал некоего Торун Билалоглы, обвинявшегося в антисоветской агитации и провокационных выпадах против советской власти, поскольку выяснилось, что, вопреки обвинительному заключению, он не был сыном муллы[79].

Верующие имели все основания не любить советскую власть, и её представители вполне отдавали себе в этом отчёт. Проводница на железной дороге

---

[73] В прифронтовой полосе право утверждения приговоров военных трибуналов к высшей мере наказания принадлежало военным советам фронтов, после чего они немедленно приводились в исполнение.

[74] Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946 / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2006. С. 318—320.

[75] Рязанский мартиролог (URL: http://stopgulag.org/object/64264933?lc =ru).

[76] ГА РФ, ф. Р-9474, оп. 23, д. 5771, л. 1—2.

[77] Там же, л. 3—6.

[78] Недремлющее око спецслужб / Публ. В.В. Марковчина // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. М., 2006. С. 553.

[79] ГА РФ, ф. Р-9474, оп. 23, д. 2279, л. 1—2.

якобы предсказывала: «Конец большевизма близок, бог посылает избавление верующим от гнёта, скоро будет возможность реставрации монархии и монастырей. Наше правительство не русское, а еврейское и грузинское. Мы сейчас в рабстве, чем же хуже будет рабство немцев? Коммунизм и религия вместе несовместимы. Погибнет коммунизм, и расцветёт религия. У всех живёт вера освобождения от безбожников»[80].

Сводки НКВД, конечно, требуют весьма критического отношения, однако о пораженческих или, скажем осторожнее, выжидательных настроениях среди части верующих упоминается и в других источниках. Так, В.С. Гроссман записал в конце сентября 1941 г. в деревне Каменка, где-то на границе России и Украины: «Хозяева — три женщины. Смесь украинского и русского говора... Старуха всё спрашивает: “А правда, что немцы в Бога веруют?” Видно, в селе немало слухов о немцах. “Старосты полоски нарезают” и пр. Весь вечер объясняли им, что такое немцы. Они слушают, вздыхают, переглядываются, но тайных мыслей своих не высказывают. Старуха потом тихо говорит: “Що было мы бачылы, що будэ побачымо”»[81]. 4 июля 1941 г., находясь в Ярославской обл., М.М. Пришвин стал свидетелем того, как одна из крестьянок распространяла слух, будто Москву не будут бомбить «из-за того, что в ней много верующих». «Ай же!, — восклицал писатель. — Какая это государственная ошибка, если верующие граждане ждут защиты веры своей у иноземцев!»[82].

Однако государство преследование верующих ошибкой отнюдь не считало. Патриотические заявления патриаршего местоблюстителя, похоже, не произвели на партийное руководство видимого впечатления. Каких-либо усилий для их распространения властями не предпринималось, хотя они и не препятствовали рассылке машинописных и рукописных копий по приходам. Технические возможности церковных иерархов доносить свои воззвания до прихожан были весьма ограничены: у патриаршего местоблюстителя имелась пишущая машинка, а митрополиту Ленинградскому приходилось вести делопроизводство от руки. Обзавестись собственным аппаратом ему разрешили лишь в декабре 1943 г.[83] Позднее НКВД распространял патриотические обращения православных архиереев преимущественно на оккупированных или подвергавшихся угрозе оккупации территориях. Однако лучшими агитаторами за советскую власть оказались нацисты. Гроссман приводит разговор двух женщин летом 1942 г. в районе Сталинграда: «Ось цей Гитлер то настоящий антихрист. А мы раньше казали — коммунисты антихристы»[84].

Исчезновение со страниц газет и журналов антирелигиозной пропаганды объяснялось прежде всего давлением со стороны союзников: им стремились угодить если не на деле, то хотя бы на словах[85]. Первое упоминание о патриотической деятельности Русской Церкви появилось 16 августа 1941 г. в «Правде»[86]. Несомненно, оно не было случайным. Однако обнаружить его мог только очень внимательный читатель. В разделе «Фонд обороны» в маленькой корреспонденции из Харькова «Взносы растут с каждым днём» говорилось о пожерт-

---

[80] Недремлющее око спецслужб. С. 553—554.

[81] *Гроссман В.* Годы войны. М., 1989. С. 276.

[82] *Пришвин М.М.* Дневники, 1940—1941. М., 2012. С. 505.

[83] *Галкин А.К.* Указы и определения... С. 57, 69.

[84] *Гроссман В.* Годы войны. С. 344.

[85] *Майнер С. М.* Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика 1941—1945 / Перевод В. Артёмова. М., 2010. С. 114—119.

[86] *Одинцов М.* Русская православная церковь... С. 261.

вовании трудящимися города 4 млн 184 тыс. руб., о передаче золотых изделий двумя испанскими эмигрантами, а также гражданами Межейка и Высоцкой. «В сберкассу Кагановичского района, — сообщалось далее, — поступило следующее заявление от гражданина В.Е. Секалова: “По решению церковного совета Казанской религиозной общины (тихоновской ориентации) перечислено 11 007 рублей в фонд обороны. Совет просит опубликовать в местной прессе”»[87].

Однако это было не единственное обращение к «религиозной» теме в этом номере «Правды». На другой его полосе помещались ещё две специальные заметки: «Выступления католического духовенства Голландии против фашистов» и «Преследования католиков в оккупированной Польше», где указывалось, что германские нацисты отправили в тюрьму или выслали более половины священников Лодзинской обл., «под арестом оказался также епископ». Как информировала газета, «немцами были запрещены венчания по католическим обрядам. Многие монастыри и церкви превращены в гостиницы и дансинги»[88]. Эти слова можно было бы счесть провокацией: сравнения напрашивались.

Патриарший местоблюститель в послании, составленном 22 июня 1941 г., заявлял, что если «молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится ещё и лукавыми соображениями насчёт возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу»[89]. Он явно предвидел, что значительная часть духовенства будет не слишком опечалена исчезновением советской власти, но вряд ли догадывался, как скоро и «близко» материализуется кошмар. Бывший управляющий делами Московской патриархии, экзарх Прибалтики митрополит Сергий (Воскресенский) уклонился от эвакуации, спрятавшись в крипте Рижского собора, пошёл на сотрудничество с оккупантами и занял однозначно антисоветскую позицию[90].

Не способствовала повышению доверия власти к Церкви и деятельность на оккупированной территории менее известных иерархов, а также сотен священников, служивших в храмах, стремительно открывавшихся при содействии или молчаливом согласии оккупантов[91]. Всего на оккупированной территории РСФСР, Белоруссии и Украины их было открыто свыше 8 тыс.[92]

После оккупации немцами Ростова-на-Дону в июле 1942 г. живший на покое архиепископ Ростовский Николай (Амасийский) принял на себя епархиальное управление. В то время в городе оставался один действующий храм. Престарелый архиерей Николай (1859 г.р.) неоднократно арестовывался и высылался, из последней ссылки в Казахстан вернулся в 1941 г. Его сын, священник Николай Николаевич Амасийский, в 1937 г. был приговорён к 10 годам лагерей, но уже в 1938 г. умер в заключении. К моменту освобождения в феврале 1943 г. в Ростове-на-Дону службы совершались в 8 храмах, в Ростовской области — в 243. Епископ Таганрогский Иосиф (Чернов), прибывший в Таганрог в декабре 1940 г. после пятилетнего заключения в лагере в Коми АССР

[87] Правда. 1941. 16 августа. С. 2. В.Е. Секалов был казначеем общины.

[88] Там же. С. 4.

[89] «Послание пастырям и пасомым Христовой православной Церкви» местоблюстителя патриаршего престола митрополита Московского и Коломенского Сергия от 22 июня 1941 года. Цит. по: *Цыпин В.А., прот.* История Русской Церкви... С. 262.

[90] *Шкаровский М.В., Соловьёв И., свящ.* Церковь против большевизма (Митрополит Сергий (Воскресенский) и Экзархат Московской Патриархии в Прибалтике. 1941—1944 гг.). М., 2013.

[91] См., например: *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. С. 417—431.

[92] *Шкаровский М.В.* Русская церковь и Третий рейх. М., 2010. С. 147, 154, 195.

и сразу же высланный в Азов, где работал сторожем и истопником в детских яслях, также вновь возглавил епархию[93].

Неудивительно, что советская власть, судя по всему, не слишком доверяла словам патриаршего местоблюстителя. А его эвакуация, несмотря на тяжёлую болезнь, из Москвы 14 октября 1941 г. вместе с лидером обновленцев митрополитом Александром Введенским и старообрядческим архиепископом Иринархом (Парфеновым) носила не слишком добровольный характер и, скорее, напоминала высылку с единственной целью — не допустить захвата и дальнейшего использования иерархов немцами[94]. Об этом свидетельствовал и первоначальный пункт назначения — Чкалов (Оренбург). Лишь серьёзное ухудшение здоровья престарелого местоблюстителя в дороге привело к изменению места его пребывания: им стал Ульяновск, в то время — районный центр Куйбышевской обл. с населением 110 тыс. человек.

Ранней весной 1942 г. в репрессивной политике наметился медленный разворот, первые признаки которого появились ещё в начале года[95]. С марта ВС СССР в большинстве случаев стал заменять смертные приговоры другими мерами наказания, иногда на удивление мягкими. Это было вызвано прагматическими причинами: ресурсы страны оказались конечны, не хватало людей для формирования запланированного количества воинских частей и соединений, для работы в промышленности. Резервы искали, где только могли, в том числе в лагерях. 13 марта 1942 г. главный кадровик Красной армии Е.А. Щаденко в адресованной Сталину записке предлагал пересмотреть дела заключённых в возрасте до 45 лет «с целью высвобождения годных для службы в армии не менее 250 000 человек». В марте 1942 г. последовало решение о «добровольной мобилизации» в армию женщин[96].

Динамика смертных приговоров, вынесенных судами РСФСР за государственные преступления, выглядела следующим образом: после пиковых 41,5% в IV квартале 1941 г. во II квартале 1942 г. их доля снизилась до 21,6%, в III — до 13,8%[97].

В отношении верующих действовали дополнительные факторы — давление союзников[98] и необходимость противостоять немецкой пропаганде, использовавшей преследование верующих в СССР. 10 марта 1942 г. по инициативе Берии Политбюро ЦК ВКП(б) постановило издать книгу-альбом «Правда о религии в СССР» с материалами, изобличавшими варварское отношение немцев к православной Церкви и, напротив, показывавшими лояльное отношение советского государства к духовенству. План книги был составлен начальником 3-го Управления НКВД СССР Н.Д. Горлинским. Издание было выпущено Московской патриархией в конце июня (часть тиража отпечатали в типографии «Союза воинствующих безбожников»). Предназначалось оно в основном для

---

[93] *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь. С. 188—189; *Макарий (Веретенников), архим.* Иосиф // Православная энциклопедия. Т. 25. М., 2010. С. 680—682.

[94] *Якунин В.Н.* Укрепление положения Русской православной церкви и структура её управления в 1941—1945 годы // Отечественная история. 2003. № 4. С. 85.

[95] Сборник документов по истории советской военной юстиции, 1941—1951 гг. Вып. 3 / Сост. Л.Н. Гусев. М., 1952. С. 22—24.

[96] Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941—1945. М., 2010. С. 126, 131—132.

[97] ГА РФ, ф. А-353, оп. 16, д. 41, л. 9—10.

[98] 3 января 1942 г. «Известия» опубликовали «Декларацию Объединённых Наций», в которую, по настоянию президента США Ф. Рузвельта, были включены слова о защите религиозной свободы.

распространения за границей. 16 сентября 1942 г. митрополит Киевский Николай (Ярушевич) и епископ Калужский Питирим (Свиридов) передали его экземпляры в американское, британское и китайское посольства в Куйбышеве. Разумеется, это делалось по поручению и под контролем НКВД[99].

На Пасху 5 апреля 1942 г. распоряжением коменданта Москвы неожиданно было разрешено беспрепятственное движение по городу ночью (об этом объявили по радио в 6 часов утра в субботу). По данным НКВД, в Москве и Московской обл. в православных храмах на пасхальные богослужения собрались более 160 тыс. человек[100]. Это был скорее очередной жест в отношении союзников, нежели уступка значительной части населения. Британский посол в Москве А.К. Керр сообщал: Кремль «показал своё истинное отношение к религиозным празднованиям на Пасху, включив фотографии пасхальной службы в московских церквях в рассылку для публикации за границей, а не в СССР»[101]. Судя по «отрицательным» и «антисоветским» высказываниям, зафиксированным агентами НКВД, не сомневались в истинных целях властей и некоторые прихожане. Профессор-хирург Розен возмущался появлением «в святом алтаре наших храмов каких-то фотографов... заведомые безбожники стоят у престола Божия со своими лейками... всё это, конечно, делается для наших союзников, чтобы показать им полное благополучие нашей Церкви». Подобным образом рассуждали не только профессора. Рабочий Лихов из Перово утверждал: «Это всё сделано для того, чтобы показать зарубежным странам, что советская власть верующих не притесняет, теперь службы в оставшихся церквах проходят с большим успехом и даже с архиереем, причём их фотографируют и посылают в разные концы света фото». К схожим выводам пришли колхозник Е.Е. Беликов из Мытищинского района и домохозяйка А.М. Сурская из Перово[102].

Такие жесты, как отмена комендантского часа на Пасху, не означали радикального изменения отношения к верующим. Они по-прежнему находились под подозрением. НКВД отслеживались, к примеру, «нелегальные моления» семи человек на Пасху в доме пенсионера Белова в селе Мягково Коломенского района, или освящение куличей у церковницы К.Е. Хохловой в деревне Козлово Малоярославецкого района[103]. Член «группы по спецработе в Москве “Серафим”», видимо, «освещавший» верующих, доносил, что беспартийная Филина, ночной сторож цеха шапок меховой фабрики райпромтреста, «открыто высказывает свои религиозные антисоветские убеждения»[104]. В ходе освобождения от оккупантов 27 районов Московской обл. зимой и весной 1942 г. в числе прочего «антисоветского элемента» НКВД были арестованы 10 «служителей религиозного культа», а в качестве «социально чуждого элемента» — 15 бывших «служителей религиозного культа» и 16 «детей служителей религиозного культа»[105].

---

[99] Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш»... С. 338, 574; Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. С. 180; *Христофоров В.С.* К истории церковно-государственных отношений в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2011. № 4. С. 173—174.

[100] Москва военная... С. 215—217.

[101] *Майнер С.М.* Сталинская священная война... С. 118.

[102] Москва военная... С. 216.

[103] Там же. С. 217.

[104] Там же. Информация от 13 апреля 1942 г.

[105] Госбезопасность в битве за Москву. Документы, рассекреченные ФСБ России / Отв. ред. В.С. Христофоров. М., 2015. С. 136—137.

Начавшееся с марта 1942 г. смягчение карательной политики вызвало протест немалого числа судебных работников, которых совсем недавно тот же ВС СССР ориентировал на её ужесточение. Заместитель председателя ВС РСФСР С.А. Пашутина критиковала ВС СССР за либеральное отношение к осуждённым, выразившееся в замене «в[ысшей] м[еры] н[аказания] лишением свободы лицам классово чуждым советской власти: б[ывшим] кулакам, белогвардейцам, служителям религиозного культа, немцам и лицам, неоднократно судившимся за контрреволюционные преступления»[106]. Год спустя после начала войны одна из высших чиновниц в российской судебной иерархии не ведала о каком-либо изменении официальной политики в отношении «служителей культа». Очевидно, потому, что судебные органы никаких установок в этом отношении не получили.

Никакого влияния религии или религиозных институций в армии не допускалось. К примеру, военной цензурой Сталинградского фронта конфисковывались направленные на фронт «религиозные» письма наряду с «упадническими», способными вызвать «побуждение к дезертирству», передававшими «жалобы семей военнослужащих», «сообщения о результатах бомбёжек вражеской авиацией». Всё это рассматривалось как «отрицательные высказывания»[107].

Прихожанам Князь-Владимирского собора в Ленинграде не разрешили открыть и содержать свой лазарет, поскольку «подобная конкретная благотворительная деятельность осталась под запретом и после начала войны. Приходам позволяли перечислять деньги только в общие фонды: Красного Креста, обороны и т.п.»[108]. Когда в апреле 1943 г. по предложению епископа Калужского Питирима (Свиридова) местные «церковники» приняли шефство над одним из госпиталей, это быстро вызвало соответствующую реакцию. Уже 12 мая заместитель наркома НКГБ Б.З. Кобулов докладывал А.С. Щербакову: «НКГБ СССР приняты меры к недопущению впредь попыток со стороны церковников входить в непосредственные сношения с командованием госпиталей и ранеными *под видом* (курсив мой. — *О.Б.*) шефства»[109].

Мало что изменилось и после «примирения» с Церковью в сентябре 1943 г. Капитан М.М. Коряков, военный корреспондент при штабе 6-й воздушной армии, 21 мая 1944 г. сообщил старосте церкви местечка на Волыни, в котором стояла редакция его газеты, о кончине патриарха Сергия. В тот же день в храме отслужили панихиду, а начальство обвинило Корякова в том, что он её заказал. В ходе проработки ему разъяснили «политику партии»: «Если мы сейчас даже с такой сволочью, как Черчилль, находимся в коалиции, то могли войти на время в соглашение и с попами... после войны мы сведём счёты и с поповской сволочью». В итоге офицер был отстранён от литературной работы как «идеологически чуждый человек» и отправлен в пехоту[110].

Уменьшение масштабов и смягчение жестокости репрессий против «церковников и сектантов» не означало их прекращения. В 1942 г. были арестованы 1 106 человек. Следует учесть, что численность населения, оказавшегося на оккупированных территориях, в то время достигла своего максимума — приблизительно 68 млн человек. Не прекращались преследования даже в блокадном

---

[106] ГА РФ, ф. А-353, оп. 16, д. 72с, л. 5.

[107] Сталинградская эпопея. Документы, рассекреченные ФСБ России / Сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, Ю.В. Сигачев. М., 2012. С. 162—163.

[108] *Шкаровский М.В.* Община Князь-Владимирского собора... С. 264—265.

[109] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. С. 186.

[110] *Коряков М.М.* Освобождение души. Нью-Йорк, 1952. С. 198—205.

Ленинграде. По данным Управления НКВД по Ленинградской области на 1 октября 1942 г., с начала войны в городе было «вскрыто и ликвидировано 625 контрреволюционных групп и формирований, из них 7 церковносектантских». Так, в июне—июле 1942 г. прошли аресты 18 членов нелегальной общины иосифлян во главе с архимандритом Клавдием (Савинским). 18 августа его казнили вместе с монахиней Евдокией (Дешкиной) и А.Ф. Чистяковым по приговору трибунала войск НКВД Ленинградского округа (остальные 15 подсудимых получили различные сроки заключения)[111].

В лагерях продолжалось истребление верующих женщин. Свердловский облсуд 4 июля 1942 г. приговорил к смертной казни Елену Стребкову, Марию Кузнецову, Анну Гаврилову и Дарью Назарову за то, что они «под прикрытием религиозных убеждений категорически отказались выходить на работу». Осуждённые не согласились не только подписать приговор, но и выслушать его. 14 сентября их расстреляли. 29 июля Карагандинский облсуд осудил Марию Быковскую, Агафью Буркину, Афимию Гудееву-Атапину, Елену Дуванскую за организацию «контрреволюционной группы», в которую они «вовлекали новых участников, проводя среди заключённых под видом религиозных собеседований антисоветскую агитацию». Все «агитаторы», трое из которых были неграмотными, а одна — малограмотной, были расстреляны 20 октября[112].

Верховный суд Мордовской АССР 20 июля вынес смертный приговор девяти женщинам — Акулине Бакуреевой, Анастасии Балахоновой, Матрёне Малышенковой, Фёкле, Ольге и Прасковье Минькиным, Василисе Огарёвой, Наталье Пакшиной, Раисе Старостиной, обвинив их по ст. 58-10 (ч. 2), 58-11 и 58-14. Председатель ВС РСФСР рекомендовал казнить только «организатора контрреволюционной группы» Пакшину, а остальным дать новые сроки заключения. Однако это вызвало протест заместителя председателя ВС СССР, не усмотревшего в деле каких-либо смягчающих обстоятельств. Возможно, сыграла роль бескомпромиссная позиция неграмотных или малограмотных крестьянок-единоличниц, не выразивших никакого раскаяния. Согласно выписке из дела, Пакшина заявила: «Я являюсь верующей в господа бога и подчиняюсь только власти господней, а не советской. Власть была, есть и будет господней, и она не изменится, изменяются только люди. Советскую власть я не признавала и не признаю, а следовательно, и ненавижу её, так как это власть несправедливая, в коллективном труде работать не желаю, советская власть настроила разные колхозы только для издевательства над народом и для того, чтобы морить народ с голоду». Все осуждённые были расстреляны 15 октября[113].

В 1943 г. число репрессированных «церковников и сектантов» снизилось до 539, однако в статистике НКВД появились новые отдельные категории: «мус-секты» и мусульманское (43), буддийское (9) и еврейское (2) духовенство[114]. Несомненно, снижение числа репрессированных было вызвано становившимся всё более очевидным поворотом в государственной политике. В январе 1943 г. Церкви впервые разрешили открыть счёт для сбора пожертвований на оборону страны, что фактически означало «дарование» ей статуса юридического лица. 4 сентября состоялась встреча И.В. Сталина и В.М. Молотова с митрополитами

[111] *Шкаровский М.В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 288—289.

[112] ГА РФ, ф. Р-9474, оп. 27, д. 3347; д. 3467.

[113] Там же, д. 3312, л. 1—14.

[114] *Мозохин О.Б.* Право на репрессии... С. 493, 501.

Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), во время которой иерархи узнали о радикальном изменении конфессиональной политики.

Однако с Церковью не примирились, ее использовали (прежде всего для достижения внешнеполитических целей)[115]. Курировал эту деятельность тот же полковник НКВД Г.Г. Карпов, только теперь он именовался председателем Совета по делам РПЦ при СНК. Показательно отношение к просьбе митрополита Сергия (вскоре ставшего патриархом) об амнистии арестованных иерархов. Речь об этом зашла во время встречи со Сталиным, предложившим Сергию передать Карпову список лиц, подлежавших освобождению. Он был составлен 28 октября и включал имена 26 архиереев, 25 из которых, чего не мог знать патриарх, были расстреляны ещё в 1937—1938 гг. В живых оставался только архиепископ Николай (Могилевский). Казалось бы, освободить архиерея, находившегося на положении «вольного ссыльного» в Казахстане, не составляло труда. Однако увидеть его на свободе патриарху не довелось: соответствующее решение Особого совещания НКВД последовало лишь 19 мая 1945 г.[116]

В НКВД по-прежнему считали «служителей культа» и верующих враждебными элементами. Продолжалась, как и до 1943 г., «агентурно-оперативная работа» по выявлению «антисоветского элемента среди церковников». УНКГБ по Ленинградской обл. докладывало, что во втором полугодии 1944 г. на «антисоветский элемент среди церковников в гор. Ленинграде заведено представляющее оперативный интерес агентурное дело “Теософы”», также осуществлялись мероприятия по агентурному делу «Иосифляне», были выявлены «отдельные факты вражеской работы антисоветского элемента из числа церковников и сектантов среди молодёжи»[117]. Шла «зачистка» от «ненадёжных элементов» освобождённых территорий. Поскольку сотрудничество с захватчиками носило массовый, но часто вынужденный характер, в 1942—1943 гг. прокуратура и ВС СССР приняли постановления, разъяснявшие, что не подлежат привлечению к уголовной ответственности специалисты, «занимавшиеся своей профессией»[118]. Практически все «занимавшиеся своей профессией» служители Церкви были вынуждены в той или иной форме взаимодействовать с оккупационными властями. Среди них были идейные коллаборационисты, и те, кто стремился максимально дистанцироваться от «политики», и патриоты, оказывавшие помощь партизанам[119].

Немало священников ушли с оккупантами. Оставшиеся, независимо от своего поведения в период оккупации, оказывались в «зоне риска». В 1944—1945 гг. были арестованы и осуждены сотни служителей Церкви[120]. Остановлюсь

---

115 *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943—1948 гг. М., 1999. С. 105—127; *Майнер С.М.* Сталинская священная война... С. 137—224, 349—356.

116 Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С.78—79, 651; URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/%20spc_1_foto/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITcGZeu-yPqJk9XAk**

117 *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. С. 531.

118 *Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю.* Судебная власть в России. Т. V. М., 2003. С. 481—482, 495, 501—502.

119 *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. С. 338, 417—431; *Ковалёв Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941—1944. М., 2004. С. 431—478.

120 *Голиков А., свящ., Фомин С.* Кровью убеленные: мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940—1955). М., 1999; *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. С. 531—532; *Федчук А., прот.* Епископ Белгородский и Грайворонский Панкратий (Гладков) // Вестник церковной истории. 2018. № 1/2. С. 290; *Шкаровский М.В.* Община Князь-Владимирского собора... С. 265.

на весьма показательной судьбе трёх архиереев. Архиепископу Черниговскому Симону (Ивановскому) в сентябре 1943 г. удалось избежать принудительной эвакуации немцами. В ноябре его вызвали в Москву, включили в состав Священного Синода, 21 января 1944 г. он вернулся в Чернигов, где 29 января был арестован сотрудниками НКВД и этапирован в Киев. Ему припомнили участие в Белом движении — служение военным священником в армии барона П.Н. Врангеля и обвинили в произнесении проповедей антисоветского содержания во время оккупации. 25 октября архиерей был приговорён трибуналом войск НКВД Киевского военного округа к 10 годам лагерей[121].

Епископа Таганрогского Иосифа (Чернова) отступавшие немцы эвакуировали в Умань. Там в ноябре 1943 г. за нежелание разорвать каноническую связь с Московской патриархией его арестовало гестапо, продержав в тюрьме до начала января 1944 г. После освобождения Умани архиерея воспринимали почти как героя сопротивления и даже пригласили вместе с местными интеллигентами на обед к председателю горсовета в честь знаменитого британского журналиста А. Верта, которого сопровождал Борис Полевой. Архиерей, провозгласивший «своим благородным баритоном» тост «за нашу защитницу и спасительницу Красную армию, очищающую от басурман святые православные земли», напомнил писателю «подгулявшего запорожца с репинской картины»[122]. Патриарх Сергий незадолго до смерти вызвал епископа в Москву, но по дороге 4 июня 1944 г. того задержали в Киеве и этапировали в Ростов-на-Дону. 19 февраля 1946 г. трибунал войск НКВД Северо-Кавказского военного округа приговорил его к 10 годам лагерей, обвинив в том, что в 1940 г. он организовал в Азове тайный монастырь «иоаннитов» (последователей секты почитателей преп. Иоанна Кронштадтского) и высказывался «в духе неизбежности изменения в СССР политического строя»[123].

Епископ Белгородский и Грайворонский Панкратий (Гладков) в декабре 1943 г. ездил в Москву по вызову патриарха, как будто планировавшего назначить его викарием Московской епархии. В январе 1944 г. он был арестован в Нежине и отправлен в Киев. После 15 допросов, «часть из которых были ночными, а другие продолжались, с некоторыми перерывами, более суток», владыка признался в сотрудничестве с СД и гестапо. Однако заседание трибунала по его делу, назначенное на 21 июля, не состоялось из-за отсутствия подсудимого, который почему-то в тюрьме «уже не содержался». По-видимому, он был не в том состоянии, чтобы его можно было «предъявить» судьям. Затем архиерея «нашли» и 4 октября трибунал войск НКВД Киевского военного округа, состоявшийся в закрытом режиме, без участия обвинения, защиты и вызова свидетелей, приговорил его к 15 годам заключения в лагерях. Приговор был предрешён и согласован с Особым совещанием в Москве. По воспоминаниям его знакомых, епископ ещё до отправки в лагерь умер в тюремной больнице[124].

Аресты архиепископа Симона (Ивановского) и епископа Панкратия (Гладкова) вскоре после поездок в Москву и встреч с патриархом, епископа Иосифа (Чернова), которому предстояло назначение на какую-нибудь кафедру (против

---

[121] *Куколевская В., Алексий (Იродов), свящ.* Жизнь и служение архиепископа Винницкого и Брацлавского Симона (Ивановского) (1888—1966) (URL: https://web.archive.org/web/20110825095640/http://www.krest.vn.ua/gitija/Simon_Ivanovsk.php).

[122] *Полевой Б.* Эти четыре года. Из записок военного корреспондента. Т. I. М., 1978. С. 571—573.

[123] *Макарий (Веретенников), архим.* Иосиф. С. 680—682.

[124] *Федчук А., прот.* Епископ Белгородский и Грайворонский Панкратий (Гладков). С. 300—303.

чего возражал уполномоченный по делам РПЦ), по дороге в столицу — трудно считать совпадением. Похоже, таким способом полковник Карпов проводил свою «кадровую политику»[125].

В 1945 г. численность арестованных, проходивших по статистике НКВД как «религиозный антисоветский элемент», достигла 1 961 человека, включая 921 «служителя культа». Больше всего среди них было «сектантов» (989), представителей православного (690) и католического (201) духовенства, мусульман и буддистов насчитывалось значительно меньше (74 и 7)[126]. Репрессии против верующих не прекратились и после окончания войны, а соответствующая графа сохранялась в отчётах НКВД (какие бы названия ни носило это ведомство) по меньшей мере до 1953 г.

Настоящая статья, разумеется, не исчерпывает ни тему репрессий против верующих, ни тем более тему репрессий во время Великой Отечественной войны в целом. Дальнейшее изучение архивов судов разного уровня, прокуратуры, союзного и республиканских наркоматов юстиции позволит лучше понять характер и масштабы репрессий, а также выяснить судьбы многих их жертв.

Сталинизм остался сталинизмом, и никакие слова вождя о «братьях и сестрах» не свидетельствовали об изменении отношения власти к населению: социум по-прежнему управлялся в значительной степени путём применения насилия. Война стала стимулом проведения террористической кампании, она же являлась её ограничителем: невозможно было одновременно воевать с внешним противником и вести широкомасштабную кампанию против «внутренних врагов». Размах репрессий против верующих, как и степень их жестокости, существенно снизились в ходе войны, но никогда не прекращались.

---

[125] См.: *Демидова Н.И.* Кадровая политика Московской Патриархии и состав епископата Русской Православной Церкви в 1940—1952 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

[126] *Мозохин О.Б.* Право на репрессии... С. 520—521.

Проблема канонической подчинённости православных приходов на оккупированных территориях РСФСР. 1941—1942 гг.

Иван Петров

The problem of canonical subordination of Orthodox parishes in the occupied territories of the RSFSR: 1941—1942

Ivan Petrov
(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870005138-2

Православные приходы, оказавшиеся в 1941—1942 гг. на оккупированных вермахтом территориях, а также общины вновь открывавшихся с разрешения немцев храмов находились в сложнейшем положении. С одной стороны, они вынуждены были так или иначе взаимодействовать с оккупантами и коллаборационистской администрацией, а с другой — не могли существовать без архиерейского руководства и подчинения каноничным церковным властям. Между тем предстоятели двух ведущих легально существовавших в СССР ветвей православия — сергианской (тихоновской) и обновленческой — чётко сформулировали свою жёсткую антинемецкую позицию, решительно исключавшую какое-либо сотрудничество с врагом. Как митрополит Сергий (Страгородский), так и обновленческие лидеры «митрополит» Виталий (Введенский) и его заместитель Александр Введенский выступили с эмоционально окрашенными патриотическими обращениями. В частности, Введенские напоминали о подвигах Александра Невского, примере князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, о непреклонности патриарха Гермогена, а также Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, предрекли Гитлеру судьбу Наполеона[1]. В этих условиях подчинение Москве священников в захваченных противником областях становилось практически невозможным. В то же время как всегда резко антисоветски настроенная Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ) допущена на оккупированную территорию РСФСР не была. В результате начавшееся там восстановление приходской жизни оказывалось, по сути, в вакууме, из которого приходилось искать выход. При этом в РСФСР, в отличие от других республик, это осложнялось не столько противоречиями между приверженцами разных юрисдикций (чаще всего автокефалистами и автономистами), сколько нехваткой епископата.

Впервые в отечественной историографии проблему канонической принадлежности православных приходов на временно занятых территориях отметила О.Ю. Васильева[2], охарактеризовавшая курс митрополита, а впоследствии патри-

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-00048) в Санкт-Петербургском государственном университете.

[1] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. Р-9324, оп. 1, д. 5, л. 4.

[2] *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в 1927—1943 годах // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 35—46; *Васильева О.Ю.* Жребий митрополита Сергия // Наука и религия. 1995. № 5. С. 20—25.

арха Сергия (Страгородского) и попытки советского руководства использовать Русскую Православную Церковь для осуществления своих внешнеполитических планов[3]. Настоящим прорывом в изучении деятельности православных приходов под оккупацией стало издание ею вместе с И.И. Кудрявцевым и Л.А. Лыковой сборника документов «Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны»[4]. М.В. Шкаровский, проработав массив архивных материалов, рассредоточенных в США, Германии, Болгарии, Сербии и многих других странах, уделил особое внимание «церковному возрождению в русских областях прифронтовой полосы»[5]. Однако в основном им исследовались события, происходившие на северо-западе России и связанные с феноменом Псковской православной миссии. Специфика приходской жизни в других захваченных нацистами регионах освещалась им лишь частично. К тому же свою главную задачу исследователь видел не в анализе местной структуры управления приходами и оценке каноничности их принадлежности к той или иной церковной юрисдикции, а в обобщении статистических данных об открытых храмах и в выявлении всей сложности взаимоотношений между разными германскими инстанциями, участвовавшими в решении «православного вопроса». Наиболее подробно и весьма взвешенно деятельность Псковской миссии описана учеником О.Ю. Васильевой К.П. Обозным[6]. Положение смоленского духовенства в период Великой Отечественной войны раскрыто в монографии иеромонаха, а ныне — епископа Петергофского и ректора Санкт-Петербургской духовной академии Серафима (Амельченкова), изучившего материалы семи центральных (ГА РФ, РГАСПИ, РГАЭ) и смоленских архивов[7]. Им кратко очерчено и формирование структур управления приходами Смоленщины в начальный период оккупации, однако каноничность их перехода в юрисдикцию Белорусской Православной Церкви фактически не рассматривается.

А.И. Перелыгин, опираясь на документы архивов Брянской и Орловской областей, ограничился лишь самым общим описанием приходской жизни Орловщины в 1941—1943 гг., включив её в общий контекст церковно-государственных отношений в 1917—1953 гг., но не упоминая о канонической принадлежности местных приходов[8]. Фрагментарно отражена в историографии и ситуация функционирования приходской системы в оккупации на Юге России[9].

[3] *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943—1948 гг. М., 2001.

[4] Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Сборник документов / Сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М., 2009.

[5] *Шкаровский М.В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007. С. 355—399.

[6] *Обозный К.П.* История Псковской Православной миссии. 1941—1944 гг. М., 2008; *Обозный К.П.* Народное образование, Псковская миссия и церковная школа в условиях немецкой оккупации // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 176—204.

[7] *Амельченков В.Л.* Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов (на материалах Смоленской области). Смоленск, 2012.

[8] *Перелыгин А.И.* Русская Православная Церковь в Орловском крае. (1917—1953 гг.). Орёл, 2008.

[9] *Линец С.И., Сомова И.Ю.* Культурные и религиозные учреждения Ставропольского края в период Великой Отечественной войны. Пятигорск, 2009. Исключение составляет статья ставропольского священника Евгения Шишкина, основанная на недоступных широкому кругу исследователей архивах Московской патриархии: *Шишкин Е.Н., свящ.* Русская Православная Церковь на оккупированных территориях Кавказа в августе 1942 — феврале 1943 гг. // Вестник ПСТГУ. 2014. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. Вып. 6(61). С. 113—127.

В целом до сих пор историки в большинстве своём оценивали итоги деятельности православного духовенства в период оккупации и чаще всего — в том или ином конкретном регионе, не проводя сравнений и не указывая, как именно происходило восстановление каноничности церковных структур в первый период оккупации — с лета 1941 г. до конца 1942 г., когда собственно и решались «юрисдикционные вопросы».

Первоначально служить в закрытых большевиками и открытых оккупантами церквях приходилось, как правило, тем духовным лицам, которые случайно находились в данной местности, работая по гражданской специальности или отбывая наказание в советской тюрьме. Так, латвийские священники протоиерей Сергий Ефимов, иереи Гордий Ольшевский и Иаков Легкий были освобождены немцами из тюрьмы города Острова под Псковом[10], а уже 14 августа 1941 г. первый из них отслужил литургию во вновь открытом Свято-Покровском храме погоста Елины[11] и приступил к освящению храмов в Острове и Пскове. Лишь через несколько дней в Псков прибыли представители экзарха Прибалтики, митрополита Литовского и Виленского Сергия (Воскресенского), организовавшие Псковскую миссию (официально называвшуюся «Православной миссией в освобождённых областях России»). Подробно изучив её историю, исследователи всё ещё продолжают спорить о том, чем было обусловлено её создание: критическим положением приходской жизни на северо-западе России и стремлением митрополита Сергия (Воскресенского) восстановить её нормальное функционирование при чётком признании канонической власти Московской патриархии[12], или же исключительно волей немецких оккупационных властей[13]. Так или иначе, в первый её состав вошли молодые, высоко образованные латвийские священники, получившие образование в духовных школах Балтии и Франции, а также пастыри, служившие до войны на Псковщине или имевшие большой миссионерский опыт (например, протоиерей Кирилл Зайц)[14]. Организация миссии проводилась экзархом Прибалтики в рамках церковной дисциплины и, отправляя в середине августа 1941 г. первых миссионеров, он учитывал их верность Московской патриархии, образовательный уровень, пастырские навыки и внешнюю лояльность к оккупационной администрации. Именно ставка на таких священников позволила миссии открыть в 1941—1944 гг. более трёх сотен храмов.

Однако летом—осенью 1941 г. на северо-запад России желали проникнуть и яростные противники митрополита Сергия (Воскресенского) — эстонские автокефалисты, рассчитывавшие на благосклонность местных коллаборационистов, и, в частности, псковского городского головы В.М. Черепенькина, который направил несколько писем митрополиту Таллиннскому и Эстонскому Александру (Паулусу), выступавшему против ориентации на церковные власти Советского Союза. В годы нацистской оккупации митрополит Александр вышел

---

[10] *Обозный К.П.* Претерпевший до конца... О жизни и служении пресвитера Гордия Ольшевского // Православие в Балтии. 2017. № 6(15). С. 32.

[11] *Ефимов С., прот.* Из дневника миссионера. На заре обновления религиозной жизни в освобождённых от большевизма местностях // Православный христианин. 1943. № 6—7(1—2). С. 6.

[12] *Обозный К.П.* История Псковской Православной миссии... С. 52—76; *Петров И.В.* Православная Балтия 1939—1953 гг. Период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб., 2016. С. 156—158.

[13] Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации. 1941—1944 / Сост. С.К. Бернев, А.И. Рупасов. СПб., 2016. С. 3—19.

[14] Latvijas Nacionālais Arhīvs, f. 7469, a. 2, 192, l. 1.

из подчинения экзарху Прибалтики Сергию (Воскресенскому) и не только стал самостоятельно управлять большинством приходов Эстонии, но и решил распространить своё влияние на прилегающие районы РСФСР. В Псков он отправил протоиерея Николая Раага, хорошо знакомого с положением дел в приходах Печорского района, а также «региона Ингерманландии», как его именовали автокефалисты[15]. Однако ни в 1941 г., ни в 1943 г. попытки включить Псков в орбиту влияния Таллина успехом не увенчались[16].

На остальных оккупированных территориях не было столь влиятельных иерархов Московской патриархии как экзарх Сергий (Воскресенский), в результате чего управление перешло в руки или случайных представителей «чёрного» духовенства, или групп священников самых разных юрисдикций. Так, ведущую роль в возрождении церковной жизни Брянска сыграл архимандрит Павел (Мелетьев), много лет нелегально служивший в Брянской, Могилёвской и Смоленской областях[17]. Доподлинно неизвестна ни дата его посвящения в архимандриты, ни юрисдикционная принадлежность в довоенный период, однако уже в конце декабря 1941 г. он регистрировал приходы и «давал соответствующие инструкции» священникам оккупированных районов Брянщины, которых к нему направляли местные гражданские власти по распоряжению окружного самоуправления[18].

На Юге России схожим образом действовали епископы-обновленцы. Так, в районе Кавказских Минеральных вод масштабную деятельность развернул бывший обновленческий архиерей, а к моменту начала оккупации директор мясокомбината Николай Автономов. При появлении немцев он объявил себя каноничным епископом и вступил в управление приходами Пятигорска. Служить он стал в единственной действующей церкви города — храме святого праведного Лазаря Четверодневного. Ранее подозревавшийся в сотрудничестве с НКВД «владыка» тут же нашёл общий язык с нацистскими карательными органами и донёс на пятигорского протоиерея Василия Гаккеля, прятавшего в престоле шифровальную машину и укрывавшего от расправы солдат Красной армии[19]. После отступления немцев с Кавказа епископ Николай вошёл в юрисдикцию Украинской автономной православной церкви и, вводя в заблуждение местное священноначалие, некоторое время в качестве архиепископа Мозырского, викария Гомельской епархии, осложнял жизнь приходов на территории оккупированной Белоруссии[20].

В Смоленске не удалось найти никого, кто мог бы исполнять обязанности правящего архиерея, поэтому в начале оккупации церковными делами ведали местные протоиереи Николай Шиловский (настоятель Успенского кафедрального собора), Пётр Беляев, Павел Смирягин и Тимофей Глебов. Они же выступали с официальными обращениями к пастве[21]. В мае 1942 г. иерархи Бело-

---

[15] Eesti Ajalooarhiiv, f. 1655, n. 3, s. 430, l. 16.

[16] *Шкаровский М.В., Соловьёв И., свящ.* Церковь против большевизма. М., 2013. С. 85.

[17] *Колупаев В.Е.* Жизненная история Рославльского епископа Павла (Мелетьева). Смоленск, 2018. С.96—104.

[18] Государственный архив Брянской области (далее — ГА БО), ф. 2593, оп. 1, д. 256, л. 10.

[19] *Бочков П., свящ.* Жизненный путь Николая Петровича Автономова — обновленческого «архиепископа», «католического митрополита», греко-католического «священника» // Studia Humanitatis. 2017. № 1. С. 3—4.

[20] *Слесарев А.В.* Новооткрытые сведения о миссионерском служении преподобномученика Серафима (Шахмутя), архимандрита Жировичского // Церковно-исторический вестник ΧΡΟΝΟΣ. 2017. № 4. С. 117—118.

[21] Обращение к православным христианам // Новый путь. 1942. № 83. С. 2.

русской Православной Церкви рукоположили архимандрита Стефана (Севбо) во епископа Смоленского и Брянского, однако в Смоленск он смог добраться только в конце декабря[22]. К тому времени на Смоленщине сформировалась полноценная церковная структура, включавшая епископа, клир и несколько десятков приходов, имевшихся практически во всех районах епархии[23]. В мае 1943 г. было образовано епархиальное управление под председательством владыки и учреждены благочиннические округа[24]. В том же году перешёл в Белорусскую Православную Церковь и архимандрит Павел (Мелетьев), рукоположенный во епископа Рославльского.

Следует отметить, что владыка Стефан не являлся ревностным сторонником белорусской автокефалии. Если верить сообщениям командования группы армий «Центр», глава Смоленско-Брянской епархии выступал за её окормление «карловацким» митрополитом Берлинским и Германским Серафимом (Ляде)[25]. Находясь в Белоруссии, епископ вынужден был подчиняться местным архиереям, но, оказавшись за её пределами, стал искать пути воссоединения с Московской патриархией через переговоры с экзархом Прибалтики[26]. Правда, закончить это сближение ему не удалось: немцы покинули Смоленск, и он оказался в Центральной Европе, где перешёл в юрисдикцию РПЦЗ.

Похожая ситуация складывалась на Орловщине, сильно пострадавшей от антирелигиозных репрессий в предвоенное время и попавшей во время войны в ситуацию юрисдикционного вакуума. Ключевой фигурой в организации местного епархиального управления и налаживании приходской жизни здесь стал священник Иоанн Маккавеев. При этом орловские священники поминали за богослужением митрополита Серафима (Ляде). К нему же они обратились, прося направить в Орёл архиерея для замещения вдовствующей церковной кафедры[27]. Между тем, по свидетельству британского журналиста А. Верта, священник Иоанн Маккавеев сразу же после освобождения Орла от нацистов говорил ему, что именно немцы требовали поминать митрополита Серафима, запрещая возносить имя митрополита Сергия (Страгородского), тогда как Маккавеев не упоминал ни того, ни другого. «Однако, — писал Верт, — человек, которому немецкое командование поручило надзирать за церквами, оказался не епископом, как, естественно, многие ожидали, а просто гражданским чиновником по фамилии Константинов, из русских белоэмигрантов. Таким образом, церкви были лишены всякой самостоятельности, и даже резиновые печати каждой из них хранились под замком в столе у Константинова. Это казалось отцу Ивану особенно возмутительным. Его непосредственным начальством был отец Кутепов, служивший в церкви, которая была гораздо больше»[28]. О подобной «иерархии» управления приходами Орловщины сообщалось и в составленной 26 октября 1942 г. докладной записке заместителя начальника

[22] Встреча епископа Стефана с верующими в соборе // Новый путь. 1943. № 2(124). 3 января. С. 1 об.

[23] Подробнее см.: *Амельченков В.Л.* Русская Православная Церковь и общество... С. 100—101.

[24] *Петровский А., свящ.* Епархиальное собрание в Смоленске // Новый путь. 1943. № 42(167). 15 июня. С. 2.

[25] *Шкаровский М.В.* Крест и свастика... С. 393.

[26] Приказ: архив уничтожить! ... С. 129.

[27] *Шкаровский М.В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935—1945 годов. Сборник документов. М., 2003. С. 262—263. В середине ноября 1942 г. Синод РПЦЗ принял решение рассмотреть возможность отправки архиереев в Смоленск и Орёл, а также иные оккупированные нацистами регионы РСФСР (Там же. С. 171).

[28] *Верт А.* Россия в войне 1941—1945 гг. М., 2001. С. 420—421.

Центрального штаба партизанского движения. В ней, в частности, описывалось, как 17 сентября на церковные торжества в Болхов прибыли «епархиальный благочинный протоиерей Кутепов», «старшина епархии г-н Константинов», а также граждане волости и представители вермахта[29].

Коллаборационисты инициировали возрождение церковных структур и в других районах РСФСР, часто жёстко вмешиваясь в канонические вопросы. В Краснодаре, где сразу же с приходом немцев о своём желании возглавить епархиальную жизнь заявили и сторонники митрополита Сергия (Страгородского), и обновленцы, размежеванием юрисдикций руководил городской голова С.Н. Ляшевский. 13 сентября 1942 г. противник обновленцев иеромонах Серафим (Смыков) отслужил благодарственный молебен в храме Георгия Победоносца[30], который с 1940 г. являлся кафедральным собором обновленцев (вместо закрытой Всехсвятской церкви)[31]. Обновленческая кафедра переместилась во вновь открытый Екатерининский собор. Более того, на оккупированной территории остался обновленческий «архиепископ» Кубанский Владимир (Иванов)[32]. Однако городского голову явно не устраивало преобладание обновленцев в крае, и он желал, чтобы на освящение собора приехал викарий Ростовской епархии епископ Таганрогский Иосиф (Чернов)[33]. Находясь в Азове, тот, как и многие иерархи, случайно попал под оккупацию и приступил к обязанностям управления местными приходами, заняв архиерейский дом в Таганроге (при котором находилась первая открытая в этом городе Крестовоздвиженская церковь)[34]. Будучи противником обновленцев, владыка никакой помощи им оказывать не стал, рекомендовав сторонникам митрополита Сергия (Страгородского) создать временное епархиальное управление. 20 октября 1942 г. священники Василий Денисов, Василий Литвиненко и Феодор Колесов провели съезд православного духовенства и мирян и образовали временный епархиальный совет[35].

В какой-то момент кандидатом на вакантную епископскую кафедру сергиан в Краснодаре стал проживавший на покое обновленческий «архиепископ» Новочеркасский Фотий (Тапиро), пользовавшийся у местных клириков и церковной интеллигенции репутацией богослова и выдающегося проповедника «староцерковной ориентации»[36]. Однако епископом Кубанским и Краснодарским он стал только в июле, когда принёс покаяние в расколе и был рукоположен митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и архиепископом Варфоломеем (Городцевым). К тому времени немцы давно уже оставили город — 13 февраля в него вошла Красная армия.

Ещё более жёстко действовали крымские коллаборационисты. Когда немцы заняли Крым, проживавший там на покое обновленческий «епископ» Викентий (Никипорчик) пожелал возглавить таврические православные приходы. Однако глава церковного подотдела симферопольской городской управы А.Д. Семёнов, имевший духовное образование, не скрывал неприязни к данно-

[29] ГА БО, ф. 1650, оп. 1, д. 71, л. 32 об.

[30] Благодарственный молебен // Кубань. 1942. 26 сентября. С. 1.

[31] *Лавринов В., свящ.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 179.

[32] *Шишкин Е.Н., свящ.* Русская Православная Церковь на оккупированных территориях Кавказа... С. 119.

[33] К прибытию епископа Иосифа // Кубань. 1942. 26 сентября. С. 1.

[34] Свет радости в мире печали. Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф / Сост. В. Королёва. М., 2017. С. 69—71.

[35] *Шишкин Е.Н., свящ.* Русская Православная Церковь на оккупированных территориях Кавказа... С. 119.

[36] Из церковной жизни // Кубань. 1943. 21 января. С. 1.

му иерарху, подозревавшемуся до войны в непристойном поведении, интригах и связях с чекистами. Посыпались доносы в СД[37]. Утверждалось, между прочим, что Викентий тайно выдаёт справки о крещении евреям[38]. Вскоре иерарх был арестован нацистами и выдворен с полуострова.

Размышляя о восстановлении каноничного управления местными приходами, Семёнов и священник Евгений Ковальский учитывали разные варианты. Можно было обратиться к Румынской Православной Церкви, активно проводившей свою миссию по организации религиозной жизни в Молдавии и Транснистрии. В начале оккупации полуострова военное духовенство румынской армии совершало первые богослужения и открывало храмы[39]. Но в дальнейшем отношения с румынским духовенством у крымских пастырей не заладились. Территориально ближе всего находились структуры Украинской автономной православной церкви. В 1942 г. волынский священник Николай Кушнерюк принял постриг в Милецком монастыре и до конца года являлся настоятелем этой обители. Вместе с тем уже 31 июля над ним совершили архиерейскую хиротонию в Почаевской лавре, и в середине сентября он стал викарным епископом Херсонским и Николаевским, а в декабре — епископом Мелитопольским и Таврическим[40]. Ковальский ездил к нему для переговоров об особенностях религиозной жизни в Крыму и для решения юрисдикционных вопросов. Впоследствии и сам украинский иерарх посещал полуостров с архипастырскими визитами. Но наиболее подходящим для окормления православных приходов Тавриды казался викарий Берлинской епархии РПЦЗ епископ Венский Василий (Павловский), который учился вместе с Семёновым в Казанской духовной семинарии. Однако против назначения епископа-зарубежника выступили нацисты. Любопытно, что под видом журналиста в Симферополь приезжал карловацкий священник Игорь Ткачук, общавшийся, в частности, со священниками Павлом Бобровым, Евгением Ковальским, Митрофаном Василькиоти. Но никаких последствий эти встречи не имели[41].

Таким образом, на разрешение канонических споров в начальный период оккупации влияли наличие в регионе действующего архиерея той или иной юрисдикции, позиция местных гражданских коллаборационистов и их непосредственное участие в возрождении приходов, а также активность церковных фигур и структур, сложившихся за пределами РСФСР — экзарха Прибалтики митрополита Сергия (Воскресенского), эстонских и белорусских автокефалистов, Украинской автономной православной церкви. Сказывалась и длительность нацистской оккупации. Однако в перипетиях организации управления религиозной жизнью на оккупированных территориях немцы, как правило, не играли ведущей роли и лишь иногда выступали в качестве арбитра в спорах между представителями разных юрисдикций.

---

[37] Архив Главного управления ФСБ РФ по Республике Крым и городу Севастополю, д. 8152, т. 1, л. 38.

[38] *Петров И.В.* Между праведным делом спасения евреев и предвоенным отступничеством: к вопросу об особенностях деятельности просоветски настроенного православного духовенства в годы Второй мировой войны на примере епископа Викентия (Никипорчика) // Сретенские чтения. Материалы XXIII научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. М., 2017. С. 192.

[39] Государственный архив Республики Крым, ф. 156, оп. 1, д. 25, л.2.

[40] *Борщевич В.* Єпископ Мелітопольсько-Таврійський Серафим (Кушнерук): повернення із небуття // Юго-Запад Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. 2009. № 7. С. 226.

[41] Архив Главного управления ФСБ РФ по Республике Крым и городу Севастополю, д. 8152, т. 1, л. 31—33, 69—70.

О понятии «геноцид» в современной западной историографии

Леннарт Самуэльсон

On the «genocide» concept in contemporary Western historiography

Lennart Samuelson
(Stockholm Institute of Transition Economics, Sweden)

DOI: 10.31857/S086956870005142-7

По мере роста эмпирических данных о сталинской эпохе (благодаря изучению архивных и опубликованных источников) в современной историографии предпринимаются попытки сделать глобальные обобщения относительно важных аспектов советского периода российской истории. Одной из популярных является тема террора и репрессий сталинского режима. По проблеме количества его жертв ещё с начала 1990-х гг. идут дебаты в ведущих американских и британских научных журналах. Участники дискуссии (включая известных кремленологов британца А. Ноува и австралийца С. Уиткрофта), опираясь на данные демографии, экономики и других дисциплин, привлекая мемуарные свидетельства, пытались определить число людей, которых казнили или сослали (чем обрекли на преждевременную смерть), либо они умерли от вызванного правительственной политикой голода[1].

По мере роста доступности документов российских архивов для западных исследователей их споры становились все более фундированными. В частности Уиткрофт предложил отличать умерших от голода 1932—1933 гг. от тех, кто погиб в ходе позднейших депортаций малых народов. Последних он считал *жертвами преступного безразличия властей* (здесь и далее курсив мой. — *Л.С.*), желая тем самым провести грань между сталинскими и нацистскими репрессиями, дабы общие сведения о миллионах погибших, введённые к тому времени в научный оборот, не затемняли качественных различий в разновидностях государственного террора[2].

Американский экономист С. Роузфилд опубликовал статью, в которой скорее запутал, нежели прояснил дискутируемую проблему. Опираясь на новые, казалось бы, заслуживающие доверия архивные данные, он тем не менее отказался от категоризации жертв сталинизма, определив всех пострадавших как жертв *убийства*[3]. Такой подход не поддержали другие учёные, которые взамен

Перевод Д.Б. Павлова

[1] См.: *Nove A.* How Many Victims in the 1930s? // Soviet Studies. 1990. Vol. 42. № 2. P. 369—373; *Wheatcroft S.G.* More Light on the Scale of Repression and Excess Mortality in the Soviet Union in the 1930s // Ibid. P. 355—367. См. также ответ Р. Конквеста «Excess Deaths and Camp Numbers: Some Comments» (Ibid. 1991. Vol. 43. № 5. P. 949—952).

[2] *Wheatcroft S.G.* The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930—1945 // Europe—Asia Studies. 1996. Vol. 48. № 8. P. 1319—1353.

[3] *Rosefielde S.* Documented Homicides and Excess Deaths: New Insights into the Scale of Killing in the USSR during the 1930s // Communist and Post-Communist Studies. 1997. Vol. 30. № 3. P. 321—331.

представили всё более усложнявшуюся картину причинной обусловленности как фактов голода в СССР, так и мотивов проведения Сталиным и его ближайшим окружением арестов, депортаций и других массовых репрессивных акций.

На фоне углублявшегося анализа сталинского террора американский историк Н. Неймарк, ставя проблему с ног на голову, охарактеризовал перечисленные явления термином, имевшим вполне определённое значение, но требовавшим, с его точки зрения, расширительного толкования. Он полагал, что скрупулёзно изучаемые события, которые в совокупности охватывают сталинский террор 1930—1950-х гг., целесообразно именовать «геноцидом» с возможностью его применения во множественном числе, на что и указывает заглавие его работы[4]. Книгу почти сразу перевели на немецкий, украинский, русский и другие языки. Это обстоятельство более, нежели присущие ему достоинства, заставляет обратиться к анализу исследования Неймарка с его чрезмерно упрощённым и, во всяком случае, дезориентирующим подходом.

Профессор восточноевропейской истории Стэнфордского университета Неймарк был известным исследователем проблем этнического насилия в Европе и советской оккупации Германии в 1945—1949 гг.[5] Книга «Геноциды Сталина», изданная в серии «Права человека и преступления против человечества» (редактор Э. Вейтц), выглядит как расширенная версия ранее представленной автором аргументации — в юбилейном сборнике, посвящённом Р. Конквесту[6].

Анализ этой версии лишь укрепил мой скептицизм и относительно отказа Неймарка от сформулированной в Конвенции ООН 1948 г. концепции геноцида, и в плане продуктивности её применения для изучения интересующих нас аспектов советской истории. Исследователь пытается использовать данную концепцию применительно к раскулачиванию (1930—1933), массовому голоду (1932—1933), Большому террору (1937—1938) и депортациям малых народов (1937—1944) в СССР. Обращаясь к мировой истории геноцида, Неймарк всерьёз утверждает, будто уже к началу 1930-х гг. проживавшие в Советском Союзе немцы «были признаны врагами советских людей, обречёнными на депортации и казни»[7]! В его работе о коммунистическом геноциде представлены сходные и столь же ошибочные оценки раскулачивания, основанные не на объективном анализе, а на тенденциозно подобранных фактах.

В одном из интервью Неймарка спросили, почему в заголовок своей книги он поставил *сталинские геноциды* во множественном, а не в единственном числе. «Не думаю, что это важное отличие, — ответил он. — 1930-е годы в целом, массовые убийства этих лет следует рассматривать как единый процесс — серию акций, каждая из которых являлась геноцидом. Любой из этих эпизодов в отдельности — раскулачивание, голод на Украине, преследования асоциальных элементов, высылки поляков, чеченцев, ингушей и украинцев следует считать проявлениями геноцида»[8].

---

[4] *Naimark N.* Stalin's Genocides. Princeton University Press, 2010 (в переводе на рус. яз.: *Неймарк Н.М.* Геноциды Сталина. М., 2012).

[5] См.: *Naimark N.* The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945—1949. Cambridge (MA), 1995; *Неймарк Н.М.* Пламя ненависти: Этнические чистки в Европе XX века. М., 2005.

[6] Political Violence: Belief, Behaviour, and Legitimation / Ed. by P. Hollander. Basingstoke; N.Y., 2008. Мой критический разбор этой статьи Неймарка см.: *Samuelson L.* A Pathbreaker: Robert Conquest and Soviet Studies during the Cold War // Baltic Worlds. 2009. Vol. II. № 1. P. 47—51; URL: http:// balticworlds.com/a-pathbreaker-robert-conquest-and-soviet-studies-during-the-cold-war.

[7] *Naimark N.* Genocide: A World History. Oxford, 2016. P. 90—91.

[8] «Killing A People». Interview with Norman M. Naimark // The Ukrainian Week. 2011. 16 May (URL: https://ukrainianweek.com/History/22694).

Рассматриваемая монография, более похожая на эссе, как и уже упомянутый трактат Неймарка «Всемирная история геноцида», в котором Сталин представлен как *génocidaire* (лицо, ответственное за геноцид), вряд ли привлекут внимание широкого круга читателей в России. К тому же сомнительно, чтобы размытые концепции подобного рода были способны привнести что-либо кроме ещё большей путаницы в изучение причин и последствий сталинского террористического режима.

К числу преступлений «вождя народов» Неймарк относит насильственную коллективизацию, конфискацию имущества и высылку объявленных богатеями крестьян («кулаков»), голод, поразивший многие регионы СССР (в частности, Украину), Большой террор, а также депортации малых народов, именуя все эти акции геноцидом. Тем самым предлагается серьёзная ревизия сложившихся представлений западной историографии, большинство адептов которой отрицают предумышленный характер физической ликвидации советскими властями групп граждан СССР по признакам их расовой, национальной или религиозной принадлежности.

«Сталинские геноциды» Неймарка подразумевают, что именно таким образом следует толковать некоторые (если не все) хорошо известные и ныне интенсивно изучаемые исторические процессы. В последние годы лишь немногие западные авторы решались утверждать, что череда подобных событий, исключая голод, охвативший Украину в конце 1932 г. — весной 1933 г., может быть охарактеризована как геноцид — в том смысле, как его определила упомянутая Конвенция ООН. В подкрепление такого видения сталинского правления Неймарк рассуждает о противоречивости самой концепции геноцида в её ооновском толковании.

Свою аргументацию историк открывает беглым обзором того, как Конвенция была «искажена» по ходу её обсуждения в профильной комиссии ООН. Вслед за немногими авторами он утверждает, что итоговый документ преднамеренно сузил его применение в отношении виновников массовых убийств лишь по признакам этнической, национальной или религиозной принадлежности, но не по социальным или политическим критериям, как то было задумано изначально. По мнению автора, это произошло под давлением советского руководства. Оно опасалось, что на него в случае более широкого толкования геноцида падёт ответственность за репрессии в отношении собственных граждан, а равно тех народов, которые вошли в состав СССР в начале Второй мировой войны.

Неймарк углубляется в историю работы этой комиссии, в 1946—1948 гг. стремившейся разработать конвенцию, применение которой позволило бы предотвратить повторение массовых убийств типа попыток нацистов истребить европейских евреев. При этом он ссылается на черновые версии и проекты Конвенции, но лишь на те, что представлены в немногочисленной американской историографии по теме (в том числе в учебниках). Я полагаю, что автору следовало бы тщательно рассмотреть прения экспертов, участников этой комиссии, и не по учебной литературе, достоверность сведений которой разнится, а по первоисточникам. Сегодня это выполнимо и без обращения к архивам. Как пример — отличное документальное издание по данной теме иранца Х. Абтахи и британки Ф. Вебб[9]. На без малого 3 тыс. страниц их книги пред-

[9] См.: The Genocide Convention: The Travaux Préparatoires / Eds. H. Abtahi, Ph. Webb. Vol. 1—2. Leiden; Boston, 2008.

ставлены протоколы заседаний экспертов-правоведов, усилиями которых 9 декабря 1948 г. Генассамблея созданной всего несколькими годами раньше ООН приняла конвенцию «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него». Внимательное изучение опубликованных Абтахи и Вебб документов показывает, что вопреки расхожему и, на мой взгляд, одностороннему мнению, экспертов ООН заботили в первую очередь юридические аспекты геноцида, но не политические (отказ от них будто бы был пролоббирован советским руководством, которое опасалось поплатиться за репрессии в отношении кулачества в 1920-х гг. или депортации народов в конце Второй мировой войны).

Дискуссии относительно формулировок Конвенции ведутся вокруг её финальной версии в качестве якобы уступки прессингу Кремля. В частности, речь идёт об исключении из текста определения таких акций, как подавление *политических группировок*, массовое убийство их участников, а также государственная политика *культурного геноцида* — уничтожения культуры и системы ценностей этносов[10].

Такая критика далеко не нова, но лишь немногие исследователи взяли на себя труд обратиться к первоисточникам и выяснить аргументы, выдвигавшиеся против расширения «поля» применения Конвенции экспертами-правоведами разных стран. Их доводы за или против той или иной редакции документа содержали значительно больше оттенков, чем это принято считать в историографии. Так, советский представитель заявил: «Ошибочно включать политические группировки в число защищаемых Конвенцией о геноциде точно так же, как ошибочно включать политические убеждения в список оснований для совершения преступления геноцида. Преступления, связанные с политической мотивацией, являются преступлениями особого рода и не имеют ничего общего с преступлением геноцида. Само слово "геноцид", [которое происходит] от слова "ген" — раса, народ, — указывает, что оно относится к уничтожению наций и рас как таковых, как результат расовых и национальных преследований, а не специфических убеждений таких групп людей»[11].

Разработка Конвенции проходила в условиях разворачивавшейся холодной войны и усиления информационного противостояния бывших союзников. Пропаганда Коммунистического информбюро (Коминформ явился перелицовкой распущенного в 1943 г. III Интернационала), адресованная народам британских колоний, была воспринята на Западе как широкомасштабная акция, направленная на подрыв «свободного мира». В ответ Лондон создал центр антикоммунистической пропаганды и всемирную сеть для распространения соответствующей литературы[12].

Стоило британской делегации в ООН в те же годы инициировать международное расследование использования принудительного труда, делавшее акцент

---

[10] Типичный пример аргументации подобного рода представлен в недавней работе американки Э. Эпплбаум (*Applebaum A.* Red Famine: Stalin's War on Ukraine. N.Y., 2017. P. 347—351). При этом она признаёт, что дефиниция геноцида в упомянутой Конвенции ООН «с точки зрения международного права не даёт оснований классифицировать голод на Украине, как и любое другое преступление Советов, в качестве геноцида». Это, по её мнению не удивительно, если принять в расчёт, что «Советский Союз поспособствовал появлению таких формулировок, *которые не дали бы возможности... классифицировать советские преступления как геноцид*» (Ibid. P. 350). Однако многочисленные протоколы соответствующих дискуссий в ООН, опубликованные Абтахи и Вебб, показывают беспочвенность подобных утверждений.

[11] The Genocide Convention... Vol. 1. P. 1060.

[12] Подробнее см.: *Defty A.* Britain, America and Anti-Communist Propaganda 1945—1953: The Information Research Department. L., 2004.

на не всегда документально подтверждённом, но якобы его широком применении в СССР, как коммунистическая пресса наполнилась статьями, осуждавшими рабские условия труда туземцев некоторых британских колоний. Поэтому неудивительно, что советские делегаты потребовали, чтобы Конвенция о геноциде стала равно обязательной и для *зависимых территорий,* и для суверенных государств. Они также настаивали на внесении в документ поправки в духе предложенного Р. Лемкиным ещё в 1933 г. понятия *культурный геноцид.* Британские представители решительно выступили против обоих советских предложений из опасения (основательного или нет), что в такой редакции Конвенция может быть использована против интересов Соединённого Королевства[13].

От трудов, подобных работе профессора Неймарка читатель вправе ожидать полноценного описания исторической подоплёки изучаемых им событий. Как ни странно, историк, снова и снова сетуя на успешное лоббирование Советами полного или частичного невключения в текст Конвенции 1948 г. упоминаний о политических группах и социальных стратах, забывает сообщить один важный факт. Принятие данного документа вызвало появление множества книг, обвинявших не только сталинский Советский Союз, но и США *в геноциде в более широком смысле, чем это было сформулировано в Конвенции ООН.*

В 1949 г. К. Пелекис опубликовал работу «Геноцид: тройная трагедия Литвы» (Genocide: Lithuania's Threefold Tragedy), годом позже Верховный комитет освобождения Литвы (Vyriausias Lietuvos Islaisvinimo Komitetas) направил в ООН воззвание «О геноциде». В 1950 г. эстонское информбюро в Стокгольме напечатало статью А. Каэласа «Права человека и геноцид», где имелись ссылки на высказывания, прозвучавшие на Генассамблее ООН в сентябре того же года. Вскоре из печати вышла книга А. Кальме «Тотальный террор. Отчёт о геноциде в странах Балтии» (Total Terror: An Exposé of Genocide in the Baltics), а чуть позже — работа А. Швабе «Геноцид в государствах Прибалтики» (издание Латвийского национального фонда в Скандинавии, 1952 г.). В 1951 г. Венгерский комитет в изгнании (Magyar Bizottság) в своём издании «Геноцид путём депортации» (Genocide by Deportation) призвал ООН, ссылаясь на ту же Конвенцию, обеспечить её выполнение.

В перечисленных трудах речь шла о включённых в состав СССР государствах и народах либо о советизированных восточноевропейских. Но вскоре вышла и литература, посвящённая проблеме геноцида в самом Советском Союзе. Начальный этап холодной войны явился временем появления массы книг, основанных на сведениях бежавших на Запад поляков и граждан других стран «народной демократии», по теме советских лагерей, рабский труд в которых объявлялся причиной смерти миллионов невинных. О том же говорилось в работе бывшего советского инженера В. Кравченко «Я выбираю свободу», в 1947—1949 гг. ставшей бестселлером в США, Франции и Швеции. Ю. Лайонс (Eu. Lyons), «отредактировавший» текст Кравченко (переизданный в журнале «Reader's Digest»), намекал, что лагеря смерти обеспечили советскую военную промышленность 15—20 млн рабов. Схожие оценки советских трудовых лагерей содержат работы А. Херлинга «Советская империя рабов» (1951) и Г. Винатрела «Советские концлагеря: принудительная работа в советской России» (1950). В странах Южной Америки широко распространялась брошюра К. Веракса (псевдоним Казимираса Кибираса) «Империя геноцида: депортации и рабство в мире Советов» (1954).

[13] Подробнее о позиции британских делегатов см.: *Smith K.* Genocide and the Europeans. Cambridge, 2010. P. 32—39.

В литературе эпохи холодной войны были представлены разнообразные сюжеты, например, связанные с советской аннексией стран Балтии в начале 1940-х гг. Ещё один достойный упоминания предшественник Неймарка — А. Авторханов (псевдоним «Уралов») в 1952 г. издал книгу о гонениях на чеченцев[14]. Хотя он не располагал точными сведениями о последствиях депортации чеченцев и ингушей в 1944 г., тем не менее охарактеризовал эту акцию как преднамеренное «народоубийство», т.е. геноцид. Как ни странно, Неймарк не счёл нужным упомянуть как эти работы, так и содержательный сборник статей, подготовленный в мюнхенском Институте изучения истории и культуры СССР, известном эмигрантском центре времён холодной войны[15].

В 1958 г. Н. Декер и А. Лебедь подготовили и издали книгу «Геноцид в СССР: исследование массового истребления», посвящённую (с учётом той же Конвенции ООН 1948 г.) проблеме уничтожения в Стране Советов «бывших» — представителей аристократии, буржуазии, купечества, бюрократии, а также зажиточных крестьян. Здесь также отмечалось: «Учитывая, что голод 1932—1933 гг. *был вызван искусственно* и оказался направлен против определённого социального слоя — крестьянства — *этот голод может быть охарактеризован только как пример социального геноцида*»[16]. К слову сказать, число жертв и раскулачивания, и голода авторы книги оценили примерно одинаково — по 6 млн человек в каждом случае.

Хотя историография периода холодной войны не вполне уместно фокусировалась на *количественной* стороне сталинских репрессий, именно в те годы были заложены основы современных дискуссий по концептуальным вопросам. Следует также отметить, что принятие Конвенции ООН о геноциде равным образом подтолкнуло американских активистов к исследованию исторической и текущей политики по отношению к чернокожему населению США. В брошюре «Мы обвиняем геноцид» (1951) положение дел с афроамериканцами было заклеймено именно таким образом. В предисловии к её новому изданию читаем: «Эта петиция исторической важности впервые была явлена миру в 1951 г. Адресованная ООН, она была направлена в парижский дворец Шайо, где тогда проходила Пятая сессия её Генассамблеи. Одновременно делегация во главе с Полом Робсоном представила её копию в Секретариат ООН в Нью-Йорке. Мы преследовали две цели: разоблачить природу и глубину расизма в Соединённых Штатах и пробудить нравственное сознание прогрессивного человечества против антигуманного обращения американской политической элиты с чернокожими гражданами. Петиция призывала ООН обратить внимание на то, что даже поверхностная экспертиза выявит дикую расистскую политику городских властей, властей штатов и федерального правительства в отношении чернокожего населения США... Петиция провозгласила правительственный расизм преступным, являющимся вопиющим нарушением Устава ООН, Декларации прав человека и особенно Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, а также Конституции США»[17].

---

[14] *Uralov A.* Народоубийство в СССР: убийство чеченского народа. Мюнхен, 1952.

[15] Подробнее об этом институте см.: *Попов А.В.* Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и вторая волна эмиграции // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР—России, 1941—2001 гг. М., 2007. С. 118—133.

[16] *Зеркалов М.* Социальные группы // Геноцид в СССР: исследование массового истребления. Мюнхен, 1958. С. 238.

[17] We Charge Genocide: The Historic Petition to the United Nations for Relief from a Crime of the United States Government against the Negro People. N.Y., 1970; Foreword by William L. Patterson to

Вероятно, Неймарк считает само собой разумеющимся, что его читателям известно о ратифицикации Вашингтоном Конвенции о геноциде лишь спустя 40 лет после её принятия и не без причины. В США она вступила в законную силу в 1988 г. и только по выполнении ряда «условий», предусмотренных «суверенным пакетом Лугра—Хелмса—Хэтча», который, по имеющимся оценкам, ещё более смягчал и без того приглаженный текст документа. Л. Леблан показал, что ожесточённые прения и противодействие Конвенции были вызваны тем, что она может стать инструментом афроамериканцев и индейцев в попытке привлечь американские власти к ответственности за геноцид в межрасовых отношениях, т.е. будет использована *внутри страны*[18].

Не будет преувеличением сказать, что на протяжении большей части холодной войны западные кремленологи принимали точку зрения, согласно которой сталинский террор, репрессии и лишения, сопровождавшие принудительный труд или ссылку, в совокупности сводились к беспрецедентному по масштабам геноциду. Например, профессор С. Коэн в побуждающей к размышлениям работе «Переосмысление советского опыта» писал: «Миллионы ни в чём не повинных мужчин, женщин и детей были подвергнуты необоснованным арестам, пыткам, казнены, зверски депортированы или заключены в тюрьмы и лагеря принудительного труда Архипелага ГУЛАГ... Ещё никому не удалось выяснить точное число аномальных смертей при Сталине. Самая скромная оценка составляет двадцать миллионов. Судя по количеству жертв и оставляя в стороне важные различия между двумя режимами, можно сказать, что сталинский холокост превзошёл гитлеровский»[19].

Когда другие выступали против сравнения сталинизма с нацизмом, утверждая, что это ведёт к размыванию понятия «Холокост», Коэн, очевидно, не видел в этом проблемы. Дело в том, что он опирался на количественные данные о его жертвах (как выяснилось позже, далеко не точные[20]), а очевидная системность сталинского террора в «мейнстримовской» западной литературе была перенасыщена упоминаниями о лагерях смерти и массовых казнях в СССР. Достаточно сказать, что Конквест в книге о печально знаменитых советских дальневосточных лагерях на Колыме утверждал, что их изначальным предназначением являлась вовсе не добыча золота, а систематическое уничтожение заключённых в масштабе, сопоставимом с пресловутым гитлеровским «окончательным решением еврейского вопроса». Историк полагал (как потом выяснилось, ошибочно), что из примерно 3,5 млн человек, отправленных в Магадан в конце 1930-х — начале 1950-х гг., погибли не менее 3 млн. Эти цифры,

New Edition (URL: https://www.questia.com/read/9685716/we-charge-genocide-the-historic-petition-to-the-united; https://www.blackpast.org/global-african-history/primary-documents-global-african-history/we-charge-genocide-historic-petition-united-nations-relief-crime-united-states-government-against/).

[18] *LeBlanc L.J.* The United States and the Genocide Convention. Durham, 1991.

[19] *Cohen C.F.* Rethinking the Soviet Experience: Politics & History since 1987. Oxford, 1985. P. 94. Часто приводимые в литературе «скромные» цифры Р. Конквеста — 12 млн жертв ГУЛАГа и 8 млн — Большого террора и депортаций (*Conquest R.* The Great Terror. L., 1968. P. 525) — считались более или менее «приемлемыми» вплоть до появления статей В. Земскова о ГУЛАГе и «мемориальцев» Н. Петрова, А. Рогинского и их коллег о Большом терроре.

[20] В одной из последующих работ С. Коэн признал ошибочность своих прежних оценок такого рода, выразив при этом признательность С. Уиткрофту и другим исследователям. См.: *Cohen C.F.* Soviet Fates and Lost Alternatives from Stalinism to the New Cold War. N.Y., 2009. P. 213 (сноска 25).

навеянные ужасающими свидетельствами выживших узников, поляков и немцев, рецензенты книги Конквеста поставили под сомнение[21].

В свете приведённых мной прецедентов в научной литературе аналогичного отношения к сталинскому террору как к геноциду Неймарку следовало оперировать гораздо более основательными аргументами. Ему надлежало бы удостовериться, какие оценки его предшественников выдержали испытание временем. С другой стороны, если бы Неймарк ознакомился со стенограммами обсуждения юристами проекта Конвенции о геноциде в ООН, то не принял бы столь же безоговорочно тезис о том, что лишь противодействие Советского Союза той или иной формулировке сделало итоговую версию документа отличной от предложенной в конце Второй мировой войны Лемкиным и др.

Между тем Неймарк настаивает, что сегодня, спустя почти 30 лет после распада СССР и по прошествии хорошо известных событий в бывшей Югославии и Судане, концепция геноцида по-прежнему применима в более широком смысле, — именно для того, чтобы *понять и объяснить* перечисленные события. Думается, подобный взгляд приведёт к тому, что любая заинтересованная сторона сможет выдвигать собственные толкования этого термина, который станет субъективно-оценочным вопреки стремлениям юристов придерживаться строгого и непротиворечивого понятийного аппарата. Предложенное Неймарком расширительное толкование понятия «геноцид» позволит подвести под него факты преднамеренных массовых убийств политических оппонентов. В этом случае неизбежен пересмотр оценок деятельности некоторых крупных исторических фигур, которые вслед за большевистским лидером перейдут в разряд *génocidaires*. Прецеденты спорного, расширенного применения терминов имеются: П. Престон в работе, посвящённой гражданской войне в Испании (1936—1939), при описании массовых расстрелов социалистов, анархистов и коммунистов в первые годы правления Ф. Франко, применяет термин «Холокост»[22].

Следуя логике Неймарка, к *génocidaires* также можно отнести финского маршала К.Г. Маннергейма — за преследование социалистов и коммунистов во время Гражданской войны 1918 г., а также индонезийского генерала Х.М. Сухарто — за уничтожение сотен тысяч коммунистов в 1965 г.[23] Это лишь наиболее очевидные политические убийства из множества других, которые благодаря терминологическим экспериментам американского исследователя могут быть включены в разряд актов *геноцида*.

В заключение — о затруднениях, с которыми сталкиваются историки в использовании юридических терминов или концепций. Если исходить из того, что все мы стремимся к объективности оценок, ясности изложения и логике аргументации, становится очевидной необходимость оперировать понятными

---

[21] *Conquest R.* Kolyma: The Arctic Death Camps. N.Y., 1978. Первым западным исследователем этой проблемы, обратившимся к архивным данным, стал Д. Нордландер. См. его PhD диссертацию (*Nordlander D.* Capital of the Gulag: Magadan in the Early Stalin Era, 1929—1941. University of North Carolina, 1997) и статью (*Nordlander D.* Origins of a Gulag Capital: Magadan and Stalinist Control in the Early 1930s // Slavic Review. 1998. Vol. 57. № 4. P. 791—812). М. Боллингер представил анализ допущенных Конквестом неточностей, а также более реалистичные количественные оценки сталинских лагерных «контингентов» и уровня их смертности (*Bollinger M.J.* Stalin's Slave Ships: Kolyma, the Gulag Fleet, and the Role of the West. Westport, 2003).

[22] См.: *Preston P.* The Spanish Holocaust: Inquisition and Extermination in Twentieth-Century Spain. N.Y., 2012.

[23] Подробнее об этом см.: *Roselius A.* Teloittajien jäljillä: valkoisten väkivalta Sumoen sisällissodassa. Helsinki, 2007; *Roosa J.* Pretext for Mass Murder: The September 30th Movement and Suharto's Coup d'état in Indonesia. Madison, 2006.

терминами. Иначе научная полемика неизбежно превращается в хаос, как, например, в случае, если её участники используют несколько *дефиниций* понятия «геноцид». В своей уже упомянутой и высоко оценённой работе «Red Famine...» Эпплбаум приводит несколько причин, по которым «голодомор» не отвечает критериям геноцида в его ооновском понимании. Многие читатели приняли это за чистую монету. И вот уже знаменитая Ш. Фицпатрик на страницах «Гардиан» в положительной рецензии пишет, что Эпплбаум «ни в коем случае не принимает на веру "украинскую" оценку», согласно которой «голодомор явился актом геноцида»[24]. В ответ на своей странице в Facebook Эпплбаум сообщила, что имела в виду «прямо противоположное»: «С моей точки зрения, голод *совершенно подпадает под понятие геноцида по терминологии юриста Рафаэля Лемкина*»[25]. Это уточнение Эпплбаум побудило Фицпатрик в том же Facebook «отозвать свою похвалу её книге»!

Таким образом, очевидно, что до тех пор, пока не будет выработан единый стандарт в толковании того или иного термина, обсуждение крупных исторических проблем рискует превратиться в бессмысленный обмен крайними суждениями. Жаркие дискуссии на этот счёт в блогосфере подтолкнули редакцию журнала «Contemporary European History» провести «круглый стол», посвящённый советскому голоду как явлению[26]. Остаётся надеяться, что в совокупности статьи Н. Неймарка, Н. Пианчиола, Т. Пентер, А. Гетти, А. Эткина, С. Камерон, С. Уиткрофта и Р. Суни помогут ответить на вопросы, касающиеся важных аспектов советской истории, в частности, как характеризовать политику репрессий и отделить заявления идеологического и политического свойства от причинной обусловленности событий такого рода.

---

[24] The Guardian. 2017. 25 August (URL: https://www.theguardian.com/books/2017/aug/25/red-famine-stalins-war-on-ukraine-anne-applebaum-review).

[25] URL: https://www.facebook.com/anneapplebaumwp/posts/as-an-author-who-also-writes-reviews-i-generally-try-to-avoid-responding-to-revi/704110623118513.

[26] URL: https://www.cambridge.org/core/journals/contemporary-european-history/article/soviet-famines/E69466C419B4E1575EE3F42F72E38767.

Коллаборационизм на советских оккупированных территориях: историография последних лет

Ирина Махалова

Collaboration in the occupied Soviet territories: historiography of recent years

Irina Makhalova
(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870005133-7

В годы Второй мировой войны на территории СССР, оккупированной войсками Германии и её союзниками, оставалось около 70 млн советских граждан[1]. Некоторые из них ушли в подполье и пополнили партизанские отряды. Кто-то, не желая рисковать, решил переждать оккупацию и выполнял требования нового режима. Наконец, часть населения по разным причинам поступила на службу к немцам (вермахт, полиция, охранная служба гетто, местные администрации, редакции газет и т.д.). Формы такого сотрудничества (с участием 1—1,5 млн советских граждан) варьировались в зависимости от нужд оккупантов и особенностей захваченных ими территорий[2]. Многие из оставшихся здесь людей прожили при альтернативном режиме более двух лет. Это время стало своего рода испытанием на прочность для советской системы, успевшей воспитать после революции 1917 г. новое поколение граждан.

В настоящей статье представлен анализ историографии феномена коллаборационизма на советских оккупированных территориях, начиная с первых лет холодной войны (до 1991 г., распад СССР) и заканчивая сегодняшним днём. Также одной из задач исследования является поиск ответа на вопрос: был ли преодолён идеологический разрыв между отечественными и западными историками в процессе изучения темы, стало ли оно интернациональным?

До 1991 г. на фоне обострения противоречий между различными политическими системами советские архивы оставались закрытыми для зарубежных учёных. Поэтому чаще всего они обращали внимание на деятельность генерала А.А. Власова[3], оценка личности которого по сей день вызывает дискуссии

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100».

[1] *Ермолов И.Г.* Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941—1944. М., 2010. С. 7. М.И. Семиряга отмечал, что на оккупированных территориях осталось не менее 60 млн человек (*Семиряга М.* Фашистский оккупационный режим на временно захваченной советской территории // Вопросы истории. 1985. № 3. С. 4—5).

[2] А.Е. Епифанов и С.В. Кудряшов считают, что около 1 млн человек можно считать коллаборационистами, С.И. Дробязко пишет о 1,3—1,5 млн (*Епифанов А.Е.* Организационные и правовые основы наказания гитлеровских преступников и их пособников в СССР. 1941—1956 гг. М., 2017. С. 74; *Кудряшов С.В.* Предатели, «освободители» или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941—1942) // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 90—91; *Дробязко С.И.* Советские граждане в рядах вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценке молодых. М., 1997. С. 131—133).

[3] *Andreyev C.* Vlasov and the Russian Liberation Movement: Soviet Reality and Emigré Theories. Cambridge, 1987; *Hoffman J.* Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg (Breisgau), 1984.

среди российских и западных историков[4]. Исследования последних базировались на опубликованных за рубежом многочисленных воспоминаниях бывших участников различных коллаборационистских формирований[5]. В качестве основной причины, побудившей советских людей сражаться на стороне врага, называлось их огромное желание освободить свою страну от «ненавистного большевистского ига». Иными словами, превалирующим стало представление о коллаборационистах как о борцах за свободу, а не предателях, причём такой взгляд иллюстрировали реалии холодной войны.

Не менее популярным сюжетом в зарубежной историографии (в частности в 1970-х — начале 1980-х гг.) стала принудительная репатриация советских граждан, остававшихся к концу войны на территории западноевропейских стран[6]. Работы историков основывались лишь на опубликованных источниках[7] и документах из британских и американских архивов. Среди западных исследователей шли споры по вопросам: какова роль США и Великобритании в процессе репатриации советских граждан, насколько добровольным было их возвращение на родину[8]? Относительно последнего возобладало мнение о том, что эти люди, будучи оппозиционно настроенными к сталинскому режиму, хотели остаться за рубежом[9].

Между тем именно на Западе впервые появились фундаментальные исследования по истории оккупации Советского Союза. Повседневная жизнь его граждан, скрытая от глаз остального мира, на протяжении долгого времени оставалась загадкой для зарубежных учёных. После войны у них появилась уникальная возможность узнать о советской повседневности из первых уст, поскольку сотни тысяч советских людей решили не возвращаться домой. Помимо прочего, интерес к этой теме возрос с началом холодной войны.

В конце 1940-х гг. при Русском исследовательском центре Гарвардского университета под руководством А. Инкелеса и Р. Бауэра в рамках соответствующего проекта[10] проводились интервью с советскими гражданами, по тем

---

[4] В последнее время споры разгорелись вокруг докторской диссертации К.М. Александрова. Его обвиняют в чрезмерных симпатиях к генералу А.А. Власову, попытках оправдать его поведение в годы Великой Отечественной войны (*Плотников А.Ю., Василик В.В.* «Власовское движение» или ещё раз об истории предательства (На основе анализа докторской диссертации К.М. Александрова) // Клио. 2016. № 1. С. 196—202).

[5] См.: *Киселёв А.Н.* Облик генерала А.А. Власова. Нью-Йорк, 1978; *Strik-Strikfeldt W.* Gegen Stalin und Hitler. Mainz, 1970; *Черкассов К.С.* Генерал Кононов (Ответ перед историей за одну попытку). В 2 т. Т. 1. Мельбурн, 1963; Т. 2. Мюнхен, 1965; *Хольмстон-Смысловский Б.А.* Личные воспоминания о генерале Власове // Суворовец. 1949. № 30—38; *Fröhlich S.* General Wlassow. Russen und Deutschen zwischen Hitler und Stalin. Köln, 1987; *Алдан А.Г.* Армия обречённых. Нью-Йорк, 1969; *Казанцев А.С.* Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. Франкфурт-на-Майне, 1952; *Китаев М.* Как это началось. Из воспоминаний сотрудника газеты «Заря». Нью-Йорк, 1970.

[6] *Epstein J.* Operation Keelhaul: The Story of Forced Repatriation from 1944 to the Present, Old Greenwich, Connecticut, 1973; *Bethell N.* The Last Secret: the Delivery to Stalin of over Two Million Russians by Britain and the United States. N.Y., 1974; *Tolstoy N.* Victims of Yalta. L., 1977; *Elliot M.R.* Pawns of Yalta: Soviet Refugees and America's Role in their Repatriation. Urbana, 1982.

[7] Например, см.: *Науменко В.Г.* Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах (1945—1947). Т. 1—2. Нью-Йорк, 1962—1970.

[8] О современных дискуссиях по данному вопросу см.: *Земсков В.Н.* Возвращение советских перемещённых лиц в СССР. 1944—1952 гг. М., 2016. С. 9—15.

[9] Работа, из-за которой в основном начались эти споры: *Fisher G.* Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II. Cambridge, 1952.

[10] Подробнее про Гарвардский проект см.: *Brandenberger D.* A Background Guide to Working with the HPSSS Online (URL: http://hcl.harvard.edu/collections/hpsss/working_with_hpsss.pdf). Руководителями Гарвардского проекта написан фундаментальный труд о повседневной жизни

или иным причинам оставшимися проживать в западных странах. Именно на этих интервью (помимо источников из многочисленных немецких архивов) базируется фундаментальный труд А. Даллина[11]. Его работа до сих пор остаётся эталоном для любого исследователя, занимающегося историей нацистской оккупации. Анализируя поведение и настроения людей, оставшихся на захваченных врагом территориях, историк пришёл к выводу, что несмотря на то что жизнь в довоенном большевистском государстве была невыносимо тяжёлой, предложенная нацистами альтернатива оказалась ещё хуже[12]. В результате немцы столкнулись с активным сопротивлением местного населения. Более того, Даллин предположил, что исход войны на Восточном фронте мог быть иным, если бы оккупационная власть вела себя иначе[13].

Западные историографы 1950-х гг. — начала 1990-х гг. фокусировались в целом на оккупации СССР, пытаясь выявить общие черты, характерные для всех его захваченных территорий[14]. Историки США и ФРГ в первую очередь использовали в своих исследованиях документы из немецких архивов (многие из них стали доступны почти сразу после войны) и эмигрантскую литературу.

В советской историографии вопрос о сотрудничестве местного населения с немецкими оккупантами рассматривался лишь фрагментарно. Одним из обусловивших это факторов являлась особая политика памяти о Великой Отечественной войне. Когда в 1965 г., спустя 20 лет после её окончания, в Советском Союзе начали отмечать День Победы, власть «монополизировала» память о войне. По словам Л. Гудкова, это явилось началом «официального, демонстративного почитания “ветеранов”», появления «“лирической” тональности в описаниях войны (в первую очередь в воспоминаниях) и различных государственных ритуалах, этот процесс соединял стереотипизацию коллективного опыта... с соответствующими государственно-историческими понятиями о державной истории, национальной культуре, моральными оценками частной жизни и представлениями о пределах её автономности»[15].

Историография, базировавшаяся на официальной «Истории Великой Отечественной войны, 1941—1945» и мемуарах советских маршалов была представлена лишь героическим нарративом. Хотя составной частью Дня Победы стало поминовение, печальная память о погибших, человеческих страданиях и материальных разрушениях, основной идеей сформировавшейся культуры памяти стало представление СССР как страны-победительницы, спасшей мир от нацизма. Из официального дискурса исчезли целые категории жертв: евреи, остарбайтеры, бывшие военнопленные, цыгане. Память о коллаборационистах, которые по определению являлись «предателями Родины» и «пособниками фашистов», тем более не соответствовала героизации войны, основой которой должны были стать подвиги ради защиты Советского государства[16]. Таким

советских граждан при сталинизме: *Inkeles A., Bauer R.A.* The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, 1959.

[11] *Dallin A.* German Rule in Russia, 1941—1945: a Study of Occupation Policies. L., 1957.

[12] Ibid. P. 678.

[13] Ibid. P. 680.

[14] *Dallin A.* German Rule in Russia..; *Mulligan T.* The Politics of Illusion and Empire: German Occupation Policy in the Soviet Union. N.Y., 1988; *Reitlinger G.* Ein Haus auf Sand gebaut. Hamburg, 1962; *Rich N.* Hitler’s War Aims. The Establishment of the New Order. N.Y., 1974.

[15] *Гудков Л.* «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3 (URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5-pr.html).

[16] Подробнее см.: *Кринько Е.* Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 153.

образом, поведение коллаборационистов оценивалось исключительно морально-этическими категориями и учёными не анализировалось. Особое внимание советские историографы уделяли деятельности коллаборационистов прибалтийских республик и Западной Украины[17].

Также на изучение феномена коллаборационизма в советское время повлияло ограничение доступа исследователей к соответствующим архивным источникам. В основном при написании работ по теме учёные использовали воспоминания партизан и членов подпольных групп. Здесь коллаборационисты изображались бывшими кулаками, жертвами репрессий и «буржуазными националистами» (так называли национальные меньшинства, которые по причине якобы массового сотрудничества с врагом в годы войны после её окончания были депортированы[18]).

Если западные историографы периода холодной войны изображали сотрудничавших с нацистами граждан СССР как смелых борцов со сталинским режимом, то советские — давали им исключительно негативную оценку, объясняя причины возникновения коллаборационизма классовой и национальной принадлежностью изменников Родины[19].

После распада Советского Союза российские историки приступили к подробному исследованию данной проблематики. Во-первых, это объяснялось значением Великой Отечественной войны для государства в целом и для каждой семьи в частности. Как отмечал А. Вайнер, Победа 1945 г., оттеснив мифологию революции и Гражданской войны, стала для каждого гражданина СССР мощным способом советизации и самоидентификации[20]. Во-вторых, исследователям стал интересен не только опыт людей, непосредственно сражавшихся на фронтах войны, но и переживших оккупацию. В-третьих, после «архивной революции» 1990-х гг. стало возможным всестороннее изучение социальной истории Второй мировой войны на Восточном фронте.

Началось исследование коллаборационизма как феномена, причём учёные старались отойти от морально окрашенных оценок поведения советских граждан, решивших сотрудничать с врагом. В связи с этим стоит отметить работу М.И. Семиряги[21], который впервые в российской историографии показал, что в 1939—1945 гг. жители многих стран, несмотря на господствовавшие в них разные идеологии, сотрудничали с нацистским оккупационным режимом.

В постсоветский период историки выявили типы коллаборационизма (военный, гражданский, хозяйственный, в сфере культуры)[22], начали подробно

---

[17] *Бутенас Ю.* Буржуазные националисты-пособники гитлеровских оккупантов // Гитлеровская оккупация в Литве. Сборник статей. Вильнюс, 1966. С. 25—46; *Коровин В.В., Чередниченко В.П.* Буржуазные националисты на службе фашистских захватчиков // Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 1974. С. 321—446; *Мигович И.И.* Преступный альянс. О союзе униатской церкви и украинского буржуазного национализма. М., 1985.

[18] Например, относительно крымских татар см.: *Uehling G.* Beyond Memory. The Crimean Tatars' Deportation and Return. N.Y., 2004.

[19] Подробнее о зарубежной историографии периода холодной войны см.: *Suny R.G.* Reading Russia and the Soviet Union in the Twentieth Century: How the «West» Wrote its History of the USSR // The Cambridge History of Russia / Ed. by R.G. Suny. Vol. 3. Cambridge, 2006. P. 5—64.

[20] *Weiner A.* Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001.

[21] *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М., 2000.

[22] Подробнее об этом см.: *Кринько Е.Ф.* Коллаборационизм в СССР... С. 156—157.

изучать его проявление в отдельных регионах (Украина, Белоруссия[23], оккупированные территорий РСФСР[24], Литва, Латвия, Эстония[25]), а также исследовать деятельность А.А. Власова[26], Б.В. Каминского[27] и др.

Однако многие труды по теме оказались чрезмерно политизированными и носили публицистический характер, но не содержали глубокого анализа феномена военного коллаборационизма. Основой для написания ряда таких работ послужили документы только из российских архивов, в то время как немецкие источники, необходимые для объективного рассмотрения событий войны, не привлекались.

Особое место в отечественной историографии после 1991 г. занимают труды, касающиеся сотрудничества национальных меньшинств с нацистским оккупационным режимом. Многочисленные исследования посвящены мусульманскому населению[28], из представителей которого немцы создавали специальные батальоны для борьбы с партизанами и Красной армией[29]. Подобный интерес не в последнюю очередь объясняется тем, что представители национальных меньшинств, обвинённые в массовом сотрудничестве с врагом, были депортированы ещё до окончания войны. Советское правительство долго создавало, а затем и фиксировало в дискурсе соответствующую память о поведении таких групп населения. Неудивительно, что именно они оказались в центре внимания историков сразу же после распада СССР.

---

[23] *Ермолов И.Г.* Три года без Сталина; *Ковалёв Б.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941—1944 гг. М., 2004; *Романько О.В.* Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941—1945). Симферополь, 2008; *Соловьёв А.К.* Белорусская Центральная Рада. Создание, деятельность, крах. Минск, 1995.

[24] *Цветков А.* Военный коллаборационизм и пропагандистская война на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны: очерки по истории. Тверь, 2012; *Линец С.* Коллаборационизм на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: проявления, масштабы, характерные особенности. Пятигорск, 2009; *Журавлёв Е.* Особенности проявления коллаборационизма на юге России в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Азов, 2009; *Журавлёв Е.И.* Гражданский коллаборационизм на юге России в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2009. № 6. С. 70—79; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Полицаи: история, судьбы и преступления. М., 2016.

[25] О коллаборационизме в Эстонии, Латвии и Литве в годы Второй мировой войны см.: Уничтожение евреев в Латвии, 1941—1945. Сборник статей. Рига, 2007.

[26] *Александров К.М.* Армия генерала Власова 1944—1945. М., 2006; *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. СПб., 2001; *Бахвалов А.* Генерал Власов. Предатель или герой? СПб., 1994; *Дробязко С., Каращук А.* Русская освободительная армия. М., 1998; *Коняев Н.* Власов. Два лица генерала. М., 2003.

[27] *Грибков И.* Хозяин Брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. М., 2008; *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. История Локотского округа и Русской освободительной народной армии. Орёл, 2008; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М., 2009.

[28] *Дробязко С.И.* Вторая мировая война 1939—1945. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М., 1999; *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004; *Романько О.В.* Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941—1944). Симферополь, 2009; *Гилязов И.А.* На другой стороне. Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны. Казань, 1998; *Гилязов И.А.* Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знамёнами «Третьего рейха». Казань, 2005.

[29] Подробнее о политике нацистской Германии в отношении мусульманского населения см.: *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014.

Сегодня благодаря активному введению в научный оборот ранее не известных источников отечественные и зарубежные исследователи определяют новые тенденции изучения рассматриваемой тематики. Например, ещё частично остающаяся «белым пятном» история преследования и уничтожения советских евреев получила определённый импульс после изучения документов ЧГК (Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, 1942 г.)[30]. Опубликованные после 1991 г. воспоминания людей, переживших нацистскую оккупацию, позволили по-иному взглянуть на социальную историю Второй мировой войны, в том числе на проблемы коллаборационизма.

В постсоветский период западные исследователи перешли на микроуровень и сконцентрировали внимание на особенностях коллаборационизма в конкретных регионах[31]. Этому способствовали как открытие для них российских, в том числе региональных, архивов, так и начавшееся на Западе изучение динамики и видов насилия (неотъемлемая часть нацистского оккупационного режима) как особого феномена.

В последние годы западные и отечественные историки вновь обратились к проблеме мотивации коллаборационистов. В центре таких исследований (в отличие от работ, написанных в годы холодной войны) оказались обычные советские люди, жители оккупированных городов и сёл, а также солдаты Красной армии и те, кто перешли на сторону врага в годы войны, но после её окончания вернулись в СССР.

М. Эделе (Университет Мельбурна)[32], например, отвечая на вопрос, почему десятки тысяч красноармейцев ушли к немцам, констатировал: лишь малая часть солдат оказалась в стане врага действительно по политическим мотивам, главной же причиной дезертирства остальных стало их единственное желание — выжить[33].

Автор опроверг и гипотезу о детерминированности поведения во время оккупации определённых национальных или социальных групп советских граждан. Это мнение поддержал С. Бернстейн. Он подробно описал короткий

---

[30] О создании Чрезвычайной государственной комиссии см.: *Sorokina M.* People and Procedures: Toward a History of the Investigation of Nazi Crimes in the USSR // Kritika. Vol. 6. 2005. № 4. P. 805—835.

[31] Об оккупации и коллаборационизме в Украинской ССР см.: *Dallin A.* Odessa, 1941—1944: Case Study of Soviet Territory under Foreign Rule. Iasi; Oxford; Portland, 1998; *Berkhoff K.* Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge, 2004; *Kuromiya H.* Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s—1990s. N.Y., 1998; *Lower W.* Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine. Chapel Hill, 2005; *Penter T.* Kohle für Stalin und Hitler: Arbeiten und Leben im Donbass 1929 bis 1953. Essen, 2010; *Eikel M., Sivaieva V.* City Mayors, Raion Chiefs, and Village Elders in Ukraine, 1941—1944: How Local Administrators Co-Operated with the German Occupation Authorities // Contemporary European History. Vol. 23. 2014. № 3. P. 405—428. Об оккупации и коллаборационизме в Белорусской ССР см.: *Rein L.* The Kings and the Pawns: Collaboration in Byelorussia during World War II. N.Y., 2011; *Chiari B.* Alltag hinter der Front: Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weifirussland 1941—1944. Düsseldorf, 1998. Об оккупации Смоленска см.: *Cohen L.R.* Smolensk under the Nazis: Everyday Life in Occupied Russia. Rochester, 2013. О взаимоотношении между солдатами армии вермахта и местным населением см: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941—1944. München, 2008; *Hasenclever J.* Wehrmacht und Besatzungspolitik in der Sowjetunion. Die Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete 1941—1943. Paderborn, 2010.

[32] *Edele M.* Stalin's Defectors. How Red Army Soldiers Became Hitler's Collaborators, 1941—1945. Oxford, 2017.

[33] Ibid. P. 10.

период власти нацистов в Рязани и в итоге пришёл к выводу о том, что в тех обстоятельствах поведение людей основывалось на прагматических интересах, а не на симпатиях к большевистской или нацистской идеологии[34].

Бесспорным вкладом в изучение и понимание феномена коллаборационизма на советских территориях стала публикация документов из американских архивов. Архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (Калифорния) уже с 1919 г. приступил к сбору материалов по истории России. В 1951 г. в Нью-Йорке при Колумбийском университете был основан ещё один ориентировавшийся на русскую историю архив — Бахметевский[35].

Некоторые документы из этих архивов опубликовал (в серии «История коллаборационизма») О.В. Будницкий. В 2012 г. вышел в свет «Дневник коллаборантки» Л. Осиповой, в замужестве Поляковой (машинописная копия — в Архиве Гуверовского института) и воспоминания В.Д. Самарина (текст — в Бахметевском архиве)[36], а годом позже — мемуары М.Д. Мануйлова об Одессе в период нацистской оккупации[37]. Обе публикации знакомят исследователей с феноменом и мотивацией «идейного коллаборационизма» (сознательного неприятия советской системы) и иллюстрируют вариативность поведения и мышления людей в годы оккупации.

Всё больше внимания западные историки уделяют проблеме участия коллаборационистов в преследовании и уничтожении на оккупированных территориях СССР евреев[38]. В этот процесс, как показал анализ изученных документов, более массово вовлекалось население Западной Украины, Западной Белоруссии и прибалтийских республик. С изучением данного вопроса связана проблема судебного и внесудебного преследования коллаборационистов во время и после войны[39]. Это — часть истории о восстановлении советской

---

[34] *Bernstein S.* Rural Russia on the Edges of Authority: Bezvlastie in Wartime Riazan', November—December 1941 // Slavic Review. Vol. 75. 2016. № 3. P. 560—582.

[35] Подробнее о коллекциях документов, содержащихся в этих архивах см.: *Будницкий О.В.* Материалы по истории оккупационного режима и коллаборационизма в период Великой Отечественной войны в американских архивах // Российская история. 2014. № 3. С. 126—142.

[36] «Свершилось. Пришли немцы!» Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / Сост. и отв. ред. О.В. Будницкий, Г.С. Зеленина. М., 2012.

[37] Одесса: жизнь в оккупации. 1941—1944 / Сост. О.В. Будницкий, Т.Л. Воронина, К.Р. Галеев. М., 2013.

[38] *Dean M.* Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941—1944. N.Y., 2000; Collaboration and Resistance during the Holocaust: Belarus, Estonia, Latvia, Lithuania / Eds. D. Gaunt, P. Levine, L. Palosuo. N.Y., 2004; *Radčenko Y.* Accomplices to Extermination: Municipal Government and the Holocaust in Kharkiv, 1941—1942 // Holocaust and Genocide Studies. Vol. 27. 2013. № 3. P. 443—463; *Feferman K.* The Holocaust in the Crimea and the North Caucasus. Jerusalem, 2016. P. 377—459.

[39] *Exeler F.* The Ambivalent State: Determining Guilt in the Post-World War II Soviet Union // Slavic Review. Vol. 75. 2016. № 3. P. 606—629; *Hirsch F.* The Soviets at Nuremberg: International Law, Propaganda, and the Making of the Postwar Order // American Historical Review. Vol. 113. 2008. № 3. P. 701—730; *Kaiser C.* Betraying their Motherland: Soviet Military Tribunals of Izmenniki Rodiny in Kazakhstan and Uzbekistan, 1941—1953 // Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 41. 2014. № 1. P. 57—84; *Kudriashov S., Voisin V.* The Early Stages of the «Legal Purges» in Soviet Russia (1941—1945) // Cahiers du Monde russe. Vol. 49. 2008. № 2—3. P. 263—296; *Melnyk O.* Stalinist Justice as a Site of Memory: Anti-Jewish Violence in Kyiv's Podil District in September 1941 through the Prism of Soviet Investigative Documents // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Vol. 61. 2013. № 2. S. 223—248; *Exeler F.* What Did You Do during the War? Personal Responses to the Aftermath of Nazi Occupation // Kritika. Vol. 17. 2016. № 4. P. 805—835; *Jones J.* «Every Family Has Its Freak»: Perceptions of Collaboration in Occupied Soviet Russia // Slavic Review. Vol. 64. 2005. № 4. P. 747—770; *Voisin V.* Spécificités soviétiques

власти на бывших оккупированных территориях, особое место в исследовании этого аспекта играют послевоенные суды НКВД над военными преступниками[40]. В 1990-х гг. Мемориальный музей Холокоста (Вашингтон) получил копии личных дел коллаборационистов Украины, Крыма, Молдавии, прибалтийских республик. Сегодня эти источники — в открытом доступе в музейном архиве. Его работники, имея целью собрать документы по истории Холокоста, выбирали для своей коллекции только соответствующие дела. Западные исследователи ориентируются в первую очередь на данные документы, однако они труднодоступны для отечественных историков. Поскольку к 1991 г. в западных университетах уже сложилась практика изучения Холокоста, то во многом коллаборационизм в СССР стал частью именно этой истории, а не событий Великой Отечественной войны.

При работе с документацией послевоенных судов над коллаборационистами историки сталкиваются с рядом методологических трудностей. В результате в современном научном сообществе сформировались две противоположные точки зрения об использовании данного вида источника для изучения рассматриваемой темы. Наиболее спорным остаётся вопрос о том, являлись ли люди, осуждённые в ходе этих процессов, действительно преступниками, совершали ли они то, за что их осудили? Ведь в годы Большого террора протоколы составлялись следователями ещё до начала допросов, и для осуждения человека было достаточно лишь его признания, которого часто добивались посредством физического насилия[41].

Как полагает Ф. Экселер, изучение практик послевоенных судебных процессов над преступниками в СССР, даёт намного больше информации относительно его послевоенной судебной системы, нежели о реальных действиях людей в годы оккупации[42].

Хотя во время Нюрнбергского процесса СССР играл не последнюю роль, осуществлявшееся на его территории правосудие, считает Ф. Хирш (Висконсинский университет, Мэдисон), вряд ли соответствовало стандартам западного судопроизводства[43].

Другие же исследователи заявляли, что если в ходе судебных процессов 1930-х гг. жертвами репрессивной советской машины часто становились невиновные[44], то коллаборационисты действительно совершали преступления во время оккупации[45]. Кроме того, методы ведения связанных с этими людьми судебных дел, отмечает Л. Виола, не имели ничего общего с периодом Боль-

---

d'une epuration de guerre européenne: la repression de l'intimité avec l'ennemi et de la parenté avec la traître // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Vol. 61. 2013. № 2. P. 196—222; *Prusin A.* «Fascist Criminals to the Gallows!» The Holocaust and Soviet War Crimes Trials, December 1945 — February 1946 // Holocaust and Genocide Studies. Vol. 17. 2003. № 1. P. 1—30; *Епифанов А.Е.* Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. Волгоград, 1997.

[40] *Penter T.* Local Collaborators on Trial. Soviet War Crimes Trials under Stalin (1943—1953) // Cahiers du monde russe. 2008. Vol. 49. № 2. P. 341—364; *Dumitru D.* An Analysis of Soviet Postwar Investigation and Trial Documents and Their Relevance for Holocaust Studies // The Holocaust in the East. Local Perpetrators and Soviet Responses / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A.M. Martin. Pittsburgh, 2014. P. 142—157.

[41] *Viola L.* Stalinist Perpetrators on Trial. Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine. N.Y., 2017. P. 17, 22.

[42] *Exeler F.* The Ambivalent State... P. 611.

[43] *Hirsch F.* The Soviets at Nuremberg... P. 703.

[44] *Cadiot J., Penter T.* Law and Justice in Wartime and Postwar Stalinism // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Vol. 61. 2013. № 2. P. 168.

[45] *Prusin A.* «Fascist Criminals to the Gallows!»... P. 20—21.

шого террора. Скорее они напоминали методы, применявшиеся в отношении, например, сотрудников НКВД, хотя и работавших по всем нормам судопроизводства, но обвинённых в «нарушении социалистической законности»[46].

Западные исследователи единодушны в том, что единственным способом верификации является рассмотрение тех или иных свидетельств лишь в контексте с другими источниками (документами ЧГК, интервью более позднего времени, дневниками и мемуарами)[47]. Тем не менее материалы послевоенных судебных процессов над коллаборационистами иллюстрируют активное участие местных жителей в преследовании и уничтожении еврейского населения и дают ценные сведения по истории Холокоста; разрушают миф советского времени о том, что с оккупационным режимом сотрудничали исключительно бывшие кулаки, жертвы репрессий и деклассированные элементы; подчёркивают наднациональный характер феномена коллаборационизма и, по утверждению Т. Пентер, дают возможность оценить мотивацию коллаборационистов[48].

Таким образом, окончание холодной войны, положив конец идеологическому противостоянию двух систем, оказало непосредственное влияние на изучение истории Второй мировой войны и как её составляющей феномена коллаборационизма. Западные историки начали привлекать документы из российских архивов, а отечественные получили возможность работать с зарубежными документами, что привело к обмену идей и интернационализации науки. Со временем выяснилось, что коллаборационизм — явление более сложное, чем представлялось ранее. Наряду с военным коллаборационизмом исследуются такие вопросы, как мотивация коллаборационистов, их участие в Холокосте и судебное преследование. Однако, если в российской историографии данная тема рассматривается как составляющая Великой Отечественной войны, то в зарубежной — в качестве комплекса проблем, связанных с историей и общеевропейского Холокоста, и советской послевоенной системы.

---

[46] *Viola L.* Stalinist Perpetrators on Trial... P. 167.

[47] *Melnyk O.* Historical Politics, Legitimacy Contests, and the (Re)-Construction of Political Communities in Ukraine during the Second World War. PhD Dissertation. Toronto, 2016. P. 140—162; *Bernstein S.* Rural Russia on the Edges of Authority... P. 580, 581; *Prusin A.* «Fascist Criminals to the Gallows!»... P. 21; *Dumitru D.* An Analysis of Soviet Postwar Investigation... P. 145; *Edele M.* Stalin's Defectors... P. 13—15.

[48] *Penter T.* Collaboration on Trial: New Source Material on Soviet Postwar Trials against Collaborators // Slavic Review. Vol. 64. 2005. № 4. P. 784.

Г.Л. Соболев

Ленинград в борьбе за выживание в блокаде

Журнал «Российская история» не в первый раз обращается к обсуждению книг, посвящённых блокаде Ленинграда[1]. Эта тема, вероятно, навсегда останется столь же актуальной, сколь и болезненной для отечественной историографии. Тем более важным событием является выход трёхтомного фундаментального исследования почётного профессора Санкт-Петербургского государственного университета, доктора исторических наук Геннадия Леонтьевича Соболева, в детстве пережившего блокаду и многие десятилетия плодотворно занимающегося её изучением и устранением «белых пятен» в её истории. Его монументальная трилогия «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде»[2] не могла не привлечь внимание историков. В её обсуждении приняли участие доктора исторических наук Н.А. Ломагин (Европейский университет в Санкт-Петербурге), Н.Н. Смирнов (Санкт-Петербургский институт истории РАН), А.С. Пученков, Е.Д. Твердюкова и М.В. Ходяков (все трое — Санкт-Петербургский государственный университет), а также кандидаты исторических наук К.А. Болдовский (Санкт-Петербургский институт истории РАН) и И.В. Петров (Санкт-Петербургский государственный университет).

Александр Пученков: Классическая история блокадной эпопеи

Alexander Puchenkov (Saint Petersburg State University, Russia): The classic story of the blockade epic

DOI: 10.31857/S086956870005185-4

Трилогия виднейшего представителя петербургской исторической школы Г.Л. Соболева по праву займёт достойное место в историографии блокады. По сути, это первое современное комплексное исследование, затрагивающее все аспекты жизни блокированного города — битву за Ленинград, партийное руководство и лидерство в нём в годы войны, продовольственное обеспечение и медицинское обслуживание населения, смертность, подвиг учёных, явления культуры, повседневное поведение ленинградцев и т.д. Все эти сюжеты раскрываются с невиданной ещё основательностью и полнотой. И это неудивительно, поскольку некоторые из них Геннадий Леонтьевич изучает уже более полувека.

[1] См., в частности, диалог о книге С.В. Ярова «Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941—1942 гг.» (СПб.; М., 2012): Российская история. 2014. № 3. С. 3—43. См. также: *Ходяков М.В.* Подлинная стойкость духа. Новая книга о блокаде Ленинграда // Российская история. 2014. № 3. С. 180—184.

[2] *Соболев Г.Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 — май 1942. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. 696 с.; Книга вторая: июнь 1942 — январь 1943. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2015. 526 с.; Книга третья: январь 1943 — январь 1944. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2017. 748 с. Далее ссылки на эти издания даются в тексте: римскими цифрами обозначены книги, арабскими — страницы.

А в детстве он сам пережил беду и горе, объединившее ленинградцев[3]. В боях за Ленинград погиб его отец. «Так случилось в моей жизни, — вспоминает Соболев, — что, выжив семилетним ребенком в блокадном Ленинграде, благодаря безграничной любви и заботе моей матери, я вернулся в блокаду через 20 лет в качестве её историка и испытал потрясение не менее сильное, чем в детстве» (I, с. 4). Думается, именно это позволило книге выйти столь убедительной — стремление к «обжигающей правде» о блокаде (как выразились писатели А.М. Адамович и Д.А. Гранин) никогда не оставляло её автора.

С той поры блокада, наряду с революцией 1917 г., стала центральной темой в творчестве историка, всегда отличавшегося уникальной эрудицией. Ей он посвятил кандидатскую диссертацию «Учёные Ленинграда в годы Великой Отечественной войны», защищённую в 1964 г. и вскоре опубликованную[4]. В 1965 г. в журнале «Вопросы истории» появилась статья, написанная им совместно с крупным ленинградским историком В.М. Ковальчуком. В ней доказывалось, что официальную цифру умерших в Ленинграде в годы войны и блокады (649 тыс. человек) нельзя считать окончательной, поскольку потери мирного населения составляли не менее 800 тыс. человек, не считая погибших в ходе эвакуации (III, с. 729—735). Это вызвало шквальную критику со стороны бывшего уполномоченного ГКО по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения Ленинграда Д.В. Павлова, в 1958—1972 гг. занимавшего пост министра торговли РСФСР (на книгу которого «Ленинград в блокаде (1941 год)» не раз ссылались и авторы статьи). Он по-прежнему утверждал, что «за время блокады умерло от голода 632 тысячи человек, о чём скорбят все советские люди», и эти данные, озвученные на Нюрнбергском процессе, «нет никаких оснований брать под сомнение»[5]. Павлов, будучи уже персональным пенсионером, обращался в ЦК КПСС к М.А. Суслову (III, с. 735—737)[6], что вызвало переписку между партийными инстанциями и многолетний запрет на публикацию каких-либо данных о численности погибших ленинградцев, кроме установленных в период войны (III, с. 737—748). «И всё же, — констатирует Соболев, — никакие павловы и сусловы не могли остановить начавшийся процесс научного изучения ленинградской блокады» (I, с. 14).

Эту работу активно продолжает и сам Геннадий Леонтьевич[7], ставший основоположником научной школы исследователей блокады, руководителем целого ряда кандидатских и консультантом докторских диссертаций, освещавших

---

[3] Подробнее см. интервью Г.Л. Соболева в книге: Блокада Ленинграда глазами детей и подростков: социокультурный аспект / Под ред. Г.Л. Соболева. СПб., 2019. С. 245—262.

[4] *Соболев Г.Л.* Ленинградские учёные в годы Отечественной войны 1941—1945 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1964; *Соболев Г.Л.* Учёные Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. М.; Л., 1966.

[5] *Павлов Д.В.* Ленинград в блокаде. Изд. 4. М., 1969. С. 182, 186.

[6] См. также: Война и блокада. Сборник памяти В.М. Ковальчука. СПб., 2016. С. 57—93.

[7] *Соболев Г.Л., Ходяков М.В.* Потери Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. 2010. № 2. С. 14—23; *Соболев Г.Л.* Блокада Ленинграда: постижение правды // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 72—87; *Соболев Г.Л.* Блокада Ленинграда: от новых источников к новому пониманию // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 70—96; «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: Из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941—1942 гг. / Публ. К.А. Болдовского, Г.Л. Соболева и М.В. Ходякова // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 275—292; *Соболев Г.Л., Ходяков М.В.* Продовольственная комиссия Военного совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 8—21; *Соболев Г.Л., Ходяков М.В.* Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2019. № 1. С. 8—34.

жизнь Ленинграда в 1941—1944 гг. Его учениками с гордостью называют себя многие специалисты, работающие в разных частях нашей страны.

Во многом благодаря усилиям Г.Л. Соболева блокадная проблематика по-прежнему волнует историков и вызывает у них существенный интерес. Однако занимаются ею ныне почти исключительно в Санкт-Петербурге. Так, Н.А. Ломагин раскрыл формы и организацию политического контроля над населением в условиях блокады. По мнению учёного, он оказался «в целом эффективным, обеспечив стабильность на “внутреннем” фронте». Не менее важны были «нейтрализация немецкой и иной враждебной пропаганды, изучение настроений с целью обеспечения лояльности населения на фронте и в тылу, предотвращение и искоренение различных форм протеста и оппозиции, локализация “нездоровых” настроений, формирование эпической коллективной памяти о войне и блокаде»[8]. В.Л. Пянкевич выпустил монографию, посвящённую слухам, возникавшим и распространявшимся в блокированном городе[9]. С.В. Яров писал об особенностях поведения людей в беспримерных условиях блокады и о специфике блокадной морали. Анализируя прежде всего дневники и воспоминания ленинградцев, он отмечал: «Вся блокадная повседневность свинцовой тяжестью втаптывала человека в грязь — как здесь быть готовым к сочувствию, милосердию и любви? И было сочувствие — у изголовья тех, кто умирал, мы видим их родных и друзей, если они ещё были живы. И было милосердие — хлеб, оставленный для себя, оказывался в протянутой руке ребёнка. И было ещё одно чувство, которое ощущает каждый, читающий блокадные записи. Это — боль, а точнее свидетельства человеческого сострадания мы не найдём. Боль — от начала до конца, боль в дневниках и письмах, боль погибающих и стремящихся их спасти, боль вчерашнего и сегодняшнего дня — везде боль»[10].

Великолепно владея как новейшей, так и советской историографией, Соболев старательно вводил в оборот новые документы, преимущественно из фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга. Его трилогия написана в очерковой форме и вполне оправданно построена по проблемно-хронологическому принципу. Каждая из книг охватывает определённый период обороны города: первая — с июня 1941 по май 1942 г.; вторая — с июня 1942 по январь 1943 г.; третья — от прорыва блокады до её полного снятия в январе 1944 г. Каждая глава носит оригинальное название, передающее драматургию времени, открывается ярким эпиграфом и завершается подборкой документальных свидетельств. В них, помимо прочего, говорится и о сюжетах, до сих пор вызывающих споры: о роли Г.К. Жукова в обороне города[11], о том, кто в действительности управлял Ленинградом[12], о всевозможных мифологемах, включая знаменитые «ромовые бабы», которыми, по рассказам, лакомилась в Смольном «бессовестная каста, лишённая стыда и сострадания»[13]. При этом Соболев зачастую придерживается традиционных оценок, указывая не только на героизм бойцов Ленинградского

---

[8] *Ломагин Н.А.* Ленинград в блокаде. М., 2005. С. 440—441.

[9] *Пянкевич В.Л.* «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014. С. 469—474.

[10] *Яров С.В.* Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941—1942 гг. М., 2012. С. 600.

[11] Об этом см. также: *Мосунов В.А.* Битва за Ленинград. Неизвестная оборона. М., 2014. С. 365.

[12] Подробнее см.: *Кутузов В.А.* А.А. Жданов или А.А. Кузнецов? К вопросу о лидерстве в блокированном Ленинграде // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 193—203.

[13] *Гранин Д.А.* Причуды моей памяти. М., 2010. С. 287.

фронта и подвиг блокадников, но и на достаточно профессиональный уровень местного партийного и советского аппарата, включая А.А. Жданова, являвшегося не только статусным, но и фактическим руководителем города.

Труд Г.Л. Соболева — самое фундаментальное на данный момент обобщающее исследование блокады. «Битва за Ленинград была не только беспримерным подвигом, но и величайшей трагедией, потрясшей весь мир... Мир не знал таких масштабов истребления гражданского населения, такой глубины человеческих страданий и лишений», — пишет автор, беззаветно преданный своему родному городу, перенесшему неслыханные страдания (III, с. 675—676). Боль и подвиг ленинградцев, их «правда смертного часа», по выражению Т. Манна, нашли точное отражение на страницах трилогии.

Николай Смирнов: Осмысление блокады

Nikolay Smirnov (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences): Understanding the siege

DOI: 10.31857/S086956870005186-5

В самом начале созданного им труда Г.Л. Соболев отметил: «Я только в последнее время пришёл к выводу, что должен написать свою “блокадную книгу” историка. Этой книгой я выполняю свой долг перед моими родителями... перед моими блокадными одноклассниками и учителями... перед воспитателями и товарищами по несчастью детского дома № 54; перед студентами, аспирантами и преподавателями Ленинградского университета... перед всеми защитниками Ленинграда, погибшими на поле боя, в осаждённом городе от голода, обстрелов и бомбёжек». Будучи сторонником «принципа преемственности в изучении исторического процесса» и напоминая, что «никакие партийные запреты не могли остановить начавшийся ещё в 50-е годы процесс научного изучения ленинградской блокады» (I, с. 4—5), автор трилогии комплексно обобщает достижения отечественной и зарубежной историографии[14]. Опираясь на недавно опубликованные архивные источники, он даёт оценку деятельности военного, партийного и советского руководства[15]. При этом исследователь констатирует, что «о злонамеренной роли И.В. Сталина и А.А. Жданова в блокаде Ленинграда существует также немало мифов и легенд, сочинённых в период “гласности”. Не располагая документальными доказательствами, журналисты, публицисты, писатели и даже историки смело обвиняли их в умышленной организации голода в блокированном городе и гибели многих сотен тысяч его жителей» (III, с. 8).

Читателей, несомненно, поразит огромный массив источников и литературы, использованных при работе над трилогией. Каждую её главу дополняет подборка наиболее важных свидетельств. Как пишет, приводя слова Н.Б. Роговой, Г.Л. Соболев, «блокадные документы и материалы, сохраняя в себе огромную информацию о способах выживания в блокаде, представляют ещё и “возможность увидеть процесс выживания иначе — как обострение духовных, нравственных сил”, “как торжество чувства долга”» (I, с. 55). Часть

[14] Сам Г.Л. Соболев ранее участвовал в написании коллективных трудов: Очерки по истории Ленинграда. Т. 5 / Отв. ред. В.М. Ковальчук. Л., 1967; Непокорённый Ленинград: краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / Отв. ред. В.М. Ковальчук. Изд. 3. Л., 1985; Ленинград в борьбе месяц за месяцем, 1941—1944. СПб., 1994.

[15] См., в частности: Журнал посещений А.А. Жданова. 1941—1944 гг. / Отв. ред. К.А. Болдовский. СПб., 2014.

этих текстов ранее публиковалась в различных сборниках, другие — впервые вводятся в научный оборот. Среди них не только постановления и распоряжения руководителей страны и города об организации обороны и помощи осаждённым (I, с. 74—101, 190—200, 252—259), но и отрывки из блокадного дневника старшего бухгалтера Института лёгкой промышленности Н.П. Горшкова (I, с. 124—128, 181—190, 229—237), фрагменты воспоминаний народного комиссара Военно-морского флота СССР Н.Г. Кузнецова (I, с. 142—144), запись из блокадного дневника школьницы Лены Мухиной (I, с. 262—263) и многие другие высказывания, говорящие о мужестве и стойкости защитников и жителей города. Все три книги хорошо иллюстрированы, причём некоторые фотографии представлены впервые.

В приложении ко второй книге помещена статья известных учёных —доктора медицинских наук, профессора В.Б. Симоненко и блокадницы, доктора биологических наук С.В. Магаевой «Основы выживания в блокадном Ленинграде с позиции саногенеза» (II, с. 502—525), а к книге третьей — статья В.М. Ковальчука и Г.Л. Соболева «Ленинградский “Реквием”: история с продолжением (О жертвах населения в годы войны и блокады)», напечатанная в 1965 г. в журнале «Вопросы истории» (III, с. 729—735). Болезненная реакция на неё в 1970-е гг. ответственных государственных и партийных работников (III, с. 735—748) помогает понять, «в каких условиях историкам приходилось в недалёком прошлом отстаивать своё право на изучение “тёмных пятен” блокады» (III, с. 729).

Месяц за месяцем анализируя боевые действия и ситуацию в городе, в стране, в мире, Г.Л. Соболев подчас академически сух, он не идеализирует и не драматизирует описываемые события, но от этого ещё осязаемей становится и ужас зимних будней 1941/42 гг., и радость побед 1943—1944 гг. Его трилогия внесла весомый вклад в изучение блокады Ленинграда. В настоящее время различные её аспекты успешно разрабатываются в статьях П.С. Чекалева-Демидовского, Н.А. Ломагина, В.Л. Пянкевича, А.Н. Чистикова, К.А. Болдовского, В.А. Мосунова[16]. Историческая память не должна угаснуть.

Елена Твердюкова: Проживая историю

Elena Tverdyukova (Saint Petersburg State University, Russia): Living history

DOI: 10.31857/S086956870005189-8

В Санкт-Петербурге имеются многолетние традиции по изучению ленинградской блокады. В трудах Б.П. Белозёрова, А.Р. Дзенискевича, В.М. Ковальчука

[16] *Чекалев-Демидовский П.С.* Газогенераторный транспорт как попытка решения проблемы топливного обеспечения блокадного Ленинграда // Новейшая история России. 2018. № 4. С. 868—879; *Ломагин Н.А.* «Народному комиссару обороны товарищу Сталину»: донесения командующего Ленинградским фронтом К.Е. Ворошилова // Новейшая история России. 2019. № 1. С. 35—55; *Пянкевич В.Л., Чистиков А.Н.* Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября — начале декабря 1941 г. // Новейшая история России. 2019. № 1. С. 56—69; *Болдовский К.А.* Ленинград в декабре 1941 года // Новейшая история России. 2019. № 1. С. 70—82; *Мосунов В.А.* Попытка прорыва блокады Ленинграда в декабре 1941 г. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1. С. 265—272. См. также новейшие публикации источников: Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского совета. Ноябрь 1941 — декабрь 1942 гг. / Отв. ред. А.Н. Чистиков; отв. сост. Н.Ю. Черепенина. СПб., 2017; Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941—1944 гг. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Ч. 1 / Отв. сост. К.А. Болдовский. СПб., 2019.

и других исследователей анализировались проблемы жизнеобеспечения в блокадном городе, подчёркивалось стратегическое значение битвы за Ленинград, воссоздавались страницы героической и самоотверженной борьбы его жителей с врагом[17]. В последнее время историки всё чаще обращают внимание на бытовое поведение и способы выживания населения в чрезвычайных условиях города-фронта, индивидуальные и массовые настроения, слухи и проч.[18]

Вместе с тем, как справедливо отмечает один из виднейших представителей петербургской научной школы Г.Л. Соболев, не только сама блокада (которую он пережил ребёнком, не покидая Ленинград ни на один день до конца войны) — явление трагическое, но и её изучение. Уже в ходе раскручивания «Ленинградского дела» одним из главных обвинений стало «выпячивание» роли города в событиях Великой Отечественной войны и распространение «мифа» об особой судьбе Ленинграда. Высшее руководство страны сначала позволило ленинградской партийной организации написать собственную историю блокады, но затем почти сразу же лишило её такого права, заставляя описывать прошлое с позиций союзного центра[19]. Репрессии против бывших руководителей обороны города почти на десять лет создали вокруг неё информационный вакуум. Да и в дальнейшем из-за засекреченности многих архивных документов исследователи долгие годы испытывали «источниковый голод», располагая фактически лишь несколькими разрозненными тематическими публикациями, подготовка и выход которых зависели от идеологической политики КПСС.

В таких условиях стремление учёных нарушить устоявшийся «канон» и донести до общественности правду о блокаде нередко наталкивалось на противодействие партийных функционеров. Об этом, в частности, свидетельствовала попытка В.М. Ковальчука и Г.Л. Соболева оспорить официальные данные о числе погибших горожан (III, с. 729—748). В наши дни, к сожалению, также существует опасность превращения ряда событий Великой Отечественной войны в идеологический фетиш. Поэтому историки не могут ограничиться добротной реконструкцией прошлого, избегая научного объяснения и взвешенной оценки последствий принимавшихся в критической обстановке решений.

Соболев это отчётливо сознаёт. В частности, он пишет о фатальном просчёте ленинградского руководства, не замечавшего катастрофической опасности необеспеченности продовольствием города, где проживало более двух миллионов жителей, половину из которых составляли дети и иждивенцы. Бремя ответственности за их судьбу лежало именно на Смольном. Снабжение Ленинграда всегда являлось дотационным, о чём власти были прекрасно осведомлены. 2 июня 1941 г. в кратком информационном сообщении, направленном наркомам торговли СССР и РСФСР (А.В. Любимову и Д.В. Павлову), заведующий отделом торговли Ленгорисполкома И.А. Андреенко указывал на крайнюю недостаточность фондов муки, предназначенных для города: они обеспечивали лишь

---

[17] *Дзенискевич А.Р.* Заводы на линии фронта. М., 1978; *Ковальчук В.М.* 900 дней блокады Ленинграда. 1941—1944. СПб., 2005; *Белозёров Б.П.* Ленинград сражающийся. 1941. СПб., 2016.

[18] *Яров С.В.* Блокадная этика...; *Пянкевич В.Л.* «Люди жили слухами»...; *Ломагин Н.А.* В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. СПб., 2014; *Ходяков М.В.* «Литерный откорм процветает баснословно»: продовольственные привилегии в блокированном Ленинграде. 1941—1943 гг. // Государство, общество, личность в истории России (XVIII—XX вв.). Сборник научных трудов к 80-летию В.С. Измозика. СПб., 2018. С. 209—216; *Пянкевич В.Л., Чистиков А.Н.* Пешком по озеру... С. 56—68.

[19] *Бранденбергер Д.* «Репрессированная» память? Кампания против ленинградской трактовки блокады в сталинском СССР. 1949—1950 гг. (на примере Музея обороны Ленинграда) // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 175.

потребности хлебопекарной промышленности и общественного питания, тогда как возможность пустить муку в розничную продажу отсутствовала; на июнь пшеничной муки высшего сорта было выделено на 800 т меньше, чем требовалось в заявке, муки 1-го сорта — на 1 600 т, муки 2-го сорта — на 200 т[20]. Городу не хватало также рыбы, сахара, чая, растительного масла, яиц; систематически не выполнялись планы централизованного завоза молочных продуктов (в мае 1941 г. — всего 57,7% от запланированного). Несмотря на то что ряд основных продовольственных товаров не поступал в открытую продажу, не обеспечивалось и создание резервов, в апреле—мае Наркомат торговли СССР сократил поставки в город сливочного масла, маргарина, колбасных и кондитерских изделий, сыра, консервов и других продуктов массового спроса. В результате за два предшествовавших войне месяца Ленинград не получил товаров (в том числе длительного хранения) на 47 млн руб.[21] Нежелание властей сделать реалистичные выводы из кризиса снабжения, охватившего город в 1939—1940 гг. во время войны с Финляндией, привело к тому, что в нём в принципе не создавалось ни серьёзных запасов, ни условий для долгосрочного складирования продовольствия.

Ссылаясь на опыт обороны Мадрида, городское руководство признавало необходимость эвакуации из Ленинграда в военное время детей и стариков. Ещё 13 апреля 1937 г. на суженном заседании президиума Ленгорсовета приняли постановление просить СНК СССР санкционировать вывоз вглубь страны в случае войны 400—500 тыс. человек, дабы «значительные контингенты детей и пожилых» не осложняли организацию обороны[22]. С 29 июня по 27 августа 1941 г. были эвакуированы 488 703 ленинградца (в том числе 220 тыс. детей)[23]. Но многих из них вывозили в районы Ленинградской обл., ставшие смертельно опасными вследствие быстрого продвижения немецких войск, и вскоре они или вернулись назад, или погибли при налётах вражеской авиации. Неудачно и непродуманно организованная первая эвакуация привела к тому, что дальнейшие призывы покинуть город не находили отклика у жителей. Люди переставали верить власти. Начальник планового отдела 7-й гидроэлектростанции И.Д. Зеленская в ноябре 1941 г. отметила в дневнике: «Кто же это “они” и “мы”? Такое деление частенько приходится слышать. Начальство? Коммунисты?»[24]. Однако, несмотря на очевидную (и существенную) разницу в условиях быта рядовых горожан и людей, в той или иной степени облечённых властными полномочиями, их объединяло понимание того, что в случае падения города неминуемая гибель ждёт всех. И не случайно на страницах трилогии Соболева блокадная история излагается словами и обычных тружеников, и представителей военного командования, и хозяев Смольного, и высших должностных лиц из Кремля. Только это даёт возможность создать картину трагедии, пережитой сообща.

Несомненное достоинство труда Соболева состоит и в том, что в нём детально прослеживается «выход» города и горожан из блокады и показано

---

[20] ЦГА СПб., ф. 7082, оп. 2, д. 110, л. 171.

[21] Там же, л. 175.

[22] Соответствующее письмо было направлено председателю СНК СССР В.М. Молотову и наркому обороны К.Е. Ворошилову (Там же, ф. 7384, оп. 36, д. 6, л. 37 об.).

[23] 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941—1944 гг. / Сост. Х.Х. Камалов, Р.В. Серднак, Ю.С. Токарев. М., 1966. С. 106.

[24] «Я не сдамся до последнего...». Записки из блокадного Ленинграда / Отв. ред. В.М. Ковальчук. СПб., 2010. С. 38.

реальное значение 1943 г. в блокадной эпопее, долгое время остававшееся в тени драматических событий 1941—1942 гг. Между тем до сих пор ещё недостаточно изучены особенности поведения человека в условиях, когда он перестаёт балансировать на грани смерти, когда от него не требуется уже ежедневного героизма, когда в его повседневном быту появляются забытые, казалось бы, вещи и явления — патефон, новые туфли, завивка-перманент, когда даже дерущиеся во дворе мальчишки становятся символом возвращения к мирной жизни. И тут также не обойтись без сочетания методов институциональной и социальной истории, антропологии, психологии, без известных познаний в медицине. Такой комплексный подход, использованный Г.Л. Соболевым при создании трилогии «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде», наглядно демонстрирует, как важно порой исследователю «прожить» историю вместе со своими героями.

Никита Ломагин: Захватывающая эпопея Г.Л. Соболева

Nikita Lomagin (European University at Saint Petersburg): The exciting epic of G.L. Sobolev

DOI: 10.31857/S086956870005190-0

Появление фундаментальной работы о ленинградской блокаде, созданной известным петербургским историком Г.Л. Соболевым, — выдающееся событие в отечественной историографии. Впервые на основании самого широкого круга источников и научной литературы описаны и синхронизированы по месяцам события, происходившие в блокадном кольце и за его пределами. Это позволило выявить важнейшие черты жизни города-фронта, рассказать читателю о борьбе с немецкими и финскими войсками во всей её суровости и трагичности.

Удачной представляется выбранная Соболевым структура изложения: анализ важнейших обстоятельств каждого месяца обороны Ленинграда подкреплён тщательно отобранными документами центральных органов власти и управления СССР, Военного совета Ленинградского фронта, извлечениями из воспоминаний военачальников и дневников ленинградцев (практически из всех слоёв населения). Голоса генералов и рядовых, известных артистов, учёных, рабочих, инженеров, учителей, школьников не только ярко передают страдания, сомнения и надежды сотен тысяч людей на протяжении почти 900 блокадных дней, но и образуют многомерное пространство битвы за Ленинград и жизни в осаждённом городе, который его защитники и жители смогли не только отстоять, но и сохранить как социальную среду и общность, способную к возрождению и развитию.

Автору удалось совместить, казалось бы, несовместимое — политику (отношения Кремля и Смольного) с повседневностью. В трилогии звучат голоса тех, кто принимал решения (И.В. Сталин, Г.М. Маленков, А.И. Микоян, К.Е. Ворошилов, Г.К. Жуков, М.С. Хозин, Л.А. Говоров, А.А. Жданов, А.А. Кузнецов, П.С. Попков и др.), и тех, кого они прямо или косвенно касались. Для этого Соболев исследовал дневники десятков горожан. Среди них главный инженер завода «Судомех» В.Ф. Черкизов, старший бухгалтер Института лёгкой промышленности Н.П. Горшков, начальник планового отдела 7-й ГЭС И.Д. Зеленская, актёр Ф.А. Грязнов, директор Архива Академии наук СССР Г.А. Князев, секретарь партбюро 14-го хлебозавода М.П. Фёдорова, учительница Т.К. Великонтная, востоковед А.Н. Болдырев, школьница Е. Мухина

и др. Стихи и записи О.Ф. Берггольц, В.К. Кетлинской и З.К. Шишовой гармонично дополняют не только эмоциональный и нравственный, но и событийный фон описываемых явлений, особенно когда речь идёт о «запретных» темах, цензуре и нежелании власти в полной мере признать те колоссальные потери, которые понесли ленинградцы в «смертное» время.

Соболев смог интегрировать в единое целое огромную по своему объёму информацию. Действительно, с конца 1980-х гг. вследствие «архивной революции» и отмены цензуры появились сотни публикаций об обороне и блокаде Ленинграда. За последние 25 лет различным их аспектам было посвящено более 30 кандидатских и докторских диссертаций. Судя по Указателю Российской национальной библиотеки, только в 2013—2016 гг. вышло более 900 статей, монографий и сборников документов по данной тематике. Порою кажется невероятным, что одному исследователю под силу освоить весь этот материал, не упустив ничего существенного. Залогом успешного решения поставленных автором трилогии задач стала его блестящая эрудиция, глубокое изучение широкого круга источников, раскрывающих различные сюжеты социальной и политической истории — от революции 1917 г. до демографических проблем блокадного времени, наконец, фундаментальные труды о вкладе учёных Ленинграда в строительство оборонительных сооружений и преодоление продовольственного и топливного кризиса.

Не менее важен собственный опыт Геннадия Леонтьевича, пережившего блокаду и сумевшего найти ту тональность, которая своей правдивостью и подчас неожиданной смелостью захватывает читателя, не отпускает его, заставляет сопереживать. Каждый подобранный документ, особенно материалы личного происхождения — это пусть и короткая, но самостоятельная история, рассказ о важном событии — будь то начало войны, эвакуация (состоявшаяся или отложенная), бомбёжки и артобстрелы и, конечно, ежедневный голод. Зарисовки с натуры, оставшиеся в дневниках, показывают, что доводилось переживать горожанам, вынужденным часами выстаивать в очередях за хлебом. Описание булочных, оставшихся без света, привыкание к тому, что кругом люди умирают от голода, к смерти, которая стала нормой, похороны и кладбища — все эти и многие другие черты ленинградской повседневности 1941—1943 гг. переданы Соболевым в мельчайших деталях. Нечасто книга, изобилующая разного рода нормативными документами (приказами, отчётами, статистической информацией о соотношении сил противоборствующих сторон, о запасах и завозе продовольствия и топлива, о количестве больных и умерших и т.д.), не превращается в сухой справочник, а побуждает читателя вместе с автором погружаться в проблемы блокадной жизни.

На самом деле вопросов, которые по-прежнему волнуют историков, осталось немало. Это и причины столь длительной осады, а также безуспешности попыток прорвать кольцо в 1941—1942 гг., и ответственность должностных лиц за выпавшие на долю ленинградцев лишения и страдания, и взаимоотношения власти и населения в период блокады, и реальные потери защитников и жителей города.

Трилогия Соболева — мощный и объективный поток тщательно выверенной информации о том, как боролся, страдал и выживал Ленинград. Автором не забыто и то, как сотни и тысячи учёных в нечеловеческих условиях изыскивали возможности для пополнения скудных запасов продовольствия, медикаментов и топлива, изобретая разного рода заменители. Без этой титанической

работы, позволившей более чем на треть покрыть потребности в продуктах питания, зимой 1941/42 гг. вряд ли удалось бы сохранить более миллиона жизней и тем самым сберечь город.

Замечательный труд Соболева является наиболее масштабным и правдивым описанием блокады Ленинграда из всех существующих не только в России, но и за рубежом. Хочется надеяться на то, что вслед за первым изданием, которое вышло небольшим тиражом, появится и второе. Но в нём, вероятно, следовало бы сделать несколько уточнений (особенно в первом томе).

Ссылаясь на воспоминания А.И. Микояна, Соболев с сожалением отмечает, что Жданов вскоре после нападения Германии на Советский Союз отказался от предложения направить в Ленинград поезда с хлебом, первоначально предназначавшиеся для территорий, уже занятых противником[25]. Анастас Иванович был не только выдающимся организатором, сделавшим очень много для мобилизации ресурсов страны и её союзников ради общей победы над нацизмом, но и являлся ключевой фигурой при снабжении Ленинграда в период войны. Его вклад в то, что город удалось отстоять, велик и заслуживает специального исследования. Но почему его предложение не было принято городскими властями и как на это влияла сложившаяся к тому времени практика отношений между руководителями высшего уровня, в частности, между заместителем председателя Совнаркома Микояном и секретарём ЦК Ждановым?

В фонде Микояна в ГА РФ нет никаких свидетельств о том, что возможность подобного перенаправления эшелонов обсуждалась с профильными ведомствами. А без координации с Госпланом и его уполномоченным в Ленинграде, Управлением государственных материальных ресурсов, Интендантским управлением НКО и другими учреждениями разместить тысячи тонн зерна было просто невозможно. Какие-то следы переписки Микояна с этими инстанциями не могли не остаться, однако их нет или они по каким-то причинам не сохранились.

Что же известно о позиции Микояна? 1 июля постановлением Политбюро при СНК был создан Комитет продовольственного и вещевого снабжения Красной армии в составе: А.И. Микоян (председатель), А.Н. Косыгин (заместитель), А.В. Хрулёв, В.П. Зотов и С.Г. Лукин. Ответственным секретарём комитета стал М.С. Смиртюков[26]. 3 июля Сталин подписал постановление о назначении Микояна уполномоченным ГКО по вопросам снабжения Красной

[25] А.И. Микоян вспоминал: «В самом начале войны, когда немецко-фашистские войска развёртывали наступление, многие эшелоны с продовольствием, направляемые по утверждённому ещё до войны мобилизационному плану на запад, не могли прибыть к месту назначения, поскольку одни адресаты оказались на захваченной врагом территории, а другие находились под угрозой оккупации. Я дал указание переправлять эти составы в Ленинград, учитывая, что там имелись большие складские ёмкости. Полагая, что ленинградцы будут только рады такому решению, я вопрос этот с ними предварительно не согласовывал. Не знал об этом и Сталин до тех пор, пока ему из Ленинграда не позвонил Жданов. Он заявил, что все ленинградские склады забиты, и просил не направлять к ним сверх плана продовольствие. Рассказав мне об этом телефонном разговоре, Сталин дал мне указание не засылать ленинградцам продовольствие сверх положенного без их согласия. Тщетно я пытался его убедить, что спортивные помещения, музеи, торговые, наконец, дворцовые сооружения могут быть использованы как склады. Когда город был блокирован врагом и создалось исключительно напряжённое положение с продовольственным обеспечением ленинградцев, Сталин сказал мне: “В твоих руках сходятся сейчас все нити руководства снабжением фронта и тыла. Поэтому тебе легче, чем кому-либо другому, следить за своевременным обеспечением Ленинграда всем необходимым”» (*Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 460—461).

[26] 1941 год. Кн. 2 / Под ред. В.П. Наумова. М., 1998. С. 448.

армии обозно-вещевым имуществом, продовольствием и горючим. До этого, в условиях жёсткой командно-административной системы управления, Микоян, не обладая соответствующими полномочиями, вряд ли мог инициативно решать вопросы, связанные с перераспределением огромных ресурсов. Жданов прибыл в Ленинград из отпуска лишь 25 июня. Но ещё 23 июня бюро Ленинградского горкома ВКП(б) приняло решение использовать помещения школ и высших учебных заведений как фонд для размещения утративших жильё вследствие вражеских бомбардировок[27].

Что же предпринималось в столице? 6 июля Микоян провёл совещание, специально посвящённое снабжению Москвы и Ленинграда, и поручил ответственным работникам Наркомата заготовок, а также главных управлений государственных материальных и продовольственных резервов «дать справку, из каких районов должен поступать хлеб для обеспечения потребностей населения городов Москвы и Ленинграда (не потребуется ли завоз муки с Волги)», отметив особо, что «хлеб для обеспечения потребностей населения Москвы и Ленинграда *размещать не в этих городах, а в районах, прилегающих к Москве и Ленинграду* (выделено мной. — *Н.Л.*)»[28]. 8 июля по его поручению отвечавшим за заготовки Субботину и Ершову следовало «дать справку о запасах муки и зерна в городах Москве и Ленинграде», выяснить, куда пропали «7 барж с овсом, направляемых в Ленинград», наконец, «дать картину хранения зерна, карту мельниц»[29].

Таким образом, о завозе хлеба непосредственно в Ленинград речи не шло, да и чёткого представления о том, где хранится зерно, Микоян, очевидно, не имел. Между тем вместимость военных складов, а также хранилищ Управления государственных материальных резервов в городе была незначительной[30], существенно уступая складским помещениям на западных рубежах страны — ведь врага собирались бить на чужой территории и нарушение коммуникаций между Москвой и Ленинградом в случае войны не предусматривалось.

Хранение же в зерна в неприспособленных для этого строениях могло привести к большим потерям. Так, созданный в 1942 г. в Ленинграде неприкосновенный запас продовольствия, по данным проверок Управления НКВД, уже через несколько месяцев понёс значительный урон[31]. К тому же ещё накануне войны СНК обсуждал проблему борьбы с крысами и принял решение провести

---

[27] Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 21.

[28] ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 341, л. 19.

[29] Там же, л. 12.

[30] В Ленинградском военном округе имелось 12 продовольственных складов, но непосредственно в Ленинграде находился только один (№ 175), ёмкость которого составляла 448 вагонов. Остальные размещались в Красногвардейске (108 вагонов), Красном Селе (280 вагонов), Луге (130 вагонов), Новгороде (339 вагонов), Выборге (290 вагонов), Пскове (337 вагонов) и ещё дальше от штаба округа (Там же, оп. 98, д. 360, л. 23 об., 18). Ёмкость склада № 161 вещевого и обозно-хозяйственного снабжения Главного интендантского управления Красной армии в Ленинграде достигала 1 560 вагонов (Там же, л. 19).

[31] 11 января 1943 г. УНКВД Ленинградской области информировало секретаря горкома Я.Ф. Капустина о том, что в соответствии с решением, принятым 18 октября 1942 г. Военным советом Ленинградского фронта, Управление продторгами и «Ленглавресторан» должны были принять на хранение неприкосновенный запас продовольствия, рассредоточив его в помещениях торговой сети и общественного питания. Около 17,5 тыс. т распределили между 67 пунктами, в 65 из которых Управление НКВД провело проверку при участии представителей санитарного надзора. Этим «обследованием было установлено, что в 39 помещениях ввиду непригодности кладовых, несоблюдения требований санитарного надзора и непринятия своевременных профилактических мер хранимый неприкосновенный запас продовольствия был подвергнут порче и повреждён грызунами. В ряде кладовых некоторые продовольственные товары из-за плохого хранения приведены

осенью 1941 г. сплошную дератизацию крупнейших городов, прежде всего Москвы и Ленинграда, о чём, естественно, ленинградское руководство также было поставлено в известность. Этот фактор также приходилось учитывать[32].

В Смольном отнюдь не проявляли благодушия при пополнении запасов. 7 июля (почти синхронно с совещаниями у Микояна) в Ленинграде на заседании руководящей комиссии обкома и горкома ВКП(б) рассматривался вопрос о продовольственном положении. Было решено увеличить его обеспеченность мясом за счёт заготовок по Ленинградской обл. и довести запас до трёхмесячной нормы, а также принять «все необходимые меры к увеличению запасов зерна и муки в городе»[33]. Таким образом, пока нет никаких документов, подтверждающих упомянутое Микояном решение Жданова отказаться от дополнительного ввоза хлеба в начале войны. Любопытно, что 11 апреля 2017 г. Д. Гранин в частной беседе со мной у него дома вспомнил о своём разговоре с Косыгиным, по словам которого Жданов и Микоян не ладили. «Эмоции, отношения людей — это то, что ни в одном документе найти нельзя, — добавил Даниил Александрович, — а вы, историки, только документам верите».

Для увеличения запасов в расчёте на душу населения, следовало массово эвакуировать из города гражданских лиц, тем самым сокращая спрос, а также ограничить коммерческую торговлю и вывоз продуктов. Однако опыт эвакуации детей в соответствии с мобилизационным планом был печальным и породил нежелание горожан выезжать из Ленинграда, а сохранение неограниченной коммерческой торговли привело к тому, что продовольствие постепенно перешло в частные руки. Вместе с тем нельзя не признать, что торговля, в том числе и коммерческая, была исключительно важна для нормального функционирования экономики. Без соответствующих поступлений наличных денежных средств от населения значительно возросла бы эмиссия и, следовательно, инфляция[34]. Характерно, что зимой 1941/42 гг. вследствие прекращения коммерческой торговли Ленинград столкнулся с дефицитом наличности для выдачи зарплаты. В январе—феврале 1942 г. по настоянию Микояна деньги доставляли в город самолётами[35].

Особо следует сказать о создании и функционировании ледовой дороги через Ладожское озеро и отношении к ней Сталина. После прекращения из-за сильных штормов навигации по Ладоге в Ленинграде стали стремительно таять запасы продовольствия, топлива и боеприпасов. Самолётами можно было доставить лишь сравнительно небольшие объёмы. В городе были сокращены до минимума нормы выдачи хлеба[36], начался голод. Тогда наряду с попытками

в негодное состояние». Таким образом, более половины неприкосновенного запаса хранилось в неподобающих условиях (Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл., ф. 21/12, оп. 2, п.н. 44, д. 3, л. 349—349 об.).

[32] РГАЭ, ф. 4372, оп. 41, д. 576, л. 157—158.

[33] Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 33.

[34] Война резко изменила положение в денежном обращении. В городах значительно выросли расходы в связи с расчётами с мобилизованными, ростом фонда заработной платы военнослужащих и работников оборонной промышленности, выплатой пособий семьям призванных и т.д. Дополнительные налоги и взносы в фонд обороны лишь частично компенсировали эти затраты. По итогам 1941 г. эмиссия составила в СССР 16,3 млрд руб., а денежная масса увеличилась до 34,7 млрд, т.е. возросла почти вдвое (ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98, д. 410, л. 35—36).

[35] Там же, оп. 98с, д. 360, л. 41.

[36] Предложения об установлении норм по продовольствию в Ленинграде в условиях блокады вносились в директивные органы уполномоченным ГКО по вопросам снабжения Д.В. Павловым, рассматривались в СНК и затем согласовывались со Сталиным. «Представленные 7 ноября

восстановить воздушное сообщение для поставок высококалорийных продуктов и вывоза необходимого для обороны Москвы вооружения решили попробовать использовать единственную остававшуюся возможность для транспортировки грузов — по льду Ладоги, чему в значительной степени способствовала рано начавшаяся зима. Как справедливо отмечает Соболев, инициатива создания ледовой дороги принадлежала ленинградскому руководству. Сталин, обращаясь к Хозину и Жданову, оставил «на документе такую помету: “Предупреждаем вас, что всё это дело малонадёжное и не может иметь серьёзного значения для Ленинградского фронта”». При этом Геннадий Леонтьевич ссылается на воспоминания Микояна, который частично воспроизвёл два из четырёх пунктов этого письма. «К счастью, — отмечает историк, — председатель ГКО в данном случае ошибался: ледовая дорога не только стала действовать, но и приобрела стратегическое значение для обороны Ленинграда, стала для ленинградцев подлинной Дорогой Жизни» (I, с. 218).

Действительно, ледовая трасса спасла город. Однако она стала Дорогой Жизни только после того, как Красной армии удалось 9 декабря 1941 г. овладеть Тихвином и почти втрое (до 120 км) сократить путь поставок продовольствия, топлива и боеприпасов от железнодорожной станции до восточного берега Ладоги. Но именно к активным действиям на фронте Сталин и призывал в своём письме Хозина и Жданова, видя в этом единственное спасение от надвигавшегося голода.

К счастью, этот чрезвычайно важный документ сохранился: «Ленинград: командующему войсками Ленинградским фронтом генерал-лейтенанту Хозину, члену Военного совета фронта Жданову. 1. Санкционируем устройство предлагаемой вами зимней фронтовой автомобильной дороги. 2. Мы можем подавать вам ежедневно не более муки 400 тонн, крупы 150 тонн, мяса 100 тонн, жиров 50 тонн, сахара 80 тонн, фуража 70 тонн, автобензина 200 тонн, керосина 100 тонн, авиабензина 75 тонн, а боеприпасов, согласно вашей заявки, 200 тонн. 3. Имейте в виду, что противник всячески попытается сорвать перевозки по этой дороге, ввиду этого вам необходимо принять надлежащие меры военной охраны дороги. 4. Предупреждаем вас, что всё это дело малонадёжное и не может иметь серьёзного значения для Ленинградского фронта. Вы не должны забывать, что единственное средство добиться надёжного и регулярного снабжения Ленинградского фронта и г. Ленинграда заключается в том, чтобы поскорее, не теряя ни часа, прорвать кольцо противника и пробить себе дорогу»[37].

Таким образом, скептицизм Сталина и других членов ГКО относительно ледовой дороги был вполне оправдан. Он подтверждался как активизацией противника, немедленно после обнаружения новой трассы предпринявшего меры для того, чтобы не допустить увеличения поставок в город, так и огромными сложностями с транспортировкой грузов на восточный берег Ладоги до того, как был освобождён Тихвин[38]. Осуществлять перевозки зимой при огромных и

тов. Павловым предложения об установлении новых норм по продовольствию считаем приемлемыми, — сообщал тогда Микоян Жданову и Павлову. — С тов. Сталиным согласовано. Можете вводить эти нормы в действие. Привет» (Там же, л. 28).

[37] Там же, ф. Р-5446, оп. 120, д. 798, л. 27.

[38] Главный маршал авиации А.А. Новиков, в годы блокады командовавший ВВС Ленинградского фронта, вспоминал, что в декабре 1941 г. «противник главные силы своей авиации, поддерживавшей группу армий “Север”, бросил на срыв перевозок по Ладожской военно-автомобильной дороге. Мы выделили для её прикрытия всё, что могли — 100 истребителей, т.е. более половины

по нынешним меркам расстояниях от ближайших баз на станциях в Заборье и Подборовье (320 км) было архисложно. Машинам требовалось 2 недели, чтобы проделать путь от Заборья и Подборовья к Ладоге. Была ли уверенность в надёжности данной коммуникации? Наверное, нет. Не случайно ГКО требовал «принять надлежащие меры военной охраны дороги». Тем не менее, определяя лимиты поставок продовольствия, топлива и боеприпасов в осаждённый город, ГКО и правительство брали на себя ответственность за его снабжение, несмотря на сомнения в возможности осуществлять его через Ладогу в конце ноября 1941 г., когда Тихвин был ещё в руках противника.

Михаил Ходяков: Иерархия продовольственного снабжения в блокадном Ленинграде

Mikhail Khodjakov (Saint Petersburg State University, Russia): The hierarchy of food supply in besieged Leningrad

DOI: 10.31857/S086956870005191-1

Г.Л. Соболев прошёл большой путь в науке. В середине 1960-х гг. именно он, тогда ещё молодой историк, оказался «бригадиром» пятого тома «Очерков по истории Ленинграда», посвящённого периоду Великой Отечественной войны. Для этого коллективного труда Соболев написал главы о первых месяцах блокады (совместно с А.В. Карасёвым), о ликвидации последствий голодной зимы, об укреплении обороны города в 1942 г., о народном образовании, высшей школе и научно-исследовательской работе, печати и радио (совместно с Б.И. Загурским), а также о культурно-просветительской работе[39]. Впоследствии, обращаясь к блокадной тематике, Соболев неизменно уделял особое внимание проблеме голода, обеспечения города продовольствием, огромной смертности населения[40]. На новом этапе изучения и осмысления истории блокады именно он вновь поставил вопрос о продовольственном снабжении Ленинграда, о мерах, принимавшихся руководством города, и о тех категориях населения, которые обеспечивались продуктами питания в «особом порядке».

О привилегиях в блокадном Ленинграде историкам известно давно. Документы о дополнительных видах продовольствия для руководящих, советских, хозяйственных и партийных работников, сведения о «литерном питании» для командиров, семей генералов, адмиралов, героев Советского Союза и ряда других категорий были опубликованы ещё в середине 1990-х гг.[41] По мнению С.В. Ярова, система привилегий в осаждённом городе «ни для кого не являлась тайной», преимуществом пользовались люди, находившиеся у власти, и «нужные специалисты»[42]. Н.А. Ломагин, опубликовавший комплекс документов, свидетельствующих об иерархии потребления во время блокады, отмечал, что

всех исправных машин истребительной авиации фронта, ПВО и КБФ. Небо над Ладогой превратилось в арену жесточайших схваток» (*Новиков А.А.* В небе Ленинграда (Записки командующего авиацией). М., 1970. С. 200).

[39] Очерки по истории Ленинграда. Т. 5. Л., 1967.

[40] Отдельные аспекты этих тем анализировали и ученики Г.Л. Соболева. См., в частности: *Бизев С.Б.* Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941—1944 гг. (на материалах Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.

[41] Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941—1944 / Отв. ред. А.Р. Дзенискевич. СПб., 1995. С. 256—259.

[42] *Яров С.В.* Блокадная этика. С. 411—412.

получение сотрудниками Смольного и руководителями среднего партийного звена дефицитных продуктов, «немыслимых для простых горожан даже по меркам мирного времени... не считалось зазорным. Более того, это, вероятно, было нормой»[43]. При этом «в руках партийного руководства оставались важнейшие привилегии в период блокады, связанные с распределением продовольствия, которые были недоступны тому же НКВД»[44]. Производственные планы ленинградских предприятий пищевой промышленности, предусматривавшие выпуск в ноябре 1941 — январе 1942 г. не только мясомолочной и рыбоконсервной продукции, но также шоколада и кондитерских изделий, сегодня не представляют тайны[45].

Постепенно вводившиеся исследователями в научный оборот данные об особенностях обеспечения населения Ленинграда продуктами питания позволили Соболеву указать на необходимость более тщательного изучения деятельности Продовольственной комиссии Военного совета Ленинградского фронта. Созданная в январе 1942 г., она стала главным инструментом продовольственной политики Смольного (I, с. 354—355)[46]. Вследствие ограниченности ресурсов ей приходилось ориентироваться в первую очередь на поддержку тех социальных и профессиональных групп населения, от которых зависела судьба города. К сожалению, при этом её работа сопровождалась многочисленными отказами заявителям в удовлетворении их просьб.

Население по-своему реагировало на деятельность городских властей в сфере продовольственного обеспечения. Так, характеризуя выступление председателя исполкома Ленгорсовета, опубликованное в «Ленинградской правде» 13 января 1942 г., Соболев обращает внимание на его неоправданно оптимистичное заявление о том, что самые тяжёлые дни для населения позади, которое совершенно не соответствовало суровой действительности и явно не способствовало популярности П.С. Попкова, являвшегося членом Продовольственной комиссии (I, с. 355). Месяц спустя спецсообщение УНКВД по Ленинграду и области зафиксировало слухи о снятии Петра Сергеевича с работы и «предании его суду за вредительскую деятельность» (I, с. 447).

Отмечая, что осенью 1942 г. для городских властей на первый план выдвинулись бытовые вопросы, Соболев пишет про «осторожный оптимизм» жителей города-фронта, рассчитывавших на улучшение своего положения (II, с. 329). Увы, их ожидания не оправдались. Ни опубликованное извещение отдела торговли исполкома Ленгорсовета об очередной выдаче населению продовольственных товаров в ноябре 1942 г., ни выступление секретаря горкома партии и члена Военного совета Ленинградского фронта Кузнецова в канун 25-й годовщины Октябрьской революции, ни речь Сталина на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся 6 ноября не содержали обещаний снять блокаду. Память ленинградцев о страшной зиме 1941—1942 гг. усиливала беспокойство относительно возможного снижения норм выдачи продуктов питания. Хотя в целом ситуация «на продовольственном фронте» всё же улучшалась. Весьма красноречивы записки одного из сотрудников

---

[43] *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. Кн. 1. Изд. 2. СПб., 2004. С. 153.

[44] *Ломагин Н.А.* В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. Изд. 2. СПб., 2014. С. 20—21, 37—38.

[45] Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 397, 463—465, 535—537.

[46] См. также: *Соболев Г.Л., Ходяков М.В.* Продовольственная комиссия Военного совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 8—21.

НКВД той поры. Старший лейтенант госбезопасности Ф.Е. Бобров, являвшийся помощником директора по найму и увольнению на одном из ленинградских заводов, отмечал 7 ноября 1942 г.: «Днём был обед с водкой. Вечером с икрой и осталось»[47].

Опираясь на материалы Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Соболев показал, как изменилась система распределения продовольствия за время блокады (III, с. 508—515). В информации городского отдела торговли «О плановых контингентах гражданского населения Ленинграда на август 1943 г.», предназначенной для секретаря горкома ВКП(б) П.Г. Лазутина, историк выделяет, безусловно, центральный раздел, именовавшийся «Разница в нормах и дополнительные виды питания». Помимо повышенных норм питания для больниц, детских учреждений, детсадов, пионерских лагерей, беременных женщин, доноров и т.д., особое «литерное питание» устанавливалось для трёх групп руководящих работников партийных, советских и хозяйственных организаций. Директорам заводов, их заместителям, главным инженерам, начальникам производств крупных промышленных предприятий полагались «литерные обеды». «Литерным питанием» был охвачен также ряд представителей командного состава.

Формирование системы обеспечения продовольствием ленинградской партийно-советской номенклатуры Соболев справедливо рассматривает в контексте общесоюзных тенденций. Подписывая 31 июля 1943 г. секретное постановление «О снабжении руководящих работников партийных, комсомольских, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций», Жданов, конечно же, следовал логике уже принятого 12 июля 1943 г. постановления СНК СССР № 757-224с. В дополнение к повышенным нормам выдачи продуктов постановление обязывало начальника Ленглавресторана создать столовые закрытого типа для обслуживания руководящих работников «с организацией по желанию столующихся двух- или трёхразового питания». Одновременно с этим Ленинградской конторе «Спецторг» поручалось обеспечить деятельность трёх «специальных закрытых магазинов» для отпуска местному начальству сухих пайков[48].

Труды Соболева дают импульс для дальнейшего исследования острых проблем истории блокады. В частности, необходим более тщательный анализ фонда Статистического управления Ленинграда[49]. Некоторые его дела, находившиеся длительное время на секретном хранении, содержат сведения о работе кондитерских фабрик города в годы Великой Отечественной войны, о количестве и ассортименте выпускавшихся изделий. Материалы о кондитерских и конфетно-шоколадных фабриках военной поры имеются и в делопроизводстве Ленинградского областного управления пищевой промышленности исполкома Ленинградского областного совета[50]. Особого внимания заслуживают документы 1941—1942 гг., отложившиеся в фондах трестов столовых Смольнинского, Василеостровского, Петроградского, Дзержинского, Куйбышевского, Фрунзенского и других районов Ленинграда[51]. Они дают представление не только о количестве обычных жителей, «прикреплённых» к столовым города, но и о

[47] *Зиборов В.К., Иванов В.А., Ходяков М.В.* «Кадры решают всё!» Блокадные записки сотрудника НКВД. 1942 год // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 268.

[48] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, ф. 24, оп. 2, д. 5235, л. 1—1 об.

[49] ЦГА СПб., ф. Р-4965, оп. 3-1, д. 77 и др.

[50] Там же, ф. Р-5006, оп. 2, д. 42—88.

[51] Там же, ф. Р-5375, Р-5379, Р-5380, Р-5798, Р-5920, Р-5996; и др.

создании столовых «закрытого типа с повышенным питанием», о контингенте «прикреплённых» к ним лиц: рабочих, служащих, «представителей партактива» и других категорий населения.

Трудно не согласиться с выводом Соболева: обеспечение дополнительными пайками представителей командного состава, руководителей промышленных предприятий, партийных, советских и хозяйственных работников, сотрудников НКВД, постепенное увеличение норм питания для деятелей науки и искусства свидетельствовало прежде всего об уверенности в том, что именно эти группы будут активно работать на нужды фронта и участвовать в послевоенном восстановлении городской жизни.

Иван Петров: Интеллигенция в блокированном городе

Ivan Petrov (Saint Petersburg State University, Russia): Intellectuals in a Blocked City

DOI: 10.31857/S086956870005192-2

В последнее время и в России, и за её пределами всё чаще выходят исследования и документальные публикации, посвящённые истории блокадного Ленинграда. В них рассматриваются проблемы, связанные с обстоятельствами битвы за город, взаимоотношениями власти и населения, настроениями простых ленинградцев, девиантным поведением граждан, оказавшихся в критической ситуации. Но сейчас, к сожалению, почти не осталось историков-очевидцев ленинградской блокады, способных от первого лица рассказать о трагических событиях тех лет и соединить собственные воспоминания с массивом архивных документов. Поэтому столь важна трилогия почётного профессора Санкт-Петербургского университета Г.Л. Соболева — блокадника, ещё в 1960-е гг. входившего в знаменитую группу В.М. Ковальчука, которая, по сути, первая приступила к научному изучению трагедии Ленинграда.

Уже тогда историк осветил подвиг учёных, принявших решение не покидать осаждённый город и продолжавших работать в нём, укрепляя его оборону[52]. «Ленинградские работники науки, — пишет Соболев в своём новом труде, — не только осуществляли техническое руководство строительством оборонительных сооружений, но и вместе со всеми трудящимися города рыли окопы и траншеи. Во Фрунзенском районе только 25 июня 1941 г. на возведении укреплений трудилось более 4 тыс. преподавателей и студентов вузов и техникумов» (I, с. 63). Именно благодаря им в кратчайшие сроки была сооружена Лужская оборонительная полоса (I, с. 64).

В своей трилогии Геннадий Леонтьевич уделяет особое внимание положению творческой интеллигенции и её роли в поддержании духа жителей Ленинграда. Особое значение при этом имело радио. Так, «осенью 1941 г. состоялась радиоперекличка двух городов-героев — Ленинграда и Севастополя. Затаив дыхание, ленинградцы слушали по радио голос О. Берггольц, В. Вишневского, В. Инбер, Н. Тихонова, А. Прокофьева, Д. Шостаковича и др.» (I, с. 173). Вопреки устоявшемуся мнению, не всё, что выходило в эфир, одобрялось властями. Ярким примером этого являлось самоотверженное чтение «Февральского дневника» Ольги Берггольц в одном из выпусков «Радиохроники» 1942 г.

С февраля 1942 г. культурная жизнь города начала понемногу возрождаться. Местное руководство старалось этому содействовать: было принято решение

[52] *Соболев Г.Л.* Учёные Ленинграда в годы Великой Отечественной войны...

о выдаче супов без карточек актёрам и обслуживающему персоналу театров, оказывалась существенная помощь в электроснабжении и восстановлении повреждённых площадок. По данным Н.А. Ломагина, даже немцев поражала «нормальность» функционирования в блокированном городе кинотеатров, выставок и библиотек (II, с. 107). Говоря о произведениях, созданных в этот период, историк не забывает ни о знаменитой «Ленинградской поэме», ни о холстах художника В. Пакулина, запечатлевшего в феврале 1942 г. жуткие картины самого страшного времени блокады (I, с. 467). В Государственную публичную библиотеку передавались книги из «бесхозного и выморочного имущества», в ленинградском доме Красной армии проходили концерты Клавдии Шульженко (II, с. 106—107).

В сентябре 1942 г. возобновились занятия в начальной школе, старшеклассники до 15 октября оставались на сельскохозяйственных работах. Налаживалось снабжение школьников продовольствием (II, с. 226). Кроме того, в декабре в городе действовала 51 школа для взрослых, где учились более 5 тыс. человек (II, с. 395). К этому времени с новой силой заработал городской театр, впервые после вызванного войной перерыва собралось на заседание Всесоюзное театральное общество, продолжались концерты симфонического оркестра в филармонии (II, с. 396).

Своеобразным символом постепенного возвращения к нормальной жизни стало налаживание работы высших учебных заведений; число обучавшихся в них в 1943 г. существенно возросло. Однако, как справедливо отмечает историк, «возобновление деятельности высшей школы в Ленинграде не обошлось без недостатков и ошибок, которые пришлось исправлять. Приёмные экзамены в 1943 г., как правило, не проводились, в вузы зачислялись все имевшие свидетельство об окончании средней школы. Более того, некоторые институты, не имея возможности пополнить свои ряды за счёт выпускников средней школы, принимали лиц, не имевших законченного среднего образования. Из-за недостаточной подготовки такие студенты не могли успешно заниматься, и многие из них после первых же экзаменов были отчислены из вузов» (III, с. 572—573).

О церковной жизни города в трилогии сказано немного. Тем не менее Соболев упоминает об участии оставшегося в осаждённом городе митрополита Алексия (Симанского) в сборе средств для фронта и в пропаганде патриотических идей. Сообщая о том, что «в октябре 1943 г. по поручению Президиума Верховного Совета СССР медали “За оборону Ленинграда” получили 12 священнослужителей, среди которых были митрополит Ленинградский Алексий, настоятель Никольской церкви Большеохтинского кладбища протоиерей Владимир Дубровицкий, благочинный церквей Ленинграда протоиерей Николай Ломакин и др.», исследователь констатирует: «Это было признанием того факта, что церковь даже в самые трудные дни блокады оставалась вместе со своей паствой, давая горожанам духовное утешение и поддержку, что Ленинград сопротивлялся врагу не только силой оружия, но и силой общего воодушевления» (III, с. 573—574).

Особенно часто автор трилогии обращается к деятельности Ольги Берггольц, полагая, что её слова как нельзя лучше выражали царившие в то время у жителей города надежды и страхи, опасение бесконечности войны и предчувствие скорой победы, планы на будущее и горечь безвозвратных утрат. В полной мере это относится и к её знаменитому выступлению по радио 18 января 1943 г. (II, с. 450).

Блистательный фильм С.А. Герасимова и М.К. Калатозова «Непобедимые» («Ленинградцы»), снятый в Алма-Ате и вышедший на экраны в дни прорыва блокады, по словам Соболева, «привлёк внимание широкой общественности» к судьбе города и героизму его жителей (II, с. 451). Однако уже в 1943 г. советская цензура болезненно реагировала на возвеличивание подвига ленинградцев и попытки рассказать об ужасах блокады. Так, даже пьеса «У стен Ленинграда», написанная столь близким к власти автором как Всеволод Вишневский, стала настоящей «головной болью» для партийного руководства, просто-напросто не желавшего слушать о происходившем в начале войны (III, с. 610).

Кирилл Болдовский: Понимание, основанное на источниках

Kirill Boldovsky (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences): Understanding based on sources

DOI: 10.31857/S086956870005193-3

Блокада Ленинграда — одно из крупнейших событий Второй мировой войны, как по масштабу трагических последствий, так и по влиянию на ход боевых действий на советско-германском фронте. При этом, естественно, «у каждого была своя блокада». Столь многофакторное и разноплановое историческое явление по-разному воспринималось и отражалось в источниках, созданных «по обе стороны фронта». Да и, к примеру, в Москве положение блокированного города представлялось иначе, чем в самом Ленинграде. А условия военного времени и специфически советская «закрытость власти» сказывались на преломлении информации и в документах различных учреждений, и в текстах, выражающих индивидуальные и общественные настроения.

Всё это существенно затрудняет комплексное историческое исследование. Ведь в нём, очевидно, необходимо использовать не просто репрезентативные, но и непременно разнообразные по своему происхождению источники. Поэтому неудивительно, что в последние десятилетия работы, посвящённые блокаде, как правило, раскрывали лишь отдельные её аспекты: историю военных операций, блокадной экономики, повседневности и т.д. (I, с. 6—26). Тем самым единое целое как бы разделялось на самостоятельные и слабо связанные между собой части.

Уникальность трилогии Г.Л. Соболева, написанной в лучших традициях петербургской исторической школы, заключается прежде всего в том, что в ней процессы блокадного времени впервые комплексно и виртуозно анализируются с привлечением огромного количества новых источников, ставших доступными после начала «архивной революции». Сам Геннадий Леонтьевич выявил в петербургских архивах и осветил в своей трилогии ряд неизвестных ранее свидетельств (например, о распределении продуктов питания в 1943 г.). Ещё в 2012 г. он отмечал: «Публикация новых документальных источников создала предпосылки к тому, чтобы перейти к изучению блокады Ленинграда на качественно ином уровне, исследовать блокадную жизнь во всех её проявлениях, объективно показать характер и мотивы поведения различных социальных групп населения, выявить основные факторы выживания в экстремальных условиях блокады»[53]. В 2013—2017 гг. ему удалось осуществить этот замысел.

---

[53] *Соболев Г.Л.* Блокада Ленинграда: от новых источников к новому пониманию. С. 87.

О широте и полифоничности источниковой базы, на которую опирается Соболев, можно судить, например, по материалам, помещённым в приложении к главе, рассказывающей о событиях января 1942 г. — одного из самых трагических месяцев блокады. Среди них — документы центральных органов власти (постановление СНК СССР о помощи Ленинграду продовольствием), ленинградских руководителей (письмо А.А. Жданова И.В. Сталину с ходатайством о награждении работников промышленности города, обращение Жданова к водителям автомашин, командирам, комиссарам и политработникам и ко всему личному составу фронтовой автомобильной дороги, запись состоявшейся 25 января беседы Жданова с секретарём ленинградского горкома ВЛКСМ В.Н. Ивановым), военного руководства (записи переговоров по прямому проводу верховного главнокомандующего и заместителя начальника Генерального штаба с командованием Волховского фронта 10 и 17 января; постановления Военного совета Ленинградского фронта о строгом соблюдении лимитов расхода продовольствия, об эвакуации населения, об усилении борьбы с нарушителями правил благоустройства и общественного порядка), местных государственных партийных и советских органов (постановление бюро ленинградского горкома ВКП(б) о наведении элементарного порядка в домах; выдержки из стенограммы заседания бюро горкома по вопросу об организации помощи особо ослабевшим гражданам, а также из отчёта городского управления предприятиями коммунального обслуживания по разделу «Похоронное дело»; сводки управления НКВД и оргинструкторского отдела горкома о детской беспризорности, спекуляциях, кражах, продовольственном положении и настроениях населения; справка начальника городского управления милиции о борьбе с хищениями хлеба в булочных), немецкой разведки (фрагмент донесения о положении в Ленинграде), обращения в органы власти (просьба правления ленинградского отделения Союза советских писателей к секретарю горкома А.А. Кузнецову разрешить эвакуацию и завоз продуктов своими машинами), отрывки из блокадных дневников Н.П. Горшкова, Л. Мухиной, Г.А. Князева, воспоминаний О.Ф. Берггольц и медсестёр Л.С. Разумовской и Л.С. Левитан.

И это — только в приложении, для подготовки самой главы использовалось гораздо больше источников. И так — о каждом месяце. Тщательный подбор наиболее ярких и характерных текстов участников блокады делает изложение событий максимально насыщенным, а выводы убедительными. Такая структура представляется не только в некотором смысле новаторской, но и чрезвычайно удобной для читателей, желающих самостоятельно судить об исторических реалиях.

Конечно, выявление и изучение новых источников и целых комплексов документов, относящихся к истории блокады, далеко от завершения. Не случайно Г.Л. Соболев возглавил научный коллектив, подготовивший к печати первый том сборника «Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941—1944 гг.»[54], в который включены все постановления горкома и обкома партии с начала войны до весны 1942 г. Работа над остальными томами этого издания продолжается. На очереди — публикация документов Военного совета Ленинградского фронта, местных управлений НКВД и НКГБ, Ленгорисполкома.

Вероятно, это приведёт к новым оценкам и интерпретациям обстоятельств и персонажей блокадного времени. Однако труд Г.Л. Соболева никогда не потеряет своего значения, оставаясь примером подлинно научной работы.

---

[54] Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1.

Владимир Артамонов

Рец. на: П.А. Кротов. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб.: Историческая иллюстрация, 2017. 744 с.

Vladimir Artamonov
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: P.A. Krotov. Rossiyskiy flot na Baltike pri Petre Velikom. Saint Petersburg, 2017

DOI: 10.31857/S086956870005106-7

В отличие от «морских» народов — финикийцев, греков, викингов, голландцев, англичан — русские, имея мореходные традиции на северных морях и на юге, в основном опирались на навыки речной колонизации огромных просторов Евразии. В XVII в. Россия оказалась наглухо отсечена от Азовского, Чёрного и Балтийского морей. При Петре Великом Азовский флот просуществовал всего 16 лет (1696—1712), исчезнув после неудачных войн с Турцией в 1710—1713 гг. Однако к тому времени, благодаря Северной войне, которую, по признанию царя, «начали как слепые», уже появился Балтийский флот. Война заставила приступить к военному судостроению на Новгородской верфи, во Пскове, на реках Луге и Сяси, хотя делать это следовало раньше, задолго до 1700 г. Взятие в 1702 г. Нотебурга позволило закрепиться на Неве и выйти к Финскому заливу, а последующий прорыв на просторы Варяжского моря казался в XVIII в. столь же новым, как полёт в космос для наших современников.

Это великое дело на Балтике получило новаторское освещение в объёмной монографии доктора исторических наук профессора Санкт-Петербургского университета П.А. Кротова, который поднял свежие пласты источников из архивов и музеев Петербурга, Москвы, Архангельска и использовал огромную историографию на нескольких европейских языках. Ранее им уже было опубликовано восемь монографий, посвящённых победам при Полтаве и Гангуте, основанию Петербурга[1], а также почти две сотни статей о русском кораблестроении, флотоводцах, гардемаринах и навигаторах, о Морском уставе, о силе и тактике Балтийского флота в боях при Аландских островах, Гангуте, Эзеле. Им также были подготовлены к печати несколько документальных сборников по истории Беломорья, сибирской экспедиции академика Ж.-Н. Делиля в 1740 г. (из архивохранилищ России и Франции), труд Ф.И. Соймонова о Петре Великом и т.д.[2]

В новой книге Кротова «пошагово и вживую», на основании сотен свидетельств представлены военные операции 1700—1721 гг., строительство верфей, заводов, «великого каравана» (корабельного и галерного флота). Подробно описана эпопея подготовки «Осударевой» (Царской) дороги длиной в 167 вёрст и шириной в 6,5 м и перевод по ней двух яхт от Белого моря к Онежскому озеру. Этим судам довелось участвовать в штурме Нотебурга, а в дальнейшем их, возможно, превратили в брандеры.

В марте—апреле 1704 г. Пётр I заложил морской форпост России Кроншлот, воспользовавшись, как пишет Кротов, «упущением шведов», не построивших крепости на о. Котлин. Хотя при наличии выдвинутых на восток Нотебурга и Ниеншанца надобность в крепости на о. Котлин была для Швеции минимальной. Автор также уточнил дату переноса столицы из Москвы, что произошло не в 1712 г., как считалось ранее, а 8(19) мая 1714 г., когда именно благодаря Балтийскому флоту Петербург был объявлен «царствующим градом» (с. 363).

Пётр считал, что сильная армия и флот станут стержнем России. Необходимость создания регулярной военно-морской силы справедливо обосновывает и П.А. Кротов, полемизирующий с Н.Н. Петрухинцевым, по мнению которого геополитическое положение страны делало «почти невозможной и стратегически ненужной доктрину мощного наступательного флота на Балтике» (с. 36). Кротов убедительно показал, что мобилизация материальных и финансовых ресурсов, обязательная служба дворянства, наименее затратные рекрутские наборы и пожизненная служба моряков не только создали «профессиональный флот», но и позволили форсировать развитие экономики. По воле царя на северо-западе была создана промышленная база, основаны железоделательные Олонецкие Петровские заводы (пик их работы пришёлся на 1714—1719 гг.), домны, налажено литьё пушек, изготовление якорей, ядер, ружей, шпаг, полотняное, канатное и лесопильное производство. По кораблям, вооружению и кадрам флота автором повсюду проведены точные подсчёты.

В книге детально описаны программы создания Балтийского флота — и скромная первая (1703—1707), и начатая с ноября 1707 г. вторая, рассчитанная уже на создание 27 линейных кораблей, и третья, осуществлявшаяся с 1715 г. К кампаниям 1713—1714 гг. был подготовлен самый мощный в истории региона галерный флот для похода в Финляндию, и блокада Петербурга окончилась. Ударный гребной флот, нападавший с 1708 г. на противника, предопределил победу России на Балтике, которая и решила исход Северной войны. Строительство кораблей и галер по турецко-греческой, английской, французской или русской технологиям прослежено в монографии вплоть до 1725 г. Ежегодные расходы на флот в 1704—1724 гг. колебались около 10—12% (с. 332—334, 705). Издержки казны на приобретение и постройку 30—60-пушечных кораблей составляли от 18 до 120 тыс. руб. (с. 705, 718). По отзыву британского резидента в Петербурге Д. Джеффриса, русская кораблестроительная школа оказалась не хуже европейских (с. 276). Впрочем, в книге несколько преувеличены опасения британцев относительно господства царя на море (с. 327). Ведь Англия, закупая в России стратегические товары (мачтовый лес, пеньку, сало, воск и канаты), не остерегалась продавать ей первоклассные корабли. Пётр I в 1713 г. специально перевёл торговлю из Архангельска в Петербург, чтобы «стравить» Англию и Голландию со шведами. В Петербург в 1724 г., по сведениям Кротова, прибыло 196 иностранных кораблей, и больше всего как раз британских (29%) и голландских (28%) (с. 713).

В начале становления флота, в 1708 г., все служившие на нём штаб- и обер-офицеры были из иностранцев, среди младшего командного состава их насчитывалось 37,4%, а общепринятым языком в офицерской среде являлся голландский. Однако в 1723 г. большинство моряков составляли уже «природные» россияне: 71,8% штаб- и

обер-офицеров и 90,7% младших командиров. А из 12 475 рядовых чинов корабельного Балтийского флота 20 мая 1723 г. иностранцев было лишь пятеро — матрос и четыре трубача (с. 564, 567).

Образцом для Математическо-навигационной школы стала Королевская математическая школа в Лондоне. Уровень преподавания определён Кротовым по книге конспектов, чертежей, рисунков и таблиц. За рубежом навигаторы с 1706 по 1718 г. обучались в основном за свои средства, а с придворных, откупавшихся от службы за границей, бралось от 40 до 360 руб. в год (с. 587). Правда, оставленные без присмотра и содержания гардемарины нередко уклонялись от морских плаваний и сбегали с французских, испанских и венецианских кораблей. Зрелость флота наступила к 1717 г., когда прекратилась посылка навигаторов для прохождения практики на иностранных судах.

К 1718 г. превосходство русской морской армады над шведами стало явным, и половина балтийской акватории оказалась под контролем царя. Однако океанского флота при Петре I создано не было. Тем не менее его преобразования и победы оказались столь грандиозны, что многие историки, включая Кротова (с. 64—67, 479, 490), полагают, будто именно при нём Россия вошла в число великих держав, наряду с монархией Габсбургов, Францией, Великобританией, Нидерландами и Османской империей (обладавшей 100-тысячной армией без учёта крымских татар и курдов). Но всё же такой статус она приобрела только при Екатерине II, когда, по словам канцлера кн. А.А. Безбородко, «ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела». К 1790 г. Балтийский флот имел 34 линейных (частично 100-пушечных) корабля, 15 фрегатов, 270 гребных судов, а Черноморский — 22 линейных корабля, 12 фрегатов и 80 гребных судов, армия же (вместе с иррегулярными и гарнизонными войсками) превышала полмиллиона.

Скрупулёзное, богато иллюстрированное исследование П.А. Кротова является одновременно и научным, и справочным. Свободное владение материалом источников и историографией в очередной раз подтверждает высокое профессиональное мастерство историка.

Примечания

[1] *Кротов П.А.* Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996; *Кротов П.А.* Основание Санкт-Петербурга: загадки старинной рукописи. СПб., 2006; *Кротов П.А.* Битва при Полтаве: к 300-летней годовщине. СПб., 2009; *Кротов П.А.* Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011; *Кротов П.А.* Гангут: сражение и корабли. СПб., 2013; *Кротов П.А.* Гангут. 300 лет первой победе российского флота. М., 2014; *Кротов П.А.* Битва под Полтавой. Начало Великой России. СПб., 2014. См. также: *Кротов П.А.* Полтавская битва. Переломное сражение русской истории. М., 2018.

[2] Тревожные годы Архангельска 1700—1721. Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого / Сост. Ю.И. Беспятых, В.В. Брызгалов, П.А. Кротов. Архангельск, 1993; *Ден Д.* История российского флота в царствование Петра Великого / Публ. П.А. Кротова. СПб., 1999; *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / Публ. П.А. Кротова. СПб., 2001; Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Берёзов в 1740 г. Дневник Т. Кёнигфельса и переписка Ж.-Н. Делиля / Сост. Н.В. Кирющенко, П.А. Кротов. СПб., 2008; *Соймонов Ф.И.* История Петра Великого / Отв. ред. П.А. Кротов. СПб., 2012; Сражение при Гангуте 1714 года — начало славы российского флота / Сост. Н.В. Кирющенко, П.А. Кротов. СПб., 2014.

Оганес Маринин

Рец. на: О.Р. Айрапетов. История внешней политики Российской империи. 1801—1914. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801—1825. М.: Кучково поле, 2017. 608 с.

Oganes Marinin
(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: O.R. Ayrapetov. Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii. 1801—1914. T. 1. Vneshnyaya politika imperatora Aleksandra I. 1801—1825. Moscow, 2017

DOI: 10.31857/S086956870005131-5

Хотя изучение внешней политики Российской империи является давним и традиционным направлением в отечественной и зарубежной историографии, современные исследователи сравнительно редко выпускают работы обобщающего характера, посвящённые не разработке отдельных проблем, а комплексной характеристике международного положения страны на протяжении того или иного длительного периода, анализу общих принципов и форматов её взаимоотношений с другими государствами. Именно это привлекает внимание к труду хорошо известного в профессиональном сообществе блестящего историка-исследователя О.Р. Айрапетова, который развивает и конкретизирует идеи, высказанные в 2006 г. в сравнительно кратком учебном пособии (с. 8)[1].

Книга состоит из Вступления, 18 разделов и научно-справочного аппарата (примечаний и подробного именного указателя). Свою цель Айрапетов видит в том, чтобы осветить не только и не столько историю дипломатического ведомства, включая формы и методы его деятельности, но создать гораздо более сложную картину реальной политики, «рождавшейся на грани усилий дипломатов и военных, учёта финансовых возможностей, потенциала нашей страны, её союзников и противников» (с. 8). Напоминая о влиянии на внешнеполитические решения стратегических, экономических, политических и идеологических факторов, исследователь тщательно реконструирует «фон и контекст» описываемых событий, обращая особое внимание на их военную, военно-морскую, финансовую и внутриполитическую составляющие и стараясь оценивать как русский потенциал, так и «возможности партнёров и противников России в каждом конкретном случае» (с. 10).

Решая столь непростую и амбициозную задачу Айрапетов прекрасно отдаёт себе отчёт в необходимости использования всех опубликованных «основных комплексов документов» и «наиболее важных» периодических изданий, хотя и не раскрывает выбранные им критерии их отбора. Отсутствует, к сожалению, и единый список использованных источников и литературы. Тем не менее только периодика, проработанная автором, насчитывает без малого четыре десятка наименований русских (в том числе эмигрантских) и европейских газет и журналов.

Более того, часть опубликованных в разное время и в разных местах свидетельств и документов, анализируемых Айрапетовым, оказались забыты или вовсе не изучались историками.

Разумеется, сам масштаб замысла вынуждал автора отказаться от попыток объять необъятное множество архивных источников на разных языках. Но едва ли мимо этой проблемы смогут пройти будущие исследователи.

Айрапетов решительно настаивает на необходимости преодоления «инфернализации» Российской империи, а также на прекращении необоснованного противопоставления в конъюнктурных целях понятий «русское», «царское» и «российское». С едкой иронией говорится в книге и о растущей в гуманитарных дисциплинах тенденции «теоретизирования без знания фактов», о терминологической эквилибристике, бессмысленно загромождающей тексты наукообразными определениями и формулировками. Особенно бедственно это в условиях, когда «распад средней школы, всё более набирающий темпы, на наших глазах начал охватывать и систему высшего образования» (с. 11).

Со своей стороны, историк противопоставляет этому «первенство факта» и внимательное отношение к источникам, характерное для всей научной школы профессора Н.С. Киняпиной, к которой с полным правом причисляет себя Айрапетов. Не случайно он очень подробно излагает ход событий, не скупится на пространные цитаты из первоисточников, показывает своеобразие и особенности подачи информации в различных документальных комплексах, неоднократно ссылается на достижения отечественной и мировой историографии, не позволяя себе необоснованных утверждений. При этом авторская позиция подчас формулируется весьма нелицеприятно. Так, оценивая начало государственной деятельности Александра I, Айрапетов указывает на «непоследовательность, бессистемность, слабое соотношение между декларируемыми теоретическими принципами и реальной политикой» (с. 26).

Труд Айрапетова сочетает несомненные признаки как монографического исследования, так и учебного пособия. Но, пожалуй, ближе всего он к несколько подзабытому ныне, а когда-то весьма популярному и распространённому жанру «курса истории». Неудивительно, что автору особенно близки «традиции и стандарты историков консервативного направления, признающих первенство факта над измышлениями». Именно они многое сделали для развития данного жанра в отечественной историографии.

Разделы книги выстроены преимущественно по хронологическому принципу и охватывают период со вступления на престол императора Александра I до его кончины (с. 413—461). Последовательно характеризуется участие России в Третьей и Четвёртой антифранцузских коалициях, её положение после Тильзитского мира, раскрываются причины и обстоятельства Отечественной войны 1812 г., Заграничных походов русской армии и сокрушения Наполеона, показана позиция русской дипломатии на Венском конгрессе и её роль в послевоенном устройстве Европы, провозглашении Священного союза и т.д.

Некоторые разделы, например, посвящённые войнам России со Швецией (1808—1809), Турцией (1806—1812) и Персией (1804—1813), могут быть названы проблемно-хронологическими. Этим разделам Айрапетов уделил особое внимание: описание русско-турецкой и русско-персидской войн начала XIX в. занимает по объёму около пятой части всей книги. Вероятно, прежде всего это объясняется профессиональными научными интересами автора, который немало сил отдал плодотворному изучению Восточного вопроса и политики России на Кавказе[2].

Осложнения в русско-турецких отношениях в начале XIX в. исследователь связывает с ростом напряжён-

ности на Балканском полуострове и бесчинствами янычар, вызвавшими Первое сербское восстание 1804—1813 гг. Характерно, что султан первоначально вступил с повстанцами в переговоры и даже намеревался оказать им помощь. В то же время «до 1806 г. ввиду осложнений на европейском направлении Россия ограничилась финансовой и моральной поддержкой сербов, стараясь удержать турок от крупномасштабного повторения похода против повстанцев» (с. 162), и лишь после сближения Константинополя с наполеоновской Францией и закрытия в сентябре 1806 г. проливов для русских судов в Петербурге начали наращивать военные силы на южных границах. После объявления Турцией войны России, не успевший покинуть столицу Османской империи российский представитель А.Я. Италинский вынужден был спешно искать убежище, которое, в конечном счёте, нашёл на британском корабле. В дальнейшем боевые действия на Дунае и на Кавказе перемежались длительными перемириями. Излагая их ход, автор не забывает о происходивших в то время в Турции бунтах янычар (в 1807 и 1808 гг.), о смене султана и проч. Однако, как он неоднократно указывает, фактором, определявшим тогда положение дел на Балканах, являлись русско-французские (Тильзитский мир и встреча императоров в Эрфурте) и русско-английские отношения. Австрийская дипломатия после утраты Венецианских владений играла в регионе второстепенную роль.

Подробно представлены в книге действия М.И. Кутузова и других русских военачальников и дипломатов, предшествовавшие заключению Бухарестского мира. В частности, отмечается и то, что их задача упрощалась действиями посла Франции, дошедшего в своём «желании удержать султана в войне до угроз, и усилиями посла Англии, стремившего добиться прекращения войны» (с. 210). Однако первоначально султан ратифицировал лишь основной текст договора и только 2 июля 1812 г. между двумя империями последовал обмен ратификационными грамотами. Александр I ратифицировал договор за день до начала наполеоновского вторжения, но манифест о заключении мира опубликовал лишь в начале августа 1812 г., поскольку султан не желал утвердить новую границу с Россией в Закавказье и предоставить автономию сербам, даже при условии передачи туркам крепостей.

Основной причиной самой продолжительной для России в начале XIX в. русско-персидской войны (1804—1813) стало присоединение к России Восточной Грузии на фоне фактического раздела Закавказья на турецкую и персидскую зоны влияния (с. 215). Но предпосылки этого конфликта Айрапетов находит ещё в событиях 1780—1790-х гг., приведших к формальному присоединению Восточной Грузии к Российской империи в январе 1801 г. А в сентябре того же года Александр I не без колебаний подписал манифест «Об учреждении нового правления в Грузии». После этого российским властям пришлось не только энергично восстанавливать Тифлис, борясь с болезнями и антисанитарией, но и готовиться к неизбежному столкновению с турками и персами. В книге много ярких характеристик государственных и военных деятелей, служивших в те годы на Кавказе — Б.Ф. Кнорринга, кн. П.Д. Цицианова, гр. И.В. Гудовича, А.П. Тормасова и др. Особенностью войны на Кавказе являлось сочетание сравнительной малочисленности русских войск (увеличить её в условиях борьбы с Францией, а затем — с Турцией, было невозможно) с необходимостью постоянно перебрасывать их

с одного тактического направления на другое — в горной местности и при отсутствии дорог, пригодных для оперативного перемещения крупных отрядов и артиллерии. Это приводило к длительным перерывам в боях и активизации переговоров разного уровня. Айрапетов прослеживает соперничество в регионе русской, французской, британской и турецкой дипломатии. В 1807—1808 гг. Франция открыто согласовывала с персами планы совместного похода в Индию, был заключён соответствующий договор, разведаны и описаны более 100 возможных маршрутов для движения корпусов. Неудивительно, что в 1813 г. английская дипломатия способствовала заключению Гюлистанского мира: «Не в интересах Англии было продолжать в такое время противостояние с союзником в регионе, откуда пока решительно ничего не угрожало британским интересам» (с. 248). Однако «Бухарестский и Гюлистанский договоры юридически оформили проникновение России в Закавказье, вызванное по преимуществу соображениями защиты единоверцев. Этого уже было достаточно для того, чтобы сделать неизбежными и рост почти маниакальной и поэтому опасной подозрительности среди английских и особенно англо-индийских политиков, и войну с горцами Северного Кавказа, лишёнными привычной добычи для своих набегов, и дальнейшее ухудшение отношений с Ираном» (с. 248—249).

В последнем структурном разделе, посвящённом греческому восстанию 1821 г. и его влиянию на внешнюю политику Александра I, Айрапетов констатирует, что император к концу своего царствования оказался в тупике. Между тем, пользуясь его нерешительностью, египетская армия, по призыву султана высадившаяся в Морее, овладела Наварином, устроив резню непокорного населения, а затем осадила главную крепость повстанцев Миссолунги. В августе 1825 г. руководители восстания особым актом объявили о переходе Греции под покровительство Великобритании. По словам историка, «практически все надежды и расчёты русского монарха рушились на его глазах» (с. 459).

В целом автору книги безусловно удалось воссоздать многогранную картину развития внешней политики России в первой четверти XIX в., учитывая изменение международной обстановки, сил, целей и задач различных держав. А регулярное обращение к сведениям экономического и торгово-промышленного характера позволило ему проследить тесную связь принимавшихся тогда решений с интересами, возможностями и потребностями государства.

Примечания

[1] *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи 1801—1914 гг. М., 2006.

[2] *Айрапетов О.Р.* На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 158—261; *Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М.* Дорога на Гюлистан... Из истории российской политики на Кавказе в XVIII — первой четверти XIX в. М., 2016.

Андрей Скрыдлов

Новая книга об истории статистических учреждений в России*

Andrey Skrydlov
(Saint Petersburg branch of the Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences)

The new book on the Russian Statistical Institutions History

DOI: 10.31857/S086956870005184-3

«Говорят, что числа правят миром. Нет, они только показывают, как правят миром», — отметил однажды И.В. Гёте. Этот афоризм характеризует актуальность новой монографии члена-корреспондента РАН И.И. Елисеевой и доцента экономического факультета СПбГУ, историка экономики и статистики А.Л. Дмитриева. С начала XIX в. статистические учреждения всегда занимали особое место в структуре государственного управления России, предоставляя сведения, необходимые для проведения правительственной политики. В настоящее время, когда российская система статистического учёта непрерывно реформируется, особенно важен детальный ретроспективный анализ её организации и методологии. Авторы исследования характеризуют основные этапы становления российских статистических учреждений в XIX—XXI вв. и раскрывают «связь развития статистики как инструмента управления с развитием государственного аппарата и необходимостью решения возникающих экономических и социальных задач, проведения реформ» (с. 6).

Книга состоит из 10 глав, выстроенных в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Её открывает краткий, но весьма информативный историографический очерк, в котором отмечены основные труды по теме, начиная с юбилейного сборника Центрального статистического комитета 1913 г. и до новейшей «Истории государственной статистики России: 1811—2011», подготовленной И.И. Елисеевой и А.Л. Дмитриевым в 2013 г. при поддержке Росстата[1]. Рецензируемая монография в целом повторяет структуру издания 2013 г., однако его текст существенно переработан и дополнен новыми архивными материалами (с. 8).

Возникновение в России государственной статистики авторы связывают с реформаторскими поисками и преобразованием центральных органов власти при Александре I. Именно тогда правящая элита, нуждавшаяся в актуальной информации о состоянии дел на местах, осознала важность статистического изучения страны (с. 9). Вместе с тем не стоит игнорировать и влияние французских образцов на организацию централизованного сбора и анализа статистических данных в России. Как известно, на рубеже XVIII—XIX вв. система статистической отчётности приобрела особое значение в наполеоновской Франции[2].

Манифест об учреждении министерств 8 сентября 1802 г. дал важнейший импульс для формирования органов власти, осуществляющих «деятельность по сбору, обобщению и распространению» информации, но она тогда «ещё не отделилась от других методов и структур государ-

* *Елисеева И.И., Дмитриев А.Л.* Очерки по истории государственной статистики в России. СПб.: Росток, 2016. 288 с.

ственного управления», а статистическая культура, методики и подготовка кадров находились в зачаточном состоянии (с. 11). При всей значимости первых попыток министра внутренних дел гр. В.П. Кочубея наладить единообразную отчётность и систематизировать данные о положении губерний в 1802—1804 гг., полученный им результат нельзя признать надёжным источником, позволяющим судить о реальном положении дел на местах. Поэтому возникновение государственной статистики в России авторы обоснованно связывают с образованием 20 марта 1811 г. Статистического отделения при Министерстве полиции. Его структура и функции были чётко регламентированы. Оно состояло из двух частей — исполнительной и «учёной», в дальнейшем преобразованной в «учёное установление»[3] (в книге допущена опечатка, и она названа «учётной») (с. 18).

Реорганизацию Статистического отделения в 1834 г. и создание губернских статистических комитетов авторы рассматривают в контексте внутренней политики Николая I (с. 34), добивавшегося повышения достоверности получаемых из губерний сведений. Однако, как констатируют авторы, «предпринятые в 1842—1843 гг. мероприятия по перестройке правительственной статистики всё же не привели к каким-либо существенным изменениям в статистических работах МВД» (с. 44). Ситуация стала меняться к лучшему лишь после создания в 1852 г. Статистического комитета (с. 52). Расширение штатов и полномочий, новый регламент работы и более высокий статус внутри министерства стимулировали работу чиновников. Сказывался и энтузиазм их руководителей. Усилиями К.И. Арсеньева, Н.А. Милютина, А.Г. Тройницкого удалось создать работоспособное учреждение, ставшее базой дальнейших усовершенствований второй половины XIX в.

Оформление в 1858—1863 гг. новой структуры Центрального статистического комитета (ЦСК) показано в книге в связи с подготовкой Великих реформ Александра II (с. 69). Утверждённое 30 апреля 1863 г. «Положение об устройстве статистической части при Министерстве внутренних дел», по мнению авторов, ставило перед ЦСК слишком масштабные задачи, которые не соответствовали возможностям ведомства (с. 72). Тем не менее в 1860—1880-х гг. происходило постепенное увеличение численности служащих и финансирования ЦСК, которое, впрочем, не успевало за расширением круга его обязанностей. В монографии последовательно прослеживаются участие ЦСК в международных статистических конгрессах второй половины XIX в., его издательская и образовательная деятельность, организация Первой всеобщей переписи населения Российской империи (её программе и проведению посвящена отдельная глава).

В начале XX в. новые задачи, возникшие перед государством, вызвали оживлённые дискуссии о преобразовании статистической части. Однако из-за разногласий между членами Совета министров и большинством Государственного совета (касавшихся, в частности, организации работы статистиков на уездном уровне) проекты, обсуждавшиеся в 1908—1912 гг., не были реализованы. Тем не менее началась подготовка Второй всеобщей переписи населения, первоначально запланированной на 1915 г. В соответствующей главе авторы, опираясь на архивные документы ЦСК, подробно освещают деятельность Междуведомственного совещания по разработке плана подготовки работ по переписи, которым руководил П.И. Георгиевский (с. 132—135). Его занятия не прерыва-

лись вплоть до февраля 1917 г.: в годы Первой мировой войны его члены сосредоточились на выполнении работ, «которые не вызывают почти никаких расходов и не могут затруднить местные правительственные и общественные учреждения» (с. 134).

Истории советской государственной статистики посвящены три главы, отражающие основные этапы её эволюции. В 1917—1929 гг. происходило «зарождение советской статистики». Анализируя различные подходы к организации и деятельности Центрального статистического управления (ЦСУ), существовавшие тогда среди большевистского руководства, авторы отмечают, что основу статистических кадров в те годы составляли земские статистики, и особо указывают на личный вклад первого председателя ЦСУ РСФСР П.И. Попова. Ему приходилось даже вести дискуссии с вождями партии, возражая против подчинения статистического ведомства Госплану СССР. Так или иначе, до 1930 г. ЦСУ удавалось сохранять права отдельного наркомата. В 1930—1950-е гг. шло формирование «механизма фальсификации статистических данных» (с. 183). В эти годы происходил отказ от использования аналитических методов и традиций независимой «академической» статистики, основное значение приобрели показатели внутрихозяйственного учёта при требовании максимальной оперативности учётно-статистических работ и дефиците квалифицированных кадров из-за репрессий 1930-х гг. В результате «оперативный статистический учёт стал тормозом в развитии статистики», поскольку не позволял «критически оценивать плановые задания и ход их выполнения» (с. 197). Устранить появившиеся недостатки не удалось и после возвращения ЦСУ самостоятельности и передачи его в 1948 г. из Госплана в ведение Совета министров СССР.

Хрущёвская оттепель, по мнению Елисеевой и Дмитриева, открыла «новую страницу в развитии отечественной статистики». Её основными вехами с конца 1950-х до начала 1990-х гг. стали реабилитация репрессированных учёных, создание новых научно-исследовательских центров, механизация и автоматизация статистических работ, публикация их результатов. После создания совнархозов в 1957 г. и «ликвидации статистики в министерствах» резко возросло значение ЦСУ, где обрабатывались сведения о состоянии всех отраслей народного хозяйства. Однако такая централизация оказалась чрезмерной и привела к обратному эффекту — органы ЦСУ не всегда справлялись с большим объёмом поступающих материалов, и качество их анализа ухудшалось (с. 204). К важнейшим мероприятиям этого времени относятся также всесоюзные переписи населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг., методологические особенности проведения каждой из них подробно рассмотрены в монографии. В постсоветский период организация, нормативно-правовая база и методология государственной статистики заметно изменились. Как утверждают авторы, реализация федеральных целевых программ позволила адаптировать её к потребностям рыночной экономики и рекомендациям международных статистических организаций, открылись перспективы дальнейшего развития.

Следует признать, что И.И. Елисеевой и А.Л. Дмитриеву удалось создать основательное и законченное исследование, актуальность и научная ценность которого для истории науки и государственных учреждений России не вызывают сомнений.

Примечания

[1] История российской государственной статистики: 1811—2011. М., 2013.

[2] *Perrot J.-C.* State and Statistics in France 1789—1815. Glasgaw, 1984. P. 93; *Птуха М.В.* Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. М., 1945. С. 7.

[3] РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 18. См. также: *Скрыдлов А.Ю.* Академик К.Ф. Герман: на пересечении науки и государственной службы (к 250-летию со дня рождения учёного) // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 1. С. 20.

Галина Ульянова

Рец. на: K. Pickering Antonova. An ordinary marriage: the world of a gentry family in provincial Russia. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 2013. XV + 304 p.*

Galina Ulianova
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: K. Pickering Antonova. An ordinary marriage: the world of a gentry family in provincial Russia. N.Y.; Oxford, 2013

DOI: 10.31857/S086956870005194-4

В последние годы историки всё больше внимания уделяют изучению истории частной жизни, вдохновляясь концепциями и подходами, выработанными французской «Школой Анналов» и Ю. Хабермасом[1]. Историография обогатилась рядом работ, в которых рассматриваются различные аспекты частной и повседневной жизни дворянских и купеческих семейств в городах и деревнях имперской России[2].

В представленной книге американской исследовательницы Кэтрин Пикеринг Антоновой соединился интерес, во-первых, к истории частной жизни дворянской семьи через призму гендерного подхода, во-вторых, к реконструкции бытовой и культурной истории жизни русской провинции. В качестве основного метода автор избрала микроисторический подход, введя в научный оборот прежде неизвестные письма, дневники, воспоминания[3].

Изучение микроистории европейскими и американскими исследователями датируется 1960—1970-ми гг.[4] Однако в Советском Союзе, а затем в России, эти исследования запаздывали — микроисторические штудии на российском материале начались с конца 1980-х гг. Ранее чем историки к этим вопросам и подходам обратились филологи (прежде всего представители тартусской школы Ю.М. Лотмана), культурологи, а из историков — медиевисты, изучавшие западноевропейскую историю (например, А.Я. Гуревич[5]).

До выхода книги Пикеринг Антоновой микроисторическое изучение жизни помещика в усадьбе предпринимали лишь С. Хок («Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии») и М. Кавендер («Дворянские гнёзда: семья, поместье и преданность родным местам в истории провинциальной России»)[6].

Девятнадцатое столетие считается в историографии «золотым веком» частной жизни. Тогда российское дво-

* *Пикеринг Антонова К.* Обыкновенное супружество: мир дворянской семьи в российской провинции. Нью-Йорк; Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2013. 329 с.

рянство являлось наиболее влиятельным и состоятельным сословием, и, указывает Пикеринг Антонова, «дворянская идентичность находилась в тесной связи с этосом государственной службы и институтом крепостничества». Автор представляет функционирование и эволюцию частного пространства и личных отношений членов дворянских семей в России на примере жизни в имении в 1820—1875 гг. четы Чихачёвых (Андрей, его супруга Наталья, дети, брат Яков, и др.). При этом автор детально исследует внутренний мир этого семейства, анализирует повседневную жизнь домочадцев и их эмоциональные проявления (в русле модного сейчас научного направления «история эмоций»).

В основе труда Пикеринг Антоновой — комплекс источников, обнаруженный ею в Государственном архиве Ивановской области (письма, дневники, счётные хозяйственные книги и другие материалы семейного архива Чихачёвых). В течение девяти месяцев 2005 г. исследовательница работала с данными документами, посетила сёла и деревни, которые упоминаются в её книге (например, выяснилось, что в Берёзовике сохранилась каменная церковь, возведённая в конце XVIII в., а от барского дома не осталось и следа).

Монография логично структурирована (введение, десять глав, заключение), в ней представлены почти все аспекты жизни российской провинциальной помещичьей небогатой семьи в первой половине XIX в.: рождение и смерть, болезни и излечение, материнство и отцовство, хозяйственные заботы и общение с соседями, понимание своего места в провинциальном социуме и дворянской иерархии. Материал, представленный в книге, несомненно, будет очень интересен даже искушённому читателю.

Достоинством книги является её компаративистский фокус, рассмотрение российского опыта в контексте европейских и американских моделей. Автор помещает историю семьи Чихачёвых в транснациональный контекст, сравнивая распределение гендерных ролей с семейными моделями, прежде всего викторианской Англии, а также США, Франции, стран Восточной Европы. Использование Пикеринг Антоновой концептов «*domesticity*» («сфера домашней жизни», но единого мнения о переводе этого термина на русский язык пока нет) и «разделённых сфер» обогащает понимание истории семьи и истории женщин в XIX в., а также вносит ценный вклад в историографические дебаты. Согласно концепции «разделённых сфер» компетенции мужчин и женщин в большинстве европейских стран в XVIII—XIX вв. различались: к социальным практикам первых относились политика, экономика, юридические права, вторых — исключительно сфера семьи и домашнего очага.

Однако последующие исследования европейской истории показали, что базовый принцип «разделённых сфер» был важным, но отнюдь не единственным среди многих форм гендерной идентификации, существовавших и переплетавшихся в социальной истории Европы в XIX в.[7] В дворянских и купеческих семьях, например в России, в ряде регионов Франции, в Скандинавии женщины могли распоряжаться капиталами, вести дела фирмы, и конструкция ролей в семье была сложнее.

В ключевой концептуальной главе монографии «Домашний круг и материнство» Пикеринг Антонова рассмотрела воззрения мужа и жены на их семейные обязанности, представив с точки зрения риторики о сфере домашней жизни анализ публицистики Андрея Чихачёва, — его цикл статей

«Важность хозяйки в доме», опубликованный в «Земледельческой газете». Таким образом, исследовательница продолжает дискуссию историков о «*domesticity*», начатую М. Маррезе («Царство женщин: женщины-дворянки и контроль над собственностью в России. 1700—1861») и продолженную Л. Фарроу («Между кланом и короной: борьба за определение прав собственности дворянства в имперской России»)[8].

Тот же вопрос обсуждается и в главе «Управление поместьем», где содержатся размышления о причинах доминирующей роли женщин-владелиц в управлении имуществом. Пример Чихачёвых, где хозяйством распоряжалась супруга (что демонстрируют дневники и хозяйственные книги, которые вела Наталья в 1835—1837 гг.), — ещё одно подтверждение значительного влияния женщин в сфере владения недвижимостью, ранее отмеченное в вышеназванных трудах Маррезе и Фарроу и книге У. Вагнера «Брак, собственность и право в позднеимперской России»[9].

Автор рассуждает о сходстве и различии моделей идеологии ведения домашнего хозяйства — российской дворянской (на примере четы Чихачёвых), британской и «женщины штетла» (хозяйственные и материнские обязанности женщины в семьях восточноевропейских евреев). По мнению Пикеринг Антоновой, «англо-французская модель... была широко распространена в российской периодической печати и книгах советов в середине XIX столетия. Эти источники распространяли образы семейной близости и счастья, и рекомендовали девушкам и женщинам соблюдать благочестие, чистоту и покорность» (p. 136). Однако, как справедливо отмечает автор, в русской модели нельзя сбрасывать со счетов и отголоски «Домостроя».

Глава «Мир провинции» посвящена географии жизни Чихачёвых. Здесь указано, сколько времени занимали их перемещения от принадлежавших им усадеб Дорожаево и Бордуки (где они постоянно проживали) до губернского города Владимира и уездного центра, как часто они отправлялись в путешествия, с кем из родственников общались. Имение Чихачёвых располагалось в бедном земледельческом районе (между Ковровом и Шуей). Они выращивали зерно и лён для собственного потребления и на продажу. В собственности у супругов в общей сложности находилось от 240 до 350 «душ» мужского пола, большинство крепостных были на оброке.

Вопрос о провинциальном сообществе как системе семейных, дружеских, служебных и хозяйственных связей, складывавшихся в течение десятилетий и даже столетий, поставлен в главе «Общество». Согласно составленной Андреем Чихачёвым генеалогии, его прадед Андрей Степанович был первым из их рода, жившим в Дорожаеве в середине XVII в. Здесь же затронут вопрос о роли писем в коммуникативном механизме провинциального сообщества. Ежедневная корреспонденция существовала не только ради общения его членов, но и была способом сохранения их места в иерархии. Из-за скромных финансовых возможностей провинциальные дворяне редко выезжали в Москву, поэтому письма, ментально заменявшие им путешествия, становились способом освоения мира.

Кропотливо реконструировав ход жизни в сельской местности (глава «Деревня»), автор показала взаимоотношения помещика и крестьян на основе дневников и писем Чихачёвых, статей Андрея в «Земледельческой газете» (так, из его заметок стало известно, что из-за нехватки денег нача-

тое им строительство каменного дома в Дорожаеве длилось восемь лет). Для провинциального дворянства выход из пространства частной жизни мог осуществляться, например, через публицистику (Чихачёв печатался в московских и владимирских изданиях) или участие в местных добровольных обществах (сельскохозяйственное, библейское, благотворительное), а также в других организациях неполитического характера. Приобщение к культурной среде происходило благодаря чтению литературных новинок. Живя в дальних деревнях, помещики получали газеты, выписывали книги из лавок купцов-книготорговцев Москвы и Петербурга.

Вопрос о роли чтения в жизни дворянской семьи детально рассмотрен в главе «Социальные связи, благотворительность и досуг». Пикеринг Антонова пишет, что по вечерам Чихачёвы читали вслух «Эмму» Дж. Остин и «Камиллу» Ф. Барни, «Роб Роя» В. Скотта, а также весьма популярный в России журнал «Библиотека для чтения». Из русских авторов в этой семье любили перечитывать и обсуждать труды А.С. Пушкина и Ф.В. Булгарина, а также «Историю Государства Российского» Н.М. Карамзина.

Автор отмечает, что в текстах Андрея Чихачёва предстаёт идеальная картина согласия помещика и крестьян в деревне — указываются такие черты деревенской жизни, как «взаимные преимущества», «уважение», «религия», «порядок» и «аккуратность». Но одновременно в семейном архиве сохранились свидетельства 1820—1830-х гг. о беглых крестьянах (некоторых удалось вернуть), воровстве крестьян, незаконной вырубке ими барского леса. За провинности несколько крестьян отправили в работный дом во Владимир, причём эрудированный Андрей в письме к брату Якову сравнил этих бунтовщиков с «древними новгородцами». Такие взаимоотношения барина и крестьян, по мнению Пикеринг Антоновой, лежали в плоскости патернализма, где владетели относились к крепостным, как к детям, не всегда разумным в своих поступках. Автор рассматривает взгляды Андрея Чихачёва в контексте дебатов его современников — западников и славянофилов. В отличие от последних, Андрей, постоянно живший в деревне (за исключением пяти лет военной службы), не идеализировал русских крестьян. Пример тому — его статья «Два слова о работах господских людей», опубликованная в «Московских губернских ведомостях» в 1847 г.

Размышляя о ролях мужа и жены в воспитании детей, автор сравнивает модели, сложившиеся в России (на примере Чихачёвых) и викторианской Англии, объясняет их сходство и различие. Картина воспитания сына Андрея — Алексея — воссоздана на базе ценного источника — трёх дневников, которые Алексей вёл с 10 до 23 лет. Эти записи демонстрируют огромную роль отца в приучении сына к умственному труду и дворянскому образу жизни. Откуда же черпал Андрей Чихачёв свои идеи воспитания, кроме подсказанных ему интуицией? Судя уже по его собственному дневнику, они вместе с сыном читали как «очень полезную книгу» «Приключения Телемаха» Ф. Фенелона. Как отмечает Пикеринг Антонова, об особом влиянии этого писателя на труды о воспитании в XVIII—XIX вв. указывает и известный британский исследователь К. Келли[10].

В последнее десятилетие предметом изучения специалистов по социальной истории стала тема болезни, боли и физического страдания (например, монография И. Берк «История боли: от молитвы до болеутоля-

ющих средств»[11]). В главе «Болезнь, горе и смерть» Пикеринг Антонова рассуждает о том, как Наталья, родившая четверых детей (двое умерли в младенчестве), могла столь усердно руководить имением даже в период своих болезней (в её дневнике нередко встречаются фразы «не могла встать с постели», «провела весь день в постели»)? Упоминаются в дневниках обоих супругов женские заболевания (мигрени, недомогания, связанные с беременностью, менструальным циклом, послеродовым периодом), а также описанные мужем периодические истерические припадки жены. Из «мужских» заболеваний Чихачёв упоминает свою депрессию.

В монографии через феномен «обыкновенного супружества» Чихачёвых рассмотрены экономические и культурные факторы существования помещичьей семьи. Представляется, что важными элементами, обеспечивавшими супружескую толерантность в этой паре, были любовь и психологическая совместимость. Брак Чихачёвых продлился 46 лет. После смерти Натальи (1866) Андрей сильно горевал. В дневнике, вспоминая о супруге, он нежно называл её «незабвенная моя голубушка, старушка-радетельница моя».

Книга К. Пикеринг Антоновой вносит ценный вклад в исследование культуры русского европеизированного дворянства и будет весьма полезна всем изучающим историю XIX в., в том числе преподавателям вузов для подготовки лекционных курсов. Хотелось бы рекомендовать книгоиздателям рассмотреть вопрос об издании этого труда на русском языке.

Примечания

[1] Histoire de la vie privée / Eds. P. Ariès, G. Duby. Vol. 5. P., 1985—1987; изд. на рус. яз.: История частной жизни / Под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. В 5 т. М., 2017—2018; *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Darmstadt; Neuwied, 1962; изд. на рус. яз.: *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016.

[2] См., например: *Белова А.В.* Женщина дворянского сословия России конца XVIII — первой половины XIX века: социокультурный тип (по материалам Тверской губернии). М., 1999; *Веременко В.А.* Дворянская семья и государственная политика России. СПб., 2007; *Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В.* Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века. М., 2006. С. 295—329; *Банникова (Бурлуцкая) Е.В.* Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб., 2014; *Шокарева А.* Дворянская семья: культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века. М., 2017.

[3] В историографии использования автобиографических источников следует отметить две основополагающие книги с международным составом авторов: Self and Story in Russian history / Eds. L. Engelstein , S. Sandler. Ithaca, 2000; Autobiographical Practices in Russia / Eds. J. Hellbeck, K. Heller, Göttingen, 2004.

[4] *Ginzburg C.* Il formaggio e i vermi. Il cosmo di un mugnaio del Cinquecento. Einaudi, 1976; изд. на рус. яз.: *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М., 2000.

[5] *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.

[6] *Hoch S.L.* Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov. Chicago, 1989; изд. на рус. яз.: *Хок С.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993; *Cavender M.* Nests of the Gentry: Family, Estate, and Local Loyalties in Provincial Russia. Newark, 2007.

[7] См.: Women, Business, and Finance in Nineteenth-century Europe. Rethinking Separate Spheres / Eds. R. Beachy, B. Craig, A. Owens. Oxford, N.Y., 2005. P. 9.

[8] *Marrese M.L.* A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700—1861. Ithaca, 2002; *Farrow L.A.* Between Clan and Crown: The Struggle to Define Noble Property Rights in Imperial Russia. Newark, 2004. В 2009 г. вышло русское издание книги М.Л. Маррезе, к сожалению, с крайне неудачным названием: «Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России (1700—1861)» — вместо дословного перевода: «Царство женщин», отсылавшего к известной книге историка К. Валишевского, который писал о русских правительницах XVIII в. Таким образом, в названии книги Маррезе исчезло главное — признак того, что исследуется история дворянства как социальной группы, а не крестьянок, которые в лексиконе XIX в. обозначались словом «бабы».

[9] *Wagner W.G.* Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994.

[10] *Kelly C.* Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford, 2001. См. также: *Келли К.* Воспитание Татьяны: нравы, материнство, нравственное воспитание в 1760—1840-х годах // Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 61—97.

[11] См., например: *Bourke J.* The Story of Pain: from Prayer to Painkillers. Oxford, 2014.

Фёдор Гайда

Рец. на: М.А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904—1927. Очерки и документы. М.: Common Place, 2018. 352 с.

Fyodor Gayda
(Lomonosov Moscow State University; Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia)

Rec. ad op.: M.A. Kolerov. Arkheologiya russkogo politicheskogo idealizma: 1904—1927. Ocherki i dokumenty. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870005109-0

В изданный М.А. Колеровым сборник вошли его статьи и документальные публикации — как новые, так и публиковавшиеся ранее, а теперь исправленные и значительно дополненные. Как и в ряде прежних работ[1], в центре внимания исследователя находятся наиболее видные представители русского «социального идеализма» начала XX в. — П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и С.Л. Франк. Этой интеллектуальной квадриге Колеров придаёт особое значение. По его мнению, несмотря на политическое поражение, «их борьба и теперь сопровождает русскую мысль в её присягах и изменах национальному *освобождению,* либеральному *индивидуализму, социализму* (справедливости) и *государству* (культурно-исторической мощи). Впереди, в новой русской истории, — их очередное утверждение и опровержение» (с. 8; здесь и далее курсив автора).

Книга охватывает широкий исторический период, переломный для её героев. Молодёжь конца XIX в., по собственному ощущению, росла в атмосфере «безвременья» и постепенно нараставшей политизации. Разделение на «официальную» и «неофициальную Россию», отчётливо обозначившееся в 1881 г., являлось питательной средой для «гражданской скорби», а впоследствии и для целого каскада утопических доктрин. Политика, не дозволенная как вид практической деятельности, примешивалась к любым формам творчества. Властителями дум стали С.Я. Надсон и В.М. Гаршин, у которых социальный пафос явно доминировал над эстетикой. А.П. Чехов среди подобных кумиров был чем-то чужеродным. Однако Колеров показывает, как постепенно писателя признали «своим» в лагере «социального идеализма», где «общественная» проблематика была тесно увязана с представлениями о значимости личности (с. 14—31). В выявленном историком некрологе Бердяев писал о Чехове: «Тоска и томление по общественной правде и религиозному смыслу жизни, разлитые по всем художественным творениям Чехова, делают его продолжателем великих заветов русской литературы и создадут ему вечную память» (с. 34).

Социальный либерализм, покоившийся с 1902 г. на идеях сборника «Проблемы идеализма» (с. 248—249) и журнала «Освобождение», был ори-

ентирован на создание широкой коалиции противников самодержавия. Отсюда и оправдание политического терроризма в статье П.Б. Струве о казни И.П. Каляева (с. 253—254), и поиск политического соглашения с рабочими (с. 278—287), и настоятельное указание Булгакова на необходимость созыва церковного Собора лишь после открытия Государственной думы в 1906 г. «Освобождающейся Церкви нужно будет, — утверждал он, — прежде всего расправить отекшие от вековых оков члены и восстановить правильное устройство Церкви и возвращение ей нормального для неё *соборного* строя. Далеко не всем известно, что принцип нормальной организации Церкви есть самая подлинная и последовательная демократия, основанная на выборности решительно всех членов как клира, так и церковной администрации... Церковный собор может быть созван не раньше и не одновременно с созывом народных представителей, но после него, т.е. после того, как они установят *habeas corpus*, как незыблемое право русских граждан. Ибо с правовой точки зрения церковная свобода есть один из элементов *habeas corpus* и не может существовать при всеобщем бесправии в полицейском государстве» (с. 256—257). Политизация коснулась даже религиозного искусства: фрески М.В. Нестерова в киевском Владимирском соборе, цветную репродукцию которых размещал Булгаков в газете «Народ» на Пасху 1906 г., трактовались в контексте грядущего освобождения страны от самодержавного деспотизма (с. 245—247).

Сотрудник Булгакова по «Народу» В.В. Зеньковский (в 1906 г. ещё студент) в своих статьях обосновывал возможность создания либерально-социалистического синтеза на основе религиозного сознания (с. 260—272). «Признавая, — рассуждал он, — что индивидуализм преодолим лишь религиозно, мы вводим в социально-философскую мысль понятие *религиозной общественности*... Оно преобразует те основы современной социально-философской мысли, которые делают неизбежным конфликт двух активных сил истории. Преобразование это, опирающееся на понятие свободы, возможно лишь на почве религиозного миросозерцания, без которого и весь исторический процесс не может быть понят во всём единстве и в своей цели» (с. 270).

В сборнике освещена и внешнеполитическая программа «социальных идеалистов». Вкус к этой теме среди них, правда, имел лишь Струве, программа которого постепенно встраивалась в британскую картину мира. Реформированная на основе национал-либеральной доктрины Россия, получившая по соглашению с западными союзниками проливы Босфор и Дарданеллы, по мнению публициста, не могла представлять угрозу для «владычицы морей». Струве и его единомышленники видели новую Россию соседствующей с радикально ослабленной Германией, национальными государствами, созданными на развалинах Австро-Венгрии, и новыми колониями, образованными после распада Османской империи. При этом допускалось примирение с униатством и украинством. Мир должен был обрести однополярный характер как политически, так и идеологически (с. 48—56, 64—75). Ещё не сокрушённая Германия, соответственно, предельно демонизировалась. Так, Булгаков в газетных статьях 1915 г. объяснял победы немцев приверженностью их культуры и цивилизации к чёрной магии технократизма (с. 305—310). С той же убеждённостью он во врангелевском Крыму обличал всемирный еврейско-большевистский заговор (с. 133—137).

В российском обществе Струве довелось стать притчей во языцех, по

крайней мере, дважды: в роли издателя журнала «Освобождение» и автора сборника «Вехи». «Предательство» русской интеллигенции её известнейшими представителями вызвало мощный резонанс, а позднее — целый шлейф злобных подтруниваний. Колеров анализирует причины отказа Струве напечатать в «Русской мысли» роман А. Белого «Петербург», где в образе главного героя — профессора Аблеухова — выведен сам Струве. Белый показывал «ставрогинскую природу русского радикализма», затронув интимные стороны души мыслителя, в том числе способность личности самореализоваться в одних лишь «актах суждений» (с. 86—90). «Умная ненужность», которую А.И. Герцен находил у русских западников, составляла, похоже, тайный страх Петра Бернгардовича (с. 168).

На фоне этой «ненужности», ещё более обострившейся в эмиграции, возникает трагический сменовеховский образ председателя восточного отдела ЦК кадетской партии Н.В. Устрялова. Колеров реконструировал политическую и интеллектуальную биографию основателя национал-большевизма, перекидывая мостик от национал-либерализма П.Б. Струве к «советскому патриотизму» И.В. Сталина (с. 169—227). Основную историческую заслугу Устрялова исследователь видит в том, что позднее «наибольшая часть русской эмиграции вне СССР выступила против Гитлера, а после, в годы “холодной войны”, старшая русская политическая эмиграция, не переставая быть антикоммунистической, так и не дала своего имени и моральной санкции на проекты расчленения Исторической России» (с. 227).

В целом, «Археология русского политического идеализма» даёт любопытный срез искушений «социального идеализма», без учёта которых едва ли можно составить адекватное представление об этом направлении в русском либеральном движении начала XX в.

Примечание

[1] *Колеров М.А.* Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902—1909. СПб., 1996; *Колеров М.А.* Индустрия идей. Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники. 1887—1947. М., 2000; *Колеров М.А.* Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М., 2002; *Колеров М.А.* От марксизма к идеализму и церкви (1897—1927). Исследования, материалы, указатели. М., 2017; *Колеров М.А.* Тоталитаризм: русская программа для западной доктрины. М., 2018; *Колеров М.А.* Изнутри: Письма Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Франка к Струве. Переписка Франка и Струве (1898—1905/1921—1925). М., 2018.

Владимир Булдаков

Непонятый сталинизм?*

Vladimir Buldakov
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Misunderstood stalinism?

DOI: 10.31857/S086956870005108-9

Название книги М.А. Колерова, появившейся в издательстве его же имени, выглядит загадочно. Возникает вопрос: неужели И.В. Сталин отказался от И.Г. Фихте в пользу Л.П. Берии? Что заставило автора прочертить

* *Колеров М.А.* Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М.: Модест Колеров, 2017. 640 с.

немыслимую, казалось бы, траекторию от философа-идеалиста к сталинскому подручному? Или это шокирующий парадокс, призванный встряхнуть «ленивого» читателя? Ничуть не бывало! Оказывается, данные фигуры призваны олицетворить историческую протяжённость, глубину и масштабность замыслов и свершений «вождя».

Авторская мысль проста, как командирский приказ: «Сталин — родная и естественная часть западного Модерна, его продолжение». А чтобы убедить читателя в серьёзности своих намерений, Колеров напоминает, что он на протяжении почти трёх десятков лет изыскивал и штудировал массу изданий 1900—1940-х гг. И в этих поисках он был не одинок, а потому благодарит всех: *«их имена, ты, Господи, веси»* (с. 7—9). Затем Колеров вспоминает своих истинно православных предков по материнской линии, вышедших из крестьянских низов и переживших раскулачивание, войну, оккупацию, голод (о своём отце он почему-то умалчивает).

Спрашивается: к чему такой напор эмоций? Неужели только для того, чтобы никто не усомнился, что всё написано автором всерьёз? Впрочем, подобные экскурсы — материал для психоаналитика, а не для историка. Предисловие многозначительно подписано: 9 мая 2017 г. Кого же побеждает Колеров? Сомневаться не приходится: надоевших российских «бесов» замещает европейский Модерн. Однако автор при этом явно опасается оказаться в ряду обычных апологетов «вождя». Стилистика его книги — эксклюзив для немногих. Во введении, названном «Ландшафт истории и политического языка», представлена квинтэссенция замысла: «Исследователи слишком долго искали и находили в сталинском коммунизме частное, отдельное и локальное, революционное, присущее культурной и государственной традиции России, что пора найти в сталинском коммунизме и общее, генетически связанное с европейским Просвещением и Модерном, их экспансией в мире». Сам автор убеждён, что «общего в эпохе Сталина явно больше, чем частного» (с. 19).

Известно, что история как наука несовершенна *sui generis.* Ей приходится изъясняться на «языке прошлого», облепленного со всех сторон нелепыми случайностями и маловразумительными неожиданностями, «мешающими» постижению неких метаисторических закономерностей. Вот и Колерову приходится исследовать «унаследованный и созданный мир, который открывался в сознании создателей сталинского коммунизма» (с. 11). Но это обычная работа историка. Однако автор уверяет, что для проникновения в метафизические глубины сталинизма требуется некая особая лексика, свободная от людских «несовершенств». И, как ему кажется, он нашёл соответствующий стиль и слог. Увы, если не обращать внимания на семантические блуждания, то в сухом остатке обнаружится кондовый язык *геополитики*, позволяющий отбросить всё «наносное», мешающее постижению «истинного» Сталина.

Замысел понятен. Но историк — это, по преимуществу, источниковед. Что же получится, если он откажется от привычных документальных рядов в угоду непомерным генерализациям? Каким предстанет сталинизм, если оторвать его от российских реалий?

Основное содержание книги представлено в трёх разделах-очерках. Первый звучит торжественно, как органная фуга: «Большой стиль Сталина: Gesamt Kunstwerk als Industriepalast» (совокупность творений искусства, воплощённая в образе индустриального дворца). Дух захватывает!

Да, образы и идеи способны путешествовать по миру, претерпевая удивительные трансформации. Однако контагиозный характер идей и причудливых образов обычно остаётся настолько непонятным позитивистам, что они готовы отрицать существование очевидных взаимозависимостей. Между тем уже к концу XIX в. сложилось общеевропейское ментальное пространство. А идеи, особенно революционные, словно ринулись на поиск почвы для воплощения. Их упорно притягивала неизжитая отсталость: иначе как объяснить вторжение марксизма в Россию, причём с помощью людей, далёких от пролетариата — в частности столь любимого Колеровым П.Б. Струве? Однако Колеров намеренно обходит любые разрушительные идеи того времени (вроде итальянского футуризма), концентрируясь на победоносных странствиях сугубо конструктивного Модерна по европейскому захолустью.

Автор полагает, что пониманию сути сталинизма помогут образ, символ, метафора. Об эстетической стороне сталинизма исследователи действительно умалчивали, хотя творческая воля к власти над обществом и природой изоморфна русскому и советскому авангарду (с. 37—38). Может и так, но в фигуре Сталина трудно разглядеть ницшеанско-модерное начало. Сталинизм, несмотря на внешнюю устремленность в будущее, изнутри архаичен[1] (исследователи неслучайно обманывались на его счёт).

Колеров упорно и дотошно перебирает европейские представления об обществе, якобы наиболее соответствующие искомому образу сталинизма. Всякая эпоха стремится оставить после себя впечатляющие культурные символы. Для европейского индустриализма это дворец-казарма, государство-фабрика, Великая Машина. Колеров двигается глубже, беря за основу Вавилонскую башню. Однако она — символ *архаичной* империи, которая в сознании европейцев давно рухнула (что не случайно отразили художники позднего Возрождения; особенно впечатляет гравюра Корнелиса Антониса 1547 г.). А её величественный индустриальный ремейк, порождённый интернационалистским воображением В.Е. Татлина, оказался и вовсе не востребован. Какой зиккурат смог оставить сталинизм? На память приходят знаменитые московские высотки. Но они, как известно, пародировали «механистичные» небоскрёбы чикагской школы. Их «одухотворили» как смогли, надстроив острыми, словно снятыми с православных колоколен, шпилями.

Вместо утопий эпохи Просвещения и вызовов Модерна в постреволюционной России впору было ожидать возрождения консервативных утопий, коих сохранялась тьма тьмущая. Спрашивается, какие из них предпочёл бы «вождь», а какие — его подданные? К примеру, И.С. Проханов, председатель Союза евангельских христиан, предложил свой «город будущего»: дома, непременно окрашенные в светлые тона с фруктовыми садами, над которыми по ночам будет сиять искусственное солнце. В общем, получился некий гибрид потёмкинской деревни с аракчеевским поселением. В 1927 г. большевики едва не позволили реализовать этот проект на Алтае, однако передумали[2]. Это — характерный пример хаотичных семиотических экспериментов 1920-х гг.

Сталинский стиль, конечно, существовал. И он казался «большим», хотя был отчаянной попыткой приспособления символов Модерна к социокультурной архаике. В сущности, нечто подобное происходило на Руси всегда, начиная с адаптации христианства к идолопоклоннической среде обитания. А потому наивно полагать,

что «Утопия» Т. Мора может закрепиться в массовом сознании более устойчиво, нежели легенда о «возвращающемся царе-избавителе»[3]. Человеческий разум не может смириться с тем, что идёт вразрез его устремлениям к идеалу и соответствующим представлениям о добре и зле, и потому ищет «защитника». Так было всегда, особенно в эпоху перемен. А потому попытки представить злое насилие орудием вожделенного блага следует отнести не к имманентным принципам исторического исследования, а к области идеологического очковтирательства, ориентированного на социально-политический мазохизм.

Но откуда идёт идея сталинской автаркии? Насколько она конструктивна? Казалось бы, всё просто: мировая революция не состоялась, пришлось обороняться от мирового империализма. Во втором очерке «Фихте, Лист, Витте, Сталин: изолированное государство, протекционизм, первоначальное социалистическое накопление, “социализм в одной стране”» наконец-то всплывает заявленная в названии книги фигура немецкого философа — в связи не только с его идеей «замкнутого торгового государства»[4], но и с готовностью выработать всеобщий план развития человечества. Трудно сказать, от чего старался отгородиться Фихте: то ли от наполеоновской агрессии, то ли от разрушительных идей Французской революции. Позднее одни считали его первым германским социалистом, другие — предтечей Ф. Наумана с его «Срединной Европой», третьи — провозвестником национал-социализма. Однако всякое подобие «Срединной Европы» в советском «интернационалистском» культурно-политическом пространстве выглядело бы противоестественным. Идеи Наумана ещё в годы Первой мировой войны обличали российские борцы с «немецким засильем». Сталин и его идеологи вряд ли вообще знали о его существовании.

Другое дело — идеолог протекционизма Ф. Лист, поднятый на щит С.Ю. Витте, который, согласно Колерову, опираясь «на собственные силы», сумел поднять российскую экономику, избежав тем самым угрозы промышленной и торговой гегемонии Великобритании, которая исповедовала в те времена принцип «свободы торговли» (с. 132). В общем, такие орудия прогресса, как «культурный национализм и прагматический протекционизм стали инструментами национальной государственности» (с. 135). Чтобы убедить читателя, что лучшего изобрести было нельзя, Колеров приводит бесчисленные цитаты — от Маркса и его последователей до западных экономистов. И, конечно, многократно вспоминает он Струве, вслед за Витте взявшегося убеждать российских фритредеров и англоманов, что «протекционизм побеждает совершенно как более производительная система национальных экономических сил» (с. 215). Оказывается, даже сам В.И. Ленин, проживи он дольше, «вполне мог с присущей ему радикальной гибкостью сделать поворот в сторону изолированного социализма гораздо радикальнее, чем это мог и хотел сделать Сталин» (с. 238). Разумеется, мог, чего гадать — если уж из тактических соображений отказался от «военного коммунизма». Но зачем возводить протекционизм, «опору на собственные силы» и хозяйственную самодостаточность в универсальное средство?

Получается, что все мировые мыслители, начиная с Маркса, горой стояли за будущего И.В. Сталина против Л.Д. Троцкого. Достижения «вождя» вроде бы оценили и эмигрантские авторы. В частности, Г.П. Федотов обнаружил в сталинском коммунизме связь идеи протекционистского

«изолированного государства» и «социализма в одной стране» с теорией гражданской «национализации», направленной против интернационализма мировой революции (с. 309). Что поделать: разум легко соглашается с тем, чему не может (пока!) сопротивляться.

С помощью вороха цитат можно «доказать» что угодно. Отдадим должное Колерову: он не просто демонстрирует свою «учёность» (эрудицию). Длиннющие (иные свыше двух страниц) цитаты и собственные тяжеловесные рассуждения производят впечатление то ли гипнотических пассов, то ли магических заклинаний, призванных ввести читателя в сомнамбулическое состояние. Между тем всё просто. И протекционизм, и фритредерство, и даже «первоначальное социалистическое накопление» — не теоретические аксиомы, какими они выглядят у Колерова, а всего лишь подручные средства мировой хозяйственной конкуренции. Недаром сам Лист пришёл к заключению: «Покровительство лишь настолько полезно для благосостояния нации, насколько оно соответствует её промышленному развитию... всякое преувеличение в покровительстве вредно»[5].

В последнем очерке «Европейские предпосылки сталинизма: индустриализм, биополитика и тотальная война» Колеров уже открыто провозглашает, что сталинизм имел чисто европейские истоки. Действительно, европейская цивилизация выросла из эпохи Просвещения с её безоглядным культом разума, закономерно выродившимся в культ силы[6]. В этом смысле сталинизм действительно связан с Модерном. Но как? Вовсе не как естественное его продолжение, а как продукт цивилизационного *надлома*, вылившегося в безумие Первой мировой войны, породившей локальные откаты от эпохи Просвещения: в России — к самодержавной традиции (при сохранении внешней преемственности с революцией), в Германии — от Веймарской системы к нацизму. Кстати, внешнее сходство между сталинизмом и гитлеризмом ведёт к ложным «тоталитаристским» обобщениям. На деле первый упорно прикрывался демократическими симулякрами, второй, напротив, демонстративно открещивался от них, взывая к почве и крови.

Между тем Колеров восторгается тем, что Сталин «актуализировал план, систему и структуру интеллектуального консенсуса в русской государственной мысли» (с. 346). Зная заземлённый образ мысли деспота, над столь смелым заявлением остаётся только посмеяться. Не стоит ставить его в один ряд с европейскими философами. Иначе покажется, что Сталин вообще не знал о репрессивных практиках российского патернализма. Его действия определяла отнюдь не повторённая Колеровым вслед за М. Фуко тенденция превращения «дисциплинарного общества» в «биовласть» (с. 394—395). Увы, доморощенная «политическая» культура, в колее которой действовал «вождь»[7], сама по себе базировалась на *био*логических, точнее *био*психигических, т.е. *до*политических или *прото*политических основах. К чему в объяснении этого модерные излишества?

Книга Колерова — очередное обоснование автаркии как традиционно «спасительного» — стабилизирующего — российского состояния. В этом Сталин как будто следовал за Фихте. Но видимое сходство не есть принципиальное соответствие и внутреннее подобие. Немец, между прочим, писал о «мертвящем духе зарубежья», дурно влияющим даже на научные воззрения соотечественников[8]. А «вождь», стремясь к «модерности», напротив, копировал технологические достижения своих противников.

Идею «социализма в одной, отдельно взятой стране» следовало бы связать с практикой «военного коммунизма». Кстати, стоит заметить, что первые попытки отойти от крайностей последнего предпринял Троцкий, которого Колеров обличает с усердием, достойным злопамятного «вождя». Троцкий (почти по Листу) понимал, что «социализм в одной стране» возможен только при условии её технологического превосходства над окружением. Однако Россия оставалась страной не только «нетехнологичной», но и тяготеющей к хозяйственному застою[9]. Стоило бы также вспомнить, что именно Троцкий упорно боролся против бюрократического перерождения большевистской власти, которая, в конечном счёте, блокировала всякую инновационность. Однако Колеров представляет дело так, будто Сталин упорно штудировал мыслителей прошлого ради обоснования «мудрой» автаркистской политики. Хотя на деле он предпочитал штудировать учебники рабфаковского уровня.

Несомненно, *внешний* язык сталинской эпохи могли определять постулаты и фантазии европейского Модерна. Все утопии экзистенциально схожи, как и положено порождениям отвлечённого воображения. Вместе с тем известно, что всякая страна обладает склонностью к характерным девиациям от общей линии исторического развития, которые обусловлены особенностями культуры. Сталинизм показал, что в России отклонения от «нормы» могут быть непредсказуемо велики. И, конечно, контагиозный эффект модерности не мог не напомнить о себе даже в условиях архаичной деспотии. Последняя попросту паразитировала на идее прогресса[10].

Касаясь взаимоотношения эпохи Просвещения и сталинизма, Колеров намеренно упрощает проблему: «Индустриальные и социальные инструменты капитализма по социализации экономики и населения большевизм превращал в философию революции, стремясь утопию Просвещения надстроить утопией Коммунизма» (с. 388). Звучит возвышенно, но бессодержательно. Автор словно не ведает, что между эпохой Просвещения и большевизмом пролегла Первая мировая война, перевернувшая человеческое воображение. Интроверсии и перверсии утопий — явление историческое, а не очередные фантазии философствующих умов.

Всё же кое в чём с автором можно согласиться. Так, критикуя подходы последователей Х. Арендт, он подчёркивает, что «сталинизм до сих пор более всего изучается в интеллектуальной резервации, в парадигме либеральной идеологической критики» (с. 322). Однако попытка самого Колерова выбраться из сей «вредоносной» парадигмы через некие «геоэкономические» императивы выглядит умозрительно-претенциозной. Отсюда стандартное пропагандистское утверждение: «Сталинизм в его эпохе был, как минимум, одним из выработанных в Европе примеров восстания тотального индустриализма против отсталости, а сталинизм в России, как минимум, — кровавым спасением России и её народов от полного уничтожения во Второй мировой войне» (с. 421). Конечно, сталинизм не стоит сводить к политико-идеологическому нарративу. В любом случае его следует изучать, прежде всего, *изнутри*, как явление эндогенного характера, признавая собственную, российскую культурно-антропологическую ответственность за сей отнюдь не случайный феномен (что делается у нас явно недостаточно и весьма неуверенно). И только после этого сталинизм из инфернального пугала для одних и предмета имперской ностальгии для других превратится в навсегда преодолённый эпизод *своей* истории.

Строго говоря, подход Колерова традиционен. Русская интеллигенция добрых два столетия рвалась в европейский Модерн и, не найдя пути, переключилась на поиск всевозможных врагов России. Колеров «оригинален» лишь в том, что в поисках «бесов» пытается заглянуть непривычно далеко вглубь истории, добавляя к надоевшему сонму привычных врагов «отталкивающее» европейское прошлое. Это тот случай, когда хочется вспомнить классика: «Скучно жить на этом свете, господа!» Книга Колерова удручает именно тем, что подлинный язык сталинизма он проглядел. Вместо обещанного анализа мы находим подборку текстов. Демонстрируемая эрудиция перерастает в схоластическое занудство, которое парадоксальным образом соседствует с подобием интеллектуальной истерии, вызванной нежеланием западных авторов реабилитировать сталинизм.

На протяжении книги автор преследует, в сущности, одну цель: показать, что сталинский коммунизм был построен на вневременных рационалистических основаниях. Вероятно, «вождю» действительно хотелось быть «рациональным». Однако самообольщение разума однажды ввергло Европу в самоубийственную войну, а много позднее некий Пол Пот, подучившись марксизму во Франции, предпринял попытку уничтожения «недостойной» части своего народа. Многозначительную перекличку идей времён большого транзита следовало бы начать с подобных сопоставлений, а не с попыток приписать античеловечным практикам высокие мотивы.

Увы, человеческая мысль не только самонадеянна, но и блудлива. Она неслучайно поворачивается спиной к подлинной истории народа. Колерову социальная история с её непременной герменевтикой не нужна. Иным авторам хочется предстать «большими» через «героев» прошлого — такова природа болезненного провинциализма сознания, претендующего на возвышенную интеллектуальность. Чем это может обернуться? В данном случае налицо словесная трясина, в которой тонет обессиленная ксенофобией авторская мысль.

Как и почему могла появиться такая странная книга? Дело в том, что некогда Колеров защитил диссертацию, посвящённую П.Б. Струве. Фигура одного из первых российских марксистов, в 24-летнем возрасте призвавшего, вопреки господствующим народническим настроениям, «признать нашу некультурность и пойти на выучку к капитализму», а позднее ставшего идеалистом, «веховцем» и правым либералом[11], к тому же поднятого на щит Р. Пайпсом[12], настолько впечатлила Колерова, что он сделался его настоящим *alter ego*. Случается и такое! Впрочем, автор признаёт, что своей системы Струве не создал, а после его «марксистских» успехов последовала серия неудач. Добавим: и не мог создать — для этого он, при своих несомненных талантах, был слишком эмоционален: то восхвалял грядущую трезвость (1914), то бессильно проклинал большевизм, названный смесью марксизма с русской сивухой (1917), то прославлял Февраль, то признавался в былой «глупости». А столь обильно цитируемую Колеровым книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» современники оценили как «плод плохо переваренной эрудиции».

Колеров считает, что по степени влияния на современников и последующее поколение русской общественной мысли Струве можно сравнить с В. Соловьёвым[13]. Увы, этого незаметно: первый не запомнился ни как экономист, ни как социолог, ни, тем более, как философ. О значении

его как историка и говорить не приходится. Тем не менее автор словно ощущает себя его душеприказчиком. Кстати, осуществляемые им публикации работ соратников и последователей Струве весьма полезны с конкретно-исследовательской точки зрения. Но стоило ли при этом, цитируя Энгельса в передаче его русского ученика, намекать, что «роль личности в истории не имеет никакого самостоятельного значения»[14]? Это просто не соответствует современному уровню развития исторической мысли.

Исследователь так или иначе выводит прошлое из нынешнего общественного, а то и политического состояния. Это аксиома. Но справедливо и другое: подлинное понимание прошлого связано с преодолением идеологического нажима современности. Это и так удаётся немногим. Колеров действует прямо противоположным образом. Отсюда стремление замылить существо вопроса бесконечными ссылками на «авторитеты». Попутно отвергаются авторы, якобы не желающие «увидеть предмет в том горизонте (“единственно верном”? — *В.Б.*), в котором он действительно существовал» (с. 421). Может и так — российская историография, сама того не сознавая, привыкла апеллировать к эмоциям.

Действует и ещё один фактор. Колеров — не только исследователь и последователь Струве. Он — действительный государственный советник 1-го класса, т.е. заметный бюрократ, работающий с оглядкой на власть предержащих. Нынешняя власть остро нуждается в «понятном» советском прошлом, а равно и в его неуходящих «врагах». Отсюда — сия мудрёная книга. Сказались и принципиальный («веховский») конформизм автора, и слабость его философского воображения. Под видом изучения «языка сталинизма» он взялся представить такого «вождя», призрак которого не вызывал бы «ненужных» ассоциаций, аллюзий и опасений. Разговоры *pro et contra* сталинизма всем надоели.

В почитании Сталина есть что-то неистребимо холуйское. Великий образ нужен слабым, несамостоятельным существам, тщетно пытающимся романтизировать своё зависимое существование, выдавая его за «служилое». В случае с Колеровым к этому, вероятно, добавилось чем-то обиженное самомнение. Отсюда результат: хотел продемонстрировать постмодернистскую раскованность вкупе с историософской глубиной, а получилось — дилетантское занудство.

К собственно просталинским очеркам в книге добавлены «экскурсы»: «Историческая семантика “Отечественной войны”: между общенациональным и этническим/партийным (1812—1914—1918—1941)»; «Этничность как инструмент: Литва в фокусе демографической борьбы XIX—XX вв.»; «Измерение массовых репрессий и “новый курс” Л.П. Берии в Советской Прибалтике». Всякая всячина! Колеров не упускает случая взобраться на котурны энциклопедиста. При этом во вкрадчивой апологетике сталинизма находится, наконец, место и «рационалисту» Берии.

Возможно, не стоило бы уделять данной книге внимание. В конце концов, если это история, то только история идеологических вывертов. Однако без их разбора трудно рассчитывать на выживание истории как науки.

Примечания

[1] См.: *Булдаков В.П.* От постреволюционного хаоса к сталинской диктатуре // Уроки Октября и практики советской системы. М., 2018. С. 156—166.

[2] *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени, 1920—1930 гг. М., 2010. С. 52.

[3] См.: *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003.

[4] См.: *Фихте И.Г.* Замкнутое торговое государство. Философский проект, служащий дополнением к науке о праве и попыткой построения грядущей политики. М., 2010.

[5] *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. М., 2005. С. 255—256.

[6] *Булдаков В.П.* Революция и самообольщение прогрессом // Великая российская революция: общество, человек, культура, повседневность. Т. 1. М., 2017. С. 7—22.

[7] См.: *Илизаров Б.С.* Сталин, Иван Грозный и другие. М., 2019.

[8] *Фихте И.Г.* Речи к немецкой нации. СПб., 2009. С. 177.

[9] *Булдаков В.П.* Модернизация и Россия. Между прогрессом и застоем? // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 15—26.

[10] *Королёв С.А.* Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6. С. 72—85.

[11] *Булдаков В.П.* Вторжение марксизма в Россию: акт первый // Леонид Михайлович Иванов. Личность и научное наследие историка. Сборник статей к 100-летию со дня рождения. М., 2009. С. 182—200; *Булдаков В.П.* Русская революция: утопия, память, наука // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2017. № 1. С. 61—76.

[12] *Pipes R.* Struve: liberal on the left. Cambridge (MA); L., 1970; *Pipes R.* Struve: liberal on the right. Cambridge (MA); L., 1980.

[13] *Колеров М.* Предисловие // *Струве П.Б.* Избранные сочинения. М., 1999. С. 3—5.

[14] *Струве П.Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. М., 2015. С. 60.

Владислав Голдин

История ГУПВИ на Европейском Севере СССР*

Vladislav Goldin
(Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia)

History of GUPVI in the European North of the USSR

DOI: 10.31857/S086956870005110-2

В серии «История сталинизма» вышла в свет книга вологодского историка, доктора исторических наук А.Л. Кузьминых, известного в нашей стране и за рубежом исследователя системы военного плена и интернирования в СССР в годы Второй мировой войны[1].

В тот период в стране было свыше 5 млн военнопленных и интернированных (более 60 национальностей)[2]. Эти иностранные граждане находились в ведении Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД—МВД СССР. Термины «ГУПВИ» и «архипелаг ГУПВИ» пока ещё не получили столь широкую известность и распространение в исторической науке, как например, понятие «архипелаг ГУЛАГ». Сложившаяся в досоветский период традиция использования Севера как места каторги и ссылки получила новое развитие в условиях Советской России/СССР. Истории ГУЛАГа в этом регионе посвящено немало исследований[3], чего нельзя сказать об архипелаге ГУПВИ. Поэтому актуальным является изучение темы, посвящённой иностранным военнопленным на Европейском Севере СССР (в Архангельской и Вологодской областях), где в рассматриваемый период находились 16 лагерей и 10 спецгоспиталей.

Автор определяет цель написания монографии как воссоздание полномасштабной истории пребывания на советском Европейском Севере иностранных военнопленных в годы Второй мировой войны. При этом Кузьминых обращается не только к общесоюзным архивным материалам (как

* *Кузьминых А.Л.* Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939—1949 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 591 с.

это было в его ранее вышедших работах), но и к региональным. С одной стороны, указывает автор, без их осмысления не может быть воссоздана объективная история военного плена в СССР, с другой — невозможно всесторонне представить военное и послевоенное прошлое его отдельных областей, краёв и республик, не описав периода пребывания там значительного контингента бывших военнослужащих неприятельских армий.

В основе монографии — документы десяти центральных и местных архивов, опубликованные материалы, в том числе личного происхождения (письма, воспоминания бывших военнопленных и сотрудников лагерей), и периодическая печать. Хронологически исследование завершается не 1956 г. (прекращение существования системы ГУПВИ), а октябрём 1949 г., когда был расформирован последний находившийся на Севере лагерь для военнопленных.

Во введении дана обстоятельная характеристика отечественной и зарубежной историографии темы. Примечательно, что на поприще её изучения автор отдаёт должное землякам — профессору Вологодского пединститута А.С. Бланку (в прошлом сотруднику одного из лагерей для военнопленных) и своему учителю, профессору В.Б. Конасову (с. 29—32). Первая глава посвящена теоретическим и практическим аспектам правового регулирования системы военного плена, длительной и сложной эволюции советского законодательства в этой сфере. Это очень важно, считает автор, так как лагеря советского Европейского Севера были и местом апробации первых нормативных правовых документов, регулировавших в стране порядок содержания военнопленных.

Во второй главе представлена система военного плена в регионе. Кузьминых указывает, что военнопленные высылались на Север ещё со времён Северной войны (1700—1721). Структура главы построена по проблемно-хронологическому принципу. Первый её параграф посвящён начальному периоду Второй мировой войны — до 22 июня 1941 г. Тогда на Севере были созданы четыре лагеря, через которые прошли 16 тыс. польских и финских военнослужащих.

Во втором параграфе показана эволюция региональной системы военного плена в годы Великой Отечественной войны в составе фронтового приёмно-пересыльного лагеря, 7 стационарных лагерей, 45 лагерных отделений и пунктов, а также 5 спецгоспиталей, общей ёмкостью 65 тыс. мест (около 50 тыс. пленных 30 национальностей). Подчёркивается, что под Грязовцем находился один из четырёх офицерских лагерей (№ 150), сыгравший важнейшую роль в формировании польской армии в СССР, а с 1943 г. ставший местом сосредоточения офицеров вермахта (с. 85, 105, 125). Указывается также, что крупнейшим лагерем-распределителем на северо-западе России был Череповецкий лагерь № 158, раскинувший сеть из 20 приёмных пунктов и лагерных отделений, находившихся на территории пяти областей и в Карелии. В июне 1945 г. здесь содержались свыше 19 тыс. военнопленных и интернированных (для сравнения: численность населения Череповца в те годы составляла около 40 тыс. человек) (с. 105—106).

Третий параграф — о послевоенном периоде, когда система ГУПВИ достигла своего апогея, а на Европейском Севере существовали два областных отдела по делам военнопленных и семь стационарных лагерей с 38 отделениями, наполнение которых составляло в январе 1946 г. 52,6 тыс. мест, и их обслуживали пять спецгоспиталей (с. 124). В последующие годы происходил постепенный демонтаж этой системы.

Характеризуя её региональные особенности, автор указывает на создание лагерей военнопленных в системе ГУЛАГа: 6 из 16 располагались при исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ). Он объясняет это значительной убылью в годы войны заключённых и стремлением НКВД восполнить нехватку рабочей силы за счёт военнопленных. Кроме того, посредством размещения их при учреждениях ГУЛАГа планировалось сократить расходы на охрану контингента и обустройство лагерной инфраструктуры. В результате военнопленных выделили в лагерные отделения, изолировав от остальных заключённых.

Другой отличительной особенностью ГУПВИ на Севере являлось наличие двух офицерских и двух режимных лагерей, а также двух спецлагерей для бывших военнослужащих РККА, вышедших из неприятельского плена и окружения. Как правило, лагеря создавались в крупных экономических и транспортных центрах Севера. То, что в отдалённых и малообжитых периферийных районах редко размещали военнопленных (в отличие от заключённых и спецпоселенцев), Кузьминых объясняет трудностью их материального обеспечения и охраны.

Третья глава начинается с характеристики климатического фактора и географических особенностей региона. Без учёта суровых северных условий невозможно оценить положение и особенности жизнеобеспечения военнопленных. Во втором параграфе, посвящённом организации лагерного быта, режима и охраны этих людей, автор подробно описывает испытываемые ими трудности (в том числе связанные с продовольственным и вещевым снабжением). Он сравнивает их с неизмеримо более тяжёлым положением советских военнопленных в Германии и заключённых ГУЛАГа, где была массовая смертность. Также Кузьминых констатирует, что в годы войны пленные офицеры и генералы питались гораздо лучше, чем подавляющее большинство советских граждан, находившихся на голодном пайке. Здесь же рассказано об использовании труда военнопленных и их вкладе в развитие хозяйства региона. С экономической точки зрения, делает вывод автор, деятельность таких лагерей являлась убыточной для государства, однако труд военнопленных был востребован на крупнейших стройках Севера, а лагеря ГУПВИ хорошо вписывались в региональную стратегию сталинского хозяйствования. Например, в целлюлозно-бумажной промышленности края доля таких рабочих доходила до 30%. По оценке Кузьминых, более 300 жилых и гражданских объектов было построено силами военнопленных (с. 439). Низкая же производительность труда компенсировалась возможностью их быстрой переброски на любые расстояния и куда угодно. Работая более результативно, эти люди частично возмещали расходы государства на их содержание и потому могли рассчитывать на улучшение своего материального положения.

В следующем параграфе описывается медико-санитарное обслуживание военнопленных. Кузьминых отмечает, что из умерших в советском плену 580 тыс. военнопленных 8,7 тыс. (1,5%) ушли из жизни на территории Севера, доля их смертности составляла 10%, в то время как в целом по стране — 15% (с. 268, 438). Также представлены причины смертности, её показатели по национальному, половому, возрастному составу и воинскому званию военнопленных. В СССР не хотели их уничтожить голодом, болезнями и непосильным трудом, как это было в фашистской Германии. С конца 1942 г. продовольственное положение этих людей постепенно улучшалось, жизни

большинства из них удалось сохранить. Смертность среди иностранных военнопленных в лагерях Севера была почти в шесть раз ниже, чем среди советских военнослужащих, оказавшихся в нацистских лагерях. При этом Кузьминых подчёркивает, что в годы войны, например, смертность среди населения Вологодской обл. составила 14% (с. 438).

В первых двух параграфах четвёртой главы рассмотрены проблемы лагерной культуры и психологии военнопленных: феномен пленобоязни; структура лагерного общества; жизнь, поведение людей и формы протеста (с преобладанием пассивных, межнациональных); причины и характер их конфликтов; политическая и культурно-массовая работа с военнопленными в лагерях; советская спецпропаганда на северном участке фронта; формирование антифашистского актива; борьба с лагерным подпольем. Например, автор показывает эволюцию пропаганды в условиях войны — переход от примитивных классовых лозунгов к методам разностороннего психологического воздействия на противника. Подробно описав три периода политической работы с пленными (1939—1941, 1941—1945 и 1946—1949 гг.), Кузьминых называет и её недостатки.

В главе также представлены оперативно-следственная, контр- и разведывательная работа с пленными, формирование агентурно-осведомительной сети и вербовка закордонной агентуры, выявление и предание суду военных преступников. Особое внимание уделено взаимоотношениям военнопленных с лагерным персоналом и местным населением, в том числе с женщинами, в частности с медперсоналом (имели место случаи интимных связей, но их резко пресекали). Кузьминых также рассматривает проблемы репатриации военнопленных и их реинтеграции в послевоенное общество. Автор пришёл к выводу, что в северных лагерях велась борьба не только за жизнь, но и за духовное возрождение бывших солдат и офицеров неприятеля. Многие из них, отказавшись от нацистской идеологии, начали лучше относиться к советским людям и стране в целом.

В заключительной главе сообщается о находившихся на Европейском Севере захоронениях военнопленных, которые несколько десятилетий оставались заброшенными, пока в 1990-х гг. не начались их поиск и благоустройство. Однако, констатирует автор, эта работа всё ещё находится на начальном этапе, и исследователям и общественным организациям предстоит многое сделать для сохранения памяти жертв Второй мировой войны.

Через лагеря (шесть из них — особого назначения) и спецгоспитали региона, подводит итоги Кузьминых, прошли свыше 85 тыс. военнопленных (1,5% их общего числа в СССР) (с. 437). Их содержали в местах, где ранее дислоцировались лагеря ГУЛАГа, либо в лагерных отделениях ИТЛ. В условиях дефицита рабочей силы военнопленные стали её поставщиками. Но возведённое в ранг государственной политики использование труда военнопленных (в отличие от заключённых) происходило в первую очередь на платных (контрагентских) работах и лишь во вторую — на объектах НКВД—МВД. Вместе с тем их труд — примитивный и малорентабельный — не требовал использования техники и механизмов, что, по мнению автора книги, задерживало модернизацию страны.

Большинство бывших вражеских солдат, находясь в плену, поменяли жизненные идеалы, начался долгий и мучительный процесс отказа от догматов нацистской идеологии. В то же время, делает вывод автор, в лагерных

бараках среди людей до окончания их плена существовало глубокое идейно-политическое размежевание. Этот процесс в годы холодной войны охватил всю Европу и расчленил её на два враждебных лагеря.

Также констатируется, что, организовав на Севере работу «архипелага ГУПВИ», Советское государство решало две задачи — политическую и экономическую. Первая заключалась в идеологическом перевоспитании военнопленных и подготовке их в качестве кадров для стран социалистического лагеря, вторая — чтобы их силами как одной из категорий спецконтингента осуществлялась продуманная и долговременная стратегия освоения природных богатств региона. Прагматичный подход и далеко идущие политические планы руководства СССР оказались, по мнению автора, надёжной гарантией сохранения жизни бывших солдат и офицеров противника.

Кузьминых отвергает попытки ряда историков отождествить германскую и советскую политику в отношении военнопленных, подчёркивая, что если первая была направлена на уничтожение этих людей, то вторая — на сохранение их жизней. Автор указывает и на необходимость дальнейшего исследования заявленной темы — не только ради научного анализа, но и во имя исторической справедливости, чтобы родные умерших знали, где покоится прах их близких.

Исследование А.Л. Кузьминых, бесспорно, уникальное. Помимо почти 40 таблиц, множества фотографий и фотодокументов, в нём имеется около 140 страниц приложений, содержащих подробные сведения о лагерях ГУПВИ, движении военнопленных и интернированных, их производственной деятельности, физическом состоянии, медобслуживании, смертности, побегах, дисциплинарных нарушениях, а также о наказаниях сотрудников лагерей.

Примечания

[1] *Кузьминых А.Л.* Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2014; *Кузьминых А.Л., Старостин С.И.* Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937—1953 гг.). Вологда, 2014; *Кузьминых А.Л.* Военный плен и интернирование в СССР (1936—1956 гг.). Вологда, 2016.

[2] Военнопленные в СССР. 1939—1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. М., 2000. С. 7, 12.

[3] *Упадышев Н.В.* ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919—1953 годы. Архангельск, 2004; *Упадышев Н.В.* ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск, 2007.

Любовь Сидорова

«Никогда не пытался быть героем»*

Liubov Sidorova
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

«Never tried to be a hero»

DOI: 10.31857/S086956870004502-3

Книга профессора истории Лондонской школы экономики и политики В.М. Зубока, выполненная в жанре научной биографии, отличается большим спектром поставленных проблем и глубиной их решения. По призна-

* *Зубок В.М.* Дмитрий Лихачёв: Жизнь и век. СПб.: Вита Нова, 2016. 608 с., ил.

нию автора, монография явилась итогом его многолетней работы по изучению жизненного пути известного российского учёного и общественного деятеля Д.С. Лихачёва. Побудительным мотивом стала потребность современного историка осмыслить и понять «феномен Лихачёва»: выявить истоки и причины «его необычайного научного и общественного веса в России» (с. 9). Дополнительным и весьма существенным стимулом к исследованию оказалось отсутствие в российской историографии посвящённых учёному фундаментальных работ. Формулируя подход к избранной теме, Зубок подчёркивает, что «настоящее жизнеописание Дмитрия Сергеевича Лихачёва представляет собой попытку подойти к этому выдающемуся человеку с точки зрения широкого контекста — истории русской культуры XX века, ответить на вопросы о том, кем же был этот человек для отечественной науки и общества и что опыт его жизни может дать современному читателю» (с. 10).

Избранный ракурс исследования позволил автору затронуть вопросы, с которыми в своей профессиональной деятельности сталкивается каждое поколение историков и каждый исследователь в отдельности. Они решают их по-разному, в зависимости от особенностей сложившихся генераций и индивидуальностей учёных. При этом центральной является проблема «учёный и власть», включающая множество аспектов, в том числе связанных с мироощущением исследователя, его отношением к свободе научного творчества, профессиональным обязанностям, долгу человека и гражданина.

Автор сознательно отказался от освещения специальных проблем теоретической и прикладной лингвистики, палеографии, текстологии, т.е. предмета научных «штудий» Лихачёва. Не являясь «филологом или историком Древней Руси», Зубок оставил эти сюжеты для будущих биографов (с. 10). Высоко оценивая профессиональную этику автора, тем не менее отмечу, что он рассмотрел многие сущностные стороны творческой лаборатории своего героя.

Книга интересна прежде всего аккумулированным в ней массивом информации. Зубок активно использовал эго-документы, принадлежавшие Дмитрию Сергеевичу, его друзьям, коллегам и современникам — писателям, общественным деятелям, учёным. Важно, что были привлечены и материалы, характеризующие российский XX в. в целом; среди них — как опубликованные свидетельства эпохи, так и архивные документы, в том числе неизданные личные записи Лихачёва, предоставленные его внучкой. Особо ценными оказались собранные Зубоком устные воспоминания тех, кто знал героя его книги. Эти материалы сохраняют живую связь времён, приближая неумолимо отдаляющиеся события минувшего века.

Обилие людей, судеб, позиций, мнений, а также многогранная и неоднозначная личность самого Дмитрия Сергеевича — всё это воссоздаёт особую атмосферу, характерную для русской и советской интеллигенции, показывает выбор учёным жизненной позиции в полифонии вариантов, продиктованных временем, обстоятельствами и складом личности.

Зубок, подробно воссоздавая биографию Лихачёва, в развитии личности будущего учёного и общественного деятеля видит неразрывную связь национальной и мировой культуры. Автор ссылается на признание самого Дмитрия Сергеевича о том, что «близость двух миров — космополитического Петербурга и “самого русского” Русского Севера — сформировала его самосознание». Размышления учёного «о близости древнерусских корней к

современности, о возможности соединить петербургскую культуру Серебряного века с культурой средневековой, народной, передающейся из поколения в поколение», заложили вектор его дальнейшей научной работы и общественной деятельности (с. 58).

Эту кардинальную черту в самосознании сначала юного, а затем зрелого учёного и человека Зубок находит на всех этапах жизнедеятельности Дмитрия Сергеевича. Это была нравственная опора для молодого исследователя, оказавшегося способным на «десять лет религиозно-философского противостояния большевизму» (с. 103) и сохранившего, тем не менее, горячую любовь к Родине. Даже в годы тяжелейшего испытания сталинской тюрьмой и Соловецким лагерем (1928—1932), подчёркивает автор, Лихачёв «не стал циником и продолжал любить ту Россию, которую любил всегда» (с. 105).

Зубок затрагивает чрезвычайно важную и одновременно трудно изучаемую проблему — «синдром страха», порождённого в годы сталинских репрессий и сохранявшего власть над людьми после ухода вождя. Так, В.Д. Назаров, посвятивший очерк известному советскому историку академику Л.В. Черепнину, пережившему по «Академическому делу» арест и лагеря, отмечал: «Последними его словами, вырвавшимися из подсознания, на грани угасания его могучего разума, были: “За что? Я ни в чём не виноват”. Так реагировал маститый академик на форму милиционера, которого призвали для помощи в переносе носилок со Львом Владимировичем. Заноза, засевшая в 1930 г., выскочила, но ушла и жизнь»[1].

Анализируя свидетельства Лихачёва о его испытаниях лагерной жизнью, Зубок констатирует, что отдельным людям удавалось преодолеть «синдром страха», оказаться вне его влияния. Дмитрий Сергеевич осилил его, чудом избежав смерти, — вместо него по разнарядке расстреляли другого человека. Описывая произошедший в душе Лихачёва переворот, автор приводит слова учёного, который, конечно же, не мог не думать о том расстрелянном человеке: «Я понял следующее: каждый день — подарок Бога. Мне нужно жить насущным днём, быть довольным тем, что я живу ещё лишний день. Поэтому не надо бояться ничего на свете» (с. 132). Этот «духовный переворот избавил Лихачёва от мыслей о смерти», пишет Зубок, и «в таком состоянии он проживёт все годы Большого террора» (с. 133). Здесь автор коснулся настолько тонких и сложных внутренних переживаний своего героя, что любой вывод может показаться дискуссионным. Но нельзя не согласиться с тем, что в жизни Дмитрия Сергеевича был тот рубеж, за которым человек освобождается от внешней силы, подчиняясь только Высшей воле и укрепляясь ею.

В те годы твёрдость религиозных убеждений человека создавала его определённую духовную автономию. Например, историк С.А. Пионтковский (его трудно заподозрить в религиозных чувствах) поделился в дневнике впечатлением от поездки в Луганск в конце декабря 1930 г. Там учёный побывал на антирелигиозной лекции «местного профессора» для большевиков с дореволюционным стажем, пришедших со своими жёнами. Его поразили «луганские аристократки» — «шесть почтенных старух в валенках и кацавейках», которые, «замотанные в платки, сидели как каменные истуканы и только смотрели». Однако это молчание оказалось выразительнее всяких слов: «Разжавши губы, можно сказать такое, что уж лучше и не говорить»[2], — откровенно и честно заключил Пионтковский.

Подобные факты подкрепляют заключение Зубока о духовных истоках позиции Лихачёва, которой он стремился следовать в своей научно-общественной деятельности. В книге убедительно показано, что его воззрения не являлись данью идеологической конъюнктуре, хотя в них были и «пересечения с советской пропагандой», но проистекавшие из взглядов самого учёного. Например, оценивая изданную в 1942 г. в блокадном Ленинграде книгу «Оборона древнерусских городов» (написана Д.С. Лихачёвым в соавторстве с М.А. Тихановым), автор подчёркивает, что позиция Дмитрия Сергеевича выходила за рамки официального советского патриотизма с его социально-политическими доминантами. Для него «патриотизм древних русичей был основан на христианской любви, уважении к предкам и к памяти мёртвых» (с. 192—193).

Уделяя много внимания вопросу о том, как Лихачёв понимал патриотизм, Зубок подкрепляет свои выводы и размышлениями, и фактами деятельности учёного. В частности, он обращается к сюжету, связанному с событиями идеологической кампании по борьбе с космополитизмом, развернувшейся в стране в конце 1940-х гг. Автор рассказывает о выступлении Лихачёва на заседании Учёного совета исторического факультета Ленинградского государственного университета 7 апреля 1948 г., на котором его членам предстояло в соответствующем идеологическому моменту ключе подвергнуть критике недавно изданную книгу Б.А. Романова «Люди и нравы Древней Руси» (Л., 1947). Дмитрию Сергеевичу, пишет автор, было присуще не социально-классовое, а гуманистическое понимание патриотизма. С этой меркой он подошёл к оценке работы Романова, в которой увидел «патриотизм молчаливый», проистекавший из «лирического» отношения историка к Древней Руси (с. 238).

Автор не только фиксирует поддержку Романова Лихачёвым, но обращает внимание на избранный им стиль защиты — использование идеологических клише из арсенала обвиняющей стороны. Зубок полагает, что в выступлении Дмитрий Сергеевич «умело использовал метод “туфты”, которым в совершенстве овладел на Соловках, — он обезоруживал обвинителей, используя их собственный язык, разрушая их сценарий и выставляя их в глупом свете» (с. 237). Не вдаваясь в подробности, насколько повлиял жестокий опыт Соловков на систему аргументации учёного, следует отметить: в обстоятельствах, чреватых осложнениями для него самого, всё-таки он счёл необходимым поддержать своего коллегу.

Это ещё раз возвращает читателя к основополагающей идее книги — самостоятельности научных и общественных убеждений Лихачёва. Этот ключ автор применяет при оценке взглядов своего героя на происхождение «Слова о полку Игореве» (безусловно, являвшееся для исследователя памятником древнерусской литературы), на его отношение к полемике вокруг этого произведения, инициированной А.А. Зиминым (с. 230).

Анализируя проблему взаимоотношений учёного с властью, Зубок констатирует: «Лихачёв избрал тактику выживания — он заговаривал зубы партийным демагогам, избегал роли жертвы, но никогда не пытался быть героем» (с. 239), честно и добросовестно исполнял свой научный долг. Пик общественной деятельности Дмитрия Сергеевича пришёлся на годы перестройки, давшей ему большие возможности для реализации своей гражданской позиции.

При описании встреч Лихачёва с А.Д. Сахаровым, Е.Г. Боннэр и А.И. Солженицыным Зубок показывает, что расхождения между ними были не в плоскости идей, а в методах

их реализации: «Вместо открытого диссидентства Лихачёв использовал свой статус академика, чтобы помогать людям “тихой дипломатией” по закрытым каналам» (с. 318). Реальная работа по сохранению памятников русской культуры представлялась ему важнее участия в «открытых письмах», петициях и проч.

Однако это вызвало, как показал автор, непонимание в диссидентских кругах. Зубок рассказывает о конфликте, который возник между Солженицыным и Лихачёвым в 1973 г. из-за отказа последнего написать под псевдонимом статью в сборник «Из-под глыб». В изданном в эмиграции (Швейцария) в 1974 г. сборнике Александр Исаевич, не называя Лихачёва по имени, дал ему нелестную характеристику, намекнув на его «приспособленчество» (с. 323). Зубок, признавая, что «Лихачёв действительно осторожничал», делает акцент на не менее важном мотиве такого поведения (избранной учёным стратегии) — быть «китайским мандарином при Чингизхане» (с. 323—324). Тем самым автор ещё раз убеждает читателя в правомерности позиции Лихачёва, который стоял в ряду российских деятелей, обладавших непререкаемым нравственным авторитетом. На этом пути, в чём убеждает книга Зубока, Дмитрий Сергеевич, не стремясь стать героем, получил признание коллег-учёных и всего российского общества.

Вместе с тем насыщенность монографии самыми разнообразными фактами из биографии учёного и приведённые в ней свидетельства о его времени дают внимательному читателю обильную пищу для размышлений, вне зависимости от того, принимает он или нет предложенное автором понимание личности Лихачёва. Сложная судьба этого человека, его опыт взаимодействия с научно-общественной средой, сопровождавшийся обретениями и потерями, может служить примером для поколений, определяющих свои жизненные приоритеты уже в XXI в.

И ещё одна, значимая, ремарка. Человек, взявший в руки монографию В.М. Зубока, несомненно, получит эстетическое удовольствие от высокого уровня её оформления и полиграфии. Внешний вид книги (стилизованный под классические образцы изданий рубежа XIX—XX вв., с их красивыми кожаными переплётами), помещённые в ней фотографии создают необходимый фон для раскрытия личности Лихачёва, подчёркивают связь этого выдающегося человека с традициями русской культуры и науки, служению которым была посвящена его жизнь.

Примечания

[1] *Назаров В.Д.* Лев Владимирович Черепнин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. М.; Иерусалим, 2000. С. 302.

[2] Дневник историка С.А. Пионтковского (1927—1934) / Отв. ред. и вступ. статья А.Л. Литвина. Казань, 2009. С. 400—401.

Андрей Мамонов

«Дневник Е.А. Перетца» и его современные публикаторы*

Andrey Mamonov
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

«Dnevnik E.A. Perettsa» and its present-day publishers

DOI: 10.31857/S086956870005453-9

«Дневник» государственного секретаря Е.А. Перетца принадлежит к числу наиболее известных мемуарных памятников, созданных чиновниками пореформенного времени. После публикации его основной части в 1927 г. А.А. Сергеевым[1] к данному тексту обращались буквально все историки, писавшие о политической борьбе в правящих кругах Российской империи на рубеже 1870—1880-х гг., начиная с Ю.В. Готье[2]. Более того, с 1940 г. «дневник» Перетца непременно упоминался даже в учебных пособиях по источниковедению истории России XIX в.[3]

Можно только удивляться тому, что столь хрестоматийное (и сравнительно небольшое) произведение ни разу не перепечатывалось на рубеже XX—XXI вв. в условиях повышенного интереса к мемуаристике. Между тем его переиздание было вполне оправдано: книга 1927 г. за 90 лет, конечно же, не могла не устареть и давно уже стала библиографической редкостью (её электронный вариант, размещённый на сайте РГБ, почему-то открыт для читателей только в библиотечных залах). При этом в целом добротно переданный текст сопровождался в ней довольно скупыми комментариями, отражавшими степень изученности политической истории пореформенного времени в середине 1920-х гг., а также неполным, неровным и местами неточным указателем имён. Кроме того, ещё в 1964 г. П.А. Зайончковский выявил, подробно изложил и проанализировал машинописные «Извлечения из воспоминаний статс-секретаря Перетца, относящихся к 1880—1881 годам», которые включали несколько записей из первой части «дневника» (в рукописи, опубликованной Сергеевым, она отсутствовала)[4].

Таким образом, от второго издания можно было ожидать некоторого расширения и сверки текста, составления комментариев, учитывающих наработки современной историографии, исправления указателя с помощью имеющихся в настоящее время справочников. К сожалению, взявшийся за это дело А.А. Белых фактически ограничился тем, что присоединил «Извлечения» к «дневнику», воспроизведённому не без огрехов по книге 1927 г.

Но так ли уж необходимо было сверять с рукописью никогда не вызывавшую нареканий публикацию такого профессионального археографа, как Сергеев? Ответ на этот вопрос отнюдь не являлся очевидным, но обилие отточий в тексте, наличие в нём явных опечаток и «тёмных» по смыслу фраз заставляли прибегнуть к вполне доступному оригиналу[5]. Внимательный его просмотр убеждает в том, что умышленные пропуски в издании 1927 г. действительно отсутствуют, а ошибок при его подготовке допущено сравнительно немного. Тем не менее счёт их идёт на десятки, а если учесть пропущенные восклицательные

* *Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883) / Сост. и науч. ред. А.А. Белых. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 512 с.

и вопросительные знаки, инициалы, вводные слова, наречия, союзы, предлоги и произвольно изменённые окончания, то можно обнаружить более сотни погрешностей (на 157 страниц книжного текста).

Полностью выпущенным оказалось лишь одно предложение (выделенное далее курсивом) из записи, датированной 4 марта 1881 г.: «От великого князя я поехал прямо к Сольскому. *Он совершенно согласился со мною.* По его мнению, Лорис будет советовать государю оставить великого князя Константина Николаевича на должности председателя Государственного совета»[6]. Не вошло в публикацию и примечание, сделанное Перетцем ко второй записи за 13 января 1882 г.: «По ходатайству Сольского, Старицкий был назначен председателем комиссии, проверявшей эти расчёты» (между казной и подрядчиками после войны 1877—1878 гг.)[7].

Остальные искажения текста не столь велики, но нередко меняют смысл написанного. К примеру, в записи 30 марта 1881 г. говорится: «Абаза рассказал мне про Лориса [sic! Ред.] замечательное обстоятельство, доказывающее всю его подлость»[8]. Но несмотря на поставленное Сергеевым решительное «sic», в рукописи, с которой он работал, чётко читается: «Абаза рассказал мне *при Лорисе...*» и т.д. (здесь и далее курсивом выделяются разночтения. — *А.М.*). И это вполне соответствует тому, что речь идёт затем не о гр. М.Т. Лорис-Меликове, а о кн. А.А. Ливене[9]. Не менее странно звучит и отзыв гр. Н.П. Игнатьева о М.Н. Каткове: «Ну, какой он член Государственного совета? Он — мальчик и больше ничего»[10]. Всё же граф Николай Павлович был младше Михаила Никифоровича более чем на 13 лет... Но в оригинале второе предложение выглядит иначе: «Он *маньяк* и больше ничего!»[11].

В декабре 1880 г. Александр II не мог одобрить предложения министра юстиции Д.Н. Набокова «об очищении состава 2-го департамента Сената и о назначении в этот департамент людей умных и свежих»[12], хотя бы потому, что такого учреждения в то время не существовало (ещё весной 1877 г. его дела были переданы в Межевой департамент[13]). И Перетц, конечно же, писал «об очищении состава 1-го департамента»[14]. Сергеев допустил описку, но как её мог повторить (с. 119), не комментируя, «научный редактор» в 2018 г.?!

По словам Перетца, кн. А.Ф. Орлов в конце 1850-х гг. «отстаивал исторические заслуги дворянства»[15], но у публикаторов князь их «отстаивал *категорически*» (с. 137)[16]. «Общую цифру ежегодного понижения выкупных платежей»[17] публикаторы превращают в «общую цифру *среднего* понижения выкупных платежей» (с. 217)[18], «ход выкупной операции»[19] — в «ход выкупных операций» (с. 189)[20], «следующие с них платежи»[21] — в «*следуемые* с них платежи» (с. 201)[22], «побуждение нашего духовенства»[23] — в «*пробуждение* нашего духовенства» (с. 197)[24], «свои отзывы»[25] — в «свои *выводы*» (с. 332)[26], «неожиданности»[27] — в «надобности» (с. 232)[28], «взятые иногда»[29] — во «взятые тогда» (с. 170)[30], «непременно»[31] — в «немедленно» (с. 210)[32] и даже «тем не менее»[33] — «в то же время» (с. 188)[34]. Получение крестьянами «паспортов для отлучки» после отмены подушной подати и круговой поруки, по мнению Перетца, могло быть всё же только «облегчено»[35], а не вовсе «отменено» (с. 311)[36]. П.С. Ванновского в начале 1882 г. беспокоила возможность столкновений не «с Германией и Австрией» (с. 300)[37], а «с Германией *или* Австрией»[38].

В ряде случаев фразы из-за неточного прочтения приобретают нелепый или комический вид. Так, в марте 1881 г. в Петербурге «к погребению было много иностранных принцев» (с. 174)»[39] вместо «к погребению *прибыло* много иностранных принцев»[40]; 20 мая 1881 г. Перетц и гр. Игнатьев входят в импера-

торский кабинет не «одновременно»[41], как в рукописи, а «единовременно» (с. 216)[42]; вел. кн. Ольга Фёдоровна не «называет Дондукова Игнатьевым II»[43], а «*считает* Дондукова Игнатьевым вторым» (с. 321)[44]; гр. Д.А. Толстого «обвиняют прежде всего в страстности и в упрямстве, высказанным им (в оригинале — "*выказанных* им"[45]. — *А.М.*) при введении у нас системы классического образования» (с. 318)[46]; гр. Лорис-Меликова после 8 марта 1881 г. «многие винят в том, что он побудил государя *в назначении* заседания до погребения тела покойного императора» (с. 169)[47], а не «к назначению заседания», как сказано в публикуемом тексте[48].

Некоторые из подобных оборотов, возникших из-за неверного понимания рукописи, по-видимому, ещё в 1927 г. смущали редактора. Об этом, в частности, свидетельствуют сделанные им пометки (выброшенные в издании Белых): «Едва ли следует уступать Игнатьеву, потому собственно, что выражения [sic. Ред.] его — чистая придирка, не имеющая смысла»[49]. И это тем более странно, поскольку в архивной тетради всё согласовано верно: «выражения его — чистые придирки, не имеющие смысла»[50]. Причём тут же Перетц отмечает, что «сам же Игнатьев будет обвинять нас в *своеволии*»[51], а в книге напечатано: «обвинять нас *в своё время*» (с. 289)[52]. В предложении «Рембелинский, действительно, прекрасный человек, отличный работник и формы у него очень приятные» слово «формы» почему-то заменено отточием (с. 341)[53]. Встречаются ошибки и в датировке записей: вместо 8 декабря в изданиях 1927 и 2018 гг. указано 3 декабря (1881 г.), вместо 14 января — 15 января (1882 г.) (с. 274, 284)[54].

Но, разумеется, чаще всего из-за искажений теряется (или, наоборот, возникает) тот или иной оттенок, который может оказаться существенным для интерпретации мысли автора дневника. К примеру, у Перетца — «окрестили в журналистике»[55], у Сергеева и Белых — «окрестила *вся* журналистика» (с. 117)[56], «займёмся докладами»[57] — «займитесь докладами» (с. 140)[58], «различных проектов»[59] — «отдельных проектов» (с. 146)[60], «министерств финансов и внутренних дел»[61] — «министра финансов и внутренних дел» (с. 158)[62], «нужно рассматривать»[63] — «нужно рассмотреть» (с. 162)[64], «находящийся с Тимашевым в очень хороших, даже почти дружеских отношениях»[65] — «*находившийся* с Тимашевым...» и т.д. (с. 170)[66], «он почти неизвестен»[67] — «он *тоже* неизвестен» (с. 340)[68]. Пропуски не менее выразительны (отсутствующие в публикациях слова выделены курсивом): «беда *его* только в том»; «не могу *ещё* сообразить»; «в том числе *прежде всего* на Тимашеве»; «великий князь сказал, что *охотно бы принял подобное положение, так как думает, что* мог бы быть полезен учёному миру»; «императрица же за столом улыбалась *многозначительно*»; «дать *штатное* место»[69].

Белых почему-то сохраняет даже те оплошности издания 1927 г., которые можно было устранить и не заглядывая в архивное дело. Едва ли не единственное исключение — правильное написание фамилии генерал-лейтенанта Н.Д. Селиверстова, при первой публикации превратившегося в «Селивестрова» (с. 96)[70]. Но, к примеру, генерал-лейтенант О.Б. Рихтер оставлен с инициалами «О.Г.» (с. 303)[71], хотя в именном указателе — и у Белых, и у Сергеева, — его имя и отчество приведены верно (с. 502)[72].

Ещё хуже то, что, повторяя все перечисленные (и многие другие) опечатки и искажения текста, допущенные его предшественником, Белых добавляет к ним новые. В подготовленной им книге из-за какого-то технического сбоя слились под одной датой записи за 18 и 20 декабря 1880 г. (с. 118—119), 27—28 апреля 1881 г. (с. 200—202) и 19—20 марта 1882 г. (с. 301—303). Тем самым

второе издание передаёт текст Перетца в чём-то даже хуже, чем первое.

Кстати, Сергеев в ряде случаев вполне оправданно (но, к сожалению, без оговорок) исправлял «немногочисленные орфографические ошибки и описки» (с. 479)[73]. Так, в рукописи встречается фраза «не было *не* сказано ни слова»[74]. Кроме того, в ней говорится о «деловых обвинениях»[75], заменённых публикатором по смыслу на «деловые объяснения»[76]. Кн. А.А. Суворов, «будучи генерал-губернатором Прибалтийского края», являлся якобы «слепым орудием *баранов*»[77]. Сергеев, конечно же, восстановил подразумевавшихся тут «баронов»[78]. В конце 1882 г. Э.В. Фриш отвечал вел. кн. Михаилу Николаевичу: «Если государю императору и Вашему величеству угодно моё назначение...»[79]. В книге, разумеется, вместо «величеству» напечатано подобающее — «высочеству»[80]. Впрочем, в другой раз, меняя, уже без всяких оснований, «высочество» (в рукописи) на «величество», публикатор, по сути, путает великого князя с императором[81].

Невольно возникает вопрос: как мог Перетц допустить подобные оговорки в титуловании? Гипотетически, естественно, представить можно всякое. Но ведь сверка с оригиналом важна не только для выявления и устранения разночтений. Сопоставление же рукописи «дневника» 1880—1883 гг. с письмами Перетца за те же годы[82] без всякой графологической экспертизы не оставляет ни малейшего сомнения в том, что опубликованная (и детально описанная) Сергеевым «тетрадь в четвёртку, в переплёте из красного сафьяна, с золотым тиснением и обрезом» (с. 479)[83], хранящаяся в ГА РФ, представляет собой не автограф Егора Абрамовича, как по умолчанию считалось, а список, сделанный другим человеком, не всегда хорошо разбиравшим мелкий и убористый почерк государственного секретаря. Этим, вероятно, объясняется и путаница в написании инициалов и фамилий в рукописи. Более того, судя по изменению графики на 286 листах текста и нередко встречающемуся дублированию слов, скорее всего, над списком работал не профессиональный переписчик. А отсутствие в тетради каких-либо исправлений и пометок, сделанных рукой Перетца, наводит на мысль о том, что он мог и не догадываться о существовании данной копии своего «дневника». Кем и когда она была подготовлена — неизвестно.

Сравнивая записи в данной тетради с машинописными (и так же неавторизованными) «Извлечениями»[84], можно констатировать, что они восходят к общему протографу. Во всяком случае, «Извлечения» делались не из того списка, который был опубликован Сергеевым (на это указывают расхождения в датировке двух совпадающих фрагментов текста и различия в передаче отдельных фраз). Сохранился ли и где находится этот протограф, являлся ли он автографом или ещё одним списком — загадка.

Поэтому вызывает недоумение то, что в издании 2018 г. «Извлечения из воспоминаний» механически скрещиваются с публикацией Сергеева. В результате, дважды один и тот же текст без каких-либо пояснений воспроизводится повторно под разными датами — 17 и 21 октября 1880 г., а также 31 декабря 1880 г. и 5 января 1881 г. (с. 104—107, 121, 125). Подобный «археографический приём» научного редактора книги способен только запутать читателей и осложнить работу будущих исследователей.

В предисловии, написанном совместно А.А. Белых и В.А. Мау, утверждается, что текст, вошедший в «Извлечения», «и по содержанию, и по стилю... ничем не отличается от ранее опубликованного дневника». Соавторам «очевидно, что это — часть дневника, а не воспоминания» (с. 52). Между тем характер записей, оставленных Перетцем (и дошедших до нас только

в копиях), гораздо сложнее, чем может показаться при поверхностном чтении. Сам Егор Абрамович подробно рассказал о том, как работал над описанием заседания Совета министров 8 марта 1881 г. (безусловно, самого известного фрагмента его «дневника»): «Возвратясь домой, я немедленно начертил себе план стола, означив имена сидевших и порядок, в котором говорились речи. Затем против каждого имени я тут же набросал сущность сказанного и отметил даже наиболее рельефные выражения. После обеда, несмотря на усталость, я тотчас же принялся за подробное изложение (на особых листах) всего бывшего в заседании и не отрывался от этого дела до поздней ночи. Однако мне не удалось окончить всё за один раз. Я употребил на это дело ещё целых два вечера. В эту книжку я внёс составленное таким образом изложение, по обычаю своему, летом. В заседании я следил за всем с таким напряжённым вниманием, что у меня осталось в памяти едва ли не каждое слово. Льщу себя надеждою, что изображение моё почти фотографически верно» (с. 168).

Таким образом, свой окончательный вид записи приобретали летом, когда не было заседаний Государственного совета, и государственный секретарь проживал в имении или в Гапсале, пользуясь досугом «для отдыха и для чтения, на которое зимою почти нет времени», и возвращаясь в Петербург в конце сентября (с. 77, 226, 232, 319). Возможно, не случайно список «дневника» открывает запись за 28 сентября 1880 г.[85] По этому поводу ещё С.С. Дмитриев отмечал (в учебнике!): «Понятно, что его дневник за 1880—1883 гг. является итогом значительной редакционно-стилистической обработки первоначальных записей»[86]. Иными словами, это именно воспоминания в форме дневника, и составители «Извлечений» хорошо представляли, с чем имели дело.

Другой особенностью мемуарного творчества Перетца являлось активное использование составленных им ранее документов Государственной канцелярии и включение их в текст «дневника» целиком (с. 331—333) или в слегка обработанном виде. Достаточно сравнить его рассказ о посещении больного кн. С.Н. Урусова 24 ноября 1881 г. (с. 271—274) с докладной запиской об этом визите, направленной Перетцем председателю Государственного совета вел. кн. Михаилу Николаевичу[87]. Другой пример — подготовленное Перетцем по распоряжению вел. кн. Константина Николаевича описание присяги членов Государственного совета 2 марта 1881 г. и схожее освещение этого события в «дневнике» (с. 133—135, 377—379). Помещались в «книжку» и тексты других лиц — Александра III, вел. кн. Константина Николаевича, А.В. Головнина (с. 59—63, 235—240, 244—246, 333—334, 347—348).

Тем самым рукопись приобретала достаточно эклектичный характер. По-видимому, сознавая это, сам Перетц называл её не дневником, а «Заметками». Некоторое представление о них даёт юбилейное издание, выпущенное к столетию Государственной канцелярии. У его составителей, судя по цитатам и беглому пересказу различных фрагментов, имелся полный текст «Заметок» Перетца. В них содержались пространные воспоминания Егора Абрамовича о его переходе на службу в Государственную канцелярию, о назначении статс-секретарём Александра II, о Д.М. Сольском, а также — об известном по «Извлечениям» обсуждении проектов привлечения выборных от земства к деятельности Государственного совета в январе 1880 г. Поскольку протокол на этих совещаниях не вели, получить о них сравнительно точное представление можно было лишь из «Заметок»[88].

Если учесть, что список «дневника», опубликованный Сергеевым, завершается записями января 1883 г. об увольнении Перетца с поста государственного секретаря и назначении его

членом Государственного совета (тогда как в тетради оставалось ещё более полусотни чистых листов, впоследствии в основном вырванных[89]), то вполне логичным кажется предположение, согласно которому «Заметки» начинались именно с того момента, когда Перетц сменил Сольского во главе Государственной канцелярии летом 1878 г. Впрочем, проверить эту гипотезу в настоящее время не представляется возможным.

Вероятно, именно из Государственной канцелярии, где в начале XX в. оказались «Заметки» Перетца (скончавшегося 19 февраля 1899 г.), стали распространяться их списки и машинописные копии. Это объясняет и отсутствие авторизованных экземпляров. А поскольку нет и автографа (не говоря уже о черновых «отдельных листах»), вопрос об аутентичности и достоверности дошедших до нас записей представляется отнюдь не праздным. Существование «Заметок» Перетца бесспорно (в 1900-е гг. в Государственной канцелярии его ещё хорошо помнили, и появление там фальсификата исключено). Но в какой мере переписчики и публикаторы верно передавали их текст?

Характерно, что опубликованный в 1906 г. без имени автора сокращённый и переработанный (но всё же узнаваемый!) рассказ Перетца о «заседании Государственного совета (sic. — *А.М.*) 8 марта 1881 года»[90] производил впечатление неправдоподобного. «Прилагаемая при сём записка, — писал о машинописной копии данной публикации Д.А. Милютин 1 февраля 1908 г., — присланная мне по почте, неизвестно кем, заключает в себе подробный рассказ о замечательном заседании Совета министров, происходившем в Зимнем дворце, под председательством самого государя, 8 марта 1881 года, ровно неделю спустя после трагической кончины царя-освободителя. На первый взгляд рассказ этот может показаться весьма обстоятельным; в нём приводятся даже дословно самые речи присутствовавших лиц — сторонников и противников поставленного будто бы вопроса о переходе государственного строя России к представительному образу правления. Такое обстоятельное изложение верного исторического факта может соблазнить будущих историков; а потому ставлю себе в обязанность предостеречь их от излишнего доверия к свидетельству, несогласному с действительностью. Автор рассказа, очевидно, не принадлежит к числу участников в совещании, а пишет понаслышке, на основании догадок и предположений публики. К нему можно вполне приложить поговорку: слышал звон, не ведая, откуда он. В рассказе верно лишь распределение участвовавших в совещании лиц на две противуположенные стороны: на сторонников и противников комиссии Лорис-Меликова. Одни высказывались за пользу и даже необходимость предположенных законодательных работ, как продолжения и завершения предпринятых усопшим государем реформ; другие — пугали воображаемыми от тех же предположений опасностями для основ русского государственного строя; но прямо о представительном правлении, о конституции не было произнесено ни слова. Для желающих найти более достоверную справку о совещании 8 марта 1881 года могу сослаться на мой краткий, но достоверный “Дневник”»[91].

Мнение Милютина, конечно, не стоит абсолютизировать: ему шёл уже 92-й год, а от знаменитого заседания его отделяло почти 27 лет. Однако полностью игнорировать этот отзыв нельзя. Во всяком случае, такой непростой по своему характеру источник, как «Заметки» Перетца, нуждается в тщательном изучении и подробном комментировании. Можно лишь сожалеть о том, что в издании 2018 г. научный комментарий к «дневнику» практически отсутствует: к 23 комментариям Сергеева (частично устаревшим) добавлено всего 12 (!), причём

в основном они носят пояснительный характер (штунда, французские Генеральные штаты, «процесс 193-х» и т.п.) и не содержат ссылок на современные исследования. Как ни странно, Белых написал больше примечаний к разнообразным приложениям (с. 485—487), чем собственно к «дневнику». В качестве приложений помещены документы, имеющие непосредственное отношение к сюжетам, описанным Перетцем, но в основном хорошо известные (записки П.А. Валуева 1863 г., выдержки из его дневника и дневников Милютина, всеподданнейший доклад гр. Лорис-Меликова 6 марта 1881 г., фрагмент воспоминаний А.Ф. Кони и т.п.). Наиболее любопытно из них описание Перетцем присяги 2 марта 1881 г. (с. 377—379). При этом приложения занимают почти четверть книги (с. 350—478). Именной указатель практически заимствован из издания 1927 г., включая опечатки (так, смерть гр. М.А. Корфа отнесена в нём не к 1876, а к 1872 г.). Даже годы жизни многих упоминаемых в нём деятелей не указаны. Но то, что выглядело вполне извинительным в 1927 г., в 2018 г. смотрится совсем иначе.

В предисловии Белых и Мау, названном «Что произошло в России 8 марта 1881 года», утверждается, будто о состоявшемся тогда совещании «известно только узкому кругу специалистов». А Перетц, по словам соавторов, — «непосредственный участник как самого заседания, так и всех предшествовавших и последовавших за ним событий» (с. 7). Подобные формулировки не могут не вызвать недоумения, как и беглый рассказ о цареубийстве 1 марта 1881 г. и судьбе предложений гр. Лорис-Меликова «по реформированию законодательных органов» (биографические справки о Перетце, Сергееве и А.Е. Преснякове, написавшем предисловие к изданию «дневника» в 1927 г., удались несколько лучше). Соавторы убеждены, что во внутренней политике самодержавия после гибели Александра II «поворот состоялся достаточно быстро — всё было решено уже 8 марта» (с. 39). Правда, «не все участники этого расширенного заседания Совета министров поняли, что произошло» (с. 36). Среди них — и Перетц, и вел. кн. Константин Николаевич. Не совсем ясно только: кто же всё «понял»? Ведь сами соавторы пишут, что лишь 29 апреля 1881 г. «позиция нового императора полностью разъяснилась» и «начался период новой политики» (с. 37). Они признают, что в марте Александр III ещё поддерживал гр. Лорис-Меликова и одобрял его доклады, но, по их мнению, «безусловно, это была сознательная хитрость с его стороны — он просто хотел успокоить министра» (с. 32). Решительность суждений в данном случае явно облегчается слабым знакомством с историографией вопроса. К примеру, вышедшие недавно исследования В.Е. Воронина и А.Ю. Полунова в предисловии даже не упоминаются[92].

Но при всём несовершенстве подготовленного А.А. Белых издания оно, благодаря яркости и насыщенности «дневника», несомненно, найдёт читателей, которым, возможно, ещё 100 лет придётся пользоваться невыверенным текстом с хилым научно-справочным аппаратом. И это при том, что в настоящее время выходят издания, которые могут служить образцом публикации мемуарных памятников[93].

Примечания

[1] Дневник Е.А. Перетца (1880—1883). М.; Л., 1927.

[2] *Готье Ю.В.* Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. Т. 2. М., 1938.

[3] *Никитин С.А.* Источниковедение истории СССР. XIX в. (до начала 90-х годов). Курс источниковедения истории СССР. Т. 2. М., 1940. С. 123—124; *Захарова Л.Г.* Мемуары, дневники, частная переписка второй половины XIX в. // Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. / Под ред. И.А. Федосова, И.И. Аста-

фьева, И.Д. Ковальченко. М., 1970. С. 373; *Дмитриев С.С.* Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1981. С. 352.

[4] *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия в России на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964. С. 33—34, 137—145.

[5] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118.

[6] Там же, л. 50; Дневник Е.А. Перетца. С. 29.

[7] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 213; Дневник Е.А. Перетца. С. 116—117.

[8] Дневник Е.А. Перетца. С. 57.

[9] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 106—107.

[10] Дневник Е.А. Перетца. С. 122.

[11] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 224.

[12] Дневник Е.А. Перетца. С. 16.

[13] Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 гг. / Отв. сост. Д.И. Раскин. Т. 1. СПб., 1998. С. 95—96. Второй (крестьянский) департамент Сената создан только в 1884 г. (Там же. С. 111).

[14] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 26.

[15] Там же, л. 47.

[16] Дневник Е.А. Перетца. С. 27.

[17] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 142.

[18] Дневник Е.А. Перетца. С. 77.

[19] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 110.

[20] Дневник Е.А. Перетца. С. 59.

[21] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 123.

[22] Дневник Е.А. Перетца. С. 66.

[23] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 119.

[24] Дневник Е.А. Перетца. С. 64.

[25] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 269.

[26] Дневник Е.А. Перетца. С. 147.

[27] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 158.

[28] Дневник Е.А. Перетца. С. 85.

[29] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 88.

[30] Дневник Е.А. Перетца. С. 48.

[31] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 133.

[32] Дневник Е.А. Перетца. С. 72.

[33] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 108.

[34] Дневник Е.А. Перетца. С. 58.

[35] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 246.

[36] Дневник Е.А. Перетца. С. 134.

[37] Там же. С. 127.

[38] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 233.

[39] Дневник Е.А. Перетца. С. 50.

[40] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 92.

[41] Там же, л. 139.

[42] Дневник Е.А. Перетца. С. 75.

[43] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 256—257.

[44] Дневник Е.А. Перетца. С. 140.

[45] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 253.

[46] Дневник Е.А. Перетца. С. 138.

[47] Там же. С. 47.

[48] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 86.

[49] Дневник Е.А. Перетца. С. 120.

[50] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 219.

[51] Там же.

[52] Дневник Е.А. Перетца. С. 120.

[53] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 278; Дневник Е.А. Перетца. С. 152.

[54] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 204, 214; Дневник Е.А. Перетца. С. 111, 117.

[55] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 23—24.

[56] Дневник Е.А. Перетца. С. 14.

[57] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 51.

[58] Дневник Е.А. Перетца. С. 29.

[59] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 57.

[60] Дневник Е.А. Перетца. С. 33.

[61] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 74.

[62] Дневник Е.А. Перетца. С. 40.

[63] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 78.

[64] Дневник Е.А. Перетца. С. 43.

[65] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 87.

[66] Дневник Е.А. Перетца. С. 47.

[67] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 277.

[68] Дневник Е.А. Перетца. С. 152.

[69] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 27, 64, 88, 172, 253, 256; Дневник Е.А. Перетца. С. 16, 36, 48, 92, 138—139.

[70] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 2; Дневник Е.А. Перетца. С. 2.

[71] Дневник Е.А. Перетца. С. 129.

[72] Там же. С. 169.

[73] Там же. С. 158.

[74] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 251.

[75] Там же, л. 217.

[76] Дневник Е.А. Перетца. С. 119.

[77] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 229.

[78] Дневник Е.А. Перетца. С. 125.

[79] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 275.

[80] Дневник Е.А. Перетца. С. 151.

[81] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118, л. 261; Дневник Е.А. Перетца. С. 139.

[82] См., в частности: ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 529, л. 1—3; д. 820, л. 1—28.

[83] Дневник Е.А. Перетца. С. 158.

[84] ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 134.

[85] Дневник Е.А. Перетца. С. 1.

[86] *Дмитриев С.С.* Воспоминания, дневники, частная переписка. С. 352.

[87] Государственная канцелярия. 1810—1910. СПб., 1910. С. 329—332.

[88] Там же. С. 267—268, 271—273, 302—305, 312—314.

[89] ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1118.

[90] Былое. 1906. № 1. С. 189—194.

[91] ОР РГБ, ф. 169, к. 82, д. 19, л. 1—2. Копию публикации «Былого» см.: там же, л. 4—6.

[92] *Воронин В.Е.* Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х — середина 80-х гг. XIX в.). М., 2010; *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010; *Полунов А.Ю.* Победоносцев: русский Торквемада. М., 2017.

[93] См., например: *Никольский Б.В.* Дневник. 1896—1918 / Изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. Т. 1—2. СПб., 2015.

Юрий Степанович Кукушкин
(1929—2019)

Ещё совсем недавно мы готовились 3 апреля отмечать 90-летие Юрия Степановича Кукушкина, чествовать человека, который почти четверть века возглавлял исторический факультет Московского университета. Но этого не случилось — он ушёл из жизни 16 марта. И все те добрые и проникновенные слова, которые мы собирались сказать нашему бывшему декану и академику в этот знаменательный юбилей, пришлось произносить совсем с другим оттенком — с чувством глубокой скорби по поводу постигшей нас утраты, и уже не ему, а друг другу, делясь своими воспоминаниями об этом удивительном человеке, администраторе и учёном.

Безусловно, Юрий Степанович — яркий и самобытный исследователь, талантливый педагог. Он представитель блестящей плеяды университетских профессоров. Но для нас, сотрудников исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, он прежде всего наш декан, наш руководитель, к которому мы всегда шли с любыми проблемами и ни на мгновение не сомневались в том, что он выслушает, поможет, посоветует или, в крайнем случае, если решить какой-то вопрос было не в его силах, просто по-человечески посочувствует и поддержит.

Он возглавил факультет в 42 года и оставил пост декана в 66 лет, посвятив зенит своей жизни служению истфаковцам. А ими для него были, конечно, не только преподаватели, но и научные сотрудники, и вспомогательный персонал, и, разумеется, студенты с аспирантами, и даже в каком-то смысле абитуриенты, едва переступившие порог университета и стремившиеся здесь учиться. Неудивительно, что Юрий Степанович всегда лично вникал во все детали и нюансы приёмной кампании, и мы были абсолютно уверены как в сохранении высокой планки требований к поступающим, так и в добром и сочувственном отношении к тем, кого постигнет неудача. И, памятуя о проявленном к ним внимании, те, кто не выдерживал испытаний, не теряли надежды и зачастую успешно сдавали экзамен в следующем году.

Юрий Степанович обладал поразительной памятью — он не забывал сотни студенческих лиц, с которыми впервые сталкивался в их бытность абитуриентами, искренне интересовался у коллег их учёбой и дальнейшей судьбой. К некоторым присматривался особенно внимательно, когда жизненный опыт и интуиция подсказывали ему, что тот или иной студент или аспирант может влиться в корпорацию факультетских преподавателей. Причём у Юрия Степановича не было какого-то застывшего стереотипа, определявшего подбор сотрудников. Он брал на работу и тех, кто ещё только заявлял о себе как о начинающем учёном после защиты кандидатской диссертации, у кого запись об устройстве на факультет становилась первой в трудовой книжке, и тех, кто уже успел где-то поработать после окончания факультета, сложился как самостоятельный и оригинальный исследователь или педагог. Он любил наблюдать и за тем, как его молодые избранники постепенно оттачивали своё научное и преподавательское мастерство, и за тем, как состоявшийся профессионал врастал в коллектив,

обогащая его своими наработками и вместе с тем продолжая учиться у коллег и проникаться духом и традициями *alma mater*.

Оставив должность декана, Юрий Степанович продолжал служить факультету и как заведующий кафедрой истории России XX—XXI вв., и как председатель диссертационных советов — сначала по защите докторских диссертаций всех факультетских специальностей, а затем докторских и кандидатских по отечественной истории, историографии, источниковедению и методам исторического исследования. Многие именно благодаря его принципиальности, справедливости, честности и стойкости смогли дойти до защиты и обрести учёную степень, которая подводила итог их многолетним изысканиям.

За время председательства Юрия Степановича в диссертационном совете по отечественной истории, с 2007 по 2014 г., состоялось около сотни кандидатских и несколько докторских защит. Это было время поиска новых тем, проблем, подходов и методологий. Руководитель совета открыто шёл навстречу всему новому, искренне радовался выявлению прежде недоступных или неизвестных источников, с энтузиазмом воспринимал нетривиальные концепции и трактовки — конечно, при условии их академической безупречности. Возглавляя диссертационные советы, Юрий Степанович всегда предельно внимательно относился к высказывавшимся в процессе защит мнениям, доверял суждениям и оценкам членов этих экспертных сообществ. В результате принятые решения, подчас непростые, всегда воспринимались как консолидированная позиция уверенного большинства.

Юрий Степанович был блестящим исследователем. Свои первые шаги в науке он сделал под руководством Петра Андреевича Зайончковского, навсегда сохранив интерес к истории государственности и государственных учреждений, привитый ему первым университетским учителем. Впоследствии Юрий Степанович писал о местных советах, опиравшихся на давнюю традицию самоуправления, и конституционном строительстве после 1917 г. В его первой монографии «Роль сельских Советов в социалистическом переустройстве деревни 1929—1932 гг. (По материалам РСФСР)» (М., 1962) раскрывался феномен русской власти, пережившей период революционных потрясений. Юрий Степанович всегда чтил память Петра Андреевича и деятельно участвовал в юбилейных торжествах по случаю 90-летия и 100-летия со дня его рождения.

Ю.С. Кукушкин положил много сил и терпения на взращивание собственной научной школы. К ней принадлежат десятки его учеников, добившихся признания и занимающих крупные научные, педагогические и административные посты. Вместе с тем он никогда не отделял её от общей научной школы исторического факультета. Именно при нём получили мощный импульс в своём развитии такие направления нашей университетской науки, как американистика, византиноведение, изучение внешней политики, социально-экономической истории России и т.д. Это явилось результатом его целенаправленной работы по отбору кадров и созданию на факультете таких условий, при которых преподавательская нагрузка и выполнение общественных обязанностей не превращались в фатально непреодолимые препятствия для исследовательской деятельности. Для него наука ассоциировалась с конкретными людьми, которые ею занимаются, её продвигают и развивают. Сам же он оставался прежде всего высокопрофессиональным администратором, тонким и прозорливым руководителем, умевшим принимать единственно верные решения и придерживаться «золотой середины». И это вовсе не умаляет его заслуг как учёного или педа-

гога — одно дополняло и совершенствовало другое, и в результате на протяжении многих лет мы имели своим начальником выдающегося профессионала и глубоко порядочного, честного и принципиального человека.

О личностных качествах Юрия Степановича следует сказать особо. Он всегда безошибочно ощущал несправедливость, фальшь и формализм, искореняя их проявления в нашем коллективе. Прекрасно разбираясь в людях и видя их насквозь, сам он оставался предельно внимательным и скромным. Свойственная ему внешняя сдержанность, вводившая некоторых в заблуждение, не была следствием отстранённости или равнодушия. Его удивительная интеллигентность прекрасно гармонировала с простотой в общении, с естественной, а не наигранной открытостью и расположенностью к собеседнику. В его присутствии невольно хотелось выглядеть более строгим и подтянутым. Юрий Степанович ценил своё академическое звание, но пользовался им не для удовлетворения каких-то личных амбиций, а для осуществления полномасштабного сотрудничества между университетом и академией, регулярно «поставляя» в её институты молодое пополнение и тем самым содействуя их развитию.

В манерах Юрия Степановича ощущалось нечто аристократическое. У А.С. Пушкина в его небольшой зарисовке о «воображаемом разговоре с Александром I» есть замечательная характеристика генерала И.Н. Инзова, под началом которого поэт находился во время своей южной ссылки: «Он доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные, не боится насмешек, потому что выше их, и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что он со всеми вежлив, не опрометчив, не верит вражеским пасквилям». Эти слова великого поэта как нельзя лучше подходят и для характеристики Юрия Степановича Кукушкина.

Светлая ему память! Нам — горечь утраты.

Г.Р. Наумова

Уважаемые читатели!

Редакция журнала предполагает каждые полгода издавать на английском языке сборник статей, опубликованных в предшествовавшее полугодие и отобранных после опроса членов редакционного совета и иностранных членов редколлегии.

Из публикаций 2018 г. (№ 3—6) наибольший интерес у рецензентов вызвала рубрика «Мнение историка». Это статьи С.В. Мироненко «Россия на пути модернизации» (№ 3), В.В. Кондрашина «Влияние коллективизации на судьбы России в XX в.» (№ 4), В.П. Булдакова «Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы “юбилейного года”» (№ 6).

Практически все отметили актуальность исследования О.В. Хлевнюка «Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны» (№ 4). Вызвали значительный интерес статьи Н.М. Рогожина «Посольские книги XVI—XVII вв. (состав и содержание, историография и публикации)», А.А. Орлова «Британское влияние на идеи модернизации России в первой четверти XIX в.» (№ 3), Н.И. Никитина «Взаимоотношения вольного казачества и Российского государства в XVI — начале XVIII в.: историографические подходы и исторические реалии», А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко «Политика памяти и историческая наука»; В.В. Комиссарова «Главлит и научно-популярная публицистика в СССР во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг.» (№ 5), а также Ю.Н. Гусевой и Ж.А. Бегасиловой «Дело о “панисламистской повстанческой организации” в Средней Азии 1940 г.» (этот материал появился ещё в № 2, но запомнился читателям).

В оценках рецензентов ясно проявились их научные интересы. Перечислю отмеченные ими работы: К.А. Кочегаров «Посольство Артамона Матвеева к гетману Богдану Хмельницкому в 1657 г.», Г.М. Казаков «Поездка подьячего Никиты Алексеева в Швецию и Данию в 1682 г.», Н.З. Мосаки «Политика России в отношении курдских племён на границе с Османской империей во время Крымской войны» (№ 3), А.А. Иванов «Несостоявшиеся дуэли П.Н. Милюкова», А.А. Щелкунов «Тотальный следственный подлог как инструмент Большого террора», А.И. Пожаров «Секретное положение о КГБ при Совете министров СССР 1959 г.: попытка создания правовой основы деятельности спецслужб» (№ 4), Б.В. Базаров, А.Д. Гомбожапов, Е.В. Нолев «Форпосты Российского государства на монгольском приграничье: от сибирских острогов до границы с империей Цин», Л.В. Бибикова «С.Г. Сватиков и происхождение “Протоколов сионских мудрецов”», А.Ю. Ватлин «Последние дни Германской империи в донесениях советского полпреда Адольфа Иоффе (октябрь 1918 г.)», А.В. Хорошева «Деятельность Красного спортивного Интернационала в 1933—1937 гг.» (№ 5), Л.В. Мельникова «Православный фактор русской политики на Балканах в конце 1850-х — 1870-х гг.», А.С. Медяков «“Грязный злой русский”. Образ России на немецких открытках Первой мировой войны», А.В. Голубев «Советская политическая карикатура 1920—1930-х гг.» (№ 6).

При подготовке англоязычного издания редколлегия будет руководствоваться данными рекомендациями.

Благодарю членов редакционного совета и редакционной коллегии, приславших свои отзывы: А.Н. Артизова, В.Ю. Афиани, Т.М. Горяеву, В. Дённингхауза, М. Дэвид-Фокса, М. Крамера, В.С. Христофорова.

Главный редактор
Р.Г. Пихоя

Наши авторы

Араловец Наталья Аркадьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Артамонов Владимир Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Болдовский Кирилл Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Будницкий Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук, директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и её последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Булдаков Владимир Прохорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Гайда Фёдор Александрович, доктор исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, приглашённый профессор-консультант Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград)

Голдин Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск)

Дашинамжилов Одон Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

Исупов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории Сибирского отделения РАН; профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета

Жиромская Валентина Борисовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра истории территории и населения России Института российской истории РАН

Копелев Дмитрий Николаевич, доктор исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Корнилов Геннадий Егорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором экономической истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Кринко Евгений Федорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону)

Ломагин Никита Андреевич, доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Лыгденова Виктория Васильевна, кандидат философских наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Маринин Оганес Викторович, кандидат исторических наук, доцент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Максудов Сергей, профессор, сотрудник Центра русско-евразийских исследований им. Дэвиса при Гарвардском университете (США)

Махалова Ирина Андреевна, стажёр-исследователь Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и её последствий, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Наумов Олег Николаевич, доктор исторических наук, профессор Московского государственного областного университета

Наумова Галина Романовна, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Петров Иван Васильевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры Новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Попов Василий Петрович, доктор исторических наук, профессор Московского педагогического государственного университета

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Ракачёв Вадим Николаевич, доктор исторических наук, доцент Кубанского государственного университета (Краснодар)

Самуэльсон Леннарт, профессор Стокгольмского института переходной экономики Стокгольмской школы экономики (Швеция)

Сидорова Любовь Алексеевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Скрыдлов Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Смирнов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом революций и общественного движения России Санкт-Петербургского института истории РАН

Твердюкова Елена Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Ульянова Галина Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Ходяков Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

Диалог о книге

Обзоры и рецензии

Pro memoria

CONTENTS

The historian's opinion

Peoples and spaces

Fleet of the Russian Empire

Institutes and communities

Church and war

Professional community

Discussing recent books

Reviews

Pro memoria

РЕДАКЦИЯ

Добычина Е.В., к.и.н.
Круглов В.Н., к.и.н. — Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В., к.и.н. — Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н. — Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В. — Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н. — Литературный редактор
Мац А.Г. — Младший редактор